

The image is a book cover for 'The Lord of the Rings: The Rings of Power'. It features a dark, moody background. In the upper left, Galadriel is shown in a white gown with a dark cape, holding a glowing object. In the foreground, Aragorn is shown from the chest up, looking intensely at the viewer. The title is written in a stylized, gothic font at the bottom.

Е. Зызыкина

А. Краснова

Внезвон
нам,
где мы

Они жили в мире темных, но волею судеб оказались в мире людей. Всё, что у них было — высокое положение и чины, уважение собратьев, семьи — всё осталось за закрытыми дверьми портала, соединяющего миры. У каждого из них за плечами своя маленькая трагедия, своя тайна и боль. Смогут ли рожденные тьмой найти своё место среди людей, ведь гнездо там, где осталось твоё сердце?

ТОМ ПЕРВЫЙ

Пролог.

Наполненный привычными звуками, похожий на гигантский муравейник город погружался в вечерние сумерки. Чтобы не утонуть в равнодушной темноте, парализующей суету этого мира, миллион искусственных огней освещали каждый квартал, каждый угол и перекрёсток. Тысячи неприметных магазинчиков, отчаянно борющихся за право быть в мире монстров-супермаркетов, вспыхивали кричащей иллюминацией, стремясь обратить на себя внимание спешащих домой людей. Но редкие зеваки задерживались у витрин. Гонимые первобытным инстинктом самосохранения, люди торопились по домам, чтобы вместе или в одиночку спрятаться от темноты, таившей в себе незримую, но подсознательно осязаемую опасность.

Преднамеренно или нет, они уступали это время детям тьмы, существование которых с таким фанатизмом отрицали все средства массовой информации. Но люди знали, чувствовали, ощущали наше незримое присутствие в мире, по праву существования принадлежавшем смертным. Мы — представители разных рас, порождения иных миров, были здесь чужаками, как пассажиры в здании международного аэропорта, ожидающие своего рейса. Случалось так, что не всегда самолет подавали на посадку вовремя, а порой рейс отменяли, и мы застревали здесь. Надолго. На сутки, года, десятилетия и... века. Тогда мир смертных становился нашим домом, диктуя свои правила, внося коррективы, ломая судьбы и саму историю.

Каждый приспособлялся как мог. Кто-то становился отшельником, пожирая смертную плоть случайных бедолаг. Иные объединялись в кланы, сравнимые с прайдами хищников — хладнокровных убийц, во главе с жестким, волевым вожаком, малейшее неповиновение которому каралось смертью. Кто-то, отрекаясь от своей сущности, пытался ужиться со смертными, и только взгляд выдавал обладателя вечного голода и мертвой души, похороненной под многослойным панцирем одиночества.

Мне повезло больше. Я, представитель темных эльфов Лайнеф Мактавеш, урожденная Лартэ-Зартрисс, встретила того, ради которого бьётся моё сердце.

ГЛАВА 1.

Начало 5 века нашей эры.

Лайнеф.

Наконец-то! Долгожданная отставка и возможность свить собственное гнездышко в небольшой крепости — плата за многолетнюю службу от самопровозглашённого императора Клавдия Константина III — всё, о чем я мечтала последние десятилетия, свершилось. И даже холодный, промозглый дождь, не соответствующий весеннему времени года, как будто намеренно создающий препятствия к долгожданной цели, не мог испортить моего настроения. Гаура — белоснежная кобыла ферганской породы, любимица, подаренная императором когда-то в Константинополе, явно устала и то и дело спотыкалась о мокрые, покрытые мхом камни, разбросанные по всей длине Адрианова вала, вдоль которого пролегал наш путь в Килхурн. Хорошо бы остановиться и найти какое-нибудь укрытие, но сквозь сплошную пелену дождя ни черта не видно. Где тут укрыться десятку исполинов, галопом скачущих за спиной?

Плащ промок до нитки, мокрая туника, едва прикрывающая бедра, прилипла к коже, а неизменные калиги — сапоги, пошитые у лучшего итальянского сапожника еврейского происхождения, были явно неуместны в варварской Каледонии, расположенной на севере Британии, на границе с которой и находилась крепость Килхурн.

- Иллиам меня со свету сживет, когда увидит в таком плачевном виде, — досадуя, я цокнула языком. Тщетные попытки подруги вылепить из меня этакую светскую львицу выглядели забавно, вызывая искреннее умиление, а порой просто выводили из себя. При воспоминании о том, как всегда безупречная, элегантная, полная самообладания блондинка всего несколько дней назад, недовольно поджимая губки, кипела от злости, преисполненная негодования от того, что назад в цивилизованный Рим дороги не будет, невольная улыбка тронула лицо. Меня до сих пор поражало, как могло случиться, что некогда высокомерная стерва, в совершенстве владеющая кинжалами, луком, мечом, — о Великий Арраган! — всего не перечислишь, способная, не моргнув глазом, вспороть брюхо противнику, и когда-то делившая ложе с моим отцом, превратилась в капризную, избалованную мужским вниманием при Римском дворе сияющую красавицу, охочую до комфорта. Я хмыкнула, предвкушая очередные стенания подруги, ставшей единственным членом моей семьи. Ну, ничего. Уверена, что скоро в Килхурне будет тесно от толп её поклонников. Это, конечно, не Рим, но и в Британии полно впечатляющих самцов.

Гаура внезапно дернулась в сторону, заржала и резко встала на дыбы.

— Дьявол! — я чуть не свалилась на землю, с трудом удерживая равновесие и скользкие кожаные поводья в руках. — Din, sell! Din! — напуганная лошадь, побывавшая со мной не в одной переделке, прядала ушами и возбужденно переминалась с ноги на ногу.

Шум дождя и свист ветра прорезал крик одного из солдат:

— Стрела пиктов!

Проследив за его взглядом, я увидела древко стрелы, торчащее из земли слева от меня. По крайней мере, причина поведения Гауры была ясна — любимица почувствовала опасность и вовремя отреагировала.

- Рассредоточиться! — крикнула я, но опытные конные за долгое время службы и без моей команды знали, что нужно делать. Вытащив из ножен мечи, мы всматривались в сплошные холмы, тянувшиеся вдоль нашего пути, пытаюсь зафиксировать какое-либо движение, но сквозь пелену дождя даже моё зрение эльфа не смогло уловить ничего настораживающего. Только ощущение, что мы здесь не одни, и за нами наблюдают, тревожными нотками било в мозгу, подгоняя незамедлительно продолжить путь. Мы было тронулись, но странность ситуации не давала покоя. Если пикты или саксы, отчего не нападают? Не думаю, что испугались дождя — не тот это народ. Взгляд невольно упал на стрелу:

— Стоять!

Я соскользнула с лошади и медленно опустилась на колени. Сколько было точно таких же стрел-убийц в моей жизни? Тысячи? Миллион? Но эта!!! С удивлением осматривая не характерное для стрел пиктов оперение, я не могла оторвать от него взора и, помедлив в нерешительности секунду, потянула за древко.

— Waw! Law quita! — пораженно выдохнула я. До боли знакомый наконечник резал глаза голубым блеском.

Цвет моего прошлого, спрятанного в самых тайных глубинах памяти вместе с гибелью всей расы, к которой принадлежала сама. За время, что я и Иллиам живём в мире людей, прошлое ни разу не напомнило о себе. Оно осталось за закрытыми дверьми коридора, соединяющего миры. За ними же остались все, кого когда-то любила, и чьи жизни в один роковой день превратились в прах в жестокой непримиримой войне.

— Госпожа Лайнеф? Госпожа, у вас рука в крови, — из задумчивости меня вывел голос Квинта — самого юного из моих солдат.

— Черт! — только сейчас я поняла, что сжала стрелу в кулаке с такой силой, что порезала ладонь. Кровь, того же цвета, что и наконечник, проступала из раны и тут же смывалась дождевой водой. Я посмотрела на своих воинов — за многолетнюю службу бок о бок в легионе они привыкли к подобной странности моего организма, благо дело бледный цвет кожи скрывал её. Подозреваю, что и поста командующего конницей я удостоилась не только за проявленные навыки, а отчасти потому, что суеверные римляне считали меня чуть ли не богиней, что изрядно потешало. Но Аркадий умер. В Римской империи стало совсем беспокойно. Конфликты в императорских семьях разгорались один за другим, а неизвестность могла обернуться бедой для таких чужаков, как я и Иллиам.

Здесь же, на огромных северных территориях Британии пахло свободой. Но самое поразительное было то, что меня как магнитом тянуло в опасную для любого римского солдата Каледонию. Причину я не могла себе объяснить, но с тех пор, как впервые оказалась на этой земле, странная уверенность, что именно здесь моё место, не оставляла меня. Со временем решение было принято — ведомая необъяснимой тягой, я решила осесть здесь, поэтому тайно возликовав, с радостью приняла весьма сомнительное вознаграждение Константина в виде небольшой приграничной с Каледонией крепости Килхурн, где Иллиам наверняка уже развернула кипучую деятельность. Я ухмыльнулась, не завидуя местным аборигенам.

- Ох, подружка! Не удивлюсь, если под действием твоих чар пара десятков слуг ходят сейчас на вытяжку, стараясь тебе угодить.

- Что стоим? В Килхурн! — вскочив в седло, я запихнула голубую стрелу в собственный колчан и галопом понеслась вперед. Воины, пожелавшие остаться со мной после отставки, неслись рядом на встречу неизвестности.

— Din, sell! Din! — Тише, девочка! Тише! (эльф.)

— Waw! Law quita! — Нет! Не может быть! (эльф.)

ГЛАВА 2.

Фиен.

Проклятая непогода рушила все планы. Дождь лил вот уже несколько дней, вынуждая сидеть в четырех стенах. Временами ливень утихал, обещая вот-вот закончиться, но тут же вновь начинался с удвоенной силой. Ставни окон скрипели от порывов ветра, а на Северном море разыгрался настоящий шторм. Я прислонился плечом к краю оконного проема в личных покоях собственной крепости Данноттар, возвышающейся на вершине утеса, пристально всматриваясь в давно уже опустившуюся на землю ночь.

Все в мире смертных отличается от Темного мира. И даже ночь, которую я люблю и ненавижу одновременно. Загруженный повседневными делами, я не замечал, как она накрывала землю своей темнотой. Люди слабы — для восстановления сил им требуется сон, что совершенно не важно для демона, и неожиданно ты остаёшься в одиночестве, наедине со своими мыслями и воспоминаниями о прошлой жизни.

Да, я был вынужден искать убежище в Каледонии среди людей, но до сих пор не собираюсь признавать свое поражение. Что-то подсказывало мне, что прошлое еще даст о себе знать. Жизнь в Темном мире приучила прислушиваться к собственным инстинктам, и до сегодняшнего дня они меня никогда не подводили. Воспоминания о пережитых предательствах, несмотря на срок давности, все еще были слишком свежи. Они всегда

одолевали меня внезапно, и я ненавидел каждое из них.

Особенно одно. Дочь короля Темных эльфов. Одна из самых отменных сучек, которых я когда-либо встречал за всю тысячу лет своего существования. Именно она умудрилась перевернуть всё с ног на голову, разрушить мою устоявшуюся жизнь, лишиться должности, возвести в статус убийцы и предателя, вынуждая трусливо бежать в мир смертных.

У нас было всего лишь несколько дней, но каждая минута крепко запечатлелась в памяти. Я ее ненавидел и желал одновременно. До сих пор, зная, что она мертва, что это невозможно, понимаю, что хочу её. И даже сейчас, после бурного секса с шикарной брюнеткой, мирно спавшей в это время на моем ложе, снова яркой вспышкой в голове мелькнул образ обнаженного, дрожащего от страсти тела эльфийки в ту первую и последнюю совместную ночь...

Я долго лежал без сна, то и дело посматривая на свою пленницу. В углу моих покоев на соломенном тюфяке после разгоревшейся войны между нами она забылась в беспокойном сне: постоянно ворочалась, вздрагивала, сжимала кулаки. Я тщетно пытался вытряхнуть причину своей бессонницы из головы. Буквально пару часов назад я хотел ее просто придушить, настолько она бесила меня. Но влечение разрушало это чувство. Ее строптивость заводила, наполняла диким желанием обладать, покорить и наполнить ее собою...

О, будь я проклят! Только не это! Во сне она стянула с себя простыню и лежала абсолютно нагая. Идиот! Опрометчиво было оставить её без одежды. Теперь я точно знал, что у меня нет ни единого шанса совладать с собой. Я был очарован видом ее округлой груди, поднимающейся в такт дыханию, видом волос, беспорядочными волнами разметавшихся на тюфяке, ее чувственными губами, вкус которых я всё еще ощущал на своих губах. Всё тело зудело от желания протянуть руку, касаться, брать, владеть.

— Какого черта? — заскрежетал я зубами, и не колеблясь сорвал с себя простыни. Уже через мгновение я лежал рядом с ней, зарывшись носом в ее волосы. Неповторимый сладкий аромат принцессы моментально окутал меня.

Дьявол! Она абсолютно беспомощна и полностью в моей власти. Я могу делать с ней всё, что пожелаю, и сам Ад меня не остановит. Слишком заманчивая перспектива отозвалась жаром в паху. Но нет, терпение! Не этого я хочу сейчас. Я жажду слышать, как бунтарка по своей воле будет кричать от страсти подо мной.

Заправив прядь за эльфийское ушко, я провел языком по щеке, скуле, вниз по шее до ключицы, слегка прикусил кожу, упиваясь ее вкусом. Эльфийка пробормотала что-то во сне и повела плечом. Я невольно улыбнулся. Даже во сне ругается! Моя рука заскользила вниз по ее телу, обхватывая грудь, слегка касаясь большим пальцем напряженного соска. Она была такая упругая и безупречная в моей ладони. Возбужденный член дрогнул, желая большего, и я сомкнул губы вокруг соска, нежно потянул, потом начал ласкать его языком, лизать, пробуя на вкус, пока трепещущая плоть не затвердела. Тело эльфийки заметно напряглось.

— Сукин сын! — прорычала проснувшаяся принцесса, пытаясь вырваться из моих объятий.

— Тихо, тихо! — я придавил ее собственным телом, схватил запястья принцессы и одной рукой прижал их к тюфяку над ее головой.

— Ублюдок! Отпусти меня! Меня тошнит от тебя! — она снова заерзала, стараясь отползти от меня.

— Простой демон без роду и племени не слишком хорош для принцессы, трахающейся со своими солдатами? — с легкостью взяв верх над ней, я устроился между ее ног, вжимаясь пахом в живот. — Но знаешь, принцесса, мне абсолютно наср*ть на твоё желание. Я получу всё сполна. Всё, что является моим по праву. Так что покажи мне лучше, на что способна эльфийская шлюха. Я уверен, мне понравится!

— Ты не тронешь меня! — шипела эльфийка, продолжая яростно вырываться.

— Думаешь я не найду способ, как укротить норовистую ушастую сучку?

Она открыла рот, собираясь выплюнуть очередную порцию яда', но мне ещё днём порядком осточертела словесная перепалка между нами. Жадным поцелуем я смял манящие губы, заявляя на эльфийку права, подчиняя и поработая себе. Чертовка упорствовала, но чем больше она сопротивлялась, тем требовательней был поцелуй. Внезапно я почувствовал, как тело её подо мной задрожало, проиграв борьбу с собственным инстинктом, и дико зарычал от удовольствия. Прикусив пухлую нижнюю губу, ощутил пьянящий вкус крови во рту, тут же слизывая её. Этот вкус буквально взорвал мне мозг. Я наслаждался ее страхом, ненавистью и, мать твою!.. ответным возбуждением. Мои руки неистово бродили по стройному телу, сминая набухшую грудь, изучая плавные изгибы, чувствуя, как ее кожа реагирует на мои прикосновения. Низкое шипение слетело с моих губ, как только пальцы скользнули между ее бёдер. Она была такая влажная, горячая и более, чем готовой для меня. Эльфийка тихо застонала и, разведя бедра, инстинктивно выгнулась, прижимаясь к моей руке.

Как бы принцесса не сопротивлялась, тело её не могло скрыть правду — ей нравилось то, что я делал с ней, и, осознавая это, я ликовал.

— Нравится? — прохрипел в заострённое ушко, медленно продолжая ласкать чувственную плоть, дразня и выписывая круги вокруг клитора. В ответ принцесса лишь всхлипнула, закусив губу, закрыла глаза, плотнее прижимаясь плотью к моим пальцам.

— Черт! — рыча, я и навис над ней, резко притянул к себе податливые бедра, одним мощным рывком вошел в ее горячее лоно и замер... Моя принцесса дернулась и вскрикнула, резко распахнула глаза, в глубине которых ещё стыло наслаждение, но оно заледенело под чередующейся палитрой удивления, разочарования, обиды и, наконец, ярости.

Проклятие! Она была девственницей! Твою ж мать! Сука, которая командовала отрядом эльфов — головорезов, с легкостью перебила дюжину моих солдат, несколько дней назад самолично вспорола мне брюхо, сожалея, что не прикончила окончательно, скалилась и сквернословила похлеще любого матерого воина, проклиная меня, оказалась девственницей! Сказать, что я был поражен — ничего не сказать. Как ловко ей удавалось разыгрывать из себя прожжённую стерву. Да я был уверен, что на ней пробы ставить негде! Самка, дерущаяся наравне с самцами и делящая с ними ночлег, по всем правилам темного мира не один десяток любовников должна была сменить.

- Слезь с меня! — зашипела она, демонстрируя белоснежные зубы и уперев ладони мне в плечи, — Слезь, ублюдок! Ненавижу тебя!

Её слова спровоцировали мой гнев, смешанный с первобытным азартом самца — обладателя:

— Тсс..., я только начал, детка. Всю ночь напролет я буду трахать тебя! — смакуя каждое сказанное слово, я придавил ее всем телом и снова накрыл губами рот. Протестующе извиваясь, эльфийка двинула бедрами, и я вошел в нее до упора. Очередное проклятие сорвалось с моих губ от понимания, что я был первым.

— Нет! — прорычала темная.

Но я уже не слушал — демоническая сущность взяла верх, незамедлительно требуя её ароматной крови, манящей плоти и сексуальной энергии — главным источником питания таких, как я. Я желал получить от неё всё, и подмяв под себя, не заботясь о том, что когти ранят нежную эльфийскую кожу, стал яростно вонзаться в желанную плоть, вбивая член в тесное, жаркое лоно. Опираясь на руки, я не сводил взгляда с распахнутых глаз, ловя момент, когда она перестанет бороться сама с собой и растворится в вожделинии. Когда же это неминуемо произошло, эльфийка впиалась в мою спину ногтями, её ноги опоясали меня, а с истерзанных мною губ сорвался стон. И это был звук наслаждения, а не боли! Ее голос, аромат, ее ответная страсть уничтожили остатки самоконтроля. Стиснув стройные бедра, я приподнял принцессу так, что теперь она не могла пошевелиться, и не щадя стал врезаться глубже. Снова и снова я вспарывал её тело, пока не почувствовал, как плоть сжимается вокруг моего члена. Черт возьми, да! Да, мать твою! Почувствовав, как безвольное тело забилося в судорогах наступившего оргазма, я зарычал от удовольствия и вонзил клыки там, где шея плавным изгибом переходила в плечо. Когда горячая кровь принцессы хлынула в рот, жадно глотая её, последними мощными толчками взорвался я в теле принцессы, наполняя женское чрево своим семенем. Незримые потоки жизненной, первозданной энергии потекли из моей жертвы, и жадно накрыв её дрожащие, искусанные губы, я долго пил их вместе со стонами.

Только под утро усилием воли я смог оторваться от эльфийки. Как будто пребывая в пьяном похмелье, до этого я был не в состоянии выпустить из когтистых лап ослабленное разгоряченное страстью тело. Поражаясь, насколько сильное влечение оказывала на меня

принцесса, я не мог окончательно насытиться ею. Врезаясь в неё раз за разом, я кормился ответными стонами, питался оргазмом, порционно воруя кусочек её жизни, выпивая энергию, бесподобный вкус которой невозможно было ни с чем сравнить. Я буквально поедал её. Ничего подобного в жизни никогда не испытывал. Мое тело было наполнено энергией и силой в то время, как принцесса была измождена. С готовностью отдаваясь мне, она слабела на глазах. На рассвете тихое сопение донеслось до меня, я почувствовал, как дыхание эльфийки, лежащей на моем плече, выровнялось, а тело расслабилось. Я осторожно взял принцессу на руки и, прижимая к груди, отнес на свое ложе. Зализав на ней раны от собственных клыков и когтей, я наблюдал, как она спит, и незаметно для себя сам провалился в сон. Проснувшись утром, я нашел постель пустой, а потом... потом моя жизнь превратилась в ад.

Проклятье! В раздражении я ударил по стене кулаком. Сколько же это будет продолжаться? На протяжении столетия я пытаюсь отделаться от мучительных воспоминаний, убеждаясь, что ни одна шлюха после той суки не способна утолить голод хищника. Я варился в своём личном аду. Но теперь у меня совсем другая жизнь, другие цели. И будь я, Фиен Мактавеш, основатель клана Мактавешей, проклят, если не избавлюсь от эльфийки, прах которой покоится где-то в Темном мире.

— Доброе утро, дорогой! — услышал я за спиной девичий голос, и нежные женские руки легли на мои плечи. Черт, а про брюнетку я уже и позабыл.

В этот же миг массивная дверь моих покоев распахнулась и громко ударилась о стену. На пороге стоял Алистер Кэмпбелл, по непривычно взволнованному лицу которого я понял, что случилось что-то важное.

— Пошла вон! — рявкнул я девице, шлёпнув её по заду.

ГЛАВА 3.

Иллиям.

— И так на душе не спокойно, а тут ещё Боги гневаются, — со вздохом произнесла я, наблюдая, как капли дождя из прохудившейся крыши верхнего этажа мерно наполняют подставленные тазы и бадейки. Сквозь дыры в крыше можно было рассмотреть серое, хмурое небо, и даже нередкие стрелы молний, что только усугубляли подавленное настроение и далеко не радужные перспективы моего здесь нахождения.

Оглядев еще раз это мрачное помещение, которое отвела под свои покои, я опять задала себе вопрос — что я здесь делаю? Ответ оказался прост, но почему-то от этого не менее грустен — придаю уют вот этому строению, которое кто-то по ошибке прозвал крепостью. Это и замком то можно назвать с большой натяжкой, если смотреть издали и во время сильного тумана.

— Благо дело, хоть стены были из камня, но крышу нужно перекрывать, — с очередным

вздохом констатировала я факт.

И где, спрашивается, эта королевская особа, что просто мечтала получить вот этот прогнивший сарай в собственное владение? Хотя... догадываюсь — наверняка жажда приключений опять взяла вверх над рассудком, и она рассекает по местным окрестностям, ища неприятностей на свою пятую точку, пока я пытаюсь привести тут все в более-менее приличное состояние.

— Иллиам, ты же знаешь, это не для меня! — вспомнились мне слова Лайнеф.

Да уж, знаю. Но до сих пор не могу этого понять. Как и то, как эта несносная девчонка стала самым близким и родным для меня созданием в этом новом мире...

— Госпожа, там привезли ковры, — голос распорядителя вывел меня раздумья. — Куда их вешать?

— Что? Какие ковры, Тасгайл?

— Те, что вы просили доставить для покоев госпожи Лайнеф.

— Ах, да. Ничего не делайте, пока я не проверю качество выполненной работы. Ступай, я сейчас подойду.

Молча кивнув, местный распорядитель, седовласый, услужливый сармат, посвятивший всю свою жизнь этому замку, вышел из комнаты. Кажется, что спокойный и молчаливый Тасгайл — единственное, что меня здесь устраивает.

Неужели это то, о чем грезила Лайнеф? Девушка, которая с самого детства росла в окружении роскоши, которой буквально с малых лет прививали королевские манеры, решила обосноваться в этом каменном недоразумении. Ну что ж, это ее выбор, мне лишь остается устроить здесь все так, чтобы хоть что-то, пусть даже те самые ковры, скрасило наше здесь нахождение.

Удостоверившись в качестве изделий ткацких восточных мастеров и дав слугам новые поручения, я отправилась в левое крыло. Нужно посмотреть, как и там идет подготовка к приезду этой сумасбродки. — Тасгайл, пойдешь со мной!

Хотя, думаю, это прекрасный вариант, чтобы начать жить с чистого листа. Место, где ничего не будет напоминать о прошлой жизни. Где все обитатели знают обо мне лишь то, что я помощница и советник госпожи Лайнеф. И ничего больше...

— Тасгайл, что это? — остановилась я, указывая пальцем на каменный пол.

— Трава, госпожа.

— Я вижу. И, кажется, я просила убрать ее отовсюду.

— Но, госпожа....

— Тасгайл, я не желаю, чтобы мое место жительства напоминало конюшню.

— Хорошо, госпожа.

Эта трава меня когда-нибудь допечет. Что за варварские манеры — раскладывать ее во все помещения? Еще и этот вечный запах плесени, которым, кажется, пропитался каждый уголок этой крепости.

Однако, уж лучше трава с ее запахом и не богатые на убранства комнаты, чем те покои при дворе эльфийского короля. Спору нет, они были шикарны, и никто бы в здравом уме от них не отказался. Никто. Кроме меня...

— Тасгайл, а почему столы в этом зале еще не расставлены?

— Простите, госпожа, я потороплю слуг.

— Поторопи. Не думаю, что госпожа Лайнеф будет рада, если увидит, что к ее приезду не успели приготовиться.

Про себя же добавила: «Если госпожа Лайнеф вообще заметит эти столы...» Для этой воительницы не имеет ни малейшего значения, из какого дерева сделана мебель, что за мастера ткали ковры, и уж тем более ей нет разницы, что за убранства в ее замке.

«Главное — никакой роскоши, Иллиам. Мне это ни к чему!» — мысленно передразнила я её. Какая тут может быть роскошь, когда на то, чтобы отучить слуг бросать все в эту ненавистную мне напольную траву, ушло несколько дней.

Да, это не та жизнь, к которой я привыкла за последние несколько сотен лет. Но, как ни странно, я почти не тоскую по тем, прежним временам, когда во дворцах Константинополя и Рима местные вершители судеб рассыпались в лъстивых комплиментах, желая затащить меня в постель. Впрочем, как и по моим богатым покоям при дворе Валагунда, отца Лайнеф, в городе темных Морнаосе, несмотря на то, что это было единственное место, где я могла расслабиться и не думать об очередной придворной интриге, опасаясь за собственную жизнь, и не оглядываться по сторонам, ловя завистливые взгляды соперниц, жаждущих занять моё место на ложе короля.

Здесь нет ручной собачонки Валагунда, его всевидящего ока — Алистара, норовившего уличить в заговоре всех и каждого, от ледяного взгляда которого даже мне становилось не по себе. Внешняя привлекательность и редкая обаятельная улыбка этого блондина не одну придворную эльфийку вынуждали пасть к его ногам, но за этой внешностью скрывался острый ум, подозрительность и холодное сердце. Алистару ничего не стоило отдать в лапы

палачей собственную мать, если он заподозрит её в измене Валагунду. Поэтому его боялись все, в том числе и я.

Свист и топот копыт прервали мое путешествие в прошлое. Спустившись по лестнице, я облачилась в накидку с капюшоном, прячась от дождя, и заметила у ворот знакомую женскую фигурку, едва прикрытую мокрыми тряпками и насквозь промокшим плащом. Намеренно не показывая радости от нашей встречи, я недовольно поджала губы и со всей возможной строгостью произнесла:

— Лайнеф, а тебе никто не говорил, что нехорошо давать повод для переживаний даме столь преклонного возраста?

ГЛАВА 4.

Алистар.

Я отказывался верить в то, что видели мои глаза: пылающий ярким заревом город, окутанный черным дымом, был наполнен криками и стонами; воздух пропитался запахом крови и сожженной эльфийской плоти. Морнаос захлебнулся в слезах женщин и детей, в муках стариков, не способных сопротивляться напору демонов, уничтожающих всё живое на своем пути. Мои собратья-воины сражались, защищая то, что было им дорого, но оборона была ничтожна по сравнению с той мощью, что обрушилась на цитадель к её гибели. Я чувствовал, что все магические барьеры, окружавшие центр города и дворец повелителя, были разрушены. Это был конец существования ещё вчера процветающего и величественного Морнаоса.

Чудом выбравшийся из этого побоища мальчишка, спотыкаясь и падая, бежал прочь от крепостных стен с расширенными от ужаса глазами. Лицо его было перемазано сажей и кровью, рука с перебитыми сухожилиями наспех перевязана ветошью. Малец хотел было пронестись мимо, и нам пришлось его остановить. Демонстрация эмоций не была свойственна нашему роду, но эльфийские воины смотрели на него с нескрываемой болью.

— Что происходит в городе? — мой голос звучал хрипло, я пытался держать контроль над собой, но в свете того, что творилось за крепостными стенами, делать это было невероятно сложно.

— Это демоны! Демоны! — кричал мальчишка испуганно.

— Успокойся. Скажи, как близко они подобрались ко дворцу?

— Они сожгли все! Они всех убили! — паника лилась из мальчишки, словно речной поток. — Почти никого не осталось в живых, а те, кто остались, все равно погибнут!

— Что с королём и свитой?

— Они мертвы, господин. Дворец лежит в руинах. Уходите отсюда! Бегите, пока не

поздно! — на глазах бедняги блестели слезы.

«Мой господин! Не уберег...» — с горечью подумал я, прежде чем на моих глазах мальчишка кулем упал к копытам лошадей. Демонический огненный шар попал ему в спину, на наших глазах прервав жизнь юного эльфа. Решение пришлось принимать мгновенно, и я крикнул:

— Прочь от города — его уже не спасти! К portalу!

Многие из моих подчиненных посмотрели на меня с осуждением, но приказы не обсуждаются. Я не мог дать им погибнуть в дьявольском огне, защищая рассыпавшуюся в прах империю. И пусть это выглядит позорным побегом, пусть всем сердцем своим, всеми мыслями я хотел бы вернуться в Морнаос, та реликвия, что вывезена из города и укрыта среди вещей от посторонних глаз, рано или поздно возродит расу темных эльфов. Таков был выбор короля Валагунда. И мне также пришлось подчиниться, как мои воины обязаны подчиняться сейчас мне.

Развернув лошадей, мы устремились к лесу, в котором могли бы укрыться. Но, не проскакав и сотню ярдов, наш отряд подвергся обстрелу. Демоны заметили нас. Их магические стрелы впивались в спины моих товарищей, кося, словно жнец спелую рожь. Останавливаться было нельзя, возвращаться за ранеными тем более, мой крик разнесся среди всадников:

— Вперед! Не останавливаться!

Глаза слезились от дыма, дышать было нечем, стрелы то и дело попадали в моих воинов и лошадей, нас становилось все меньше, но мы продолжали двигаться к лесу. Сердце бешено билось о грудную клетку, норовя вырваться с очередным стуком: раз, два, три, четыре... Резкая боль. Меня опалило дьявольское пламя — стрела угодила в плечо. Я сцепил зубы и только подстегнул своего коня, но адская магия уже застилала мои глаза черной пеленой, боль была нестерпимой, и я провалился в темноту.

Я проживал этот кошмар раз за разом, ночь за ночью на протяжении более сотни лет. Резко сев на кровати, я не мог привыкнуть к тишине и покою, которые дарил ночь. Лунный луч рассекал тьму комнаты, стелясь светлой дорожкой по каменному полу, постепенно подбираясь к моему ложу. Было холодно настолько, что изо рта шел пар, я поежился и хотел было забраться обратно под одеяло, но осекся — мои руки все еще крепко сжимали плотную ткань, не желая ее отпускать. Разжав, наконец, кулаки, я медленно сполз по спинке своего ложа ниже и провел ладонями по потному лицу, прогоняя ночное наваждение. Дрожь прошла по телу, спать больше не хотелось. Да и кто добровольно решился бы вернуться к своим «излюбленным кошмарам»? Понимая, что больше не усну, я откинул одеяло в сторону, ноги коснулись каменного пола.

Ночи в Каледонии были холодными, как, впрочем, и дни, однако, ставни в моих покоях

никогда не закрывались. Мы, темные эльфы, не так восприимчивы к холоду, как люди. Я любил это ощущение, когда влажный морозный воздух ласкает тело, оно помогало сохранять сердце спокойным, а разум ясным. Постояв немного у окна, я решил все-таки развести огонь в очаге, холод — вещь прекрасная, а вот сырость... м-да.

Пожалуй, пора подумать о дне нынешнем и привести себя в порядок. Я прошел в угол комнаты, где стоял медный таз. Наполнив емкость из кувшина, зачерпнул ледяной воды руками и ополоснул лицо. Пальцы прошлись по подбородку, неплохо было бы побриться. Только потянулся за полотенцем, как в дверь постучали. Сделав вид, что не слышал, я вытер лицо и шею и шумно выдохнул. Стук повторился с удвоенной силой.

— Войдите! — громко ответил я, перекидывая полотенце через плечо.

Дверь отворилась, и в комнату вошел гонец, держа в вытянутой руке запечатанный свиток. Я посмотрел на него с явным скептицизмом. Этот явно не спешил, чтобы передать новости как можно скорее — я всегда мог уловить подобные вещи. Когда юноша столкнулся со мной взглядом, то подобрался, вытянулся по струнке, он явно нервничал, на скулах его ходили желваки. С издевкой взирая на гонца, я нарочито медленно распечатал свиток и пробежался по тексту глазами.

— Почему не доложили раньше? Десять дней прошло!

Это было важное известие, которого мы ждали с Фиеном давно и с нетерпением, поэтому я едва сдерживал негодование. Людская безалаберность претила мне. Хотелось схватиться за плетень и как следует проучить молодого пройдоху. Несомненно, предпочёл провести время в какой-нибудь харчевне, валяясь на сеновале с дворовой девкой, нежели в непогоду загнать пару лошадей, стремясь донести вести адресату.

— Распутица, господин... — промямлил гонец.

— Что-что? — уже не удивляясь его ответу, приподнял я бровь.

— Распутица. Не пройти — не проехать, все дороги и тропы размыло.

— Это не оправдание! — холодным тоном отрезал я, жестом руки указывая на несостоятельность юноши, но тут же осекся — резкая боль от недавно полученной раны дала о себе знать. Стиснув зубы, я схватился за плечо. Черт бы побрал это все! Самая отвратительная вещь в мире людей то, что я не могу воспользоваться врожденной способностью эльфов к быстрой регенерации, и мне приходится восстанавливаться ужасно долго, как какому-то жалкому смертному. Из раны вновь засочилась кровь, пропитывая светлую ночную рубаху, вышитую затейливым орнаментом.

— Позвать лекаря, господин? — прозвучал растерянный голос гонца.

— В этом нет необходимости, — я резко втянул воздух в легкие. — Свободен. Хотя

нет... Прикажи, чтобы принесли вина, да покрепче.

Юноша застыл на миг, затем резко развернулся и стрелой вылетел из моих покоев. Молодой слишком, несмышленный. Ну да ничего, научится со временем выполнять приказы так, чтобы не пришлось потом краснеть перед начальством.

Я подошел к очагу, над которым на полке стояли девять восковых свечей, и одну за другой зажег их — по комнате заскользили тени, заиграли блики пламени на металле причудливых клинков, стоявших в ряд по правую руку от меня. Стянув рубаху, я оглядел плечо — швы, что накладывал лекарь пару дней назад, разошлись, нужно было срочно накладывать новые. Подойдя к сундуку, что стоял в углу комнаты, я извлек из него небольшую шкатулку, обитую темно-красной кожей, в которой хранились незатейливые лекарские принадлежности, достал иглу и стал прокалывать ее над пламенем свечи, пока та не покраснела. Раздался стук в дверь.

— Войдите! — рявкнул я.

В дверь вошла невысокая девушка, держа в руках поднос, на котором стоял серебряный кувшин с вином, кубок и тарелка, наполненная сыром и хлебом.

— Поставь это туда, — кивнул я в сторону прикроватного столика.

Девушка смотрела на меня испуганными глазами, осторожно скользя по каменному полу покоев. Видимо она боялась вида крови.

— Господину нужна моя помощь? — робко задала вопрос девица, отводя взгляд от окровавленного плеча.

— Нет, иди, — тихо ответил я, хоть мысль о возможности развлечься после того, как я расправлюсь с раной, и была соблазнительной. Я повернулся к девушке спиной, давая понять, что не нуждаюсь сегодня в ее услугах, и занялся иглой. Махнув на прощанье подолом своего серого шерстяного платья, прислуга удалилась, тихо прикрыв дверь.

— Что ж, начнем... — произнёс вслух, отхлебнув вина из кубка. Вдев нить в иглу, я отложил её в сторону и стал вытаскивать старые нити из разошедшейся раны. Да, зрелище, конечно, не для слабонервных. Не зря я отослал девицу. Кровь сочилась из раны, стекая по руке вниз, резко контрастируя с белой кожей. Обрывки старых нитей падали на стол, пока я, наконец, не покончил с этим. Еще раз прокалив иглу над свечой, я хлебнул из кубка вина, а оставшуюся часть плеснул на рану. Плечо опалило огненной волной. Скрипя зубами, я принялся шить по живому. Раскалённая игла с легкостью входила в плоть, стягивая края раны в единый кровоточащий шрам. Я глотнул вина еще раз, давая себе небольшой отдых.

Одно дело махать мечом на поле брани, и совсем другое — зализывать потом раны, особенно, когда эта чертова способность к скорой регенерации напрочь отсутствует. Фиену было проще, демон остается демоном в любом мире, и ему не нужно беспокоиться о каких-

то там царапинах, вроде моей. Да, так уж вышло, что темный связался с демоном, попав в этот мир. Темный эльф, возможно, «темнейший» из тех, кто находился при дворе моего покойного короля, спутался с дьявольским отродьем. Тем самым отродьем, чьи соплеменники разрушили Морнаос. Но самая большая ирония судьбы заключается в том, что мы стали в какой-то степени друзьями, создавая нашу собственную маленькую империю. Все-таки жизнь — престранная штука...

Покончив с вынужденной штопкой, я промыл рану вином еще раз, исключив возможность какого-либо заражения, и перевязал плечо, затем надел чистую рубаху в тон каледонских ночей, подпоясался кожаной сбруей и закрепил ножны с моим излюбленным клинком. Я любил холодное оружие во всех его проявлениях, это было моей маленькой страстью. Но этот клинок любил больше остальных. Он был особенным. Обычное оружие темных эльфов изготавливалось из сверхпрочных кристаллов, мой же меч был из металла, редчайшего по своим свойствам. Совершенный, выкованный в лучших кузнях ныне разрушенной эльфийской столицы, с тончайшей гравировкой на лезвии, он превосходно ложился в руку. Этот меч служил мне верой и правдой на протяжении сотен лет и ни разу не потребовал заточки. Филигранная работа, идеальный баланс и вес, удивительное оружие. Я мог бы восхищаться им бесконечно, но нужно было идти. Хлебнув напоследок из кубка, накинул на плечи тяжелый шерстяной плащ и погасил одну за другой свечи. Взяв распечатанный свиток, я вышел из покоев и направился вниз с целью найти Фиена, которого обрадует хоть и запоздавшая, но, несомненно, благая весть.

ГЛАВА 5. КВИНТ.

Наконец-то я увидел цель нашего занятого путешествия. Сказать, что она меня порадовала — нет, не могу. Так называемый замок Килхурн, возведенный под руководством имперских архитекторов из грязно-серого камня, стоял на берегу залива и был предназначен когда-то для обороны Адрианова вала. Теперь же он больше походил на печальный монумент когда-то развернувшихся здесь военных действий, нещадно потрепавших его, нежели на крепость. Крайняя правая башня со стороны фасада пострадала больше всего и фактически лежала в руинах. Сквозь дождь и туман просматривалась провалившаяся в парочке мест крыша. Пустыми глазницами бойницы разрывали покрытые зеленым мхом и кое-где поврежденные катапультной стеной. Единственным желанием было развернуть коня и уехать подальше от этого сногшибательного пейзажа.

- Госпожа Лайнеф, и здесь мы должны похоронить себя? Так оценил нашу службу Великий Константин? — сдерживая подступивший комом к горлу гнев, я смачно сплюнул.

Долгое время я учился контролировать его, чтобы не выделяться среди людей. Но сейчас это было едва возможно, столь унижительной оказалась плата короля за пролитую кровь павших в этой бессмысленной резне на чужой земле. Кучка удручающего хлама, не более. Берите и будьте довольны!

Лайнеф посмотрела на меня очередным убийственным взглядом. Это всегда действовало на меня неправильно. Было такое чувство, будто я испортил последних

девственниц на всех семи холмах Рима. В один момент она меня пугает, в другой — завораживает. Каким-то непостижимым образом в ней сочетались женственность и жесткость, чувственность и строгость, очарование и властность. Я не раз видел, насколько она может быть жестока. Да, она, разумеется, командир, и перечить ей, как и все, я не имел права, но было ещё что-то, что заставляло меня притихнуть, как сейчас. Присутствовало какое-то необъяснимое давление с её стороны, которое держало меня в узде. Ну, вот почему так?! Я не мог понять причину такого состояния, и, тем не менее, ощущал себя перед декурионом без вины виноватым.

«Да к черту все! Я хотел просто отдохнуть, пожрать и провести вечер в приятной компании вон той, например, красавицы», — въезжая во внутренний двор, заметил я девицу, прятанную под навесом от дождя, которая, определённо, сегодня будет согревать мою постель. Я и не сомневался в этом. Зачем? Есть своя прелесть в сущности демона — женщины всегда были падки на меня, липли, как пчелы на мёд. Я всегда получал ту, которую хотел. Сколько бы девица не ломалась для приличия, в конечном итоге была моей. Сегодня мой глаз упал на брюнетку с голубыми глазами, глубокими, как британские озера. А её сочные губки так и манили, словно вымаливая поцелуй.

О своей сущности я узнал относительно недавно для демона. Детство мое прошло среди сверстников в одной из многочисленных деревень Империи под опекой родителей. Предки во мне души не чаяли, оттого и баловали. Не в пример приятелям, которым от родни доставалось по полной, мне многое спускалось с рук, и я рос таким хулиганом и задирой, нарываясь на регулярные потасовки. Будучи юным парнем, я устраивал деревенские бои, по типу гладиаторских, что однажды видел, когда ездил с отцом в город. Втайне мечтая о военной карьере, я сам не замечал, как неповторимый вкус победы, власти, смешанный с пьянящим ароматом крови поверженного, прельщает меня. Это теперь я понимаю, что подобные страсти являются неотъемлемой частью демонической сущности, сумев взять их под контроль, но тогда я представлял опасность для окружающих. Я и не предполагал, что чем-то отличаюсь от других, пока в восемнадцатилетнем возрасте вместе с односельчанами рекрутом не попал в войска. Мать очень переживала и со слезами умоляла остаться. Понимал, что больше никогда не увижу стариков, но меня это не остановило — невольник своего естества, я рвался туда, где мог разрушать, решать судьбы других, где прав был сильнейший.

Попав в легкую пехоту, я прослыл жестоким, не знающим поражений солдатом. Сейчас можно было бы посмеяться над этим мнением, потому что жестокость там, где рука не дрогнет от взгляда полного мольбы о пощаде, и с проявлением её я познакомился позже, когда судьба свела меня с конницей, декурионом которой была Лайнеф.

В тот день земля стонала от пролитой крови, небо темнело под градом летящих стрел, вопли бьющихся и раненных заглушали звук стали, а солдаты спотыкались о трупы и были вынуждены ступать по мертвым телам. Меня настолько затянула бойня, что я не заметил, как меня подрезали. Меч прошелся по касательной и буквально срезал часть бедра. Валяясь

на земле, я охрип от крика боли, понимая, что не жилец — рана была обширная, я истекал кровью.

Неожиданно возле себя я услышал конское ржание, увидел всадника в красном плаще, привлеченного моими стонами. Шлем скрывал его лицо, а панцирь — тело. Ловко спрыгнув с кобылы, он подошёл и нагнулся ко мне, отдернул мою окровавленную руку и осмотрел рану. Резко вздернув голову, в меня впился пронзительный взгляд карих глаз. Глаз женщины!

На какой-то миг мне показалось, что я лечу в бездну. Я не мог отвести от неё взгляда, не мог двигаться, не мог говорить. Не чувствовал боли. Непостижимым образом она заглянула мне в душу, а во взоре мелькнуло... сочувствие. Потом нерешительно провела ладонью по щеке и тут же отдернула. Отведя взгляд, будто сожалея о прикосновении, она с горечью произнесла слова, которые повергли меня в шок:

— Ты будешь жить, ДЕМОН! — после чего вскочила в седло и растворилась в пыли сражения.

— Какой, к гребаной матери, демон, ненормальная? — крикнул ей вслед, только тут начиная осознавать, что забыл о ранении. Я посмотрел на ногу и в ужасе застыл — пролитая алая кровь темнела и становилась черной, а рана медленно затягивалась, покрываясь свежим слоем кожи. Отказываясь верить своим глазам, я в шоке наблюдал, как исчезали последние следы смертельного ранения, ища разумные объяснения происходящему, но постоянно возвращался к словам незнакомки, ибо иных объяснений не находил.

- Ложь, мать твою! Ложь! Я такой же, как все! — отрицая, заорал во всю глотку. Как в бреду, поднялся и уставился на поле боя бессмысленным взглядом. Перед глазами проносилась вся моя ничтожная жизнь, меня трясло, как в лихорадке. Горечь и злость на мать, старика отца, на весь людской род за то, что каждый день на протяжении восемнадцати лет был мерзким враньём, захлестнула рассудок. Меня будто переключило — утробно рыча, я схватил меч и понесся в самую гущу событий, рубя направо и налево противника, в то время как мозг вел другую битву за принятие невозможного... Продолжая бой, я понял, что обязан получить ответы на множество вопросов. Я должен найти эту ведьму, чтобы вернула мне прошлое, в противном случае пусть объяснится.

Сражение кончилось, мы победили в очередной раз. Но, не чувствуя привычного вкуса победы, в толпе ликующих солдат я искал конников и кидался к каждому с вопросом, не знает ли кто таинственную всадницу с карими глазами. Солдаты смотрели на меня, как на умалишённого, шарахаясь в стороны. Я пребывал в безумии, отчаявшись получить ответы на свои вопросы.

— Ну и к кому мне идти? — спрашивал я себя, осматриваясь вокруг. Единственно, кто приходил на ум, был декурион Госпожа Лайнеф, о беспощадности всадников которой ходили легенды во всей Империи. Её за женщину-то не считали, за глаза называя стервой с яйцами. Те, кто пытался залезть к ней под тунику, давно превратились в тлен, зато турма, которой она командовала, была одной из лучших.

— По крайней мере других баб во всем легионе я не знаю, — пребывая в сомнениях, что это может быть она, я направился на поиски места расположения третьей турмы и их командира. Руки и ноги дрожали, но решимость крепла с каждым шагом. После долгих расспросов узнав наконец, где базируется турма, я нашёл заветную палатку декуриона и, собравшись с духом, откинул полог, уставившись на силуэт женщины, стоящей ко мне спиной.

— Госпожа Лайнеф?..

Прервав воспоминания, я вновь оказался под дождем перед воротами полуразрушенного Килхурна, имея удовольствие лицезреть чаровницу Иллиям, при виде которой меркли все смертные девы. Красотка, каких еще свет не видывал, в неё был влюблен целый гарнизон.

ГЛАВА 6. ЛАЙНЕФ.

— Лайнеф, а тебе никто не говорил, что нехорошо давать повод для переживаний даме столь преклонного возраста? — Иллиям была просто неподражаема в своём недовольстве. Забавно было наблюдать, как хладнокровная воительница притворно супилась, разыгрывая негодование. В такие моменты мимика преображала идеально красивое, но повседневно бесстрастное лицо, окаймлённое белокурыми локонами, и подруга чертовски походила на обиженную юную девушку. Только глаза... в них застыл вековой холод, и даже мне было не по силам растопить этот лёд.

— За несколько дней, что я тебя не видела, Иллиям, ты действительно успела состариться, — подразнила я её. — Вон и морщинки появились, — добродушный хохот ребят разнесся за моей спиной.

— Госпожа Иллиям! — услышала я бархатный голос Квинта. Ну кто же ещё?! — Вы, как всегда, безупречно прекрасны. Благородная роза среди вечного тлена. — Он приложил руку к груди и с лукавой улыбкой чуть склонил голову в приветственном поклоне.

Самодовольный взгляд зеленых озорных глаз, так похожий на тот, из далекого прошлого, в очередной раз резанул память и воскресил мучительный образ, при воспоминании о котором меня опять затрясло от ярости. До боли сжимая челюсти, я закрыла глаза, пряча от людей малейший намек на собственную уязвимость. Сто лет, а всё как будто было вчера. Кончится это когда-нибудь, или вечность — это не срок?

— Квинт!.. — привычно взяв контроль над собственными эмоциями, я обратилась к парню, сверля его взглядом, но заподозрив неладное, Иллиям вновь спасла этого повесу. Выразительно приподняв бровь, она обратилась к юному наглецу:

— Хм, скажи-ка мне, Квинт, мне показалось, или кто-то действительно рискует остаться без ужина? — и тут же обрушилась на меня, за что, признаться, я ей искренне была

благодарна: — Как приятно, Лайнеф, что тебя беспокоит мое состояние. Ну, теперь вы прибыли, и все заботы по благоустройству этого свинарника я перекладываю на вас, а сама займусь своими морщинами. И да, дорогая, надеюсь, хоть к ужину ты приведешь себя в порядок? Я, конечно, понимаю, что внешний вид хозяйки сейчас полностью соответствует этому... — она демонстративно развела руками, — с позволения сказать, замку, но сделай мне одолжение — избавь меня от лицемерия декуриона непонятного пола.

Обезоружив меня сей тирадой, она выразительно закатила глаза к небу и скрылась в дверях замка, сопровождаемая десятками восхищенных мужских взглядов. Слова Квинта были сущей правдой — даже будь бы Иллиам в жутком балахоне, она умудрялась остаться самой собой, являясь для окружающих самой Грацией — символом изящества и красоты.

— Ну, что замерли? Слюни подотрите и позаботьтесь о лошадях, или вы собираетесь и дальше мокнуть под дождем? — посмеиваясь, рывкнула я на конных и, соскочив с лошади, бросила поводья подбежавшему парнишке лет двенадцати:

— Вычисти как следует, накорми и напои! Да присматривай получше за ней, — удивленно разинув рот, мальчонка с любопытством и страхом взирал на меня, что заставило на миг усомниться в его здравомыслии.

— Да в себе ли ты, малец? — легонько потрясла я его за плечо. Парнишка кивнул, расплылся в щербатой улыбке и мигом скрылся с Гаурой в направлении ветхого строения, судя по всему, и являющегося конюшней. Худенькое тельце облепила мокрая, грязная одежонка, только голые пятки сверкали под морозящим дождем.

Печально вздохнув, я направилась к моей новой обители. Преодолев пару низких, полуразрушенных ступеней, открыла массивную дверь и вошла в обширный зал, единственным ярким пятном которого, пожалуй, был горящий очаг в центре, обложенный черными от золы камнями. Вокруг него уже собралось несколько отставников, пытаюсь согреться и просушить промокшие одежды. Юные прислужницы, перешёптываясь и хихикая, с любопытством глазели на них, а солдаты, польщенные подобным вниманием женской половины Килхурна, оценивающе поглядывали на стройные и не очень девичьи тела, ухмыляясь и подтрунивая друг над другом, что вызывало всеобщий смех.

Это внушало оптимизм. Несмотря на то, что наша служба окончена, я не являюсь более декурионом турмы, состоящей из тридцати пяти опытных конных, после расформирования и отставок не все решились вернуться на родину. Двенадцать человек, в большинстве своём сарматы, пожелали остаться, присягнув мне на верность, и чувство ненужной ответственности за их судьбы обременяло. Но жизнь идет своим чередом, делая новый штрих на листах пергамента человеческих судеб. И время сейчас такое, что сильные духом вольны сами определять, каким будет этот штрих — уродливый и убогий, вызывающий жалость, либо четкий и яркий, поставленный уверенной рукой.

По крайней мере с трудом отвоевывая у начальства приказы об отставке каждому из тридцати пяти и освободив их от командира в собственном лице, я дала солдатам

заслуженную возможность выбора. Выбора, которого лишили меня вместе с исчезновением Морнаоса — великолепного города темных эльфов, по словам Дарена погибшего вместе с его жителями в языках огня многовековой войны. Это случилось в ту роковую ночь, когда, как последняя сука, я стонала под врагом, потеряв себя в зелени демонических глаз и мечтая остаться там навечно, не ведая ещё, что лежу под убийцей собственного наставника и друга Охтарона.

Вновь вспышка гнева и презрения дрожью пронесется по членам, а разум затмевает жгучая ненависть. Я давно перестала понимать, на кого она направлена — на того, кто остался в прошлом, или на себя саму. Но порой я ловила себя на том, с какой яростью натираю собственное тело, желая забыть, отречься, вырвать причиняющее боль воспоминание из сознания, обреченно понимая, что это невозможно — живое напоминание укором всегда дышало мне в спину.

Квинт. Непризнанный паршивой матерью сын, так похожий на собственного отца, даже свою сущность перенял у этой твари. Дьявол! Отчего боги так безжалостны? Почему парень унаследовал не ледяное хладнокровие своего деда, а губительное пламя отца, не позволяющее мне принять сына? Моя тайна, моя боль, разъедающая сотню лет все внутренности, моя женская слабость и позор наследницы темного короля Валагунда. Только Иллиам знала правду и частенько с укором взирала на меня, призывая открыть Квинту истину и признать сына.

Из невеселых раздумий вывел громкий хохот солдат и звонкий смех молоденьких девушек. Они явно нашли общий язык. Усмехнувшись, я обвела взглядом зал. Да, это конечно не цитадель отца и даже не достойный римский домус, но при должном устройстве и хлопотах жить вполне можно, а то, что Иллиам доведет дело до конца, я нисколько не сомневалась.

Между тем подруга уже успела скинуть накидку и вовсю командовала взмысленными бриттами, спешащими заставить снедью столы. Кажется, ребят ожидал настоящий пир: молочные поросята красовались по центру, обилие овощей окружало блюдо с запечённой бараниной, лепешки и сыр, вино и выпечка. Далеко не каждый день можно было так набить брюхо, обходясь в походе куском вяленого мяса, черствой буханкой и нередко прокисшим вином. Однако, стоит переговорить о странном инциденте в дороге со своим “советником”.

— Иллиам, распорядись, чтобы покормили солдат, а сама покажи, где я могу разместиться, — она хотела было что-то возразить, но я её оборвала на полуслове: — Не сейчас.

Кивнув мне, Иллиам махнула рукой какому-то седовласому человеку, назвав его Тасгайлом, и что-то тихо сказала ему, после чего направилась ко мне.

— Видимо, это и есть местный распорядитель? Странное имя, — обратилась я к эльфийке, наблюдая, как к бритту прислушивались остальные слуги. — Не староват ли?

— Он смышлен и сама расторопность. Его отец был пиктом, а мать с южных территорий. У него пятеро внуков и две внучки, — поднимаясь по лестнице, принялась рассказывать она его биографию.

— О, нужно будет запомнить его имя, но избавь меня от этих подробностей, — взмолилась я, заходя в открытую дверь небольшого помещения. Хотела что-то ещё добавить, но убранство представших передо мной покоев лишило дара речи.

Поверхность пола устлана шкурами убитых животных, а оконные проемы плотно прикрыты шпалерами, стены увешаны восточными коврами, безумно дорогими по нынешним временам. По центру комнаты неотъемлемый атрибут — на четырех резных стойках, украшенных вычурной вязью, громоздилась огромная кровать, увенчанная балдахинном из плотной ткани, по своим размерам больше подходящая под полигон военных действий, нежели скромное ложе для сна. И это далеко не всё: несколько изящных столов, на одном из которых расставлены шахматные фигуры, пять скамей для возлежания, драпированных дорогими тканями, множество изысканных подсвечников с зажженными свечами, в дальнем углу предметы для омовения, включая огромную переносную бадью, и обитые железом сундуки, безусловно наполненные всевозможным барахлом. Большинство предметов обстановки бритты наверняка в глаза раньше не видели. Похоже, хитрая бестия ни одного тяжеловоза отправила на тот свет, желая перетащить в Британию большую часть имперского интерьера. Да здесь ступить было негде, не задев какую-нибудь диковинную вазу, либо не зацепившись за ножку стола.

Прекрасно осведомлённая о моих вкусах подруга не впервой нарушала мои указания, подобным образом выражая своё недовольство. Знала ведь, плутовка, что многое сходит ей с рук. Кинув на неё взгляд, я тяжело вздохнула: кажется, мне предстоит ещё одна непогода.

Переступая через скамьи и обходя шаткие вазы, я с трудом добралась до кровати, швырнула пропыленную торбу и колчан с луком на безупречно чистые покрывала и, медленно обернувшись, набычившись, посмотрела на невинно улыбающуюся блондинку.

— По сему убранству вижу, тебе есть, что мне сказать. Выкладывай! — я уставилась на неё, скрестив руки на груди.

Недовольно поджав губы, Иллиам плотно закрыла за собой дверь, повернулась ко мне и холодным тоном произнесла:

— Считаю этой компенсацией моего здесь нахождения, потому что я не понимаю, дорогая моя, почему по твоей прихоти мы должны гнить в этом болоте? Почему здесь, Лайнеф? — с каждым словом её голос набирал силу, накаляя обстановку. — Неужели ты не могла остановить свой выбор на другом месте, Аквитании, например, или Византии, где люди имеют хоть какое-то представление о цивилизации, а не на этой долине дикарей и варваров?

Подобравшись и гордо приподняв подбородок, она продолжила:

— Ты даже представить себе не можешь, что здесь было изначально! Пусть здесь стало приемлемо жить, но болото останется болотом, сколько бы лилий здесь не возросло!

— В Аквитании сейчас беспокойно, в Византии утверждено христианство, и на таких, как мы с тобой, идёт травля. Люди невежественны и беспомощны в своих страхах. Они предпочитают уничтожать то, чего не понимают и боятся, — секундная пауза, и, скрепя сердце, я продолжила. — Но, если ты так настаиваешь, я никого не держу подле себя. Даже тебя. Можешь проваливать куда угодно. Я остаюсь здесь.

— Если ты ещё помнишь, я присягала твоему отцу, и последним его приказом было позаботиться о наследнице трона. По эльфийским законам если король мертв, приказы его незыблемы! — на взводе она мастерски могла дать отпор. — Да, и ещё... Боюсь, что мое отсутствие прискорбно скажется на далеко не теплом твоём отношении к Квинту. Бедный парень не виноват, что унаследовал сущность своего отца, а ты порой волком на него смотришь, спуская всех собак только за то, что он появился в поле твоего зрения. Даже мне становится не по себе.

— Бьёте, советник, по больному? — оцетинившись, прошипела я, но, понимая её правоту, устало села на кровать. В воздухе повисла напряжённая пауза. Безвольно опустив на колени руки и склонив голову, я задумалась, стоит ли рассказывать Иллиам о собственных, непонятных даже мне, ощущениях, связанных с этими краями. Возможно, она права, и стоило вместе с легионом вернуться в Империю, но что-то неумолимо притягивало меня к этим местам.

— Я не знаю, как тебе это объяснить, Иллиам, но я предвижу, что должна остаться здесь...

— Предвидишь? — грубо оборвав меня, она вспыхнула как фитиль, и зашлась смехом. — О чем ты говоришь сейчас, Лайнеф? Предвидеть мог твой отец, который обладал мощными ментальными способностями. Предвидеть могла твоя мать — светлая, обладающая даром предсказания. За все то время, что я тебя знаю, а это, прошу заметить, не одно десятилетие, в тебе и намёка не было на подобные способности. Не знаю, что ты там предвидишь, но по мне это просто очередная блажь взбалмошной, не знающей ни в чем отказа принцессы!

— Не ори! — рывкнула я не неё. Вскочив с кровати, я схватила колчан и направилась к Иллиам, ногой отшвырнув по дороге пару византийских ваз и злорадствуя, когда одна из них разбилась, а госпожа советник поморщилась:

— Ничего, выпишешь новую, если только сама за ней не умолаешь.

Встав напротив негодующей подруги, я вытащила ту самую, с голубым наконечником стрелу и на раскрытой ладони протянула Иллиам:

— Так что, ты всё ещё считаешь, что я полный бездарь? Взбалмошная принцесса, не достойная своих предков? Тогда поясни мне, госпожа советник, что это?

ГЛАВА 7. ИЛЛИАМ.

— Тогда поясни мне, госпожа советник, что это? — с разгневанным видом произнесла Лайнеф, демонстрируя зажатую в кулаке стрелу.

Я перевела взгляд на предмет и... уже ничего не слышала, могла лишь догадываться, что она о чем-то спрашивает и наверняка ждет ответа, но сейчас я будто находилась в ступоре. В горле моментально пересохло, холод пронесся по спине и обжег затылок. Казалось, пол уходит из-под ног, а подо мной разверзлась бездна. Окружающая обстановка померкла перед видом предмета, от которого я не могла отвести взгляд. Моментально узнав оперение, которое могло принадлежать только проклятому дому Доум — Зартрисс, моему дому, липкий страх закрался в сердце.

— Иллиам, ты слышишь меня вообще? — Лайнеф трясла меня за плечо. — Да что с тобой, Иллиам?

Щеку обожгло от удара ладони. Именно это вывело меня из оцепенения. Мощным потоком воздух ворвался в легкие, и только сейчас я поняла, что на время перестала дышать.

— С тобой всё в порядке?

Обеспокоенной голос подруги был так непривычен слуху, что я поторопилась ответить, но слова прозвучали холодно и отстранено:

— Всё в порядке...

Не желая волновать подругу подозрениями — иначе слишком много пришлось бы объяснять, я торопливо добавила:

— Что-то я сегодня ужасно рассеяна, забыла дать слугам кое-какие распоряжения. Мне нужно идти, а ты устраивайся.

— Ну разумеется, как всегда, всё в порядке! — спешно закрывая дверь, услышала я негодующий вопль декуриона. — И распорядись, советник, чтобы этот гребанный склеп привели в приемлемый для проживания вид! — далее последовал звук разбиваемых о стены предметов, судя по всему, очередная погибшая ваза. Но в эту минуту даже безумно дорогая посуда, выполненная на заказ у известных византийских мастеров, меня не волновала — все мысли заняла тень из далекого прошлого...

Как в тумане я спускалась в зал, когда звуки веселой песни менестрелей под аккомпанемент костяной флейты, лиры и бойрана, сопровождаемые хохотом мужчин и заливистым смехом женщин, на некоторое время вернули меня в мир смертных к своим обязанностям. Похоже, пиршество было в самом разгаре: чаши с яствами наполовину пусты, новые графины с вином приносили явно уже не в первый раз. Кто-то из парней, не рассчитав свои силы, уснул прямо под столом, дополняя незатейливую песню собственным “музыкальным” храпом. Измотанные в долгой дороге воины шутили и заигрывали с молодыми девушками, не забывая при этом наполнять свои кубки.

— Тасгайл, — позвала я, и расторопный распорядитель моментально материализовался у меня за спиной.

— Да, госпожа?

— Возьми с собой несколько человек, и приведите покои госпожи Лайнеф в должный вид. К моему прискорбию ей не понравился интерьер. Также принесите госпоже еды и вина, всё необходимое для омовения, но ни в коем случае не присылай служанок в помощь, иначе не миновать нам бури, — старик покачал головой, пряча улыбку в седой бороде, и уже искал глазами нужных людей, когда я окликнула его: — Да, и не беспокой меня до утра.

Находясь в своих покоях, отхлебнув из кувшина воды и сбрызнув лицо, я попыталась привести мысли в порядок. Ничего не получалось. В голове полный хаос, тревожные мысли путались и не поддавались никакой логике, рождая неосознанную панику. Но нет, этого просто не могло случиться. Просто не могло! Не сейчас, когда я забыла о постоянном страхе и ночных кошмарах, от которых просыпалась некогда в холодном поту и в побелевших от напряжения пальцах до судорог сжимала рукоятку кинжала. Только не сейчас, когда привыкла жить, не ожидая очередного появления мрази, умудрившейся превратить мою жизнь в кошмар и унижение. Мертвые не возвращаются!

Я прекрасно видела, как он подышал, как кровь сочилась на разорванный шёлк моего ночного платья, как последний выдох этой гадины отравлял воздух своим гнилостным ядом. Он мертв. До сих пор я была убеждена в этом, исключая ошибку. Его бездыханное тело в моей памяти и стекающие с клинка капли крови оставались верным тому доказательством. Мой единственный удар оборвал жалкое существование подонка, а огромная лужа крови, расплывающаяся на кровати — последнее воспоминание, поставившее жирную точку на семейном родстве с домом Доум-Зартрисс. В ужасе от содеянного я неслась по коридорам королевского замка в покои Валагунда, когда эта грязная лужа в собственном сознании расплывалась до размеров моря, океана, безвозвратно преломляя во мне что-то и навсегда отбивая охоту пускать кровь. В ту ночь я возненавидела её вид и тошнотворный запах, ассоциирующуюся со смертью мерзавца брата.

Нет, я не перестала убивать — в том мире целью каждого было выжить любой ценой, а без смертей это было просто невозможно. Выживали сильнейшие, нещадно вгрызаясь в плоть друг друга, когтями разрывая подобных себе тварей на части, тем утверждая право на существование. Я действовала иначе, меняя стиль убийства, расправлялась с противником, не пролив ни капли крови, прослав среди своих *Sam Verya* (рука смерти).

Моя семейка с самого моего рождения на протяжении многих лет очень доходчиво показывала мне, кто я есть на самом деле — тварь, пользующаясь сильнейшим, ничтожеством, рожденное для реализации их замыслов и удовольствий. То мое «счастливое» время не скрашивала даже мать, которая ни в чем не могла перечить своему супругу. Ну, еще бы, ведь когда-то он, богатый купец, поступил очень благородно, женившись на молодой вдове из приближённого к королевскому, но обедневшего дома Доум — Зартрисс, эльфийке, воспитанной в абсолютном мужепоклонничестве.

Мне бы полагалось сочувствовать ей. Но нет, не найдя поддержки в собственной матери, наблюдая за затравленной женщиной, породившей меня на свет, я не чувствовала никакой жалости, только брезгливость. Осознавая, что и меня ждет та же участь, моя

сущность протестующе кричала, подпитываемая разгорающейся ненавистью к тирану отцу и ублюдку брату.

Решение было только одно — самой стать сильнейшей и вырваться из этого плена. Льстивыми увещеваниями я стала убеждать отца, грезившего о славе и почестях, отдать меня на обучение в личные хранители Верховных, в результате которого можно получить звание хранительницы венценосной особы и приблизиться к самому королю. Аргумент о близости к Валагунду сыграл свою определяющую роль, и в итоге отец дал согласие. Ведь он спал и видел, как его золотая девочка девственно ляжет под короля и займет соседний трон, тем самым прославив род Доум — Зартриссов, к которому после женитьбы он себя причислял, впрочем, законно.

Он делал на меня огромные ставки. С малых лет лучшие наставники обучали меня манерам, мое окружение проходило тщательный отбор отца, а все мои так называемые приятельницы были, по меньшей мере, аристократического происхождения. Отец пророчил мне «светлое» будущее, и любое самовольно принятое решение оборачивалось для меня жестокими телесными и психологическими наказаниями.

Но и тогда он не мог оставить все без внимания — подобрал мне самого сурового наставника, с которым обсудил мой режим и то, как я буду проводить свободное время. Я была согласна даже на это, лишь бы больше никогда не появляться в ненавистном мне родовом доме, существование в котором было сродни хождению по острию ножа. Отец просчитал всё, и, возможно, его планам суждено было бы свершиться, если бы не одно маленькое обстоятельство — его гордость, его ставка была подпорчена, ибо не была девственна благодаря усилиями вечно пьяного извращенца, именуемого моим братом Кирвонтом.

Как и отец, мечтающий о господстве, старший брат, долг которого заботиться и защищать сестру, превратил всю мою юность в пытку, изощренное издевательство и боль. Это была его любимая игра — получать удовольствие посредством унижения той, кого отец выбрал в любимицы, как считал этот ублюдок. Для него не существовало никаких запретов и законов. Он прекрасно находил мои слабые места и пользовался этим так же умело и искусно, как своей физической силой. Никогда не считался ни с кем и ни с чем, кроме как с желанием удовлетворять нереализованные амбиции и сексуальные прихоти посредством любимой сестрички, как он называл меня, когда ревущую ставил перед собой на колени и запихивал мне в рот свой член, а все мои мольбы и просьбы о пощаде разбивались о громкий смех и удары сапога.

И даже вырвавшись из этого кошмара, когда я была в числе личной охраны Валагунда и его любовницей, что просто убило моего отца, у Кирвонта хватало наглости продолжать отравлять мою жизнь посредством шантажа — если бы король узнал о моем прошлом, не миновать бы мне виселицы. Но последний визит так называемого брата до сих пор стоял у меня перед глазами. Я отчетливо помню каждый момент той нашей последней встречи. Как, находясь в пьяном угаре, через тайные ходы он проник в мои покои, как срывал одежду, требуя раздвинуть ноги, как вырывалась, ища под подушкой клинок, и как с остервенением

вонзила холодный металл в его глаз, раз и навсегда положив конец собственным пред ним страхам.

Понимая, что поступаю глупо, ведь мертвецы не возвращаются, я прошла к стоявшему у кровати сундуку, на дне которого нашла небольшой кинжал, подаренный когда-то Валагундом, любовно провела по клинку ладонью и положила под подушку. Откинула покрывало с кровати и, не раздеваясь, обессиленно рухнула на шелковые простыни.

— Ты параноик, Иллиам! Всему есть логичное объяснение. Кто знает, возможно, у какого-то местного аборигена подобные стрелы, — успокаивая, обманывала я себя, ибо знала: стрела принадлежит Тёмному миру. — Но, если кто-то и остался в живых из рода Доум — Зартриссов, это не может быть он. Слуга, дальний родственник, в конце концов, просто воин, но точно не Кирвонт.

Незаметно для себя я провалилась в тревожный сон, удерживая в ладони рукоять кинжала.

Неизвестный.

Он лежал на узкой кровати поверх истлевшего от времени соломенного тюфяка в одной из комнат верхнего этажа местного трактира. С любопытством наблюдая за передвижением блох на несвежей рубахе, мужчина оставался абсолютно равнодушным к женским воплям, доносящимся из-за стены соседнего номера. Лишь тень интереса промелькнула на обезображенном лице, когда грубый голос гаркнул:

— Работай усерднее, сука! Я и нуммии бы не заплатил, если б знал, что здешние шлюхи столь ленивы, — и последовавший за этим удар, сопровождаемый женским вскриком.

— Ничего не меняется во вселенной, — лениво констатировал мужчина, анализируя сцену в соседней комнате, потягивая забродившее пойло, прилагаемое в качестве бонуса пышногрудой хозяйкой корчмы. Уж чем он, обладатель такой уродливо-примечательной внешности, умудрился ей приглянуться, оставалось загадкой даже для него.

— Страх, тщеславие, алчность — вот три постулата всевластия. Напугай, и ты добьешься желаемого. Заплати, тебя будут вылизывать, пока... — он поднял холеный указательный палец, акцентируя внимание на слове “пока”, - не назначена более высокая цена. Льсти, обещай, и толпы за пойдут за тобой. Как же всё-таки скучно... — разочарованно скривил незнакомец физиономию, прислушиваясь к звукам из-за стены. — Хм... видать, неплохо сосёт. Может зря я отказался от шлюхи?

Он было поднялся и направился к хлипкой двери, чтобы позвать одну из предлагаемых радушной хозяйкой красоток скоротать время, но был уже привычно остановлен Голосом из ниоткуда.

— Погоди! А как же похоть? — иронично спросил Голос.

— Опять ты, и снова не вовремя, — мужчина вздохнул и вернулся в кровать, но неожиданно вдохновившись дискуссией, обещавшей быть интересной, закинул руки за голову. — Ну хорошо, давай поболтаем! Похоть — минутное желание, блажь, считай, что каприз. Влечение не надёжное и не стабильное, и нужно быть глупцом, чтобы использовать её в качестве давления на объект.

— Допустим, я с тобой соглашусь, — на секунду Голос затих. — Но похоть — неотъемлемая часть того сильного чувства, которые смертные именуют любовью. Разве не так?

Мужчина на мгновение онемел, а затем комната вдруг наполнилась истерическим смехом. Он свалился с кровати и как одержимый загоготать, катаясь по полу. Это продолжалось минуту-другую, до тех пор, пока настойчивый стук в дверь, приводя незнакомца в чувство, наконец не прервал нескончаемого потока хохота. Постоялец так же внезапно умолк, как только что проявил чрезмерную весёлость. Озираясь по сторонам, будто не понимая, где находится, он с удивлением воззрился на дверь. Когда же хлипкая преграда готова была уже сдаться перед натиском ломящегося и рухнуть, странный субъект поднялся, подошёл и аккуратно её отворил.

На пороге стоял кельт весьма непривлекательной внешности и в довольно-таки неопрятной одежде. Сминая в руке засаленный, выдавший лучшие времена башлык, он украдкой заглянул в комнату, рассчитывая увидеть причину столь бурных эмоций постояльца, однако, никого не приметив, сконфуженно пожал плечами и скользнул опасливо-вопросительным взглядом по лицу своего нанимателя. Тот, игнорируя любопытство кельта, невозмутимо кивнул, приглашая гостя войти.

— Надеюсь, я не впустую потратил своё время и деньги? — с акцентом спросил он, слегка растягивая слова, и плотно закрыл за вошедшим многострадальную дверь.

— Господин, всё сделано, как ты и велел, — выпученные, колючие глазки человека забегали по тёмной одежде собеседника, несомненно из дорогого сукна, взгляд переместился на нищенскую меблировку помещения, и окончательно выбрав мишень, сконцентрировался на кувшине с пойлом — всё что угодно, лишь бы не смотреть в лицо постояльца.

- Рассчитаться бы не помешало... — выдавил из себя кельт.

— Морда моя не нравится, так? — казалось, ледяной ветер поселился в грязной комнате, в то время как её обитатель и не думал повышать голоса. Наоборот, его речь была тиха и вкрадчива, но именно благодаря ей кельту ещё больше стало не по себе: — В лицо мне смотри. У меня один глаз, но его достаточно, чтобы отличить ложь от истины. Рассказывай, как всё прошло.

— Мы нашли её там, где ты и говорил, господин, — нехотя перевёл кельт взор на переносицу философа. — Сделали так, что комар носа не подточит. Да, с ней ещё были сарматы.

— Возле стен вала? — прошелестели тонкие губы постояльца.

— Ну да, именно! — торопливо закивал кельт, печёной чуя, что с этим хмырём лучше шуток не шутить. Ох, не нравился ему этот тип — от одного его вида кидало в дрожь, но платил уж больно щедро, а по нынешним временам не так просто найти легкую работёнку за большие-то деньги.

— Она приняла мой подарок?

- Да, Господин. Подобрала собственными ручками, — заметив, как дрогнули в подобии улыбки уголки губ нанимателя, кельт расслабился и сам расплылся в улыбке, демонстрируя гнилые зубы. — Должен признать, у Вас отменный вкус, господин! Девка больно смазлива, правда, тоща на мой вкус, — и уж совсем осмелев, ибо, кажется, одноглазый был очень доволен, добавил: — Но к такой на хромой кобылке не подъедешь — в миг глотку перегрызёт, да и окружена имперскими ублюдками. Мой добрый совет, господин, держался бы...

Неожиданно кельт захрипел — сдавленное мертвой хваткой горло отказывалось дарить его обладателю очередной глоток воздуха. Только теперь заглянув в единственный глаз душителя, кельт вцепился в его руку, пытаясь освободиться, и, когда понимание, что это конец, обожгло мозг ужасом, он услышал последний звук в своей жизни — хруст собственной шеи. Безвольное тело мешком свалилось к ногам постояльца, лицо которого оставалось абсолютно бесстрастным.

— Дело сделано. Ты мне больше не нужен, — незнакомец посмотрел на свои руки, потирая подушечки тонких пальцев. — Любовь — одна из религий, созданная для нищих и слабых, приятель мой. Власть же — удел сильных.

Одно мгновение, и мужчина растворился в предрассветном тумане британских ночей, скользнув в оконный проем.

ГЛАВА 8. ФИЕН.

Я бросил недоумевающий взгляд на ворвавшегося в покои эльфа:

— Чтоб тебя черти взяли, Алистар! Ты чего врываешься без стука как к себе домой?

Мы так давно знакомы с темным, что я и без слов прекрасно понимал, что у него на уме. И сейчас напряженность, читаемая на лице советника, сулила какое-то известие.

Алистар внешне совсем не похож на дохлых эльфов. Высокий, широкоплечий, он наверняка абсурдно смотрелся среди них. Его рубаха не скрывала мускулистый торс и крепкие руки война. Просто девичья мечта! И сила у него была под стать обличью. Хладнокровный и бесстрашный в битве воин с хорошо развитым ощущением опасности, дальновидный стратег, прекрасный стрелок, он искусно вписался в ряды демонов, что само по себе было очень необычно. А наездник лучше него ещё не садился на коня. Ум его намного острее и проницательнее, чем у скорых на расправу демонов. Острый ум эльфа намного проницательнее, чем у скорых на расправу демонов.

Когда-то я считал его своим врагом, и на то у меня была веская причина — война двух

рас. Но ненависть к эльфам в прошлой жизни в конце концов не помешала понять выгодность нашего союза в мире смертных. Сначала о дружбе и речи не шло, скорее, мы были вынужденными партнерами — мне нужны были дельные советы обладающего тонким чутьём эльфа в становлении среди смертных, ему же... До сих пор задаюсь вопросом, отчего он остался с нами. Но как бы там ни было, со временем многое изменилось. Да, мы с Алистаром немало пережили вместе, часто вспоминая те времена, когда многие из нас прошли проверку “на вшивость”.

Сотню лет назад я вступил на суровые земли Каледонии, ведя за собой шайку отчаянных демонов-головорезов, многие из которых, как и я, были объявлены вне закона в Темном мире. Каждый был физически сильным, эмоционально озлобленным, но главное — преданным мне. Никто из нас не испытывал к прошлому ничего, кроме свирепой ненависти. И это нас объединяло. Голодные и злые изгои, мы представляли собой устрашающую силу. Долгие годы обитали словно привидения, скрывая от людей свою сущность. Нам предстояло заново идти долгим путем преодоления многочисленных трудностей. Мы многое по дороге утратили, но приобрели также немало. Пытаясь выжить и как-то приспособиться к существованию в новом для нас мире, мы вышли на тропу разбоя, где грабежи приносили приличные доходы.

Жестокость и неистовость наших набегов рождены были скорее мрачной решимостью и упорством в достижении поставленной цели, чем свойственной демонам вспыльчивостью. Наши атаки всегда проходили бурно и беспощадно. Я должен был дать понять врагам, что меня не так легко победить, а учитывая нечеловеческую силу каждого воина моего клана, никто из противников не смог бы противопоставить себя серьезным соперником. Много из опыта службы в войске демонов-воинов под командованием одного из самых жестоких полководцев Темной армии я постепенно внедрил в собственный отряд. Мы держались так, как держатся обычно люди, живущие войной и для войны. Нас не связывала излишне суровая дисциплина, но атмосфера хорошо организованного военного клана присутствовала. Поэтому в Каледонии за короткое время из простых беглецов и грабителей мы превратились в грозный отряд наемников, слух о котором распространился по всему острову, и постепенно стал расти спрос на нашу службу. Дела мои в течение ряда лет шли так успешно, что я завоевал доверие среди глав других кланов и пользовался определенным уважением в округе.

У меня никогда в жизни не было собственных владений. Но сейчас мой клан занимает обширные земли Каледонии, которые стало небезопасно оспаривать. Замок, в котором я обосновался, фактически поднят из руин и пепелища. Понадобились титанические усилия, чтобы, несмотря на нескончаемые войны, вдохнуть жизнь в это скопище обгорелых камней. Теперь я полноправный хозяин Данноттара и волею судьбы глава клана Мактавешей. Даже самые сильные соседи избегали с нами ссор, потому что в мирное время дружба с горцами служила залогом спокойствия всей округи, а в случае войны союзникам мы оказывали помощь, быструю и действенную. Я вел свой клан сквозь политические бури и приграничные войны. Политика для меня была в новинку, а способности и советы Алистара оказались доходными и дельными.

- Доброй ночи, друг мой! — Алистар прошел вглубь комнаты, кивнул мне и с улыбкой посмотрел на смятые простыни. — Хотя вижу, что ночка уже удалась.

- С чем пожаловал, темный? — без особой симпатии я взглянул на непрошеного гостя. — Надеюсь, повод веский, раз решил в такой час отвлечь меня от дел?

— От дел? Хм... Я с благими вестями, так что рассчитываю на менее гневный взгляд в свою сторону.

Я снисходительно усмехнулся:

— Говори уже, что тебя беспокоит?

— Скорее, в определенном смысле, возбуждает... Прибыл гонец, принёс вести с южной границы. Мортон наконец-то помер.

Несколько мгновений я стоял молча и обдумывал услышанное:

— Помер, значит, старый паскудник? Давно пора было. Весть действительно благая, ибо Килхурн теперь мой, — в голове взбудоражено зрел план последующих действий. Я спешно облачился в кожаные штаны, следом натянул рубаху. — Мы чёртову тучу лет выполняли свою часть условий договора, теперь пришла очередь откинувшегося Мортон.

Присев на край стола, я налил себе кружку эля и с удовольствием отпил:

— Когда же это случилось?

— Две недели назад. Нужно срочно ехать в Килхурн.

— Как две недели?! Ты сейчас на полном серьезе это сказал? — закипая, процедил сквозь зубы. — Какого дьявола я об этом узнаю только сейчас?

— Оттого, что гонец...

Я подлетел к темному и остановился в шаге от него, грубо обрывая его объяснение:

— Откуси себе язык, темный! Для ясности: Килхурн, этот лакомый кусок земли, все это время стоит без охраны! — слова в раздражении перешли на рык. — Собери отряд. На рассвете выступаем. Сам останешься в Данноттаре.

— Да ты издеваешься видно, Фиен! Неужто мне сидеть здесь, как какой-то рыхлой бабе?!

— Следи за своим языком в моем гребаном доме. Пока ещё я здесь глава клана, что означает, если я говорю тебе остаться здесь, ты, мать твою, остаешься! — прорычал я, глядя в глаза эльфу.

Темный выглядел измученным после недавнего ранения и, судя по запаху свежей крови,

рана его еще не затянулась.

— Спорить с тобой бесполезно, видимо?

— Верно мыслишь, советник!

Резко отвернувшись, вернулся к своему элю. Я кипел от злости, но усилием воли заставил себя успокоиться и говорить рассудительно. Черт побери, добрею, что ли, с годами?

— В поездке в Килхурн не вижу ничего опасного, справимся без тебя. А вот Данноттару в моё отсутствие нужна твердая рука хорошего управленца и воина. До меня дошли слухи, что несколько деревень соседнего клана были сожжены, поэтому ты будешь здесь.

— Да к чертям все это, Фиен! Не дело мне отсиживаться здесь, как последнему сосунку!

— Хватит причитать! Вопрос решен. Тебе следует восстановить силы. И ты заслужил отдых, темный. Пользуйся, пока я добрый.

— О каком восстановлении сил может идти речь, если отдых в Данноттаре — скука смертная? — проворчал Алистар.

Я пропустил эту тираду мимо ушей.

— Секс — отличное средство, чтобы забыться. Так почему бы им не воспользоваться? Шлюхи местные стойкие, иметь их одно удовольствие. Да и просто жаждущих девиц немало.

— О, я вижу! — темный снова усмехнулся, бросив косой взгляд на ложе.

— Ну же, Алистар, не будь задницей. Хватит нос воротить!

— Что поделать, если я гурман?

— Во насмешил-то! Гурман хренов, не чурающийся интрижек с прислугой?

— Ты понял, о чем я, демон. Не хватает здесь златокудых дев с мраморной кожей и хорошими манерами...

— Дай-ка угадаю! Да ты хандришь, друг мой, ностальгия замучила? Хотя, сдается мне, что ты определенную эльфийку имеешь в виду, — я скрыл свою усмешку за глотком эля.

— Да пошел ты!.. — выдал Алистар и рассмеялся. — Скажи еще, что в твоей бессмертной жизни не было особых женщин?

— Были, еще какие, — с готовностью поддержал я эльфа. — Но это не значит, что

нужно забыть о том цветнике, что всегда есть вокруг нас. В Даннотгаре девок немало — бери любую.

— Нет, благодарю, право первой ночи твое.

— Твое благородство тебя погубит, темный.

Мы оба погрузились в раздумья по различным причинам. Повисло долгое молчание, а затем я произнес всего одно слово:

— Свободен!

Секунду спустя открылась и закрылась дверь, и я остался наедине с собой. Пересек комнату, открыл окно и глубоко вдохнул свежий воздух прохладного утра, успокаиваясь и размышляя о дне грядущем. Во дворе было тихо и пусто. Одиноким часовой застыл высоко на внутренней стене, плотно кутаясь в плащ.

Ливень наконец-то перешел в мелкий морозящий дождь, а ветер стих. Сквозь редящие тучи на востоке стали робко пробиваться первые лучи утренней зари. Алистар немедля собрал отряд проверенных в боях и преданных мне людей, вооруженных копьями, стальными топорами и кинжалами, знающих, как обращаться с мечами и стрелами. Предусмотрительный эльф также посчитал нужным присутствие Дагона, Шагса, Далласа Молоха и Лилиана — демонов, служивших мне не одну сотню лет. Когда-то Алистариу серьезно досталось от них — потерявшие всякую надежду вернуться обратно, разъяренные демоны не щадили никого, а уж неожиданное появление эльфа в мире людей было для них равносильно взмаху красной тряпки перед быком. За каким чёртом я тогда помешал им развлечься и вступился за изрядно уже помятого эльфа? Возможно, спонтанное желание самолично расправиться с темным, представительница расы которого слишком много мне задолжала. А возможно, банальное понимание простой истины — когда у врагов появляется новый, непримиримый и общий враг, в нашем случае — голод и неизвестность, старые враги становятся союзниками.

Мы выдвинулись к новому, стратегически важному моему приобретению — к Килхурну. Лэрд Мортон умер богатым человеком, но хозяином он был прескверным. Имея в пользовании несколько деревень, разбросанных на границе Каледонии, с которых получал регулярную мзду, собственный замок он держал в плачевном состоянии. Несмотря на то, что дважды был женат, законных наследников он так и не оставил, и не без моей помощи, благо дело, война списывала все потери.

С появлением форта, которым станет Килхурн в ближайшем будущем, мой клан будет надёжно прикрыт с южной границы. А у разрозненных и разбросанных по всей Каледонии племен останется только один выход — хотят жить, присоединятся к нам.

Двое суток мы были в пути. Сонные пустоши, над которыми поднимался влажный запах торфа, усыпанные временами зарослями колючего утесника и вереска, были молчаливыми свидетелями нашего продвижения. Дождь наконец отступил, и солнце, отражаясь лучами в желтых цветах, ослепляло глаза. Непривычна и прекрасна суровая, бескрайняя, богатая земля Каледонии. Жестока, опасна, но дьявольски прекрасна. Только тот, кому было с чем сравнивать, мог по достоинству оценить всю её красоту. А уж мне было с чем сравнить.

К концу второго дня, пересекая равнины и нагорья, мы оказались перед сплошной стеной дикого, глухого леса, по ту сторону которого и располагался Килхурн. В народе ходила дурная слава об этой чащобе, и многие смельчаки предпочитали эти места обходить стороной. Поговаривали, что лес кишит злыми ведьмами, а на одной из его полян собираются друиды, приносящие людей в жертву богам, что порядком меня веселило. Неоднократно пересекая его, я так ни разу и не смог встретиться ни с одной из местных чаровниц. "Либо судьба ко мне не благосклонна, либо народная молва сильно приукрашена, либо нечисть сама пряталась, чувствуя демоническую сущность, и кстати, правильно делала," — удовлетворённо хмыкнул я. В любом случае, подобные слухи мне были только на руку, ведь этот кусок земли, в изобилии кишащий парнокопытным провиантом, способным полностью удовлетворить голод людей и приглушить вечный голод демонов, вместе с Килхурном теперь переходил в мои руки.

Мы въехали в лес, и лошади, уверенно ступая по мягкой почве, пробирались сквозь его темные заросли. Внезапно я резко остановился и глубоко втянул воздух. В естественных запахах леса я уловил едва различимый запах дыма. Казалось, ничего удивительного, если учесть, что Килхурн уже близко, но инстинкт хищника твердил совсем иное — впереди опасность и смерть.

— Даллас, Молох! — сделав знак воинам, я послал их вперед разведать обстановку. Они кивнули и тотчас же исчезли, растворившись в утреннем тумане.

Я взглянул через плечо на свой отряд. Воинам передалось моё беспокойство, они обменивались грязными ругательствами и шутками. Лошади нетерпеливо топтали копытами влажную землю.

— Но куда, к дьяволу, эти двое пропали?

— Вон они. Уже возвращаются! — Лилиан кивнул в сторону приближающихся к нам всадников.

Демоны вернулись озабоченные и возбужденные. Смерив их испепеляющим взглядом, я ждал немедленного доклада.

— Саксы у Килхурна, Фиен! Не менее полутысячи!

— Падальщики, мать твою! — я плюнул на землю. — Знал же, знал, что за две недели найдутся желающие прибрать к рукам замок.

Не в силах больше устоять на месте, я пришпорил коня и помчался вперед, направляя отряд в сторону крепости. Чем ближе мы продвигались к Килхурну, тем отчетливей были слышны шум, пронзительные выкрики, лязг железа.

Наконец — то лес перед нами расступился. Рядом со мной потрясенно присвистнул Лириан. Развернувшаяся перед нами картина лишь подтвердила, что чутье меня не подвело — Килхурн стоял в едком черном дыму пожарища, горели постройки в селении за пределами его стен. Саксы шли в атаку, защищаясь щитами от летящих со стен замка стрел. Неожиданно прогремел взрыв, и наши кони дернулись от его мощи. Порох? Черт возьми! Откуда у саксов порох? Во мне всё заклокотало от ярости, когда, превращаясь в пыль, обрушилась стена крепости и сотни ублюдков ринулись в образовавшийся проем.

— Мать твою! Да они сейчас камня на камне не оставят от МОЕГО замка!

Ребята возбужденно дрожали, с нетерпением ожидая моего приказа.

— Пора прекратить эти забавы. Вперед!

Вынимая мечи из ножен и издав боевой клич Мактаवेशей, мы вихрем понеслись в бой.

ГЛАВА 9. ШТУРМ.

Невозможно ни с чем спутать сигнал тревоги. Горн, колокол, гонг, или просто крик часового — не важно, но этот пугающий звук врывается в сознание, предупреждая об опасности, и принуждает к немедленным, решительным действиям, от которых порой зависят судьбы многих.

Вскочив с кровати, я кинулась к оконному проёму и сорвала деревянный шпалер, всматриваясь в линию горизонта, тонущую в предрассветном тумане. Первые солнечные лучи с трудом продираются сквозь его пелену, несмело пожирая утреннюю влагу. Но скудного света хватает, чтобы рассмотреть приближающийся к замку вооруженный отряд варваров, численность которого вызвала нешуточное беспокойство. Около пятисот пеших саксов — представителей одного из самых безжалостных племен этого времени, заставят усомниться в победе даже темных.

В крепостном дворе суетятся люди. Одни подтаскивают к стенам камни и на мощных канатах поднимают наверх. Другие, готовясь к бою, передают друг другу оружие и стрелы. Тут же разводят костры и над ними устанавливают огромные чаны для кипячения смолы. Обеспокоенные женщины. Кто-то помогает своим мужьям, кто-то, хватая в охапку малолетних детей, уводит их в здание. Чувствуется, что местные не впервые готовятся к защите своего дома, но из-за отсутствия отработанной стратегии слишком много драгоценного времени безвозвратно потеряно.

Оценивая ситуацию, понимаю, что нас, тех кто может держать оружие в руках, слишком

мало, а помощи ждать неоткуда. Единственная надежда — на себя и парней, что прибыли сюда со мной и имеют за плечами изрядный осадный опыт. Досадно, что не успела осмотреть владения. Не имея досконального представления о крепости, не мудрено упустить нечто важное, что может решить исход не в нашу пользу.

Из окна видны центральные ворота. Одного взгляда на них хватает для понимания, что серьёзного натиска они не выдержат:

— Тащите брёвна и доски! Укрепляйте ворота! — крикнула я из окна, забыв о собственной наготе. Пара опешивших бриттов на стене напротив замирают с разинутыми ртами, рассматривая госпожу по пояс в чём мать родила, на что приходится добавить персонально им, — Если ворота не выдержат, шкуру спущу, коль живы останетесь! Угроза подействовала, и горе-воjak как ветром сдуло.

Спешно ищу собственное одеяние, вспоминая, что грязную тунику забрала прислуга, когда их госпожа — тупица, вместо того, чтобы досконально осмотреть крепость, нежилась в бадье. Взгляд наткнулся на расшитое золотыми нитями зеленое платье, аккуратно разложенное на скамье. В сердцах отшвыриваю его в сторону, понимая, что не во что одеться. Открыла сундук — красивые наряды, достойные придворных див, но тёмные боги! ... ни в одном из них невозможно свободно передвигаться, чтобы в бою не запутаться в собственных юбках.

— Илли, ты мне ответишь за это! — злая, я выпотрошила весь сундук и на самом дне, о... хвала богам!... нашла свой старый боевой наряд — кожаные, хорошей выделки, штаны и нагрудные перевязи, рассчитанные ровно настолько, чтобы не сковывать движения, а также плащ — хамелеон из нетленный эльфийской ткани, неоднократно спасавший меня.

— Это то, что нужно! — облегчённо пробормотала, облачаясь в одежду. Типичное одеяние женщин-воинов тёмного мира было распространено при правлении короля Валагунда, но среди смертных могло вызвать недоумение. Накинув плащ, закрепила на поясе ножны с мечом, схватила колчан со стрелами и лук, и выбежала из комнаты.

Направляясь во двор, заглянула в покои Иллиам. Внешне спокойная и отчужденная, она задумчиво заправляла прядь волос в причёску.

— Заканчивай прихорашиваться, Советник. Ты и в Авранаите всех собой затмить решила? — подтруниваю над ней, но шутка не удалась — и тень улыбки не промелькнула на напряженном лице красавицы.

— Моя Госпожа! — бесстрастный голос советника заставил поморщиться, — Ты согласна сегодня потерять людей из-за своего предвидения? У тебя двадцать солдат после весело проведенной ночи, дворовые мужики не в счёт — от них толку мало, а саксов, как минимум, три сотни.

— Пять, — вздыхая, уточнила я. — Послушай! Давай больше не будем говорить на эту

тему. Килхурн теперь наш дом, который заменит нам Морнаос. Я приняла решение и менять его не намерена. Тебе придётся смириться с ним. Сейчас на этот дом посягает враг, а моя задача защитить то, что принадлежит мне по праву. С тобой или без тебя, я буду драться со своими людьми за эти развалины, но, если мой советник, подруга, и член моей семьи в твоём лице, будет рядом, у нас есть шансы на победу.

Теряя драгоценные минуты, мы смотрим друг другу в глаза, и я задаю единственно важный сейчас для меня вопрос:

— Иллиам, ты со мной?

— *Amin naa tualle, arwen rin!* — чуть улыбнувшись произнесла она.

— *Lye nuquernuva. Gurth gothrim Tel'Quessir!* — в тон ей отвечаю я, и мы выходим из покоев.

Торопливо проходя через зал, ловлю на себе полные надежды взгляды женщин. Испуганные дети прижимаются к матерям. Страх застыл на лицах жителей. Дети плачут, старики молятся в углу, склонив колени, а тихий шепот среди челяди доносит до моего слуха имя некоего Мактаवेशа. Вопросительно смотрю на Советника.

— Насколько я поняла Тасгайла, существовал какой-то договор о помощи клана Мактаवेशей скончавшемуся Мортону, но я перерыла весь замок, а договора так и не нашла. Тасгайл в деталях не знает условия договора. Говорит, старый Готфрид не любил трепать языком.

Мы вышли во двор и направились к стенам. Взобравшись на них, я смогла по достоинству оценить отряд саксов. Пришедшее с востока варварское племя, ведомое своими языческими богами, существовало грабежом, уничтожая всё на своём пути, не щадя ни детей, ни стариков, ни женщин. За их жестокость и военное мастерство, саксов боялись и уважали одновременно, и мало кто мог им противостоять. После их набегов деревни представляли из себя выжженное поле, покрытое телами убитых.

Остановившись вне пределов досягаемости стрел, саксы ждали команды атаковать. Красное зарево — кровавый предвестник кровопролития, багровыми тонами окрасило небо, выхватив среди безликих воинов крупную фигуру. Судя по вниманию, с каким его слушали саксы, это был их вождь.

— Иллиам! — привлекая внимание эльфийки, выразительно посмотрела на неё, и та, понимая о чём речь, раздосадовано фыркнула, что вызвало ответную улыбку. — Не переживай, советник, остальные твои.

Я обернулась к солдатам, выстроившимся в ряд по обе стороны платформы стены:

— Парни! Вы все пошли за мной по доброй воле и присягнули на верность. Все знали,

что Каледония не примет нас с распростёртыми объятиями, а те, кто выбрал этот путь, навсегда останутся солдатами, даже будучи в отставке.

Мужские взгляды устремлены на бывшего декуриона, и ни в одном нет сожаления о выборе:

— Сейчас от нас зависят не только собственные жизни, но и жизни тех, кто находится в этой крепости. Потом и кровью нам предстоит отстаивать наш дом. Так не дрогнет рука, карающая врага, и придут с нами Боги! Достоинно исполните вашу присягу, воины Килхурна!

Одобрительные возгласы, подхваченные бриттами, разносились на стенах крепости.

— Рассредоточиться. Занять места у бойниц. Приготовиться к атаке.

Оставшись с советником наедине, задала вопрос:

— Иллиам, какие у нас слабые места в обороне?

— Западная башня у озера почти полностью разрушена. Не знаю, пройдут ли эти завалы саксы, но чем чёрт не шутит.

— Нужно обезопасить себя, — задумалась я на мгновение. — Поджечь! Выстави стену огня, но так чтобы огонь не перекинулся на постройки. Используй магию, но, чтобы никто ничего не заподозрил, Илли.

— Сделаю. Что-то ещё? — спросила подруга, прежде чем уйти.

— Да, — выжимая из себя слова, тихо добавила. — Береги шею, и... приглядывай за Квинтом.

Чуть улыбнувшись, эльфийка скрылась в западном направлении, лавируя между защитниками крепости, прикидывая к бойницам.

Как бы ты ни ожидал нападения, сколько бы не готовился, оно всегда происходит стремительно и внезапно. Сотня разъяренных варваров, во всю глотку вопя боевые возгласы, ринулась к крепости, однако большая часть воинов осталась на месте, что являлось стратегически правильным решением. Вождь саксов, желая выяснить силы противника, отправил в атаку самых никчемных и пустоголовых, которыми не жаль пожертвовать.

— Лучники, готовься! — скомандовала я, как только бегущие саксы оказались в зоне досягаемости стрел.

— Стреляй!

Несколько десятков стрел взмыли в небо, плавной дугой сопровождая свой полет, и стремительно завершили его, врываясь в тела врагов. Прикрываясь щитами, удачливые успевали сохранить свои жалкие жизни, иные замертво падали. Первые вопли раненных огласили равнину криком боли.

— Готовься!... Стреляй! — о меткости моих ребят ещё в легионе ходили легенды. Попасть в мою турму мог далеко не каждый — не желая терять людей, слишком большие требования я выдвигала к претендентам.

— Стреляй! — всё ближе везунчики приближались к стенам, но таких оставалось ничтожно мало.

И вот уже, добывая последних, ликуют, ободренные маленькой победой, жители Килхурна. Если бы всё было так просто...

На стенах воцарилась гробовая тишина, когда из-за склона восточного холма показалась устрашающего вида конструкция, представляющая из себя огромное бревно, креплённое цепями к башне передвижной телеги. Около полу сотни воинов тащило и толкало этот таран в сторону ворот Килхурна. Одновременно с ними, в атаку пошли основные части саксов, причем, разделившись на два фланга, большая часть противника направилась к центральным воротам крепости, другая, ведомая своим вождём, — двинулась к западной башне, где я приказала Иллиам возвести стену огня.

Теперь, в нашу сторону летели вражеские стрелы, и первые жертвы, падая со стен, обагрили землю собственной кровью. Воины Килхурна, стремясь сдержать натиск врага, четко выполняли свою задачу, но темные боги!... нас дьявольски мало, что уже не тайна для саксов, иначе они бы так не осмелели, бросив на замок все силы.

— Немедленно поднимайте смолу наверх! Живей! — кричу костровым, суевающимся возле чанов. Черпая кипящую жижу деревянными ведрами, несколько человек торопливо передавали их по цепочке к стене, и на канатах поднимали наверх, где обжигающая смесь сбрасывалась на головы уже выламывающих ворота врагов.

— Сбрасывайте камни. Лейте смолу на таран. Поджигайте стрелы! — кричу под ужасающие удары тарана двоим лучникам, указывая в направление стенобитного оружия. Стена сотрясается от ударов, и ворота, дополнительно укрепленные изнутри бревнами, пока держат натиск, но судя по пронзительному треску, это ненадолго. Наконец одна из стрел попадает в цель, и огромное бревно, обильно политое смолой, вспыхивает, прихватывая с собой несколько жизней саксов, но брешь проделана, центральные ворота замка повреждены.

— Квинт! — ору во всю глотку, понимая, что только демон может справиться с предстоящей задачей. — Квинт, где тебя черти носят?

Мой зов подхватывают солдаты, и имя война эхом проносится по стенам крепости. Заметив бегущего со стороны западной башни Квинта, отчего-то облегчённо выдохнула.

— Да, командор? — лихорадочным блеском горят зеленые глаза на смуглом, перепачканном лице демона.

— Возьми самых сильных и спускайтесь вниз к воротам. Любой ценой залатать брешь и держать осаду. Да, и ещё... — отведя взгляд, потираю пальцами лоб. — Обильно поливать водой ворота, чтобы не вспыхнули к чертовой матери.

— Сделаем, командор! — саркастическая ухмылка на лице демона совсем не к месту напомнила иную.

— Ты ещё здесь? Вниз, солдат! — рявкнула, замечая, как пламя вспыхнуло и разрослось над останками западной башни. Иллиам знала своё дело — сплошная стена смертельного пекла не пропустит ни одного врага.

Небо над Килхурном потемнело, а горящие хижины жителей по ту сторону стен довершали картину пожарища. В нависшем полумраке люди задыхались от дыма. Отчаянные мальчишки, совсем дети, стремясь облегчить мучения воинов, карабкаясь по лестницам, раздавали влажные тряпицы и воду сражавшимся, снимали тяжело раненных со стен. Тут же женщины принимали их и уносили в здание, чтобы оказать возможную помощь. Убитых, среди которых было и семеро моих парней — Тит, Гней, Марк, оба Луция, Друз и Авдий, не трогали — не до них сейчас всем было. Двоих раненных сняли со стен.

Нас осталось тринадцать вместе со мной, Квинтом и Иллиам, а численность саксов уменьшилась в среднем только на половину. Мои люди либо задохнутся от едкого дыма, либо погибнут под градом вражеских стрел, но, если не принять решительных мер, через несколько часов сражаться будет некому.

Стенобитное орудие полыхало и было непригодно для использования, но отчего же саксы не воспользуются лестницами, зная, что нас единицы? Этот вопрос не давал мне покоя. И когда с стороны восточной башни, там, где никто не ожидал, неожиданно прогремел взрыв, и обрушилась часть стены, я получила исчерпывающий ответ — саксы, имея в своём арсенале бесценный порох, решили идти до конца и воспользовались им.

— Дьявол! — подобное исход я совсем не предвидела. Кипя от гнева на себя за собственную недалёковидность, я выпускала стрелу за стрелой, сбегая вниз и призывая всех к оружию. Когда стрелы закончились, отшвырнула бесполезный лук и колчан, выхватила меч из ножен, подхватила с земли первый попавшийся щит, и плечо к плечу с теми, кто ещё мог держать оружие в руках, ринулась в рукопашную.

Мы шли буквально напролом, атакуя саксов и тут же обороняясь. Адреналин кипел в жилах, а земля стонала от пролитой крови. Крики воинов, стоны раненных, лязг металла и

бешенное биение собственного сердца сопровождали каждый глоток воздуха, каждое движение, каждый выпад меча во вражескую плоть. Илли, моя верная подруга, мой хранитель, и сейчас была рядом, хладнокровно ломая шеи саксам.

Озверев от боли за погибших ребят, я дала волю темной сущности, что обычно дремала во мне. Перепачканная кровью, со звериным оскалом, я рвала чужую плоть, вспарывала животы, упиваясь человеческой болью, наслаждалась предсмертной агонией своих жертв. Я не просто дралась за свою землю, я мстила за каждого погибшего, за всех семерых — за тихоню Авдийя и его друга Гнейя, за мудрого Друза, напоминавшего моего наставника Охтарона, силача Тита и красавца блондина Марка, за тёзок весельчаков Луциев. Это была уже не битва, это была резня, в которой не осталось место ни жалости, ни состраданию, ничему...

В итоге нам удалось мечом и силой отеснить саксов за пределы крепости, и только теперь я почувствовала смертельную усталость от полученных, хоть и незначительных, но многочисленных ран. Однако останавливаться сейчас, когда враг дрогнул и, казалось, удача сопутствует нам, глупо. Именно сейчас нужен мощный удар по остаткам вражеского отряда.

Парни вымотаны, Иллиам пришлось вернуться к западной башне, где пламя в её отсутствие не на шутку разбушевалось, и даже Квинт, примчавшийся на подмогу на своём жеребце и раздирающий сейчас врага на части, выглядит уставшим.

— Долго мы так не протянем. Нужно оторвать голову змее, — лихорадочно ища среди сражающихся вождя саксов, цепляю взглядом дорогие доспехи и крупную статью. Прокладывая мечом себе дорогу к цели, неумолимо приближаюсь к гиганту.

— Дьявол! И кто ж тебя породил такого?! — громадная фигура, на фоне которой чувствую себя карлицей, увенчана овальной головой и неприятными чертами лица. Любопытный взгляд вождя останавливается на мне и, кажется, моя персона его забавляет. Поднимаю меч, призывая его к бою, что вызывает кривую улыбку на его лице.

— Надеюсь, после того, как мы позабудемся, ты будешь ещё в силах брыкаться, когда я оседлаю тебя, — хохотнул он и неожиданно сделал стремительный взмах мечом, зацепив моё плечо. Царапина, но тонкая струйка голубой крови привлекла его внимание.

— О, да ты крошка с сюрпризом! Что ж, тем интереснее. У меня ещё не было голубокровки, — повторный взмах меча, от которого на сей раз я смогла увернуться.

Понимая, что передо мной достойный противник, стараюсь отрешиться от недвусмысленных обещаний, явно нацеленных на потерю контроля с моей стороны, что равносильно роковой ошибке в поединке.

Наши мечи скрестились, и я с трудом удерживаю натиск физически более сильного противника. Отскакиваю в сторону и замахиваюсь для удара. Вождь с лёгкостью отражает его и атакует. Стремительная реакция эльфа помогает ускользнуть от смертоносного металла,

но мои тщетные попытки нанести хоть какой-то ущерб гиганту безрезультатны.

Полученные за сегодняшний день раны дают о себе знать — реакция притупляется, а силы на исходе. Отражая очередную атаку гиганта, падаю спиной на землю, наблюдая, как занесённый надо мной меч готов опуститься на мою голову.

Спасая шкуру, мозг подаёт команду откатиться в сторону, что я и собираюсь выполнить, но неожиданно в глазах гиганта стынёт удивление. Он захрипел, а из горла хлынула кровь. Поражённая, едва успела увернуться, как пронзённое неизвестным мечом тело, рухнуло рядом со мной.

— Дьявол! Квинт, твоих рук дело? — встаю с земли, желая отчитать парня за вмешательство, поднимаю взгляд и ... теряю себя в бездонной зелени тех самых демонических глаз, от плена которых бежала даже в собственных снах.

— Ты?! ...

— Amin naa tualle, arwen rin (эльф.) — Я к Вашим услугам, моя королева.

— Lye nuquernuva. Gurth gothrim Tel'Quessir! — Мы победим. Смерть врагам эльфов!

ГЛАВА 10. АЛИСТАР.

Покинув покои Мактавеша и спустившись по лестнице на этаж ниже, я резко развернулся и со всей силы ударил здоровой рукой по стене — камень раскрошился там, где за секунду до того побывал мой кулак, засочилась эльфийская кровь на поврежденных костяшках. После ночного визита с докладом в покои Фиена острое желание дать по морде вождю разгоралось в моей груди. Он был прав, но меня безумно раздражала его манера отдавать приказы, резкость, грубость, импульсивность и бестактность, хоть ожидать чего-либо иного от представителя дьявольского рода не имело смысла. Но, то были лишь эмоции, а эмоции — это слабость, с которой я быстро справился, подавив на корню гадское чувство беспомощности, преследующее меня последнее время, и устремился вниз по лестнице.

Не успев пройти и нескольких шагов, наткнулся на моего своеобразного заместителя, демона Анаида, застав того за чисткой оружия. Он воззрился на меня и, поймав мой взгляд, лишь кивнул.

— Собери людей, демонов много не бери. Фиену нужны лучшие из лучших. Утром выступаете.

Еще один кивок головы в ответ, и я уже в сопровождении демона спускался вниз, направляясь в огромный зал, служивший своеобразной казармой. Хоть в нашем

распоряжении был громаднейший замок с бесчисленным количеством комнат, решением вождя воинов-демонов разместили в отдельном помещении, дабы не разрушать дисциплины и своеобразного чувства братства среди них, хотя я очень сомневался в наличии оногo.

Дьявольская порода была весьма необычной как для людей, так и для представителей сверхъестественных рас — эти существа были жестокими и бесстрашными, беспринципными, но обладающими своим собственным, только им понятным, кодексом чести. Их ярость, ровно, как и страсть, не знает границ. Странные существа — демоны, но, нужно признать, за то время, что мы делим одну крышу над головой, я начал их понимать.

Щелкнув пальцами, я сформировал в руке огненный сгусток и метнул его вперед — один за другим в зале вспыхивали факелы, разгоняя ночную тьму мягким светом.

— Подъем! — громом пронесся голос Анаида и эхом отразился от каменных стен. Хищники нехотя вставали со своих мест, вопросительно взирая на нас, так как чувствовали, что опасности нет, и искренне не понимали, по какой причине мне понадобилось будить их среди ночи.

Пройдя вглубь зала, я остановился и оглядел полусонных воинов, несколько десятков пар глаз смотрели на меня с любопытством.

— Даллас, Дагон, Лилиан, — называл я поименно тех, кого считал нужным включить в отряд, посылаемый в Килхурн, — Шагс, Молох, выступаете на рассвете.

— Остальные? — осведомился Анаид.

— В этом нет необходимости. Достаточно людей.

Демоны, названные мной, молча, начали облачаться в легкие походные доспехи, некоторые уже поспешили в оружейную, никто даже не вздумал задавать лишних вопросов.

Авторитет Фиена среди этих головорезов был непререкаем: если зеленоглазый демон что-то задумал, то остановить его ничто не могло, спрашивать что-то было бесполезно — тот ответит только, если посчитает нужным. Все привыкли к такому положению вещей, хотя поначалу нам было несколько трудно: демоны не воспринимали эльфа, как правую руку своего лидера, весьма долгое время, порой доходило до прямых стычек, перерастающих в мордобитие.

Многим было невдомек, почему Фиен принял меня, почему приблизил к себе и возвысил, но пререкаться с ним напрямую никто не смел. Устоять против этих бугаев один на один было сложно. Темному, пусть даже самому искусному на боевом поприще, трудно совладать с той энергией, что демоны вкладывали в каждый удар; они оставили немало шрамов на моем теле, но иначе свой статус среди этих озлобленных тварей было не установить. Сила и власть — наивысшая ценность для темных существ, и я получил ее. Но тяжелее было заслужить их признание и уважение, что добывается временем, пользой и

преданностью.

Отдав еще несколько распоряжений касаясь организации поездки в Килхурн, я отправился к северо-восточной стене замка, с которой открывался восхитительный вид на море, черной гладью разлившееся под скалами. Моей душой завладели воспоминания, ведь то, что я испытывал поначалу здесь, среди демонов и людей, напоминало мне давно ушедшее прошлое в столице темных эльфов, когда я, еще мальчишка, пробивал себе путь наверх, вырывая клыками возможности у искусницы-судьбы. Но важнейшую роль в моей многовековой жизни сыграл все-таки случай.

Я рыскал по городской площади в поисках наживы, вытаскивая кошельки и осторожно снимая драгоценности с зазевавшихся горожан. Темных было много, так как все ожидали почетного выезда нашего благороднейшего короля Валагунда — намечался своеобразный парад, когда скрытный монарх являлся публике во всей красе. По площади прокатился восторженный рокот толпы, то приближался Его величество со свитой. Валагунд явился своим подданным в сияющих серебряных доспехах, плечи его покрывал тяжелый темно-лиловый плащ, искрящийся в лучах заходящего солнца, он восседал на белоснежном коне. Пока толпа с восхищением взирала на своего драгоценного монарха, я ловко выуживал их денежки, но, несмотря на мое занятие, требующее огромной концентрации и ловкости рук, меня что-то отвлекало. Я начал постепенно пробираться сквозь поток эльфов ближе к королю, постоянно оглядываясь вокруг себя — мне не давало покоя щемящее чувство опасности.

Незаметно забравшись на деревянный, покрытый парчой помост, на котором располагалась знать, я осмотрелся еще раз и заметил на крыше одного из зданий лучника, целившегося в Валагунда. Не знаю, что на меня нашло, мне никогда не было дела до короля, но я ринулся в его сторону, бросившись под ноги коню, тем самым спугнув животное. Конь встал на дыбы, а стрела, предназначенная Валагунду, угодила мне в ногу. Послышался вскрик какой-то особо впечатлительной дамочки, а затем площадь накрыла гробовая тишина — все внимание было приковано к древку, торчащему из моей голени, и Валагунду, которого тут же окружила многочисленная свита и охрана. Что было дальше, я точно не помню, сыграл свою злую шутку болевой шок, но меня схватила под руки королевская стража и поволокла прочь от площади — в памяти сохранился лишь пристальный взгляд короля, брошенный мне на мгновение.

Отправив Фиена с пятью его головорезами и несколькими десятками пиктов к Килхурну, я оставил все хозяйственные дела на плечи Анаида, а сам поспешил последовать совету друга — восполнять силы в компании жадных до плоти, сладострастных красавиц. Весь день я провел в объятиях двух златокудрых дев, исполняющих малейшее мое желание — воздух в покоях нагрелся от жаркого дыхания, простыни пропитались потом, нас обволакивал аромат страсти. Но в голове то и дело появлялись расплывчатые образы. К

вечеру, однако, я окончательно забылся в объятиях даннотгарских чаровниц, зарываясь пальцами в их светлые волосы, и жадно срывая стоны с мягких женских губ.

Покои я покинул лишь после полуночи и, кутаясь в шерстяной плащ, направился в импровизированную библиотеку, расположенную на этаж выше, где хранились древние свитки, счетные книги и договора, надеясь заняться учетом доходов и расходов, так как Фиен терпеть не мог заниматься подобными вещами. Но, уже поднявшись на этаж и открыв книгу, услышал крик, доносившийся с улицы — кто-то в ужасе орал "Пожар!"

Сорвавшись с места, я побежал на улицу, нутром чуя, куда мне стоит направляться. Лошадиное ржание лишь подтвердило мои догадки — горели конюшни. Выбежав из основного здания, я на миг остановился — ярко-рыжее зарево в ночи освещало все внутренние постройки замка огненно-опасным светом. Люди и демоны спешно выводили коней из полыхающей конюшни. К счастью, горела лишь одна из многих, но вероятность того, что огонь перекинется на соседние, возрастала с каждой секундой. Плохим в данной ситуации было то, что полыхала именно та конюшня, где мы держали лучших, самых породистых и дорогих лошадей. Первой мыслью было воспользоваться магией, но я не мог позволить себе подобной роскоши на глазах у стольких людей. Демоны, видимо, думали так же и по старинке таскали воду ведрами, пытаясь сбить багровое пламя, разыгравшееся в ночи.

Рядом со мной, вопя от боли и страха, пробежал молодой глупый пикт, на котором вспыхнула одежда, на что я лишь подставил тому подножку — парень упал и начал кататься по земле, корчась. Быстро сняв свой плащ, я кинул его на горящего человека, сбив тем самым огонь, а затем ринулся в горящую конюшню, так как не увидел своего коня среди спасенных. Закрывая лицо от языков пламени, я искал моего красавца Шэдоу, который спасал мою жизнь не единожды.

Истошное лошадиное ржание раздалось справа от меня — конь пытался выбить калитку своего стойла, бился в агонии, задыхаясь, пытаясь избежать огня. С осторожностью приблизившись к бедному животному, я стянул с себя рубаху и накинул на лошадиную морду, изловчившись завязать её, чтобы та не свалилась позднее. Шэдоу несколько мгновений продолжал биться в страхе за свою жизнь, но услышав мой голос, чуть присмирел.

— *Dina, mellonamin, dina! Em si breitha,* — уговаривал я коня, успокаивающе глядя того по холке. Набросив ему на шею поводья, что висели по левую руку от меня, но не имея времени его оседлать, я запрыгнул на спину Шэдоу и направил его прочь из конюшни. Впереди выросла стена пламени, и, чтобы выжить, нужно было через неё каким-то образом пробиться. Слеплённый конь чуял, что мы в огненной ловушке, он нервно переминался, ржал, с трудом поддаваясь контролю. Я наклонился к его шее, провел ладонью по гриве, прижался к лошадиной шее и крикнул: «*Anna!*» — ударив по бокам. Шэдоу стрелой прорвался сквозь пламя, выскочив из полыхающей конюшни. Прилично удалившись от пожарища, я спрыгнул с коня и вручил поводья конюху, бегущему мне навстречу:

— Уведи!

Услышав в ответ тихое: «Да, господин...», — я рванул к колодцу. Демоны и люди действовали сообща, сказывался многолетний опыт подобных ситуаций — выстроившись цепочкой, они передавали ведра с водой друг другу. Алое зарево, освещавшее все вокруг, обжигаящее пламя, гомон голосов и конское ржание — все слилось воедино в эту беспокойную ночь. Лучшая конюшня безвозвратно погибла, а мы уже боролись за незыблемость остальных строений, отвоевывая свое у наглой стихии.

Пожар удалось потушить через пару часов. Обессиленный, ощущая пульсирующую боль в окровавленном плече от незажившей еще раны, я стоял, перемазанный сажей, и наблюдал за клубами дыма над догорающей конюшней, вернее тем, что от нее осталось. Назойливое предположение, что пожар не был случайностью, что это был поджог, не давало покоя. Такие огненные инциденты не были редкостью, так как в строительстве использовали в основном дерево, да и сено в конюшнях могло вспыхнуть в любую секунду, но оставался вопрос — как могло произойти самовозгорание, если установившаяся в последние дни дождливая погода категорически препятствовала этому? Свои под страхом смерти никогда не баловались с огнем вблизи конюшен, даже идиоты-пикты были аккуратны в этом отношении. Настораживал тот факт, что случилось все именно тогда, когда Фиен, глава клана, покинул Данноттар. Возможно, это была лишь моя излишняя подозрительность — я всегда ждал опасности, предательства, ножа в спину, и мне не стоило предавать всему произошедшему этой ночью лишнего значения, но меня не покидала странная тревога.

Возвращаясь в свои покои, я хотел было по привычке раскрыть дверь, но тут же осекся — она была приоткрыта, что противоречило моим принципам безопасности. Вытащив из сапога нож, с осторожностью толкнул дверь и шагнул в проем. Я ожидал чего угодно, вплоть до нападения, но в перевернутой вверх дном комнате никого не оказалось — повсюду в беспорядке валялись мои вещи, постель переворошили, скинув на пол подушки и одеяла, содержимое сундуков также оказалось на полу, несколько склянок со снадобьями разбиты. Но больше всего меня насторожило то, что все мои книги также оказались разбросанными то тут, то там, в некоторых, видимо со злости, были вырваны страницы — кто-то искал нечто важное здесь в то время, пока я участвовал в тушении пожара. Мои опасения подтвердились — ночное происшествие не было случайностью, кому-то очень нужно было выманить меня из замка.

— Dina, mellonamin, dina! Em si breitha. (эльф.) — Тихо, мой друг, тихо! Мы сейчас выберемся.

— Anna! — Давай!

ГЛАВА 11. ФИЕН.

В уши ударил свист ветра, когда, стремительно сокращая расстояние, кони понесли нас к развернувшемуся у стен крепости сражению. Солнечными бликами засверкала сталь обнаженных мечей, а топоры в руках моих головорезов в предвкушении кровавой оргии рассекали воздух.

Судя по числу погибших, здесь развернулась знатная бойня, что настораживало. Чтобы перебить саксонских воинов, нужна серьёзная сила, но я успел заметить только небольшую, разрозненную группу лиц, отчаянно оборонявшихся у стен замка.

Будто читая мои мысли, Молох выкрикнул:

— Мактавеш, всех резать?

— Бейте только саксов, там разберемся, — проорал я, рубя оторопевшего чужеземца.

Опьянённые запахом крови, вояки кромсали посмевших вступить на земли Каледонии грабителей. Острые копья жалили тела ублюдков, роняя капли крови с наконечников и вырывая жизни из жалких тел. Мощь топоров обрушивалась на головы и плечи, пробивая бесполезные латы, рассекая ткани и кости. Тяжелые, ошалевшие от какофонии звуков кони, сбивая с ног, врезались в саксов, где те находили свою смерть.

Мы упивались схваткой, получив возможность выплеснуть темную, древнюю как сам мир, необузданную ярость, присущую природе демонической сущности. Тщательно скрываемая, она таится, дремлет, ожидая назначенного часа, а получив под влиянием безумного порыва желанную свободу, овладевает нашей волей. Мы становимся её рабами, пленниками, пока ярость не насытится человеческими жертвами, принесёнными на её алчный алтарь. Людские души кормят нас, даруя силы и умирняя жестокого зверя. И пикты, примкнувшие некогда к клану Мактавешей, а ныне составляющие его большую часть, ощущая исходящую от него опасность, даже в бою держатся особняком.

Я пробивался вперед к замку, прорубая кровавую дорогу сквозь толпу саксов. Наугад разил налево и направо. Подо мной вертелся вороной жеребец. Сумрак был одним из лучших скакунов во всей Каледонии. Выносливый, сильный, стремительный, обученный для боя, он был моим верным союзником. В бою он чувствовал каждый мой порыв, улавливал малейшее движение, мы становились одним организмом. Такое единство между воином и его конем встречалось крайне редко, и тем ценнее был для меня Сумрак.

Неподалёку дрался Даллас, уходя от очередного рубящего удара. Словно обозлённые волки, саксонцы окружили его. Первый, отважившийся приблизиться, мгновенно лишился головы. Второй взвыл, когда его рука, словно волчок вращаясь в воздухе, полетела в сторону, орошая кровью всё вокруг. С яростным воплем Даллас отбил щитом нацеленное на него копьё и, поднявшись в стременах, ударил мечом сверху, буквально разрубив противника пополам. Фанатично преданный делу демон, одержимый идеей величия клана, порой Даллас настолько увлекался, что допускал грубейшие ошибки. Вот и сейчас... его спина — отличная мишень для стрелы или копья. Любому саксонцу останется только пройти мечом по шее

демона, и о Далласе останутся только воспоминания. Выругавшись, я устремился к нему на подмогу, спеша прикрыть спину этому болвану.

С тупой жестокостью мы разили теперь уже обороняющихся иноземцев. Расшвыривая нападавших, я улучал мгновение и озирался по сторонам, оценивая обстановку. Кровь лилась ручьями, люди дрались, спотыкаясь о тела погибших, в некоторых из которых трудно было узнать что-либо человеческое. Саксы явно терпели поражение, немалая часть их пала, но и живые, в одиночку или сбиваясь в кучи, сопротивлялись единственной оставшейся им участи — смерти.

Одна из таких групп привлекла мое внимание, а точнее в глаза бросилась сражающаяся с воином стройная женская фигурка. Я невольно залюбовался — столько энергии, отчаянного упрямства, силы скрывается под этой хрупкой оболочкой.

— Дьявол меня заberi живьём! Баба в бою?! — я чуть не пропустил удар меча подлетевшего ко мне саксонского ублюдка, лишь в последний момент успев прикрыться щитом. В другой его руке сверкнул клинок кинжала, но топор Далласа прервал напористость сакса. Воин рухнул под копыта наших коней, а стальной кинжал, выпавший из его рук, блеснул в луже крови, отражая солнечные лучи.

И вдруг я понял, что не могу вымолвить ни слова! Будто громом пораженный, я стоял и тупо переводил взгляд с кинжала на ту, что сейчас отражала атаку сакса, узнавая знакомые изгибы фигуры и четкие движения обороняющейся, дьявольски напоминающие мне... Нет! Это просто невозможно!

В этот момент на долю секунды она повернула ко мне лицо... Я медленно слез коня под удивленный взор Далласа. Вытащил из голенища сапога эльфийский кинжал — единственную вещь, способную убить, не обезглавив, демона, хранимую мной со времен существования в мире Темных. Это был её кинжал. Той, кто своим вероломством перечеркнула существование целой демонической династии, а меня и тех, кто сейчас со мной, обратила в проклятых изгоев.

Когда-то её рукой этот кинжал чуть не лишил меня жизни. Клинок, что до этого дня едва светился бледным светом, сейчас сиял насыщенным голубым блеском, подтверждая очевидное — Лайнеф, принцесса темных эльфов, жива и находится здесь и сейчас. Кинжал стремился вернуться в руки своей хозяйки. Это она, я не ошибся.

Теперь, пока мой рассудок привыкал к мысли, что чертовка жива, облокотившись плечом о бок Сумрака и скрестив руки на груди, я с любопытством наблюдал за развернувшейся баталией между принцессой и здоровенным саксом, вполне возможно, вождем племени. Изумлённый моим поведением Даллас, оберегая покой своего предводителя, поминутно расшвыривал тех смельчаков, что являли собой остатки некогда полноценного отряда, которые для меня стали уже безынтересны. В конце концов, когда он стал посвободнее, любопытство взяло верх, и, снедаемый им, он выпалил:

— Фиен, чёрт возьми, что происходит? — после чего, проследив за моим взглядом и выпучив глаза, уставился на эльфийку.

— Мать твою! Так это ж твоя рабыня! Та тварь, что уколошила Повелителя... — присвистнул он пораженный, и желваки заходили на его скулах. — Вождь, позволь, я разберусь с этой сукой?

— Не трогать! — чуть быстрее, чем хотел, выпалил я, “пригвоздив” жёстким взглядом Далласа к месту. — По законам темных я по сей день её Господин, и мне решать участь, как ты правильно заметил, моей рабыни.

Неотрывно следя за гордячкой, схлестнувшейся в поединке с вождём саксов, вертел в руке клинок и вспоминал всё то зло, что она мне причинила, и гнев обуял меня. Я уже знал, что не отпущу эту тварь. Она будет валяться в ногах, будет вымаливать пощаду, умываясь кровавыми слезами, лизать мне руки и, крича от боли, кормить меня собой, пока мне не надоест, пока я полностью не утолю мой тайный голод. А потом... возможно я пощажу её, не отдав на потеху своим демонам, а собственноручно придушив эту тварь.

Разум стал проясняться, когда понял, что саксонский пёс стал брать верх в поединке. Решив, наконец, прервать эту потеху, я стал приближаться к дерущимся, и ветер донёс до уха слова вождя, которые неприятно резанули слух. Несколько выпадов, кровь струйкой потекла с её плеча, что, как ни странно, не доставило мне удовольствия. Неожиданно она упала, и занесенный над ней меч сакса невольно заставил вздрогнуть.

Последний шаг, и ведомый моей рукой меч по рукоятку вошёл в спину ублюдка.

— Килхурн принадлежит мне, зря ты привел сюда своих воинов. Да, и кстати, эта крошка также моя, и седлать её могу только я, — под мои слова тело саксонского вождя обмякло и всей своей тяжестью осело на мече. Я резко выдернул оружие и уставился на мою растрепанную принцессу.

— Ты?! — поднявшись с земли, выдохнула она.

Со спокойной снисходительностью я встретил ее шокированный взгляд. Её лицо выдало гамму эмоций: замешательство, узнавание, сомнение, удивление, гнев, и ещё что-то странно непонятное, что смутно напомнило мне ту ночь, — но она тут же вернула на место маску спокойствия. Это она умела. Взъерошенная, с горящими глазами, с ссадинами на лице, перепачканная кровью и грязью, она совершенно не изменилась.

Я с трудом сохранял спокойствие. Только она могла вызвать бурю самых разнообразных эмоций. В жизни никого не встречал, кто мог бы так доводить меня до бешенства и тут же возбуждал только своим присутствием. И снова обвела меня вокруг пальца — жива, чертовка!

Даллас что-то пробормотал у меня за спиной, но будь он проклят, если я расслышал его. И будь он дважды проклят, если я мог видеть сейчас что-то, кроме эльфийки.

Я смотрел на неё, пожирал глазами и чувствовал, как не к месту меня охватило желание. Внезапное. Дикое. Первобытное желание. В голове, как когда-то, билась единственная мысль, такая бесподобно вкусная: “Хочу!” Ибо передо мной стояла... Она. Лайнеф, с ее большими карими глазами, чувственными влажными губами, бурным темпераментом, безрассудной отчаянностью.

Проклиная свое тело, я усилием воли пытался пресечь фантазию о ее аккуратной груди с затвердевшими сосками, от которой в горле моментально образовался ком. Я судорожно сглотнул, злясь на предательскую реакцию собственного тела, рука сжалась в кулак, челюсти сомкнулись настолько плотно, что боль пронзила виски и ударила в голову. Ту же боль я ощущал каждый раз, когда думал, какую цену заплатил за это знакомство.

Ни без труда я выкинул всё это ненужное дерьмо и вплотную подошел к темной. Она нервно откинула с лица выбившиеся пряди волос, гордо вскинула голову и бросила на меня такой знакомый презрительный взгляд, пряча под его маской очевидный шок. Это выглядело настолько комично, что я не сдержал ухмылки:

— Судя по всему, принцесса, за спасение твоей белоснежной задницы я благодарности не дождусь? — циничным взглядом я заскользил по ее губам, шее, опустил на вздымающуюся грудь, где и задержался. — Мне льстит, что ты так рада меня видеть, но хочу спросить, какими чертями тебя занесло в Каледонию? Хотя дайка угадаю... сам Ад не вынес твой «ангельский» характер и без сожаления избавился, или... беглая рабыня истосковалась по своему хозяину и решила вернуться?

Лайнеф некоторое время стояла, как вкопанная, и, раскрыв от возмущения рот, продолжала молча тарачиться на меня, пока не опомнилась и прошипела, выплёвывая мне в лицо каждое слово:

— Надеюсь, что ты в преисподней, и воображение сыграло со мной злую шутку, так как знаю только одного трусливого пса, способного нанести удар в спину противнику, — она выразительно посмотрела, делая ударение на последнем слове. — К несчастью, твой поганый язык разрушил все мои надежды.

Это было прилюдное обвинение вождя клана, за которое, по людским законам, наглеца призывали к ответу, вызывая на поединок, а по законам темных убивали тут же, на месте, немедля. Не подавая виду, я кипел гневом, безумно желая как следует проучить нахалку, но терпение... С этой сукой я намерен поступить иначе.

— Совсем не изменилась — всё также жалишь, не заботясь о последствиях. Печально, что у меня было слишком мало времени, чтобы обучить тебя покорности... — я крепко сжал ее руку и дернул на себя, пожирая будоражащий, только её, запах, губами приник к уху и тихо продолжил. — Не ты ли стонала от удовольствия, когда мой поганый язык ласкал твоё

тело, принцесса? Не отчаивайся, теперь у нас будет масса времени и на покорность, и на удовольствие, — губы намеренно скользнули по её щеке, и вдруг я почувствовал, как она задрожала, лихорадочно пытаюсь вырвать запястье из моей руки.

— Убери от неё свои грязные руки, ублюдок! — сердитый мужской голос вынудил оторваться от эльфийки. Нахмутив брови, я посмотрел в сторону говорившего и встретился с горящим взглядом зеленых глаз неизвестного заступника. Передо мной стоял темноволосый, коротко стриженный воин высокого роста, мускулистого телосложения, под слоем пыли и копоти скрывалось худощавое, но греховно-красивое лицо, казавшееся мне знакомым. Странно, потому что я уверен, что никогда не видел этого парня.

Но настораживало иное — сущность, подобная моей. Даже устойчивый запах гари, витавший у стен Килхурна, не мог препятствовать тому, что хищник учуял хищника. Отстранив эльфийку в сторону и выпустив её руку, я стал изучать ошестинившегося зверя, скрытого под телесной оболочкой воина. Его глазами зверь настороженно взирал на меня. Демон-одиночка, не знающий наших правил, он признал меня, чувствовал главенство, но не покорялся, уверенно бросая встречный вызов.

Знакомство прервала Лайнеф, загородив собой щенка и разрывая наш зрительный контакт:

— Квинт, не вмешивайся! Мы сами разберемся, — от меня не укрылась бледность её лица, но следующий вопрос заставил забыть о молодом демоне. — Так чем обязана твоему появлению у стен моего замка?

— Твоего замка? — переспросил я, полагая, что ослышался. — Дорогая, я ценю твой юмор, но в данном случае он неуместен, так как Килхурн принадлежит мне по праву.

— Мне странны твои речи, — ироничная улыбка заиграла на её лице, — Килхурн дарован мне провозглашённым императором Клавдием, варвар. Законы соблюдены, о чем свидетельствует дарственная, выданная мне им лично.

Даллас, который всё время молча прислушивался к нашему разговору, угрожающе зарычал, а среди моих воинов пошёл ропот, что вызвало ответную реакцию людей, стоящих за спиной принцессы. Измотанные, они схватились за оружие, понимая, что им уже не выиграть этот бой, но фанатично готовые продолжить бессмысленное кровопролитие. Любопытно, ради чего они стремятся расстаться с жизнями? Неужели жалкая куча развалин стоит больше, чем их шкуры, или они настолько преданы своей госпоже?

Наблюдая за ними, я заметил ещё один экспонат, достойный восхищения. Красивая блондинка с любопытством взирала на меня ярко-голубыми глазами, жестом призывая воинов к спокойствию. От её холодного, непроницаемого взгляда мне стало не по себе. Я узнал этот взгляд, характерный для большинства представителей темных эльфов, только сейчас в нём не было привычной враждебности, лишь любопытство. Казалось, она не против моего присутствия.

— Интересная особа. Не в моём вкусе, но я знаю одного эльфа, готового по достоинству заплатить за эту кошечку... — хмыкнул за моей спиной Даллас и добавил, — Вождь, нам бы пошептаться...

Предположительно догадываясь, что собирается сказать Даллас, мы отошли в сторону, но прислушиваясь к словам демона, я не выпускал из виду принцессу, тихо о чем-то перешёптывающуюся с блондинкой.

— Фиен, чего мы ждем? Их мало, с демоном разобраться не составит труда, баб с собой прихватим, людей прикончим. Ну нравится тебе эта бестия, бери себе, а остальных-то какого чёрта шадить? Ребята на взводе. Ты мечтал об этой крепости, так какого хера ты сюсюкаешься?..

Я метнул на демона предостерегающий взгляд, заставив заткнуться. Даллас замолк и, выжидая, уставился на меня.

В его словах был резон. Именно так я поступил бы в любом другом случае, но было одно большое "НО", которое останавливало меня — Клавдий Константин III, новый император поднявший восстание против Галлии и западного императора Гонория. Таких правителей нужно иметь в союзниках. Ссора с ним чревата новой войной, что для Каледонии, стонущей от разорительных набегов саксонских племен, сейчас недопустимо. Килхурн был крайне важной стратегической точкой для клана Мактаवेशей, и я его получу, но иным путём.

— Мы не станем нападать на Килхурн, Даллас. Зачем убивать тех, кто ещё сослужит нам службу? — подмигнул я собрату. — Будьте наготове и ждите. Да, и подведите Сумрака вон к тем деревьям, он может понадобиться мне в любой момент.

Даллас кивнул и направился к моим воинам, я же пошёл навстречу к принцессе, сопровождаемый хмурыми взглядами её солдат. Как только я приблизился к ней и попытался взять за плечо, несколько смельчаков схватились за оружие, нацеливая мечи и стрелы в мою грудь.

— Тише, воины, тише! — усмехнулся я, поднимая руки кверху. — Вреда не будет, мне только нужно перемолвить с вашей госпожой. Вы позволите? — я перевод взгляд с одного на другого, задержался на демоне и остановил взор на озадаченном лице принцессы. — Ну же! Неужели бесстрашная Лайнеф испугалась трусливого варвара?

Сарказм в моем голосе удачно сыграл свою роль, и вспыхнувшая гневом эльфийка, как легко было вывести её из себя, гордо вскинув голову, пошла вслед за мной. Теперь мы стояли абсолютно одни, уйдя от посторонних глаз, молча сверлили друг друга взглядом, а у меня язык зудел от единственного назойливого вопроса: "Почему?"

— Для чего ты позвал меня? Нам нечего обсуждать. Убирайся! — произнесла она, но сама не тронулась с места. Взвешивая все "за" и "против", я посмотрел на её

немногочисленных воинов, которые даже с этого расстояния представляли довольно жалкую картину, но внешность обманчива, в чём сегодня я мог убедиться. Они наблюдали за нами, и лишь беловолосая эльфийка казалась равнодушной к происходящему.

Острый взгляд выцепил широкоплечую фигуру со смазливой мордой, стоящую у гнедого жеребца. Демон сжимал в одной руке поводья, другая лежала на рукояти меча. По всему видно, готов сорваться в любую минуту на помощь своей госпоже.

Дьявол! Он хорош. Раздражающе хорош! За такими бабы хоть в пекло пойдут, лишь бы трахал до беспамятства. И эта сучка явно к нему неравнодушна, уж больно она напряглась, когда я впервые обратил на него внимание. Это не просто одинокий демон-воин, нашедший своё пристанище среди представительниц темных эльфов. Этот щенок что-то значит для моей принцессы. Между ними есть связь, и она вполне очевидна.

— Кто он? — сверля её взглядом, потребовал я немедленного ответа. Мне показалось, или она вздрогнула? Отвела взгляд в сторону — верный признак, что поняла, о ком идёт речь. Б*я! Да она врать мне собралась! Пытается оградить своего любовника. Шлюха! Эльфийская дрянь! Руки сами сжались в кулаки.

— Кого ты имеешь ввиду? — Лайнеф обернулась в сторону своих людей с наигранно равнодушным лицом.

Более не колеблясь, я взмахнул рукой и ударил в висок темную. Подхватив бесчувственное тело, подозвал свистом Сумрака, благо, Даллас предусмотрительно позаботился об этом. Перебросив эльфийку через коня, я вскочил в седло и сорвался с места, направляя скакуна в сторону леса. Одной рукой крепко прижимая Лайнеф к седлу, я намотал на другую поводья, и Сумрак пустился во весь дух, лишь комья земли разлетались из-под копыт.

Обернувшись, удостоверился, что мои воины уже во всю несутся за мной, а у стен Килхурна засуетились ротозеи, прозевавшие свою госпожу — мою рабыню. И лишь один всадник уже несся за нами. Он нещадно бил по бокам своего гнедого, сокращая разделяющее нас расстояние.

— Даллас! Молох! Тащите сюда свои задницы!

Демоны приблизились, не сбавляя скорость. Увидев принцессу на Сумраке без признаков жизни, Даллас хмыкнул и прокричал:

— Что ты задумал, Фиен? Она хоть жива?

— Что с ней будет! Эта сучка живучая, но надо быть аккуратнее с эльфами — у них психика нестабильная, — огрызнулся, намеренно игнорируя первый вопрос, на который у меня уже был ответ, но нужно сперва всё обсудить с Кэмпбеллом. Если дело выгорит, польза будет для всех, в том числе и для меня лично. Предвкушая предстоящее, я не мог сдержать ухмылки.

Приблизившись к лесу, я оглянулся назад — от замка небольшая группа людей неслась за нами в погоню. Они были слишком далеко и не представляли угрозы, а вот прыткий демон почти наступал на пятки. Ну что ж, щенок, всё идёт своим чередом...

— Рассредоточиться! Уходите от погони! В бой не вступать! Встретимся по ту сторону глушняка! — крикнул я, въезжая в чащобу и вынуждено сбавляя скорость.

Воины прекрасно знали этот лес, неоднократно пересекали его скрытыми от людского глаза тропами, свободно ориентировались в нём, уйти от преследователей им не составляло ни малейшего труда.

Проехав сквозь сосновый бор, я углубился в заросли, за которыми начинался ельник. Остановился и прислушался. Тихо! Слишком тихо. Дьявол! Неужели ошибся, и любовничек не так расторопен, как я надеялся? Я спешил и весь превратился в слух, жажда услышать непривычные лесу звуки, но кроме шороха травы, обыденного треска иссохших веток, размеренного шелеста листвы, ничего. Раздосадованный, я вскочил на коня, решив продолжить свой путь, но неожиданный порыв ветра донёс до трепещущих ноздрей едва уловимый запах бессмертного. Этот запах мог принадлежать только порождению темного мира, обладателя которого я нетерпеливо выжидал.

Наконец, услышав отдалённый топот гнедой, я довольно оскалился, пригнулся, грудью прижимаясь к безвольно повисшей поперек коня принцессе и медленно вытащил из сапога драгоценный... её кинжал. Забавная ирония, что посланный в моё чрево эльфийский клинок, призванный убить демона, вот уже столетие верой и правдой служит, охраняя меня от мятежников.

Всматриваясь в густую зелень листвы, я не уловил ни звука, но в какой-то момент понял, что уже не один. Инстинкты возопили об опасности, зверь пригнулся, готовый напасть в любую минуту. Он ждал малейшую подсказку, крохотное движение, глаза лихорадочно выискивали цель, а в нос бил терпкий запах соперника.

Щенок появился, выйдя из-за дерева на расстоянии десяти шагов от меня, тут же натянул тетиву лука и прицелился. Я направил Сумрака на него, ударив коня по бокам, выпрямился и метнул нож. Пронесся мимо, обернулся и успел заметить, как выпал лук из его рук, ладонь схватилась за древко кинжала, торчащее из груди и, хрипя, демон завалился на землю. Я развернулся и подъехал к нему, нагнулся, вырвал из раны кинжал, наблюдая, как навечно закрылись странно знакомые глаза, а черная кровь растекается по тунике. Более не задерживаясь, я вывел Сумрака на одну из троп в этом глухом лесу, направляясь к своим людям.

Я вернул ту, что принадлежала мне. Демон бросил мне вызов, за что поплатился жизнью, и я должен бы довольствоваться исходом, но странное, гнетущее чувство сожаления о смерти этого сопляка мешало в полной мере ощутить вкус победы.

ГЛАВА 12. ЛАЙНЕФ.

Я очнулась от сдавливающей ребра боли, пытаюсь понять, что происходит. Мельтешащие перед глазами конские копыта с завидным постоянством швыряли комья травы в лицо, а болтанка, в которой пребывало вымотанное за последние сутки тело, вызывала непривычную тошноту. Взгляд сфокусировался на грязном мужском сапоге в стремени, плотно прижатом к коню колене в кожаных пропыленных штанах, и наконец услужливая память воскресила образ инкуба, в жестокую реальность появления которого я до сих пор отказывалась верить.

И тут же всё встало на свои места — только этот циничный мерзавец, нагло ворвавшись в мою жизнь, способен взорвать всё к чертям, уничтожить всё, что мне дорого, разрушить все планы и мечты. И какой же нужно было быть тупицей, чтобы попасться на нехитрую уловку и остаться с ним наедине, позволив обвести себя вокруг пальца?! Но в тот момент, когда он изучающе смотрел на Квинта, я струсила, испугалась, что зов крови даст о себе знать, кто-то из двоих почувствует неладное и вся грязная правда выплывет наружу, поэтому пошла бы с ним хоть в пекло, лишь бы увести демона подальше от сына.

А в результате, ... собственными предостережениями и стараниями этого урода я снова влипла по самое “не балуйся”. Нужно выбирать, но... Чёрт возьми! Как он оказался в Каледонии? И где этот взбалмошный советник, который по всем писанным и неписанным законам должна землю носом рыть, не заботясь о драгоценной причёске, но вытащить меня из этого дерьма?! От злости и бессилия я заскрежетала зубами.

При мысли о Иллиам, о солдатах и людях, оставшихся в Килхурне, о Квинте, худшие опасения закрались в душу и тяжелым камнем легли на сердце. Нет! Чёрта с два, тварь! Не в этой жизни! Достаточно тех смертей, что нанесла твоя рука в той, прошлой! Но паника незримыми клещами уже выворачивала мозг наизнанку, отменяя все разумные доводы, требуя заявить о себе и получить ответ на мучительный вопрос: — Живы?

Жаром ощущая тяжелую ладонь демона на спине, я уже собралась дернуться и во всю глотку завопить, чтобы остановился, лелея скудную надежду сейчас же, сию минуту, закончить эту паршивую историю, вырвав черное сердце из груди мерзавца, как нехитрый план был неожиданно прерван посторонними звуками, а незнакомый мужской окрик вынудил и далее играть роль недвижимого куля, повисшего поперек коня:

— Мактавеш, мы собирались тебя искать. Что так долго, вождь, или ты запомнил, что в затылок нам дышит свора жалких преследователей, которых мы и пальцем не тронули по твоему приказу? — в голосе говорившего сквозили нотки досады, а я облегченно вздохнула, искренне жалея, что не могу посмотреть и запомнить морду разочарованного.

Молча возблагодарив хранителя жизни, могущественного бога эльфов Яххана, я задумалась: — Мактавеш. Хмм... кажется я уже слышала это имя. Ну конечно! Именно о нём говорил Тасгайл Иллиам в Килхурне, когда упоминал о заступнике замка. Речь шла о каком-то исчезнувшем договоре между скончавшимся владельцем и вождём клана Мактавешей. Так

вот почему ты заявил права на Килхурн, демон... Но это не объясняет, за каким чёртом ты делаешь в мире смертных?

— Нужно было решить одно дельце. — услышала я голос инкуба и ощутила, как тяжелая рука сильнее сдавила спину. Его слова непонятым беспокойством пронеслись в сознании. Что он имел ввиду?

— Теперь о деле. — продолжил он, а я превратилась в слух, — Собьем их со следа — пусть трое из вас посадят перед собой по воину пикту, да выберете посубтильнее, свободных лошадей привяжите к седлам и нагрузите потяжелее. В Данноттар возвращайтесь обычным путем, я же через нагорье поеду.

— Но там же мост через реку разрушен, да и на сутки пути дольше, — возразил кто-то из воинов клана.

— Ничего. Я знаю местечко, где Ди можно через брод пересечь, а сутки, уверен, пролетят незаметно.

Неожиданный шлепок по ягодицам, сопровождаемый дружным мужским гоготом поверг в транс, когда демон дернул меня и усадил перед собой.

— Не пора ли прекратить притворство, принцесса? Я всё ждал, когда же ты взбрыкнёшь? — он нагло смеялся мне в лицо, когда от негодования, пунцовая, я пылала желанием придушить эту сволочь на глазах у его же людей. Он притянул меня к себе и прошептал на ухо, — Всю дорогу пялился на твою задницу, не смог удержаться.

— Ты ответишь за это, тварь! — прошипела я ему в лицо и занесла руку для удара.

На что я рассчитывала, не знаю. Наверно, на прирожденную ловкость эльфов, но не в этот раз. Как будто просчитав реакцию, молниеносным движением он перехватил мою руку и выкрутил за спиной. Воцарилась гробовая тишина. Члены клана ждали реакции своего вождя. Только меня эта реакция абсолютно не волновала — прилюдно униженная принцесса крови, нормой поведения окружающих для которой были повиновение и уважение, в том числе и в мире смертных, я неистовствовала, пытаюсь высвободиться из лап демона, — Пусти!

Но хватка не ослабевала, а зеленые глаза неотрывно сверлили предупреждением, пока вдруг этот ублюдок не отпустил меня и, запрокинув голову, не расхохотался:

— Ну совсем не изменилась! — воскликнул он и, вволю отсмеявшись, ударил по бокам коня, — Держись покрепче, принцесса. Удача сегодня на моей стороне.

Под недвусмысленные шуточки и ухмылки мы тронулись в путь, с каждым ярдом всё дальше оставляя за собой воинов клана, и с каждой милей меня одолевало предчувствие, что всё безвозвратно переменялось в моей жизни. Чем же я прогневала тебя, о великий Файлак,

На землю спускались сумерки, провожая рваный, испещрённый перистыми облаками, закат, ласкающий последними скудными лучами вершины древних холмов Каледонии. Я впервые оказалась в самом центре этой страны, и сейчас была потрясена первозданной её красотой. Хотелось забраться на вершину самой высокой горы, раскинуть в стороны руки, объять её непокоренную дикость, преклонить пред ней колени, любуясь ошеломительным закатом под голос ветра, то яростно и взволнованно, то тихо и таинственно повествующий местные легенды.

А после, опьяненная хмельным совершенством природы, зацелованная ласкающим губы ветром, одурманенная запахами местных трав, впитав сердце всё это очарование и, вскочив в седло, сломя голову сорваться вниз к подножью горы. Туда, где раскинулось одно из многочисленных озер Каледонии, не стесняясь потревожить глубокий сон земли безудержным, бесшабашным криком. Окрыленная белогривая Гаура, взбудораженная своей хозяйкой, одобрила бы меня, и ворвавшись в нетронутую водную гладь, в небо взметнулся бы столп брызг, охлаждая наш общий сумасшедший порыв ледяным холодом родниковой воды.

— О чем задумалась, принцесса? — ворвался в мои мысли голос Мактавеша, и я резко выпрямила спину, стараясь отодвинуться от демона как можно дальше.

— О том, что было бы разумнее прихватить с собой вторую лошадь, ... для меня. — проворчала я.

— Ну нет! — засмеялся он, и в очередной раз обхватив меня за талию, притянул ближе к себе. Эта молчаливая и бесполезная борьба за личное пространство в вынужденном соседстве окончательно вымотала. Закатив к небу глаза, в конце концов я намеренно, используя весь свой жалкий вес, рухнула на инкуба. Шансов причинить демону увечья было конечно маловато, но ободренная его внезапным “ой”, я не смогла отказаться от удовольствия и принялась усердно биться спиной о его грудь под предлогом собственного удобства. Чёрта с два! Похоже, я отбила себе всю спину, а он только хмыкнул и продолжил:

- У меня нет времени гоняться за тобой по прериям, а то, что ты выкинешь очередной фортель, в этом я несколько не сомневаюсь.

Приподнятое созерцанием местных красот настроение как ветром сдуло, меня не на шутку стала нервировать перспектива дальнейшего общения с объектом моих многочисленных проклятий.

Перед мысленным взором беспорядочно проносились сцены болезненных воспоминаний: вымученное лицо Иллиам, со скорбью в глазах поведавшей о гибели Морнаоса и смерти отца, кивающий ей в такт Дарен — мудрец, обладающий древнейшими магическими познаниями, несколько столетий тайно служивший на благо эльфов при

Дворце Правителя демонов. Именно он помог мне тогда выбраться из цитадели, выведя тайными ходами. С его помощью Иллиам смогла перейти через портал, неся на плечах обессиленную после “страстной” ночи с сидящим сейчас за моей спиной демоном, дочь короля эльфов.

Как же я возненавидела ублюдка, когда на рассвете, изможденная, полезла в его сундуки в поисках одежды и обнаружила среди многочисленных предметов утвари и драгоценностей, когда-то принадлежащих эльфам, свой кинжал, которым несколько дней назад нанесла демону ранение, и знакомую, засаленную временем, крохотную статуэтку чудаковатого животного. Нос его искусный творец вырезал настолько длинным, что он походил на лиану в эльфийском лесу, а огромное одинокое ухо — второе было отколото, в смущении прикрывало крохотный глаз. Это был талисман, бесценный дар возлюбленной Руари своему мужу Охтарону. Перед любым сражением наставник сжимал статуэтку в руке и читал над своим сокровищем молитвы Богам, призывая их в справедливые свидетели будущей бойни.

Вся правда о причастности того, кому только что отдала себя, к смерти наставника стала очевидна. Стоя у ложа с занесенным в руке кинжалом над черным сердцем спящего инкуба, стоило только вонзить клинок в широкую грудь, мщение за кончину друга свершилось бы. Я желала мести всем сердцем! Но противоестественное ощущение, не поддающееся определению и пониманию, тисками сдерживало волю. Слезы текли по щекам от бессилия, в горле стоял ком от жажды крови, я твердила и твердила себе: — Убей тварь! Пусть правосудие свершится!... С кинжалом в руке я тихо сползла на пол, понимая, что не могу этого сделать. Здесь же, на полу, меня и нашёл Дарен...

Сам факт добровольного соития с демоном считался постыдным и налагал вечный позор на темную и весь её род, поэтому ни одна эльфийка никогда бы на это не пошла. Более того, эльфийские законы карали смертью такой союз, так как считали эту связь преступной по отношению к расе.

Но самое страшное было — понести от демона. Только несколько случаев зачатия эльфийки от демона помнила история Темного мира, и все они печально закончились. Один произошёл на моих глазах задолго, до знакомства с инкубом ...

Это был переломный период в многовековой войне. Тогда во дворце отца был объявлен траур. Страшное горе обрушилось на расу темных эльфов — вместе с направляющимся в Морнаос караваном исчезла драгоценная реликвия — кольцо богини всех темных эльфов Великой Пестрой Матери, обладающее колоссальной защитной силой. Посланный отцом в разведку отряд принёс ужасные новости — демоны напали на караван, перебили всех мужчин, а двух эльфиек угнали с собой. Отец послал вслед демонам погоню. Мой отряд также принял участие в этом безумии. Мы выследили их вблизи одного из поселений на вражеской территории, устроились в засаде, ожидая, когда твари нажрут своего пойла и усыпят бдительность.

Обрадованные своей добычей, они пировали весь день, пока мозг их не замутился от

хмеля, а ночью... ночью случилось то, что повергло меня в шок. Притащив пленных эльфиек, демоны содрали с них одежды и пустили по кругу под дружный хохот и улюлюканье. Среди них было несколько инкубов, которые, применив своё дьявольское мастерство, наложили на несчастных чары, и те, лишившись воли, превратились в похотливых сук. Со счастливой улыбкой они выполняли любые прихоти пьяных ублюдков, ползали на коленях с готовностью предлагая себя каждому желающему, широко распахивали бедра и отсасывали члены при малейшем жесте, в то время, как твари терзали и рвали на части эльфийские тела. Но и жалобы не сорвалось с губ обреченных жертв даже когда их тела превратились в лохмотья. На моих глазах демоны, насытившись, разодрали одну из эльфиек на части. Вторая, изогнув спину, довольно постанывала под ударами насильника, даже не чувствуя, что истекает кровью.

В ту ночь мы перерезали всех ублюдков, но так и не нашли кольцо богини. Нам удалось спасти эльфийку и с огромным трудом излечить от физических ран. Но через несколько месяцев несчастная, которая понесла после этой жуткой ночи, умерла.

Эльфийское тело не приспособлено выносить плод такого союза, не важно, кем бы этот плод не был по своей сущности, эльфом или демоном, изнутри он пожирает всю жизненную силу матери, и с каждым днём жертва слабеет, пока не иссохнет окончательно.

Я узнала о своей беременности от Дарена, как только очнулась в мире смертных. Задумчивый мудрец видел зародившуюся жизнь в моём чреве. Известие восприняла спокойно, как справедливую кару за порочную связь, неисполненную Клятву мести пред Богами за смерть Охтарона, за собственное предательство перед народом и отцом.

Угасая на глазах печальной Иллиам и хмурого Дарена, я была уже не в состоянии скрыть, скольких усилий стоило любое движение. Банальный вздох причинял боль, а человеческая еда была не способна компенсировать те соки, что выпивал из меня плод. В то время ничто не удерживало меня среди живых. Проклиная инкуба, зародившуюся от него жизнь внутри меня, но больше всего ненавидя себя саму, моим единственным желанием было уйти в Арванайт, туда, где обитали души отца и Охранона.

Но мудрец, умеющий читать знаки Богов, всё решил по-другому. Как-то, когда я вынырнула из всё чаще поглощающей моё сознание темноты, он подошёл ко мне и произнёс:

— Твое сердце выжжено ядом и сейчас опустошено. Ты сдалась, уверенная в своей виновности, и не видишь, что получила дар Богов. Я мог бы поведать тебе одну древнюю историю, отчего на самом деле возникла вражда между эльфами и демонами, но пока ты не поймешь. — он склонил голову и продолжил, — Когда-нибудь ты узнаешь правду, когда сердце твоё будет готово её принять... Я говорил с Богами, Лайнеф. Они не желают твоей смерти. У них иные планы на тебя, девочка. Боги поведали мне, как восстановить твои силы и выносить то существо, что растёт в тебе, несмотря на твою ненависть к нему, но после твоих родов мне придётся уйти.

— Куда уйти? Зачем? — еле слышно прошептала я.

— За всё нужно платить, Лайнеф, запомни это. И цена ими озвучена. — он по-старчески рассмеялся, положил руку мне на лоб, и я провалилась в окутавшую меня темноту.

Вскоре, после мучительных родов на свет появился ничем не примечательный мальчик, что само по себе было очень странным. Никаких характерных признаков, указывающих на ту или иную сущность младенца, не было в помине. Ни единого знака, ни пятнышка, ни, к моему разочарованию, присущих эльфам, крохотных заострённых ушей. Обычное человеческое дитя.

Я в недоумении смотрела на омытое личико, пытаюсь понять, что чувствую к сему неожиданному, но обладающему огромной жадью к жизни, младенцу, насильно впихнутому мне в руки Иллиам, рассеянно прислушиваясь к монотонной речи Дарена, обращенной в молитве благодарности к Богам, как вдруг ребенок открыл глаза и посмотрел на меня осмысленным взглядом глубоких нефритовых глаз, ... и хрупкий, мой личный мирок рухнул, вновь превратившись в полыхающий ад, разбивший отголоски надежды на забвение прошлого. Не в состоянии оторваться от любопытного взгляда младенца, передо мной всплыл до дрожи знакомый, раздражающий своим превосходством, насмешливый взгляд инкуба. Вот она — кара — отличительная примета, которая не даст покоя, не даст забыть ЕГО. Я родила монстра по образу и подобию отца.

Я будто окаменела, не замечая, как сдавила собственными руками младенца, не слыша его жалобного вопля и голоса Иллиам, пока настойчиво она не принялась трясти меня за плечи:

— Лайнеф, отдай мне ребенка. — пытаюсь понять, что со мной происходит, она всматривалась в моё лицо, — Приди в себя и дай возможность позаботиться о малыше.

Я подняла глаза на подругу и протянула пищащий сверток:

— Забери! И найди ему кормилицу, я отказываюсь кормить этого... — сглотнув ком в горле, я выплюнула это слово:

— УБЛЮДКА!

Поражённая Иллиам возмущенно воскликнула, но в разговор вмешался прервавший молитву Дарен. Полный силы и гнева голос прозвучал непривычно громко:

— Лайнеф Лартэ-Зартрисс! Не смей говорить подобные слова о внуке великого Валагунда! Ты — урожденная наследная принцесса трона, но ведешь себя хуже простолюдинки! Стыдись, дочь темного короля! Твои предки вели себя достойно, чем заслужили уважение эльфов. Ни одна женщина в твоём роду ни при каких обстоятельствах не отказывалась от собственного дитя.

— Значит я буду первая! — в отчаянии выкрикнула я, — Этот ребенок — демон. Ты предлагаешь мне, воительнице, чьи собратья полегли в многовековой войне с этими

тварями, чьи солдаты отдали жизни за свободу и процветание нашей расы, мне, дочери короля эльфов, своим молоком вскормить ДЕМОНА? Я еле сдерживаю себя, чтобы не придушить его собственными руками!

— То, что он, возможно, чем-то похож на своего отца, ещё не говорит, что младенец — демон. Сущность проявится в час его совершеннолетия, девочка. — будто вложив в гневные слова последние силы, в старце кончился запал, и Дарен, тяжело опустившись на скамью подле кровати, продолжил:

— Даже если он окажется демоном, в первую очередь он твой сын, Лайнеф. Плоть от плоти твоей. Ты можешь вырастить из него великолепного воина и послушного сына, усмирив демоническую сущность, а можешь наполнить его сердце жестокостью, и рано или поздно пострадают ни в чем не повинные люди, в мире которых он будет жить. Вход в мир темных ему заказан. Думай, принцесса, думай! Ответственность за его судьбу лежит на тебе.

Через несколько дней Дарен исчез, а вскоре, втайне от Иллиам, я отвезла младенца, которого назвала Квинтусом, в одну из многочисленных деревень, раскинувшихся на больших территориях Великой Римской Империи, незримо наблюдая за его судьбой.

— За этим холмом мы спустимся к реке и перейдем через брод. На том берегу есть заброшенная хижина. — неожиданный голос Мактаवेशа, прозвучавший над самым ухом, прервал воспоминания и заставил вздрогнуть, — Довольно скромно для принцессы конечно, но вполне роскошно для беглой рабыни.

Из разговора между демонами мне стало понятно, что инкуб и есть владелец нашумевшего своей непокорностью при дворе императора Клавдия замка Данноттар, о котором поговаривали, как о неприступной крепости, и то, что мы направляемся именно в это место, было очевидным. Но сейчас, когда я смогла справиться с шоком от встречи с ним, а болезненные воспоминания и беспокойство за судьбу своих людей наконец-то отошли на задний план, я впервые задумалась, с какой целью Мактаवेश везет меня в свои владения. Никогда не поверю, что расчетливый мерзавец решил отказаться от лакомого куска — Килхурна, довольствуясь некогда сбежавшей пленницей.

Желая немедленно получить ответ на сей вопрос, я обернулась к инкубу и напоролась на искривленные в ироничной усмешке в дюйме от моего лица его обветренные губы. Как замороженная не в силах оторваться, я взглядом обвела их строгий, идеально рельефный контур, и вдруг шальная, безумная мысль, притронуться пальцами и ощутить, такие ли они горячие, как были раньше, поразила и испугала меня своим появлением.

— Идиотка! О чём ты только думаешь?! — мысленно ругала я себя. Желание задавать какие-либо вопросы моментально пропало, я уставилась на линию вечернего горизонта, надеясь, что инкуб ничего не заметил. Напрасно! Демон поймал моё любопытство, и сильные мужские пальцы, аккуратно сжав подбородок, развернули к себе лицом, принуждая взглянуть в зеленые, прищуренные глаза:

— У тебя голодный взгляд, принцесса, — из-за топота копыт и встречного ветра его голос прозвучал приглушённо, но слишком, слишком... интимно. Наклоняясь к самому уху, он добавил:

— Поведай мне, какие мысли были в твоей очаровательной головке, когда глаза пожирали мои губы, и неужели ни имперские самцы, ни даже этот щенок, что тявкал сегодня в Килхурне, не смогли заменить меня и удовлетворить твой голод?

Онемев от подобной наглости, ведя войну с собственной, едва контролируемой яростью, я открывала и закрывала рот, лихорадочно перебирая наиболее язвительные варианты ответов в то время, как губы демона уже во второй раз за сегодняшний день заскользили по моей щеке.

— Отчего же? Как раз всё наоборот, — в запале я даже не думала вырваться из клешней ублюдка, язвительно выплёвывая каждое следующее слово. — Я сравнивала, насколько грубы и омерзительны твои губы по сравнению с большинством достойных мужей, что покорили меня своей безудержной страстью, с избытком утоляя, как ты выразился, мой голод. И следующий вопрос...

Продолжить мне не удалось. Пальцы демона выпустили подбородок, но тут же впились мне в волосы, запрокидывая лицо. Под звук утробного рычания рот накрыли те самые губы, о которых я думала ещё минуту назад.

О, чёрт! Дьявол! Боги! Они были не просто горячи — беспощадным жаром эти губы выжигали сам факт его деспотичного обладания мной. От их пленительного огня нужно спасаться, бежать без оглядки, пока не поздно спасти себя. Властный язык демона ворвался в рот и сплелся в обольстительном танце с моим, прося, настаивая, требуя ответить и, ведомая в этом дуэте, преданная собственным дрожащим телом, прикрыв глаза, я совершила своё первое па-.

Окружающее потерялось, забылось, исчезло, когда отравленная только ЕГО вкусом, гонимая бешено забившимся сердцем, голубая кровь закипела в жилах. Потеряв рассудок, окутанная ароматом инкуба, лихорадочно цепляясь за широкие плечи, с диким, неведомым доселе мне восторгом я ловила каждое его порывистое движение, отчаянно вторя не менее ранящим и острым. Этот поцелуй стал похож на дьявольскую, мучительную схватку двух сильных противников, желанием каждого из которых было выйти победителем. Я алчно впитывала сминающую, ранящую губы страсть демона под ликование собственного глупого сердца, не замечая, что, сгорая от возбуждения, с не меньшей страстью отдаю ему себя.

— А ты всё также падка на мои “омерзительные” губы, сучка, — не без сарказма прошелестел мне в губы демон, неожиданно прервав поцелуй, и твердой рукой до боли прижал к себе. Эти слова и та сила возбуждения, что ощутила я прижатым к его паху бедром, моментально отрезвили меня. Взъерошенная, инстинктивно слизывая с губ его вкус, я уставилась злым взглядом в дьявольские омуты сквозящих превосходством нефритовых глаз.

— Отпусти немедленно... — тяжело дыша, я уперлась руками в каменную грудь демона, мечтая столкнуть мерзавца наземь и скрыться на его же коне. От содеянного меня переполняла настоящая паника. Как я могла опуститься так низко и позволить себе забыть, КОГО целуют мои уста? Но самым пугающим было то, что я желала его губ, его объятий и дыхания, намеренно провоцируя демона. До сих пор, несмотря на переполняющую сердце и разум ненависть к инкубу, я оставалась слаба пред ним.

— Трусиха! — бросил он мне в лицо, на что я предпочла промолчать. Так и не дождавшись от меня ответа, демон взял в руки поводья и стегнул коня.

Если шанс выиграть сражение минимален, подумай, есть ли смысл вообще вступать в бой, — гласила одна из поговорок темных. То, что я проиграю, для меня стало очевидным, поэтому я уже приняла для себя решение о немедленном побеге, мысленно прокручивая скорейшие его варианты, предпочитая общество диких зверей в лесу, нежели перспективу провести ночь под одной крышей в хижине с этим, намного более опасным хищником.

Тем временем, мы достигли вершины холма, и перед взором распростерлась извилистая, горная река, шум которой свободный ветер донес до моего слуха. Стремительный поток, окаймленный прибрежными валунами, не внушал доверия, но другого шанса, видимо, у меня не будет.

— И как же мы переберемся, я не вижу здесь брода? — удивлённо воскликнула я.

— Он скрыт от глаз посторонних за теми деревьями. — заявил инкуб, кивая в сторону небольшой посадки слева, — В том месте когда-то произошёл разлом земной поверхности, и основной поток протекает в его недрах, а произошедший впоследствии обвал со склона той горы частично завалил русло, образовав своеобразный узкий брод из скальника, поэтому сиди спокойно, принцесса, мне будет не до тебя.

— Не очень радужная перспектива — получить в своё пользование замок и бесславно сломать хребет, упав с лошади в горную реку. Так что обещаю быть паинькой, Мактавеш. — обрадованная заверением о невнимании, я не смогла отказать себе в удовольствии, обескуражить демона покладистостью и, в то же время, уколоть уплывшим из-под рук Килхурном. Услышав в ответ тихое рычание, я спрятала улыбку в уголках губ.

Наконец мы спустились с холма и направились к упомянутой роще. Из-за шума разбивающихся о камни вод говорить было невозможно, пришлось бы кричать, чтобы услышать друг друга, да и не о чем — каждый сосредоточенно смотрел на реку, думая о своём. Я присмотрелась к линии брода — приблизительно посередине реки его ширина резко сужалась, и малейший неверный шаг грозил неудачнику оказаться в бурном течении быстротечной реки. Именно то, что мне нужно!

Когда конь вступили в воду, я украдкой взглянула в сосредоточенное лицо демона, надеясь и испытывая легкое сожаление, что это в последний раз: широкий лоб, которой

сейчас пересекли пару морщин; крупный, прямой нос, обветренное суровое лицо с широкими скулами. Аккуратная бородка не скрывает волевой подбородок. Неподвижные в своем спокойствии, идеально ровные губы, вкус которых до сих пор остался со мной. Длинные, вьющиеся волосы, ниспадающие волнами на плечи. Он был так похож на человека, обладающего властью, что лишь бездонные, полные колдовской зелени глаза — единственное, что выдавало в нём иную сущность. Как же ты мог не заметить, что ещё один демон носит твои глаза? Как же ты мог не узнать сына, вождь Мактавеш, демон-инкуб по имени, которого я никогда не произносила вслух?

Конь под нами, ведомый твердой рукой, неумолимо приближался к выбранному мной для прыжка месту. Я понимала весь риск своей безумной идеи, но надеялась на помощь Богов. Не рассчитывая, что Мактавеш меня услышит, не оборачиваясь к нему лицом, я всё же произнесла вслух:

— Время не властно над нашими телами, демон. Возможно, пройдет ещё сотня, другая лет, и наши пути вновь пересекутся. Сейчас же я не готова к нашей встрече — моя рука всё ещё не способна убить тебя.

Резко приподняв его локоть, я скользнула с коня, и сделав глубокий глоток воздуха, нырнула в ледяную воду, ощущая, как река, тут же приняв меня, понесла в своем бешеном потоке.

Когда я вынырнула на поверхность и обернулась назад, фигура вождя с каждым ярдом становилась все меньше и меньше. В гневе, размахивая руками, он что-то кричал мне, но шум реки перекрывал его крик.

— Прощай, Мактавеш! — засмеялась я, махнув ему рукой и, охмелев от свободы, понеслась вниз по течению. Но радость моя была коротка и преждевременна. Горные реки очень коварны в своей непредсказуемости и терпеть не могут к себе фамильярности — россыпь острого скальника, о вершины которого с шумом разбивались холодные воды, с неумолимой скоростью приближалась ко мне.

— Дьявол! — понимая, что не смогу преодолеть это препятствие, не намяв хорошенько себе бока, я отчаянно стала грести к берегу, но быстрый поток нещадно гнал меня на камни. Первый скользящий удар был почти неощутим, и уцепившись за подвернувшийся валун, я попыталась удержаться на месте, но стремительное течение вырвало из моих рук эту мнимую надежду, как щепку подбрасывая и кидая безвольное тело на встречные камни, награждая многочисленными ушибами.

Острая, пронизывающая боль в бедре заставила закричать, когда неожиданно меня поглотила тьма...

ГЛАВА 13.

Неизвестный, обретающий своё лицо.

Древний лес с любопытством прислушивался к хаотичным, едва различимым ударам сердцебиения демона, истекающего черной кровью, проявляя неожиданный интерес к чему-либо брэнному. Он был настолько стар, что суэта ходящих, бегающих и ползающих тварей его давно уже не занимала, но смерть такого диковинного хищника видеть ещё не доводилось, поэтому стоило понаблюдать.

— Будет, о чем поведать шумному юнцу, когда попутный ветер донесет до него мой рассказ, — имея ввиду молодняк, что стоял за озером, древний лес довольно предвкушал, как встречные порывы в ответ принесут полные зависти восклицания неугомонного в своей болтовне соседа.

Однако, не только он наблюдал за последними глотками жизни Квинта, облик которого мало уже чем напоминал человеческий — посеревшая, изрезанная опустошенными черными венами кожа которого уже не могла скрыть истинную суть умирающего. Цепкий, единственный глаз Неизвестного неотрывно следил за каждым вздохом демона, а худощавое, изуродованное лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Лишь тонкая линия губ чуть дернулась, изображая мимолётную ухмылку, когда мужчина вплотную подошёл к бесчувственному телу и пнул несчастного острым мыском сапога.

— Тлен... — едва прошелестел губами Незнакомец, единым словом подытоживая короткую, по меркам темных, жизнь демона и, потеряв к нему какой-либо интерес, отвернулся, намереваясь раствориться в зелени древнего леса. Но тихий стон, раздавшийся за его спиной, заставил остановиться. Одноглазый присел над демоном и, склонив на бок голову, сосредоточенно принялся изучать его лицо:

— А ты не так прост, как кажешься, парень. Должен был уже подохнуть от эльфийской стали, но всё живой.

Незнакомец ткнул тонким пальцем в окровавленную грудь раненого, и тот вздрогнул от боли, вновь бессильно простонав. На миг тяжелые, подрагивающие веки с трудом приподнялись, и взору одноглазого предстала безжизненная, испепелённая адской болью пустыня — сама дорога в адское пекло, уже завладевшая сознанием демона. Но в том кратком миге, когда пред Незнакомцем открылась вся её вселенская скорбь, наполняя даже его чёрствое сердце ядовитым опустошением, острый глаз успел поймать затухающий, едва заметный огонек ещё присутствующего стремления к жизни.

— Прелюбопытный экземпляр... — одноглазый поднялся, и осмотревшись, направился к ближайшему поваленному дереву. Достав из-за пояса флягу с обжигающей жидкостью, ту, что люди называли виски, он сел на трухлявый ствол и задумчиво отпил из бутылки.

Торопиться ему было некуда. Он шёл сюда, ведомый зовом крови Валагунда, сотню лет назад оросившей наконечник той стрелы, что помогла одноглазому почти достигнуть желанной цели, и был взбешён фактом появления демонов в мире смертных, что разрушили столь тщательно продуманный план. Но будучи по натуре фаталистом и имея массу времени,

он научился одному качеству, которое считал по истине ценным — терпению.

- Добыча сама придет в руки охотнику, умеющему ждать, — изрек он очередную мысль, сожалея, что не имеет личного летописца, как некогда, который непременно оценил бы их смысл и изящество.

Холодный взгляд единственного глаза снова вернулся к Квинту, неспешно блуждая по иссохшему, но всё ещё борющемуся за право жить, телу, вздрагивающему от хаотичных, рваных ударов черного демонического сердца, прошёлся по окровавленной одежде римского легионера, и остановился на посеревшем, потерявшем былую привлекательность лице.

— Кто ты? Чем вызвано стремление демона спасти эльфа? — озадачился вопросом Неизвестный, уже прикидывая резонность союза с этим, почти мертвым, хищником.

— Покуда ты будешь взвешивать все за- и против-, он и вправду превратится в тлен, — вмешался в мысли одноглазого Голос. — Давай! Напой его своей кровью, да отнеси к ведьме, ведь выгода очевидна — он сам найдет ту, что тебе нужна.

— Возможно, ты прав, — убирая флягу, нехотя согласился Неизвестный с привычным бестелесным собеседником, назойливо поселившимся в его голове. — Найдет, и получит достойную плату от Кирвонта Доум — Зартрисс.

Алекса.

Одинокий домик на небольшой лесной поляне располагался практически в самой лесной глуши. Покосившаяся крыша, несколько посеревших от времени досок, которые давно следовало заменить, и мелкий кустарник, окружающий скромное строение посреди леса. На самом деле, даже домом эту постройку сложно назвать. Хижина. Моя хижина.

Внутри не было ничего лишнего: небольшая кровать в дальнем углу, над которой был пристроен навес из старой рыболовной сети, позволяющий хранить в ней всякие мелочи, которые время от времени были нужны, пару сундуков, большой стол по левую сторону от входа, очаг в самом центре, греющий воду в висящем над ним котле и еще несколько предметов быта, включающих в себя различного рода посуду, целебные травы и несколько настоек, тем или иным образом создающих уют в моем жилище.

Каждый раз, когда я переступаю порог своего дома, вспоминаю отрывки из детства, которые навсегда изменили мою жизнь. Отца я видела крайне редко, поэтому очертания его лица со временем превратились в размытые образы, ставшие подобием тумана. Мать была рядом до тех пор, пока тяжело не захворала, а все попытки вылечить несчастную силами молитв и деревенской знахарки оказались тщетны.

Именно после ее смерти во мне открылись дремавшие тайные способности читать мысли окружающих, предвидеть будущее и исцелять. Намного позже я узнала, что этот дар унаследован мной от отца, но тогда, осиротев и не понимая, что со мной происходит, замкнувшись в себе, я была крайне напугана.

Однажды, мне было видение, как соседская девочка тонет в реке. Решив отвести беду, я набралась смелости и рассказала о видении ее матери, однако, женщина не поверила пророчеству ребенка и прилюдно подняла меня на смех. Конец истории был печален: девочка погибла, а суеверные местные жители стали обходить мой дом стороной. Тогда я получила, пожалуй, свой первый урок в жизни — нельзя безнаказанно вмешиваться в ход судьбы.

А через год на деревню напал мор. Голод и чума косили каждый дом, не щадя ни стариков, ни детей, ни скотину. Отчаявшиеся, убитые горем люди, не найдя других причин своих бед, обвинили во всех несчастьях меня, заклеив ведьмой, и с позором изгнали из села.

Ведьма! Уже давно прошло то время, когда я вздрагивала от слова, которое для людей заменило моё имя. Живя отшельницей, я изредка принимала тех, кто потерял веру в своего бога и был готов продать душу дьяволу за возможность исцеления от неизлечимой хвори. Их человеческие эмоции — отчаяние, страх, уныние, растерянность, угасающая надежда, и нечто, что глупцы называли любовью — интриговали меня. Я получала истинное, отчасти изощренное удовольствие, наблюдая, как те, кто обрек сироту на гибель, сейчас пресмыкались предо мной, моля о помощи. Это было моим маленьким развлечением в однообразной жизни изгоя.

Из привычных размышлений меня вывело тихое поскуливание Севера, настойчиво требующего к себе внимания. Крупный волк северной породы, отчего и наречен мной Севером, был некогда брошен собственной стаей. Такой же изгой, как я. Возможно, именно поэтому он точно чувствовал мое настроение, порой забавным поведением развеивая печальные мысли. Его густая, пепельного цвета шерсть переливалась при солнечном свете, а желтые глаза превращались в янтарь.

Я отложила в сторону нож, которым разделявала тушку только что пойманного зайца, и тихо произнесла:

— Ну что, ты все понимаешь, правда? Славно сегодня поохотился, приятель! — слабо улыбнулась и, присев, небрежно потрепала волка за ухом, на что тот, пригнув передние лапы, потянулся и довольно рявкнул.

Я было вернулась к тушке зайца, как Север вдруг завыл, завертелся волчком, сел напротив меня, и наши взгляды скрестились, а в голове раздался знакомый, тихий голос отца:

— Алекса, придет чужак, принесет раненого. Вылечи воина — он нужен мне живым. Но будь осторожна и внимательна, дочь, у него иная сущность.

Контакт оборвался, Север лег на пол и опустил голову. Волк был проводником между мной и вновь обретенным отцом, и всякий раз после очередной связи, засыпал.

Про отца я могу думать часами. Этот загадочный человек, друид из древних кельтских народов, что обрел великий смысл магии и колдовства, часто занимал мои мысли. Первая встреча с ним была самым ярким пятном в моем замкнутом быте. Когда он появился на пороге хижины в образе старца, Север, уподобившись дворовому псу, бросился его встречать, радостно виляя хвостом, будто знали они друг друга целую вечность. Позже, отец признался, что волк был послан им в качестве посредника между нами и для моей же защиты. Ещё никто не опекал меня после смерти матери, и забота отца теплом проникла в очерствевшую душу, разрушая стену отчуждённости между нами.

Я сделала глубокий вдох, задумываясь над поручением отца в то время, как сердце тихонько нашептывало, что в моей жизни грядут серьезные перемены. Ведьма, по своей сути, я не могла видеть собственное будущее, поэтому училась слушать голос сердца. Но сейчас... мне нравилось размеренное постоянство жизни одинокой отшельницы, где я совершенствовала свои знания и была предоставлена только себе. О каких-либо переменах я и не помышляла.

— Нежданный гость хуже врага, — досадливо взглянула я в крохотный оконный проем, провожая взглядом лучи уходящего солнца. Теперь, единственным кротким спутником света в моем жилище был затухающий очаг, языки пламени которого становились все меньше и меньше, меняя свой светло-синий оттенок на тускло-красный и практически сходя на нет.

Зачерпнув черпаком воды из ведра и утолив жажду, я подкинула несколько поленьев в огонь, и пламя весело продолжило игру многогранной палитрой огненных красок, облизывая жаркими языками поленья. В доме стало светло, а урчащий желудок со всей наглостью напомнил о себе. Задаваясь вопросом, чем раненый так важен отцу и о какой сущности идет речь, снедаемая любопытством, я вернулась к приготовлению ужина.

Посреди ночи меня разбудило глухое рычание Севера. Резко вскочив на ноги, я вздрогнула от черной ауры, исходившей от силуэта мужчины, что в видении сквозь ночной лес подходил к моей хижине. На плече он нес нечто объемное и тяжелое, но это нисколько не замедляло его шагов.

Накинув платье, я собрала волосы в тугий узел и, прикрикнув на Севера, едва распахнула настежь дверь, как темный силуэт материализовался предо мной. Не церемонясь, незнакомец отеснил меня в сторону и, осмотрев хижину, направился к еще хранящей мое тепло кровати.

Север, вопреки моему призыву, глухо рыча, демонстрировал оскал белоснежных клыков, тут же прижимая уши — верный признак, что хищник чувствует исходящую угрозу от более сильного зверя.

Воспользовавшись тем, что чужак не обращает на меня внимания, я бесшумно прокралась к столу, незаметно схватила нож и, сжав в руке, спрятала за спиной.

— Убери игрушку! — металлический скрежет его голоса неприятно резанул слух. Швыряя раненого на кровать, мужчина добавил:

— Твоя жизнь не нужна мне, но ты залатаешь его тело!

Он подошел вплотную ко мне, и тусклый свет почти затухшего очага позволил рассмотреть худощавое непроницаемое лицо, обезображенное шрамом, проходящим через пустую глазницу. Единственный живой глаз впился в меня, ледяным холодом проникнув под кожу:

— Ты ведь исцелишь его, красотка? — лицо чужака расплылось в похотливой улыбке, холодные пальцы коснулись моей щеки и, подобно мерзкой гадюке, медленно поползли по шее к груди.

Я дернулась назад, прижатая к столу, а готовый вонзить клыки в плоть чужака, волк медленно приблизился к нам.

— Даже темным чревато возжелать ведьму, — процедила я сквозь зубы, с вызовом взирая на одноглазого, и со всей силы отпихнула его от себя.

Я была уверена, что с его стороны последует ответное действие, однако, либо одноглазый был слишком умен, либо безумен, но то, что сумел меня удивить — несомненно: неожиданно, он громко расхохотался, но смех его прервался так же внезапно, как и начался. Единственный глаз сальным взглядом пробежался по моей фигуре, после чего чужак развернулся, в два шага пересек комнату и растворился на пороге хижины.

Дрожащими руками я захлопнула за незванным гостем дверь, откинула с лица выбившиеся пряди волос, приблизилась к кровати и, все еще сжимая в руке нож, присмотрелась к раненому.

Передо мной лежало нечто в одежде римского легионера, облик которого отдаленно напоминал человеческий. Страшное, изборожденное жилами лицо, обтянуто серой, почти прозрачной кожей, короткие слипшиеся волосы испачканы черном веществом, по запаху напоминающим кровь, а одежда, покрытая слоем грязи и порвана во многих местах.

Сущность этого воина была мне неизвестна, что разжигало мое природное любопытство. С опаской я ткнула его пальцем в плечо и услышала слабый стон, осмелев, ножом разрежала окровавленные лохмотья. Глубокая зияющая рана, окаймленная черной, теперь, как я уже убедилась, кровью, располагалась в дюйме от сердца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О, ... да ты парень с сюрпризом! Удивительно, как ты до сих пор жив! — воскликнула я в предвкушении решения интересной задачи потирая руки, но, к моей досаде, вмешался Север — волк, нутром чуя нечеловеческую сущность раненого, потянул меня за

подол платья назад, оберегая от мнимой опасности. Обернувшись, я успокаивающе потрепала его по холке:

— Здесь нет никакой угрозы, серый, он безобиднее младенца сейчас. Но от тебя мне нужна помощь — нам необходимо много крови, поэтому тебе придется потрудиться и раздобыть ее, — я открыла дверь хижины, на что волк недовольно рыкнул и неспешно засеменил в лес.

— И без добычи не возвращайся! Поживей! — крикнула ему вдогонку.

Я подбросила поленья в очаг и, очистив рану воина от запекшейся крови, приготовила настой из редких трав, целебное действие которых всегда приносило неоспоримый эффект, напоила им и обработала рану. Но в этот раз все было иначе, и даже кровь оленя, принесенная волком, не возымела должного действия.

— Непростая, видимо, рана досталась тебе... — вздохнула я, уже понимая, что без магии здесь не обошлось. А противодействием магии может быть только более сильная магия, азам которой меня когда-то обучил отец.

Подойдя к небольшому сундуку, в котором хранились древние свитки, я искала книгу в толстом кожаном переплете, потрескавшемся от времени, оставленную некогда на хранение один темным, с которым меня столкнула судьба лет десять назад. В итоге, на самом дне сундука, нашла ее. Несколько ремней сдерживали посеревшие страницы, не давая им выпасть и перемешаться со свитками, сохраняя четкий порядок знаний. Эту книгу я ни разу не доставала, да и не собиралась, ведь все раны и болезни, которые мне довелось лечить до этого, не были связаны с чем-то похожим на ранения незнакомца.

Взяв книгу и нервно перелистывать страницы в поисках нужной, я изредка бросала в сторону воина короткие взгляды, слыша его тихие стоны. Сейчас я не могла тратить ни секунды, ведь именно от такого короткого мига зависела его жизнь.

Листая быстрее и быстрее, я наткнулась на картинку, в которой обнаружила определенное сходство между изображением и лежащим на кровати незнакомцем: цвет крови, оттенок кожи, тонкие нити вен. Несомненно, я нашла нужную мне информацию, вот только теперь появилась некоторая сложность — слова, начертанные на серых страницах, стали исчезать на моих глазах. То ли от влажности в помещении, то ли от света, то ли от собственной старости, но книга не желала раскрывать мне свои знания. К собственному разочарованию, остался только выборочный текст на почти истлевшей странице, и я не могла прочесть слов, касающихся сущности парня.

Взяв себя в руки, я изучила обрывок текста, в котором говорилось, каким заклинанием воспользоваться для излечения ран, идентичным ране незнакомца. Так же было описано, какое противоядие стоит применить. Подойдя к кровати, я положила одну руку на лоб раненого, а вторую ему на грудь, вслух произнося только что выученное заклинание. Север тихо заскулил, на что я только шикнула, давая понять, что не стану обращать внимания на

его странные предчувствия. С каждой секундой, с каждым произнесенным словом я ощущала, как мои силы постепенно переходят к воину, учащая его сердцебиение и выравнивая дыхание, заново разжигая почти потухший огонь жизни.

Неожиданно дверь распахнулась и порыв ветра ворвался в хижину, гася все зажжённые лучины и огонь в очаге. Жар и духоту резко сменил холод и тьма, которые рассеялись лишь благодаря тусклому сиянию синих светящихся нитей энергии, буквально вытекающей из моего тела через пальцы в тело воина подобно живительным ручьям. Она постепенно переходила к нему, медленно заживляя ссадины на лице, свидетельствуя о том, что мои усилия не напрасны.

Наконец, с большим трудом я произнесла последнее слово заклинания и, обессиленная, провалилась в глубокий сон.

ГЛАВА 14. ИЛЛИАМ.

Старый лес все больше погружался в тишину. Лучи уходящего солнца едва проникали сквозь густую крону высоких деревьев, тусклым светом освещая небольшую поляну, на которую мы выбрались сквозь колючие заросли терновника.

— Госпожа, дальше болото, — указал в северном направлении малец, в спешке прихваченный нами по настоянию Тасгайла. Старик уверял, что парнишка толковый, и никто другой в ближайшей округе не знает здешних мест столь досконально, как он. — Они не могли пройти через топь, тем более на лошадях, — важно заявил юный сорванец.

— Похоже, нет смысла продолжать поиски. Уже смеркается, а дикого зверья здесь полно. Жаль, конечно, Госпожу, но дальше оставаться в этом лесу опасно, да и не нагоним мы варваров теперь, — вмешался в разговор один из жителей Килхурна.

— Время ещё терпит, Морис, — я прекрасно понимала, что люди вымотаны, и сама измождена, но прекратить поиски, не выяснив ничего, была просто не в состоянии. Необходима малейшая зацепка, хоть какая-нибудь подсказка, чтобы понять, куда могли увезти Лайнеф. — Лучше рассредоточитесь по несколько человек в разных направлениях от поляны. Ищите свежие следы лошадиных копыт, обращайтесь внимание на сломанные ветви, примятую траву — все, что может подсказать нам, в каком направлении дальше двигаться. Осмотрите каждый куст и каждый ствол. В ваших же интересах поспешить — через час совсем стемнеет. Поторапливайтесь!

Тревога за подругу не отпускала меня. Я стегнула коня, направляя его в сторону одной из неприметных троп, что паутиной изрезали лесной массив, прекрасно понимая, что Морис прав — драгоценное время упущено. Я совершила непростительную, роковую ошибку, оставив эльфийскую наследницу наедине с демоном, когда-то чуть не лишившим ее жизни.

— Ох, Лайнеф! Уж лучше бы ты злилась и бранила меня сейчас за своеволие, чем находилась в лапах инкуба, чары которого, судя по увиденному мной у стен Килхурна, и по

сей день имеют над тобой странную силу.

Пять... Пять древних демонов. Пять пар горящих глаз, пресыщенных смертью своих жертв. Пять представителей самой опасной для всего живого сущности, распаленных запахом крови убитых людей. Они неотрывно следили за каждым из нас и были готовы в любой момент разорвать, растерзать, превратить в тлен.

Их неожиданное появление, да еще и в странном союзе с каледонскими племенами пиктов, потрясло меня и возродило забытое и острое чувство опасности. Что они делают в мире смертных? Что привело заклятых врагов в Килхурн? Почему, вместо того, чтобы убить нас — Лайнеф и меня — помогли расправиться с саксами? Ведь по природе своей демоны нетерпимы к остальным темным расам, мстительны и беспощадны, и для них не существует понятия “бывший враг”. Задавая себе все эти вопросы, я с тревогой наблюдала за развитием событий, просчитывая наши шансы на выживание, если придется вступить в новый бой.

Да, в мире людей изредка мы сталкивались с демонами- одиночками, в большинстве случаев прерывая их существование, но пять?.. Это равносильно стае волков, что кинется на одинокого пастуха, мирно пасущего своё стадо. Было бы полнейшим безумием вступать сейчас с ними в схватку, когда силы наши на исходе — весь Килхурн превратится в склеп. Необходимо договориться, спасти себя, людей и Квинта — единственного представителя новой, доселе невиданной расы, в котором непостижимым образом сочеталась безудержность демона и холодная рассудительность эльфа, явно доставшаяся от предков.

Между тем, тяжелая напряженность передалась людям. Не обращая внимание на дикарей, воины хмуро поглядывали на демонов, и на лицах даже закалённых в сражениях легионеров я впервые читала смятение. Смертные чувствовали не просто угрозу жизни для себя — инстинктивно они ощущали, что их окружает невиданная темная сила, способная поработить слабые человеческие души. Великое зло, от которого невозможно сбежать и укрыться ни за стенами крепости, ни на просторах Каледонии, ни даже за пределами необъятной Британии. Чувствовали и боялись. И, понимая, что сейчас решается их судьба, с тревогой и надеждой взирали на свою Госпожу-декуриона, что вела очень странный диалог с одним из демонов...

Мне не составило особого труда догадаться, что именно он являлся вожаком среди своих. Об этом свидетельствовали его уверенная манера держаться, неспешные, размеренные жесты и движения, и не терпящая возражений интонация в голосе, которая регулярно проскальзывала и в тоне самой Лайнеф. А искривлённые в ироничной, казалось, неуместной сейчас презрительной ухмылке губы на суровом, по-мужски привлекательном лице, еще больше подчеркивали полноту власти и мощи стоящего рядом с подружкой демона.

Но что поразило меня больше всего, а точнее — кто, так это сама Лайнеф! Проявляя изрядное хладнокровие в самых опасных ситуациях, сейчас она была сродни взорвавшейся пороховой бочке. Я просто не узнавала её. Куда подевалось завидное эльфийское

спокойствие и здравый рассудок, на смену которым я лицемерила почти неконтролируемую агрессию, грозившую превратить диалог в кровавую бойню? Почему, вместо того, чтобы без лишних стычек разрешить сложившуюся ситуацию, она будто нарочно пыталась всяческим образом проверить выдержку могучего демона- исполина, источая яд в его адрес. Это было глупо, безрассудно и смертельно опасно для всех нас.

А уж когда Госпожа декурион, совершенно утерев последнюю толику чувства самосохранения, во всеуслышание обвинила демона в трусости и оказалась плотно прижатой к нему его же рукой, не проявляя при этом никакого сопротивления, я окончательно перестала понимать происходящее. Она стояла, как вкопанная, не сводя зачарованного взгляда с красавца — демона, позволяя этому наглецу касаться ее лица так, будто он имел на это полное право! Где привычная мне реакция этой несносной девицы? Почему она не пытается вырваться? Почему она стоит и просто тарашится на него?

Нет! Эти двое явно не впервые сегодня встретились. Они смотрели друг на друга так, будто знакомы, и их связывает общее прошлое.

Течение моих мыслей неожиданно прервал угрожающий голос Квинта, обращенный к вождю демонов. Парень вышел вперед и, положив ладонь на рукоять меча, встал за спиной Лайнеф. Сдается мне, бесстрашный воин еще раз решил продемонстрировать свой боевой дух и поплатиться за это собственной жизнью. Нужно срочно успокоить юного покорителя девичьих сердец, иначе красотки Килхурна не простят нам, если этот зеленоглазый боец падет у стен крепости среди других бесстрашных вояк.

Демон отстранился от подруги, повелительным взглядом пробежался по лицам стоявших рядом со мной солдат, непостижимым образом сумев приковать каждого к месту в полном безмолвии, с любопытством задержался на мне и, без труда прочитав мою сущность, замер на Квинте. Но того краткого мгновения, когда я могла видеть его глаза, яркая вспышка озарения молнией пронзила меня.

Зеленоглазый! Невероятно! Как же я сразу не заметила очевидного сходства. Квинт молод, его тело всё ещё набирает свою силу, но атлетического сложения фигура, черты лица... Весь его облик вопил о схожести со стоящим напротив демоном, стоило только присмотреться. И глаза!!! Таких, как у Квинта, до сего дня я ни разу не встречала за всю свою долгую жизнь. Даже несмотря на то, что зелень глаз парня была разбавлена карими бликами, доставшимися от матери, столь же выразительные, как и у вождя, они не оставляли равнодушными представительниц человеческого рода с самого момента его появления на свет, и надо быть полным слепцом и глупцом, чтобы не заметить очевидной связи между этими двумя самцами.

Так можно потратить ни один час в поисках доказательств собственной догадки, но не лучше ли получить прямое подтверждение из уст самой Лайнеф, которая сейчас как раз направлялась к солдатам, правда, находилась явно не в лучшем расположении духа.

— А ты не говорила мне, что он инкуб, — тихо произнесла я слова, не предназначенные

для чужих ушей, когда подруга встала рядом со мной.

— Ты о чем? — она нахмурилась и обернулась ко мне.

— Отец Квинта... — ещё тише невинно продолжила я, кивая в сторону отошедшего собеседника Лайнеф. В это время он как раз что-то обсуждал с одним из воинов — демонов, не менее мощным, но явно уступающим своему Господину в привлекательности.

— Вздор! С чего ты взяла? — эта девица никак не желала раскрывать «тайну века», неуклюже пытаясь продемонстрировать искреннее непонимание и удивление.

— Определенно точно он! — я не смогла скрыть довольную улыбку, когда разгневанная воительница бросила на меня свой убийственный взгляд. — Совет на будущее, дорогая, — если хочешь соврать о нём, прячь глаза. Они выдают Вас с головой, Госпожа декурион.

— Идите Вы бездну, госпожа Советник! — приглушенным голосом моментально парировала она, разозлившись, что ещё раз подтверждало мою несомненную правоту.

— О, я там уже была, и, знаешь, мне не понравилось, — сыронизировала я, забавляясь ее реакцией. Зардевшиеся щеки, румянец которых не могли скрыть ни засохшая кровь, ни копоть, ни грязь, горящий гневом в бесплодной попытке всё отрицать взгляд, плотно сжатые в немом упрямстве губы. Я не могла отказать себе в удовольствии подтрунить над строптивицей:

— Нет, ты только посмотри: широкие плечи, высокий рост, цвет глаз и дерзкое обещание неземного рая в его взгляде, — перечисляла я приметы сходства, не отводя взора от демона. — Наш парень явно унаследовал все это от красавца — инкуба. Лайнеф, да у них даже ухмылка одинаковая. Что ты на это скажешь?

Ответ был краток, так как направляющийся в нашу сторону вождь вновь безраздельно завладел её вниманием:

— Скажу, не суй любопытный нос не в своё дело, — не сводя разъяренного взора с демона, с угрозой в голосе прошипела она, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен. Но один вывод я успела сделать, когда сей исполин, под недовольный ропот солдат, предложил ей продолжить разговор наедине и, не заботясь о собственной безопасности, Лайнеф пошла с ним. Госпожа-воительница, как бы она это не отрицала, до сих пор остается равнодушна к зеленоглазому представителю демонической расы даже по прошествии стольких лет.

Ну что ж, может оно и к лучшему. Этим двоим явно нужно многое обсудить. По крайней мере, в ближайшее время бойни не будет, что внушало надежду на будущее. Подав воинам знак, что всё в порядке, я направилась к воротам крепости, совершив ту роковую ошибку, по причине которой измотанные прошедшим боем с саксами люди вынуждены рыскать по лесу в поисках ответов.

— Мы нашли! Сюда, Госпожа Иллиам! Здесь следы! — окрик одного из людей, эхом разнесшийся в древнем лесу, вынудил меня развернуть коня и спешно направиться к тропе в восточной его части.

— Что у вас? — долгие поиски и блуждания по зарослям не приносили результатов. Почти стемнело, все отчетливее и ближе раздавались шорохи и звуки, издаваемые хищниками, вышедшими на ночную охоту в поисках пропитания. Люди и лошади нервничали, мечтая поскорее убраться отсюда, но найти что-то стоящее нам так и не удавалось.

— Вот, Госпожа, смотрите. Это следы, — освещая факелом землю, два брита указали на свою находку. Я присмотрелась и разочарованно вздохнула:

— Следы, но, к сожалению, не те. Приглядитесь. Они не глубокие, трава, хоть и примята, но уже восстанавливается и тянется к свету. Проходившая здесь когда-то лошадь явно была налегке, причем прошла здесь не менее суток назад. Видите, на кустарнике ветка сломана, а листья на ней зачахли. Ищите дальше.

Явно расстроенные и уставшие парни побрели выполнять приказ, когда с другой стороны поляны донесся взволнованный голос Мориса:

— Вы должны это видеть! Сюда, Госпожа. Скорей!

— Что там? Снова следы?

Но то, что обнаружил воин крепости, повергло в шок всех присутствующих участников поискового отряда, не только меня. Парни перестали сетовать на тяготы затяжного похода по лесу и все, как один, обратили свой взор на указанное Морисом место. И было на что посмотреть: залитая темной кровью трава, почти черного цвета, найденная пряжка от пояса с изображением легионера верхом на скакуне — неотъемлемая деталь обмундирования конника турмы, и зажатый в моей руке лук, поданный кем-то из парней, на котором в свете факелов я отчетливо различила брызги крови. Лук, ещё хранивший запах демона. Запах Квинта.

Меня бросило в холодный пот, руки задрожали, отказываясь держать окровавленное оружие. Всё, что я сейчас лицезрела, говорило лишь об одном — с Квинтом Гейденом случилась беда. Но где тогда тело или его останки? Если он ранен, куда мог направиться, истекающий кровью и без оружия? Что могло помешать ему вернуться в Килхурн? Мы обшарили всю близлежащую окрестность, и просто было невозможно не натолкнуться на раненного, либо мертвого...

Впервые болезненно заныло в груди. Я глубоко вздохнула, пытаюсь избавиться от боли,

обвела цепким взглядом местность и вдруг, неожиданно почувствовала еле уловимый шлейф стоявшей здесь недавно темной энергии. Она всё ещё цеплялась за ветви деревьев, угнетая своим присутствием всё живое, будто сама смерть коснулась этого места равнодушной рукой. Спустившись с лошади, я подошла к стволу мертвого дерева, несшему на себе четкий отпечаток тяжелой, гнетущей силы, коснулась его рукой, и на краткий миг она приоткрылась мне. Я увидела очертания фигуры, но не смогла понять ее принадлежность к полу. Очертания были размыты, а лицо сокрыто капюшоном, но от той темной ауры, что источал силуэт, веяло ледяным злом.

Ясно было одно — кто-то, обладающий темной не демонической силой, незримо присутствует в наших жизнях и наблюдает за нами. Вмешивается ли он в наши судьбы? Имеет ли причастность к исчезновению Квинта? Его ли рукой был ранен сын Лайнеф Лартэ-Зартрисс? Видение также быстро исчезло, как и появилось, оставив ещё больше вопросов, ответов на которые у меня не было.

Тем временем ночь полностью вступила в свои права. На сегодня пора заканчивать ставшие неэффективными и опасными для людей поиски. Выяснить, какой клан и в каком направлении увез Лайнеф, мне так и не удалось, и впервые я пожалела, что в отличии от неё, совершенно не интересовалась обычаями этих земель. Надежда на возвращение Квинта живым и здоровым тоже стала угасать. С окаменевшим сердцем я вынуждена была отдать команду о прекращении поисков:

— Морис! Выдвигаемся к крепости!

— Ну что, Госпожа, не догнали Мактавеша? — обеспокоенный Тасгайл появился в зале. — Может это и к лучшему. Жаль госпожу Лайнеф, конечно, но, всё-таки, одна смерть лучше, чем две. Кто к Мактавешу попадет, живым не возвращается.

— Что? Что ты сказал, старик? — я и сидевшие на скамьях legionеры, удрученные похищением своего декуриона, как по команде, с надеждой уставились на распорядителя. — Мактавеш?

— Да, Госпожа, именно. Тот самый Мактавеш, что заключал договор с недавно покинувшим брэнную землю старым хозяином Килхурна. Я же Вам рассказывал... — он по-стариковски вздохнул и, довольный всеобщим вниманием, продолжил, — эх, были времена, когда...

Слушать очередную историю о жизни Готфрида Мортонна я не собиралась. Сейчас все происходящее стало складываться в единую целостную картину — Килхурн, неожиданное появление Мактавеша во время сегодняшнего сражения, скрепленный договор, даже похищение Лайнеф. Только найденные в лесу находки и исчезновение Квинта не вписывались в общий сюжет, пугая вполне логичными выводами.

— Тасгайл, Квинт не появлялся? — меня мало заботило, что рассказ седого старика оказался так бесцеремонно прерван, но ждать окончания этих бесконечных былин не было ни малейшего желания.

— Нет, Госпожа, — ответил раздосадованный моим невниманием зритель.

— Тасгайл, где искать Мактавеша, и как называется местность, где расположен его клан?

— О нет, Госпожа! Выбросите из Вашей прекрасной головки эти мысли, — торопливо забормотал взволнованный старик, вызывая моё неподдельное раздражение:

— Госпожу Лайнеф не спасете и себя с людьми погубите. Это очень сильный клан, состоящий из отменных воинов, известных своими зверствами. Их численность намного больше, чем у саксов, тела которых сейчас растаскивают звери за пределы Килхурна. Да и чтобы добраться до Данноттара, неприступного замка Мактавеша, Вам придется пересечь большую часть территории Калейдонии, населённую воинственными племенами пиктов, — устав от собственной речи, старик опустил на свободную скамью и, затихая, повторил, — себя и людей погубите.

Накопившаяся за этот долгий день смерти и потерь усталость тяжелым грузом нахлынула на меня, позабытое чувство беспомощности и обреченности овладело душой. В словах старика была жестокая правда. Бриты ни за что не пойдут в самое сердце Каледонии, чтобы спасти новую Госпожу, а отправиться к далекому Данноттару с шестью преданными Лайнеф легионерами — все, кто остались в живых после сегодняшнего боя — настоящее безумие.

Нам нужно войско, чтобы сразиться с демонами и варварами. И кажется... Клавдий Константин! Конечно! Единственный, кто может помочь — самопровозглашённый император Рима. Известный своей лютой непримиримостью к варварам, похищение одного из своих лучших декурионов он расценит, а в этом я не сомневалась, как личное оскорбление.

— Тасгайл, к рассвету оседлайте трех самых резвых скакунов. Вам же, — обратилась я к Титу и Кезону, которые после изнурительного боя и похода в лес сейчас сидели, облокотившись о каменную стену, — несколько часов на отдых и на то, чтобы до рассвета привести себя в порядок. С первыми лучами солнца выдвигаемся в Лондиниум.

И уже поднимаясь по лестнице к своим покоям, я окрикнула слугу:

— И еще, Тасгайл. Если вдруг появятся какие — либо новости, или... — я осеклась, сглотнув ком в горле, — или появится Квинт, немедленно сообщите мне.

ГЛАВА 15. ФИЕН.

Путь к замку лежал на восток через большую часть полуострова. С тревогой взирая на линию горизонта, где собирались грозовые тучи, предвещая о приближающемся ливне, я спешил вернуться домой и обсудить с Алистаром своё решение по возвращению Килхурна. Нужно было поспешить перебраться через Ди, — ливень делал переправу непроходимой. В противном случае мы надолго можем застрять на этом берегу, что никак не входило в мои планы.

Это была долгая и опасная дорога до Данноттара. Опасная для смертных, но не для меня. Малочисленные, разрозненные племена диких пиктов, отказавшихся присоединиться к клану, временами встречались в лесах и на просторах Каледонии, но между нами возник своеобразный нейтралитет. Предоставив когда-то им право выбора, я всё больше убеждался, что поступил правильно — даже самые гордые и упрямые представители коренного населения этой страны, понимая целесообразность союза с Мактавешами, рано или поздно приходили ко мне за миром.

Мне необходимо было обдумать создавшуюся ситуацию, ещё раз взвесить своё решение, которое, я был уверен в этом, навряд ли понравится моим парням. И разумеется, устранить препятствие к вступлению в права владения Килхурном в виде беглой рабыни, которая вынужденно прижималась ко мне так, что даже сквозь одежды я чувствовал тепло её тела, мысленно уже сдирая все эти тряпки, скрывающие её наготу.

Дерьмо! Кого я обманываю?! Я просто хотел остаться с ней наедине. Когда сегодня я увидел восставшую из ада, понял, что впереди меня ждут неприятности, но давняя месть казалась столь желанной, что решение о похищении стало очевидным. Никто не вправе в этом мне перечить. Никакой гребанный император со всеми своими легионами не в силах был бы мне помешать.

Швыряя бесчувственное тело эльфийки на коня, уходя от погони, вонзая клинок в грудь того щенка, что трахал мою женщину, я непрестанно злился на себя за собственное безрассудство. Логичнее было бы перерезать всех и вступить во владения Килхурна. Так нет, рядом с ней, я, как всегда, думал членом. Ее чертовски возбуждающий запах — сладости, секса, своеволия — беспощадно дразнил меня.

А этот, мать твою, поцелуй!.. Черт, что за сучка! То, каким взглядом она посмотрела на мои губы, так естественно облизав свои влажным язычком, как ударом под дых разбудило голод похотливого инкуба, дремавший при виде самых искусных и доступных красоток, и я до боли в изнывающем члене, с трудом сдерживая желание отыметь её во все щели прямо здесь и сейчас, нетерпеливо притянул темную к себе, набрасываясь жадным ртом на манящие пухлые губы.

Я не просто хотел эльфийку — я изголодался по ней. Мало кто смел бросить вызов мне так открыто, как она, такая смелая и глупая, которая раздражала и... возбуждала одновременно. Никогда! Никогда не терял настолько контроль над собой, как с ней. Мог ненавидеть её, мог вырвать её гнилое сердце, мог презирать, но равнодушным оставаться к ней не мог с самой первой нашей встречи. Эта дрянь непостижимым образом всегда была в

моих мыслях, засела в печенках. Даже уверенный, что она мертва, я не мог не думать о ней. В своей религии христиане утверждают, что баба создана из ребра мужика. Если следовать их вере, то эту суку сотворили из моего собственного. Нужно будет на досуге пересчитать, все ли на месте. Хотя нет, считать будет она... своим язычком и губами. Так думал я, пока мы не оказались посередине брода горной реки Ди, известной своим коварством и непредсказуемостью.

— Какого дьявола! Идиотка! Водопад! — оторопевши, заорал ей. Только что эльфийка сидела между моих ног, её растрёпанные волосы щекотали мой нос, запах дразнил воображение самыми откровенными картинами, подвергая серьёзному испытанию моё внимание к переправе — одному из сложных участков этого пути до замка, где один неверный шаг коня по скользким камням грозил всем троим гибелью. И вот, усыпив мою бдительность своими уверениями в здравомыслии, она в буквальном смысле выскользнула из рук, заставляя чувствовать себя полным болваном.

Зная, с кем связался, всю дорогу я напряженно ожидал от неё какого-либо противодействия, необдуманной выходки, попытки побега, но мать твою!.. более неудачного места и времени она выбрать не могла. Несмотря на предостережение об опасности переправы, эта сумасшедшая предпочла прыгнуть в воду, подвергнув угрозе свою жалкую жизнь, не ведая, что за поворотом русла реки расположен водопад, пред силой которого замирали пикты, фанатично убежденные в святости этого места. Водопад, в каскаде которого шансов не сломать хребет нет даже у эльфов, известных своей ловкостью.

Наблюдая за стремительным потоком, я злился, высматривая на поверхности мутной воды это чертово эльфийское отродье. Да что она о себе возомнила?! Как смела вновь бросить мне вызов? За исключением неожиданного трофея в её лице, сегодняшний день был итак дерьмовым — Килхурн не перешёл в моё пользование, и ставкой к желаемому будущему форту была именно эта тварь.

Сейчас, у меня руки чесались разорвать, растерзать мятежную, упрямую сучку. Но с другой стороны... Возможно, её безрассудство сыграло мне только на руку. Бесстрастная Ди заберет жизнь темной, и препятствие к владению Килхурном отпадет как таковое. Нет хозяйки крепости — нет проблем.

В противоречии спорили между собой здравомыслящий вождь клана Мактавеш и разъяренный поступком эльфийки демон Фиен. Один отстаивал свою точку зрения и рассудительно уверял отпустить. Пусть сгинет, исчезнет. От неё лишь будут проблемы. Демон же требовал вернуть своё, пока ещё есть возможность. Насладиться телом, сломать волю, подчинить дух и уничтожить в собственном желании мести, но взять своё!

Вспышкой молнии озарилось небо, и под последующие раскаты грома я стегнул коня, приняв окончательное решение:

— Ну, сука, ты мне за всё ответишь, в том числе за эту выходку! — возликовав в своей

победе, демон с силой пришпорил животное, спеша завершить переправу и нагнать беглянку.

Сумрак несся вперед, отфыркиваясь от дождя, хлеставшего по черной морде, когда, щедро швыряясь отборной бранью, я уже мчался по песчаному берегу вниз по течению реки, с надеждой шаря глазами по поверхности воды, выискивая эльфийку. Под разгулом ливня Ди изменилась до неузнаваемости — прозрачная и скоротечная, со скользким каменистым дном, сейчас она превратилась в бурлящую многоводную массу грязно-мутного месива, стремительно несущегося на высокой скорости вниз. Сквозь завесу дождя я всматривался в предметы, которые застревали на редких порогах русла, раздраженно узнавал в них камни, обломки и корни деревьев, и гоня дальше несчастное животное, с силой врезался каблуками сапог в его бока, понимая, что шансов найти темную почти нет.

— Дьявол! Где ты, принцесса? — заскрежетал я зубами, ненавидя собственное бессилие. И вдруг, будто услышав меня, весь этот водяной хаос разорвала темноволосая голова Лайнеф. Я заметил, как отплёвываясь и кашляя, она жадно глотала воздух, но тут же очередная волна накрыла ее, топя в разбушевавшейся реке. Но нет! В этой эльфийке слишком много жизни, чтобы сдаться без борьбы. В подтверждении моих слов, едва вынырнув, темная устремилась в сторону берега, но быстрый поток крутил ее, словно щепку, сдирая встречными валунами кожу, неумолимо неся к смертельному водопаду.

Я помчался вперед, рассчитывая перехватить беглянку, резко остановил Сумрака, и он, возмущенно заржав, взвился на дыбы, едва не опрокинув своего нерадивого седока. Но мне было не до этого — безумная ярость на эльфийку, смешанная с несвойственным страхом за её жизнь, адреналином зашкаливала в крови. Спрыгнув на землю и на ходу стаскивая сапоги, я бросился в бурный поток, не теряя из виду заветную цель сквозь пелену непрекращающегося дождя. Заклиная, требуя, приказывая, чтобы она не скрылась под водой. Осознавая, что силы принцессы не безграничны, посредством дарованного мне сущностью демона физического преимущества, я благополучно справлялся с сумасшедшей стихией, уверенно приближаясь туда, где всё ещё усилием воли Лайнеф продолжала бороться за жизнь. Я был уже так близок, что, казалось, мог чувствовать неистовые удары эльфийского сердца, когда сквозь шум бурлящего потока её крик боли резанул слух, и темная полностью скрылась под водой.

— Не смей! Не смей сдаваться, чёрт тебя дери! Не разочаровывай меня, воительница! — в отчаянии зарычал я и нырнул в пенящуюся мутную массу непроглядного хаоса, почти не надеясь отыскать её, но, когда мои руки почти тут же наткнулись на мягкое женское тело, испытав поистине облегчение, я притянул его к себе с твердым намерением не выпускать больше эту упрямую, дерзкую, спесивую, до одури раздражающую меня эльфийскую принцессу.

Мы вынырнули на поверхность из водяного вакуума, и под проливным дождем разгневанная Ди понесла дальше наши тела в своем бешеном течении. Прикрывая собой тело Лайнеф от столкновений с острыми камнями, одной рукой прижимая к себе, пальцами правой я сжал её подбородок, перекрикивая шум воды:

— Лайнеф, посмотри на меня!

Эльфийка дернулась, зашлась кашлем в попытке вдохнуть в легкие воздух, её руки инстинктивно впились в мою спину, на что, будь я проклят!.. даже при нынешних обстоятельствах моё тело моментально отреагировало, её распахнутые карие глаза с паникой взирали на происходящее вокруг нас, пока, наконец-то, она не встретила со мной взглядом.

— Каким гребаным ветром тебя сюда занесло? Всё ждешь благодарности за спасение моей белоснежной задницы? — съязвила она охрипшим голосом, что вызвало мою ухмылку. — Не дождешься! Зря старался.

Она откинула голову на моё плечо и закрыла глаза, и только тут я понял, насколько она обессилела.

— Держись крепче, детка! Будем выбираться, — прижимая эльфийку к груди, я довольно зарычал. Жива!

Теперь мы оба являлись заложниками водяной лавины. Река словно игралась нами — закручивая, швыряя, а порой, накрывая с головой, окунала обоих под воду. В те редкие минуты, когда нам удавалось пребывать на поверхности, я жадным взглядом осматривал близлежащий берег, где можно было легко налететь на подводные камни и получить серьезные травмы, но это уже не важно. Нужно было любой ценой выбираться на сушу — считанные сотни ярдов отделили нас от водопада.

Эти водные процедуры совсем не входили в мои планы. До берега было недалеко, и течение в этом месте благодаря порогам стало тише. Гребя одной рукой, второй удерживая эльфийку, впереди я заметил склоненную над рекой иву, чьи оголенные корни подмыла река, и едва успел уцепиться за мокрые ветви.

— Открой глаза, принцесса, — привлекая внимание, я сильнее прижал её к себе и крикнул на ухо. — Очнись! Ты сможешь сама держаться за меня?

— Полегче, демон, — она нахмурилась, с трудом разлепила глаза и посмотрела непонимающим взглядом. — Конечно могу.

Темная уцепилась за меня, но хватка была такой слабой, что, молча выругавшись, для подстраховки я зубами сжал кожаные перевязи, опоясывающую её грудь, и принялся перебирать руками ветви, приближая нас к желанному берегу. Наконец, я почувствовал под ногами дно. Под не утихающим дождем я выбрался на берег, уложил обессиленную принцессу на землю и, тяжело дыша, повалился рядом.

Сколько времени мы так пролежали, не знаю. К реальности меня вернул ни с чем не сравнимый, будоражащий запах крови. Я знал этот запах и мог безошибочно различить среди

других. Это была её кровь. Как живительная влага дождя питает мертвую землю, кровь когда-то пронзившей моё чрево эльфийки, вопреки её воле, вернула меня к жизни. Она впиталась в мою кожу, вены, врезалась в память. Когда вспоминал о предательстве темной, в ненависти к ней, одиноким зверем метался я по покоям, собственными клыками намеренно ранил язык, и, казалось, чувствовал едва уловимый привкус той насыщенной, терпко-сладостной её крови, что потом, вместе с девственностью, добровольно она отдавала мне. Только тогда, потешив уязвленное самолюбие, разъяренный зверь постепенно затихал, обреченный на голод, который не могла унять ни одна смертная шлюха. Но сейчас, под вспышки молний и раскаты грома, сквозь неутихающих дождь чувствуя пьянящий запах её крови, жизни, её энергии, я предвкушал предстоящее пиршество.

Все демоны ада! Да что же в этой сучке особенного, что рядом с ней, посылая к чертям все планы и наплевав на обязанности, я превращаюсь в полного кретина и, рискуя головой, гонюсь с единственной целью — удержать? Я поднялся, стал разглядывать неподвижное лицо и израненное тело расprostертой у ног эльфийки. На удивление, она казалась такой хрупкой и незащищенной, как невинная смертная. Невозможно было в ней признать ту алчущую смерти фурию, успевшую обезглавить нескольких моих солдат, пока наши клинки со звоном не сошлись между собой в бою.

Выглядела принцесса неважно. Смывая кровь, дождь хлестал по её бледным щекам, по разодранной острыми камнями одежде. Ее прозрачная кожа ярким пятном выделялась на фоне окружающего нас глинистого месива. Намокшие, спутанные волосы открыли аккуратные, слегка заостренные ушки. Из рассеченного лба едва сочилась кровь, посиневшие губы дрожали от холода, а на обнаженных участках тела красовались многочисленные порезы и ссадины.

Я сел перед ней на колени, затаил дыхание, удерживая внутри разбухшего её кровью зверя. Стал ощупывать ребра, плечи, руки, ища более серьезные повреждения. Она не открывала глаз, лишь изредка вздрагивала, когда, не замечая сквозь рваную одежду коллекцию синяков и ушибов, в своей неуклюжести я причинял эльфийке боль.

— Потерпи, детка! — прошипел сквозь стиснутые зубы, удивляясь, с какой легкостью нелепое по отношению к ней слово дважды за этот вечер сорвалось с моего языка. Заметив пятно крови на правой ноге, не колеблясь, я когтями рванул на себя штанину, обнажая белоснежное бедро принцессы. Неглубокая, но обильно кровоточащая рана предстала моему взору. Дождь тут же смывал кровь эльфийки, но даже он не мог помешать её запаху заполнить мои ноздри, рот, легкие. Аромат стал нестерпимо желанным, и тем сложнее была задача сосредоточиться на ране, когда в голове пульсировала одна и та же мысль: “Возьми то, что принадлежит тебе”.

Меня всегда забавляла ирония — в темном мире испокон веков две воюющие сущности, демоны и темные эльфы, обладали по отношению друг к другу уникальной способностью — исцелять. Кровь темных возвращала нам силы, в противовес этому, слюна демонов обладала уникальными целебными свойствами, заживляя раны чертовых эльфов.

С трудом подавляя в себе совсем иное желание, удерживая в ладонях плоть, я приник к бедру эльфийки, зализывая рану, глотая смешанную с дождевой водой кровь, вкус которой для меня был несравненно ценнее самых редкостных и дорогих вин, хранящихся в погребах Данноттара. Чувствовать, как под моими губами затягиваются её раны, и при этом осознавать, что только мне решать, жить темной или умереть... мне и только мне вершить суд на ней — в этом была такая правильность и закономерность, что невольно я снимал оковы с собственной сути, выпуская на волю жажду инкуба.

К дьяволу всё! Эта сучка была самым настоящим, моим личным деликатесом. Притянув к себе податливое тело, я сильнее сжал её тонкую талию, до боли впиваясь пальцами в кожу, нагнулся над плоским животом, языком неспешно лаская ссадины и порезы, не замечая тут же ранящих отметин от собственных клыков. Ощутил, как задрожало и потянулось навстречу моим губам её тело, увидел, как бешено запульсировала жилка на тонкой шее и, озверев от нестерпимой потребности ворваться в её жаркое лоно, я стал сдирать когтями лохмотья, так небрежно скрывающие наготу, позабыв, с кем имею дело.

Напрасно! Эта бестия была непредсказуема и умела обломать в самый неподходящий момент. Задыхаясь от весьма ощутимого удара в живот, я повалился на землю, соображая, что произошло, когда, поразив меня неожиданным проворством, принцесса резко вскочила. В глазах было столько холода и презрения, что, если бы не устойчивый запах похоти, исходящий от неё, я вполне мог согласиться с её негодованием.

— Ублюдок! — замахнувшись ногой, наотмашь врезала она мне в лицо и, поскользываясь на скользкой земле, побежала прочь в сторону прибрежного леса.

— Дьявол бы побрал твои драчливые коленки! Чёртова сучка! — болезненно морщась, я ощупал челюсть, встал, тряхнул головой и отправился вслед за ней:

— Куда, мать твою, ты направилась? Хочешь познакомиться с гостеприимством здешних аборигенов? Давай! Ими кишит окружающий лес. Уверен, они по достоинству оценят все твои прелести! Хотя, судя по всему, тебе не привыкать. Тебе подавай всё в диковинку, так?

Она остановилась, повернулась ко мне, мгновенно подхватила первую попавшуюся палку и, оскалившись, предупреждающе зарычала. Да она драться со мной собралась, черт возьми! Нагоняя её, я начинал злиться. Как смела эта выскочка королевских кровей отдаться другому и пренебречь своим господином? Рабыня, которая по первому требованию хозяина с готовностью должна раздвинуть свои ляжки, как милость принимать его внимание, назначение которой — доставлять наслаждение, проявила непослушание, забыв главный закон темных — Однажды став рабом, ты остаёшься им навсегда. Лишь господин вправе освободить тебя от рабства.

Всё это было не про Лайнеф. Упрямая и своенравная, в разодранной, мокрой одежде, под струями непрекращающегося дождя, стекающими по точеным плечам, с вздымающейся от тяжелого дыхания грудью, предупреждающим оскалом белоснежных зубов и горящими

глазами, сейчас она напоминала разъяренную, загнанную тигрицу, укротить и приручить которую желает каждый честолюбивый самец, но кишка тонка.

— Брось палку! — потребовал я, когда между нами остались считанные шаги.

— Стой на месте, демон, не то я... — прорычала она, замахиваясь этим сомнительным орудием.

— Не то что? — я сделал пару шагов... и едва успел увернуться от летящего предмета, когда она вновь пустилась наутек:

— Да все черти ада! Разорву! — я взревел и, подобно разъяренному быку, бросился за ней. Убегать от меня было наихудшим, что сейчас могла придумать темная — это лишь сильнее распалило меня. Я легко догнал ее, в прыжке сбил с ног. Под дождем, рыча и сквернословя, мы оба повалились в грязную жижу. Лайнеф попыталась отползти на четвереньках, но я схватил её за лодыжку и потянул на себя. Впиваясь руками в землю, попутно собирая собой грязь, эта бестия отчаянно стремилась освободиться от моей хватки. Тщетно.

— Набегалась, идиотка?!

— Пусти!

— Черта с два! — я сильнее сдавил пальцы на её ноге. — Даже не думай, если не хочешь, чтобы я разодрал тебя на куски! Кончай брыкаться, в твоих же интересах...

Договорить я не успел — её нога достигла наконец цели, вновь угодив в мою многострадальную голову так, что искры посыпались из глаз.

— Дрянь! — заскрежетал я зубами, но хватку не ослабил. Резко дернув эльфийку за ногу, со всей силы шлепнул ее по аппетитному заду — довольно-таки унижительно для принцессы королевских кровей. Воспользовавшись моментом, пока она захлебывалась негодованием, я перевернул её на спину и тут же навалился сверху всей тяжестью собственного тела.

— Отпусти! — порычала Лайнеф и с бешенством раненого зверя начала вырываться, стараясь сбросить меня. Она извивалась, барабанила по спине кулаками, царапалась, как дикая кошка, осыпая меня грязными ругательствами. В итоге, отбивая очередной удар, рассвирепев, я добрался до ее шеи, мертвой хваткой сжал пальцы на горле, перекрывая доступ кислорода, встряхнул так, что пару раз эльфийка затылком ударилась о землю, и иступленно заорал. — Как же ты меня достала. Ни от одной бабы нет столько неприятностей, сколько от тебя.

В её глазах полыхала бесконтрольная ярость, широко открытый рот безуспешно пытался поймать поток воздуха, демонстрируя взору ровные зубы и нежный, розовый язычок, руки

неистово колотили по моей спине. Я смотрел на неё и получал странное, изощренное удовольствие от того, что сейчас, именно в эту минуту, её жизнь, в прямом смысле слова, полностью подконтрольна мне. Стоит только чуть сильнее сжать пальцы, и она затихнет. Но нет! Я не собирался её убивать, по крайней мере, не сегодня и не в ближайшее время. Сперва получу всё сполна за каждую гребанную минуту, что задолжала мне эта сука за прошедшее столетие.

Когда я убрал руку с её шеи, и она задохнулась от кашля:

— Успокоилась?

— Да пошел ты! Лучше убей, потому что я не успокоюсь, пока не отправлю тебя в ад, — прохрипела Лайнеф.

— Желаете смерти?! — струи дождя стекали по моим волосам и падали на её лицо. Она упрямо поджала губы, тряхнула головой. Во взгляде столько ненависти, высокомерия, столько ярости, что, теряя голову, я сатанел от гнева. — Очень заманчивое предложение. Непременно воспользуюсь им, но позже. Теперь же... хочу, чтобы ты уяснила один важный аспект ... Я — твой хозяин! Ты в моей полной власти. Мне решать, что и когда с тобой делать!

— Да пошёл ты, ублюдох! — зашипела она и запустила мне в лицо пригоршню мокрой земли.

Издав утробный рык, я медленно стер грязь с лица, тут же размахнулся и вlepил пощёчину так, что голова её дернулась, а из рассеченной губы хлынула кровь. В ответ тварь вонзила мне в плечо свои зубы, и мы, два озверевших хищника, две темные сущности, исступленно рыча, кубарем покатались по скользкой жиже, нещадно избивая друг друга, вонзая кулаки в незащищенные места.

Бешенство сверкало в наших глазах, от усталости оба тяжело дышали, но продолжали борьбу под безуспешно пытавшимся приглушить вопли боли и ярости ливнем. Грязь покрыла нас с головы до ног, в месиве серой жиже терялись тела, по лицу принцессы стекали мутные разводы, волосы слиплись. Когда темная постаралась оттолкнуть меня, упираясь руками в грудь, я перехватил их, прижал к земле над её головой, удерживая запястья своей большой пятерней. Она безуспешно попыталась вырваться, отчаянно застонала, облизала окровавленные губы и уставилась на меня:

— Жалкий трус! Навалился своей здоровенной вонючей тушей и считаешь себя победителем. Меня тошнит от тебя.

— Я что-то не заметил этого, когда твой язык был у меня во рту, — захрипел, не сводя взора с её разбитых губ, моментально позабыв о злорадстве. Какие они были сегодня мягкие, горячие, с какой готовностью возбуждали страсть и фантазии. Её губы, созданные для ласк, сейчас были изуродованы, болезненно припухли и кровоточили. Дьявол! И всё это своей

рукой сотворил я. Желание вновь насладиться их вкусом, уничтожая следы своего деяния, вдруг стало непреодолимым, а по распахнутым и сверкающим глазам принцессы я понял, что она это почувствовала:

— О нет, только не это! — морщась от боли, прошептала она и отвернулась, но это только усилило мой аппетит.

— Не слышу, детка, что ты там бормочешь? — прошептал я, склонившись к самому ушку и намеренно касаясь его губами.

— Я размажу тебе голову, демон, — её голос прозвучал столь неуверенно, что у меня зародились большие сомнения в правдивости этой угрозы. Медленно описывая языком контур ушной раковины, я почувствовал, как глубоко она задышала, а её тело подо мной дернулось.

— Сомневаюсь, что в таком положении у тебя это получится. Но мне нравится, когда ты сопротивляешься. Продолжай в том же духе, детка.

— Не называй меня деткой, — повернула она ко мне голову.

Наши глаза встретились. Под дождем, как будто впервые, мы долго смотрели друг на друга, и мне до одури хотелось знать всю правду, сокрытую в её полыхающем взгляде.

— Хорошо, детка, — хмыкнул я, отпустил её руки и властно накрыл израненные губы ртом.

Как в горячке, я полыхал в беспощадной жажде, накопленной годами, столетием, виновницей которой была лишь она. Никакие суррогаты давно не помогали. К чёрту всё! Начнет сопротивляться — возьму силой, порву в клочья, оттрахаю так, что раненым зверем выть будет, но сейчас же, сию минуту, утолю этот дикий голод.

Терзая уже успевшие зажать губы принцессы, я подпихнул ее под себя, собственным телом расплющив по мокрой земле, до боли стиснул хрупкие плечи и вжал пульсирующий член в её живот. Я ожидал от неё чего угодно — удара, отборной брани, очередной попытки вырваться — всего! Но то, что её руки вдруг оказались под моей рубахой, пальцы блуждали по спине, ногтями царапая кожу, повергло меня в шок.

Я вскинул голову и уставился на неё, ища подвоха. Но, мать твою!.. в её взгляде читалось откровенное желание, а пахла она так, будто сама напрашивалась отыметь её прямо сейчас всеми возможными способами. С горящими глазами и прерывистым дыханием эта сучка была чертовски хороша.

— Ненавижу тебя! — почти беззвучно произнесла она. А потом... все демоны ада!.. эта женщина просто непостижима! — рванув мою рубаху, вернее, те лохмотья, что она из себя представляла после сегодняшнего дня, принцесса потянулась ко мне и неспешными

поцелуями стала покрывать мою грудь, шею, плечи.

Это было как удар под дых, полное поражение. Бл*дь! На краткий миг я подумал, что это какая-то тактика очередного её чертова плана. Но нет, темная! Если это игра, то напрасно ты её затеяла — вести в ней буду я.

— Я это уже слышал, детка. Много раз. Даже успел выучить, — прорычал я довольно и в ответ стал зубами срывать истерзанные остатки её одежды. Мой взгляд упал на ее безупречную, блестящую под дождем грудь. Вид затвердевших сосков, которые я мог бы вылизывать часами, взорвал последние крупницы здравого смысла. Я озверел от желания к ней. Пристально глядя эльфийке в глаза, рывком сдернул и отшвырнул в сторону лоскуты, что ещё прикрывали её бедра. Она не отставала — не сводя глаз, развязала шнуровку на моем поясе, зацепила пальцами ног штаны и, скользя по моим бедрам ступнями, спустила ненужную одежду вниз.

Последний ход был за мной. Нетерпеливо, я грубо развел ноги моей принцессы, навис над ней и мощным толчком врезался в нежную плоть, звериным рыком победителя разрывая шум мерно хлеставшего по прибрежной линии реки Ди ливня.

ГЛАВА 16. ЛАЙНЕФ.

Когда твоя свобода под угрозой, если она тебе дорога, и ты не идиот, то будешь хвататься за любую возможность, зубами вгрызаться в малейший, пусть призрачный шанс, голыми руками, сдирая костяшки пальцев в кровь, ломать все преграды и препятствия, лишь бы воля твоя оставалась абсолютной и полной. Жажда свободы обострит инстинкты и научит хитрости. Ты становишься инакомыслящим, ибо смертельно опасен, хищником, убивающим ради бесценной свободы, лишь бы не сгинуть в рабстве, в котором даже имя невольнику — забвение. Но что делать, когда ты “тертый калач”, и, к собственному стыду, в оскорбительном плене познала не только горечь унижения, но и доселе неведомое чувство неудержимого влечения к тому, кто лишил тебя права выбора?

— Ненавижу! — прошептали мои губы, и это была правда. Если только возможно ненавидеть того, кого отчаянно желаешь каждым мускулом вымотанного за последние кошмарные сутки тела, каждым дюймом плоти, вопящей от восторга, стоит сильным рукам притронуться к ней.

Все искусно выстроенные барьеры рухнули. Непослушные пальцы в спешке срывают с демона одежду, впиваются в тренированную спину, губы ласкают пропитанную мужским потом грудь. Мозг истошно вопит: «Опасность! Что ты делаешь? Остановись, безумная! Он погубит тебя!» Но когда он смотрит на меня так, как сейчас, в этой дьявольской зелени я вижу своё отражение и хочу, безумно хочу остаться там навсегда!

Чёртова сущность инкуба! Обольстителя! Паразита, питающегося сладострастием. Ненавижу! За то, что эгоистично и безжалостно сломил мою волю. За то, что вопреки всей правде о нём, имеет на меня всё то же магическое действие, и я еле сдерживаю себя, чтобы не заорать: «Возьми меня, чертов ублюдок! Неужели не видишь, что я не в силах тебе больше

сопротивляться!»

Но больше я ненавижу себя. Хотеть убийцу дорогого друга! До дрожи хотеть, до помешательства! Желать и отдаваться ему в своих снах. Просыпаться со стоном, ощущая, как горит от неудовлетворенности тело, как щиплет от не пролитых слёз глаза. Стыдясь постыдных снов, срывать злобу на сыне и презирать себя. Что может быть паршивее?! Может!.. Реальность в виде двух обнаженных в вожделии тел, двух враждебных существ, закрытых от окружающего в наступающих сумерках равнодушным дождем.

Подобно эльфийскому луку, я изогнулась тетивой, когда с первым толчком он взорвал крохотные остатки моего разума. Прикрыв глаза, я захлебнулась в ошеломительном ощущении наполненности, когда со звериным рыком демон впился в мои бедра, резко притянув к себе. На краткий миг мы застыли. Казалось, сам дождь, что барабанил по моему лицу и нашим обнаженным телам, замер, предоставляя возможность осознать происходящее. Наши взгляды вновь скрестились. В его дерзких, всегда насмешливых глазах плясали всполохи дикого, восторженного возбуждения и... понимания.

Инкуб понял всё! В моих глазах он без труда прочёл тщательно скрываемую ото всех преступную тайну — беглая пленница до сих пор бредит своим тюремщиком.

Охрипший голос прозвучал как решительный приговор:

— Моя...

Не в силах что-либо ответить, я задрожала всем телом, когда последующие мощные удары, доказывая правоту единственного сказанного им слова, превратили каждый мой выдох в стон наслаждения. Впиваясь руками в его мускулистые плечи, в дурмане страсти сдирая ногтями кожу в кровь, я с жадностью ловлю краткие, рваные, терзающие губы поцелуи, когда ведомое им тело вздрагивает на скользкой земле, вторя ритму мощных выпадов. Горячие, совершенные губы втянули воспаленный сосок. Нежно и даже ласково влажный язык описал вокруг него круг так, что от яркого контраста между неистовым вторжением пульсирующего члена и этой чувственной легкостью я прогнулась, прижимая ладонями голову демона к груди. Но хищник — есть хищник. Довольно заурчав, он ощутимо прикусил сосок и, охнув, спиной я осела на землю, вцепилась в его волосы, с силой оттягивая инкуба от груди.

— Полегче, ублюдок! — даже в темноте сквозь стену дождя я видела, как переменялось его лицо. Демон отстранился, я почувствовала, как замер твердый член, упираясь головкой в моё лоно. Ощущая непривычный страх и разочарование, я распахнула глаза и непонимающе уставилась в два зеленых омута:

— Что-то не так? — тяжело дыша, сама поразилась, сколь робко прозвучали слова.

— Я тут кое-что вспомнил, — не отрываясь от моих губ, с садистской медлительностью чуть подал он бедрами вперед, на дюйм войдя в изнывающее лоно.

— О, боги! Только не сейчас! — простонала я, оплела его торс ногами и пятками надавила на твёрдые ягодицы, не в силах терпеть эту пытку. Бесполезно! Всё равно, что пытаться сдвинуть гору. Недовольный рык вырвался из моей глотки. — Говори уже, дьявол!

Мактавеш наклонился, прикусил мочку моего уха и хрипло в него засмеялся:

— Ну и сучка! Всё так же сладка и похотлива, и так же только для меня, — поощряя за повинование, он вошёл чуть глубже и опять остановился, я же, мучительно кусая губы, пообещала себе, что потом, позже, значительно позже обязательно поквитаюсь с ублюдком. Позже, но только не сейчас, не в этом безумстве, ибо сдохну, если он встанет и уйдёт. Я впиалась ногтями в его зад, пытаюсь насадить себя на пульсирующий член.

— Детка, я хочу слышать, как ты кричишь моё имя, когда тебя трахаю, — он приподнялся на руках и медленно, дьявольски медленно вошёл до упора, лишь жёсткие черты лица инкуба и вздувшиеся вены на мощной шее выдавали, чего ему стоило не сорваться. — Пора завязывать награждать сомнительными титулами своего господина и вспомнить как меня зовут.

— У меня нет господина! — прошипела я.

Неожиданный шквал яростных выпадов, сопровождаемых диким рыком, пронизывающих так глубоко, что, казалось — до неистово бьющегося сердца, послужил его гневным ответом. Его жаркое дыхание опалило меня. Искражённое страстью лицо напряжено и прекрасно, в глазах грубая решимость, мышцы бугрятся и перекачиваются под блестящей от пота и дождя кожей, четко проступившие вены на шее и руках вздулись и пульсируют в такт бешеному ритму его движений. Демон предстал в своей истинной форме опасного, но безумно мной желанного хищника. Двигаясь навстречу его толчкам, я приподняла бедра, кусая истерзанные губы в попытке сдержать крик острого наслаждения, балансирующего на грани боли. Ища в инкубе поддержки, цепляюсь за широкие плечи, но в наказание, резким жестом руки он лишает меня точки опоры, и в отчаянии я впииваюсь пальцами в мокрую землю.

В опустившихся сумерках дождь хлещет по нашим возбужденным телам, не принося ни облегчения, ни прохлады. Сгорая под яркими всполохами нефритовых глаз, блеск которых не затмит никакая тьма, я чувствую, как закипает собственная кровь в жилах, как в ребра неистово колотится сердце, и задыхаюсь... задыхаюсь от шального восторга принадлежать ему!..

— Имя! — требовательно взревел он, просунул руку между нами, добрался до лона, искусно дразня клитор. Опытные пальцы инкуба в совершенстве владели искусством соблазна — изощренная, сладчайшая пытка волной блаженства, очагом которой было моё женское начало, растеклась по всему организму и сладостным спазмом скрутила безвольное тело. Хватая открытым ртом воздух, я прогнулась, под струями дождя подставляя себя его завораживающему взору. Невероятно мощное, неудержимое удовольствие молнией пронзило тело, пленило душу и поработило разум, заставляя мою темную сущность забиться в конвульсиях и захлебнуться в безграничном оргазме. Из глубины сердца против воли зародился и прорвал эту пасмурную ночь крик, наполненный его именем:

— Фиен!.. — и тут же я была подхвачена сильными руками в воздух.

— Да, черт! Да, моя принцесса! — его глаза горели триумфом. Не размыкая нашей связи, плотно прижимая к себе так, что я чувствовала, как бьётся его сердце, как трепещет в ожидании разрядки внутри моей плоти член, демон поднялся с земли, встал в полный рост и, схватив меня за волосы, впился страстным, собственническим поцелуем в губы. Его язык проник мне в рот, такой горячий, требовательный, властный, и сплелся в сумасшествии с моим. Он не целовал — с жадностью поглощал меня, мою страсть, мою энергию, что оргазмом рвала нервы, проносясь ликованием по каждому дюйму, каждой клетке моего тела, вечность принадлежавшего только ему, и безжалостно расколола на тысячи осколков воспаленное сознание.

Крепко обвив его талию ногами, в ладонях сжимая мокрые, колючие щеки, я прижималась к его торсу и лихорадочно дрожала от восторга, отдавая часть своей энергии инкубу, без которой он обречен на голод. Это было сродни сумасшествию, губительному самоуничтожению. В мире темных эльфов в здравом уме никто и никогда даже не помышлял добровольно делиться своей жизненной силой с другими, тем более с демонами — заклятыми врагами всей эльфийской расы. Но боги! Будьте благосклонны к несчастной дочери навечно ушедшего в Авранаит короля! Закройте ваши глаза и уши! Сотрите из памяти это безумие! Я выстрадала свой кусочек безрассудства горечью сотен, тысяч одиноких ночей!

Я скорее почувствовала, чем услышала, как в его груди заклокотал рык. Неожиданно грубо прервав поцелуй, он отдернул меня от своих губ. В жадных, бездонных глазах столько страсти и неутоленной жажды, что на миг мне почудилось, будто этот гордый исполин — порождение той самой горной реки, что за его спиной в своём стремительном течении не щадила ни сильных, ни слабых. Никого.

— Хватит! Иначе я убью тебя, а ты мне нужна живой. Однако, мы не закончили одно дельце, — до боли сжимая мои ягодицы, он приподнял меня и насадил на член. Я откинула голову, подставляя лицо неугомонному дождю. — Давай, принцесса, порадуй своего господина!

В ответ, намеренно причиняя тирану боль, я с силой дернула инкуба за волосы, зарычала, огласив свой протест.

— Ты не господин — ты дикарь!

— Обожаю твою строптивость, детка, — ухмыльнулся он. — Но, если ты сейчас не заткнёшься, мы скоро перегрызём друг другу глотки. Хотя, я уже знаю, как тебя усмирить.

— Я тебе не дет...

Он не позволил воспротивиться — горячие губы инкуба накрыли мои, язык требовательно ворвался в рот, и тут же тяжелые удары испарывающего плоть члена лишили малейшего желания продолжать теперь уже ставший бессмысленным спор. Переплетенные в

единой цели — достичь наивысшего наслаждения, наши тела превратились в один воспаленный организм. Казалось, вокруг накалился сам воздух, а не на шутку разыгравшаяся стихия вспышками молний приветствовала дикое, алчное соитие двух темных душ.

Стоя на берегу реки, один из самых коварных представителей демонической расы, совершенный в своей мужской красоте, удерживал меня, в исступлении выколачивал для нас освобождение, и когда оно поглотило мой разум яркими вспышками сексуального наслаждения, заставляя беспомощно содрогаться в руках инкуба, только тогда, задрав голову к небу, тяжелыми, рваными толчками он излил в меня своё семя, звериным рыком оглушая всё живое вокруг.

Самодовольно улыбаясь, демон повалился на землю, увлекая меня за собой. Пальцем приподнял подбородок и внимательно посмотрел в глаза:

— Устала?

Мне померещилось, или голос тирана смягчился?

— Есть немного, — не стала я лгать.

— Немного? Детка, сразиться с саксами, быть похищенной, догадаться прыгнуть в горную реку и не погибнуть в ней, иметь глупость бороться со мной... Продолжать? — он затрясся, сдерживая душивший его смех.

— Нет, не стоит! — полушутя рыкнула я и, чувствуя смертельную усталость, положила голову на его широкую грудь. Сильные руки обняли меня, и я не сопротивлялась. Наоборот, ловила себя на том, что совершенно не тревожусь странности создавшейся ситуации. Вокруг нас всё ещё гневалась разбушевавшаяся стихия, мы лежали на разбухшей от влаги голой земле, едва прикрытой чахлой весенней травой, и нескончаемый дождь шумно лил свои холодные слёзы, но всё это меня не волновало, ибо мне было удивительно хорошо. Закрыв глаза, я прислушалась к ударам демонического сердца, улыбнулась, вспоминая, что хотела сказать нечто-то важное. Чёрт бы с ним! Завтра... завтра вспомню.

— И никакая я тебе не дет...

Закончить не успела — я уже спала.

ГЛАВА 17. ТЬМА.

Квинт.

Не было ничего, лишь тьма и боль. Страшная, разрушающая боль, которая раскаленным пламенем жгла грудь, скрючивала конечности и пальцы. От неё трещали самые толстые кости, и закипал воспаленный мозг. Этой непрекращающейся пытке сопутствовал поток чудовищного крика, от которого лопались барабанные перепонки. Невозможно определить, что страшнее, дикая боль или эти сводящие с ума постоянные вопли, выворачивающие наизнанку внутренности и сознание.

Я зажал уши руками и с трудом приподнял голову. Попытался во мраке найти отчаявшегося, что не в состоянии держать в себе боль. Однако в этой адской тьме не видно ни зги, поэтому я собрал остатки собственных сил и выкрикнул в пустоту:

— Прекрати! Кто бы ты ни был, заткни свою пасть!

Ни на что особо не надеясь, я до хруста сжал челюсти в ожидании очередного крика, но меня оглушила воцарившаяся тишина. Тогда понял, что истошные, мучительные вопли исходили от меня самого, но как только эта первая здравая мысль, прорывая стену иссушающей пытки, достигла сознания, я почувствовал неожиданное облегчение. Боль вдруг стала отступать, и с каждым мигом становилась всё терпимее, будто вынужденно примиряясь с моим присутствием.

Теперь, когда её возможно было переносить, я задался вопросом, где я и почему здесь. Со всей ясностью передо мной предстала оскалившаяся морда зеленоглазого гада. Тогда мне было по херу, что он демон в окружении таких же тварей, такой же проклятый, как и я. Как он посмел?! Как смел этот ублюдок касаться своей мерзостью госпожи Лайнеф?! Я не сдерживал собственной ярости в стремлении разорвать его в клочья, когда в погоне хлестал плеткой коня. Лес, густые заросли, сомнения, что найду эту падаль, бешеный стук сердца от ликования, что наконец-то напал на след. Потом... резкая боль в груди, шок и тьма. А я-то, глупец, считал себя непобедимым! Но нет, самоуверенность, выходит, сыграла со мной злую шутку, лишила жизнь.

— Жизни?! — я замер. Меня замутило от страшной догадки, а к горлу подступила тошнота. — Нет, сука, нет! Я должен выбраться отсюда, должен вернуться! Любой ценой мне необходимо вернуться назад. Дьявол! Мой путь не пройден. Я всё ещё хочу жить!

Пошатываясь, с трудом поднялся и в полной тьме сделал первый шаг, тут же бессильно рухнув на невидимый пол. Собственное тело отказывалось подчиняться, а в голове зародилась такая соблазнительная мысль — распластаться на этой невидимой ледяной поверхности и забыться крепким сном. Словно налитые свинцом отяжелели веки, норовя закрыть глаза, будто Сомнус, бог сновидений, увлекал меня в свою мифическую империю. Но чем больше оцепенение одолевало тело, тем настойчивее росла уверенность, что сон станет вечным.

— Не спать! Не спать, солдат! Этот путь слишком лёгок, из него не будет ходу назад, — приказал я себе, и со второй попытки мне удалось встать. Шаг, другой, третий. — Бл*дь! Темно, как в кишках мавра!

Вытянув руки вперед, я шёл во мраке не ведая куда, и есть ли выход из этого склепообразного пространства. Порой мне казалось, что все бесполезно, я навсегда застрял в этой мертвой тьме. Радовало лишь то, что с каждым шагом физические силы возвращались. Я всматривался в черноту, пытаюсь выхватить хоть какое-либо движение, уловить малейший звук, и когда вдруг еле заметный луч света поманил меня своим тусклым сиянием, воспрянув духом, устремился к нему.

Чем ближе я приближался, тем сильнее хмурил брови — странная туманная завеса медленно двигалась мне навстречу. Преграждая путь, она приобретала неясные, рваные очертания. Когда же в нерешительности на расстоянии нескольких ярдов я остановился, как будто ожидая моих последующих шагов, она замерла.

В конце концов, решив, что хуже всё равно не будет, я преодолел эти ярды и шагнул в неё. Сначала ничего не изменилось. Беспрепятственно в полной тишине я продолжил свой путь к источнику света, посмеиваясь над собственными страхами. Но чем увереннее шел,

тем настойчивее ощущал чьё-то незримое присутствие. До моего слуха стали доноситься необычные звуки, напоминающие бессвязный шепот, а туманная мгла будто ожила. Она волновалась, клубилась, превращаясь в контуры человеческих фигур. Один, два, три... пятнадцать... Их становилось всё больше и больше.

Туман вылепил сотни образов. Как солдаты, плечом к плечу они выстраивались в ряды, представляя из себя войско. Почти все были одеты в военные одежды. Лица, в большинстве размалёванные боевой раскраской, приобретали конкретные очертания. Их губы двигались, шепча неразборчивые слова, а ледяные глаза бесстрастно взирали на меня.

Что-то было общее во всех этих людях, что заставило даже меня, демона, содрогнуться... Дьявол! Ну конечно же! Я узнавал эту уродливую маску и жуткое зловоние. Не раз сталкивался с подобным в бою. Смерть. От этих воинов смердело смертью! Она была полновластной хозяйкой здесь. Это её царство! Её мир теней!..

Но что-то ещё... Что же, что же ещё? Лица! Эти пустые лица... Говоря, убийца помнит лицо своей жертвы. Я никогда не придавал значения этим словам, но сейчас, всматриваясь в черты мертвых лиц, чувствуя, как холод сковывает мои члены, я испытал неподдельный ужас — это были души. Бестелесные души убитых мной в сражениях солдат.

Нет! Я не испытывал вины ни в коей мере — в бою выживает сильнейший, и сильнейшим всегда оказывался я. Но осознавая, что у них не было ни малейшего шанса, на краткий миг я впервые испытал... жалость к несчастным, которых рок свёл с моим мечом. Чёрт их знает, что они были за люди! Были ли у них мечты, семьи, дети, стремления? Стоящими воинами они были, или настоящим подонками? Я отнял их жизни, лишив будущего.

- Расступитесь! — стремясь немедленно покинуть проклятое место, я ускорил шаг, взмахнул рукой, разрывая пелену безжизненных образов. Бесплотные лица оскалились, фигуры исказились, я слышал стоны боли, как будто обрекал мертвых на повторную смерть. И чем быстрее я прорывался к свету, тем гуще становился туман. Он заполнил глаза, проник в волосы, скрюченными пальцами убитых цеплялся за ноги и плечи, замедляя мой путь. Он был везде и повсюду, разнося удушливый, зловонный запах смерти.

В миру живых всё просто и понятно. Вот враг, и в твоём арсенале сотни способов повергнуть его. Ты вгрызаешься в жизнь мечом и зубами, помня, что если не ты, то тебя. Ведь демоны не так бессмертны, как кажется — потеряв голову или сердце, мы лишаемся жизни. Но другой вопрос, как бороться с призраками прошлого? С тем, что спрятано за пределами даже моего нечеловеческого понимания? У демона появились свои личные демоны. Подобная шутка могла вызвать неудержимый хохот, и я бы от души посмеялся, если бы происходящее не оказалось настолько реально, что я видел всё своими глазами.

Мой шаг перешёл на бег, сияющий источник манил надеждой на избавление. Казалось, до него рукой подать, но в спину дышала безжизненная тьма — мёртвые не желали отпускать своего живого палача. Их стоны перешли в нескончаемый поток воплей: — Останься! Ты мёртв, твоё место среди нас. Ты наш...

— Чёрта с два! Я жив! — заорал на бегу и, наконец, вырвался в столп яркого, ослепительного сияния. Привыкая к нему, я остановился и развернулся лицом к темноте — дьявольский туман плотной стеной встал на границе света и тьмы. Он вихрем клубился вокруг освещенного пространства, четко очерчивая пределы распространившихся лучей, будто не мог перейти запретную черту.

— Не знаю, что за дьявольщина здесь творится, но лучше убраться подальше, —

согнувшись и упираясь руками в колени, я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь выровнять дыхание, прежде чем продолжить путь к живым.

На этом сюрпризы не закончились. Трудно сказать, сколько я шёл по ярко освещенному коридору, пока моего слуха не коснулся плач младенца.

— Это что-то новенькое, — скривился я недовольно. Детский плач всегда раздражающе действовал на меня. Хотелось заткнуть уши, а лучше источник этого крика, который с каждым шагом становился пронзительнее. Я никогда не общался с детьми и понятия не имел, как уговорить человеческих отпрысков. Видимо, поэтому, когда какое-то чадо надрывно требовало к себе внимания, стремился быть подальше, что вызывало дружный гогот сослуживцев:

— Квинт, что же ты будешь делать, когда одна из твоих девок в подоле принесет младенца? — подтрунивали они надо мной, не зная, что подобное почти невозможно. Почти! От шальной мысли меня передёрнуло. Да такое просто невысказано! Но, если я обрюхатил какую-нибудь дурёху, это будет страшнее самых жутких призраков. К чёрту домыслы и догадки! Желая знать правду, я ускорил шаги. Вскоре коридор прервался, и я очутился в наполненной солнечным светом палате одного из римских домусов, в которой присутствовали трое, двое из которых мне были очень хорошо знакомы.

Я ожидал увидеть всё, что угодно, но только не госпожу декуриона с новорожденным на руках. Не сразу узнал её, так как в таком состоянии видеть ни разу не доводилось. Изможденное, осунувшееся лицо, черные круги под горящими лихорадочным блеском глазами, а вместо стройной, привычно подтянутой фигуры со всеми полагающимися в нужных местах выпуклостями, обтянутый бледной кожей скелет. Пропитанная потом сорочка не могла скрыть нездоровой худобы. Госпожа сидела на ложе и неумело сжимала визжащего младенца, причиняя тому боль. Это было настолько дико — видеть декуриона с ребенком на руках, что я шокировано присвистнул. Да что здесь вообще происходит?!

Рядом стояла Иллиам, которая также вызывала неподдельное удивление. Всегда безупречно идеальная и невозмутимая, она выглядела уставшей и потрепанной. Всегда уверенная и скорая на острооты, сейчас она поражено смотрела на Лайнеф, открывая и закрывая рот, будто рыба, выброшенная на сушу.

Довершал странную троицу прелюбопытный экземпляр неопределенного возраста, достойный особого внимания. Мужчина был сед, но не сказать, что дряхлый старец. Явно не воин, но весь его вид выражал сокрытую внутреннюю силу. Из тех, с кем нужно быть начеку, и лучше, если этот субъект в числе твоих друзей. Испещренное морщинами лицо свидетельствовало о приобретенной с годами мудрости, но совсем не портило его индивидуальности. Умные, глубоко посаженные глаза, цвет которых я не мог различить, с сожалением и неудовольствием следили за декурионом. Аккуратно подстриженная и посеребренная временем борода, длинные волосы, что прятались под простым плащом, застегнутым на груди вычурной брошью с непонятным орнаментом.

- Забери! И найди ему кормилицу, я отказываюсь кормить этого ублюдка, — слова командира резанули слух. Только теперь до меня стал доходить смысл развернувшихся действий. Лайнеф — мать этого младенца! Мать, отрекающаяся от собственного дитя. Невозможно! Я никогда не задумывался о том, что у этой воинственной эльфийки может быть иная, тщательно скрываемая от окружающих, своя личная жизнь. Но... почему нет? Она, конечно, командор, но все-таки баба, а, изголодавшись по мужской ласке, рано или поздно любая ломается. Видимо, и за нашим декурионом есть свой грешок.

Интересно, кто тот счастливчик, которому удалось забраться командиру под юбку, вернее, в штаны? Хотя назвать отца младенца «счастливчиком» я бы не торопился — если она видеть не желает плоть от плоти своей, вероятно, отец ребенка уже мертв. Да какое мне, на хрен, дело, кто он?! Всё происходящее вообще не для моих солдатских ушей. Нужно ретироваться, покуда цел.

Собираясь покинуть это место, я развернулся к коридору, через который попал сюда, но он исчез, будто и не было никогда. На его месте стояла глухая стена, украшенная фресками римских живописцев о подвигах Одиссея. Единственным выходом из палаты оставалась дверь на противоположной стороне, но, чтобы добраться до неё, придется пересечь помещение, привлекая к себе ненужное внимание. Выбора не осталось. Не стоять же столбом, ожидая, когда тебя заметят? Вот чёрт!

«Будь что будет», — подумал я, в знак приветствия прижал руку к сердцу и, выйдя вперед, гаркнул:

— Да здравствует Император!

Вот кретин! Ничего умнее не мог придумать!? Ругая себя, я приготовился к самому худшему, но удивительное дело — они не слышали и не видели меня. Наоборот, эти трое были полностью поглощены друг другом. Командор не скупилась на разъяренные взгляды, Иллиам возмущенно воскликнула и забрала младенца, а примечательный тип держался с достоинством, взирая на командира так, будто не новорожденный был неразумным ребенком, а именно она. Странно!

Неужели я такой неприметный? Подозревая неладное, я приблизился к Иллиам и, ища её взгляда, встал напротив, собой загородив обзор, но она беспрепятственно смотрела на декуриона, как будто меня и вовсе не было.

«Видение. Всего лишь очередное странное видение», — облегчённо вздохнул я, намереваясь продолжить свой путь к живым. Я поспешил к выходу, но следующие слова старика заставили меня остановиться. Разгневанный, громоподобным голосом он пробасил:

— Лайнеф Лартэ-Зартрисс! Не смей говорить подобного о внуке великого Валагунда! Ты — урожденная принцесса трона, но ведешь себя хуже простолюдинки! Стыдись, дочь темного короля! Твои предки вели себя достойно, чем заслужили уважение эльфов. Ни одна женщина в твоём роду ни при каких обстоятельствах не отказывалась от собственного дитя.

— Значит, я буду первая! — взревела командир, и её речи повергли меня в шок. — Этот ребенок — демон. Ты предлагаешь мне, воительнице, чьи собратья погибли в многовековой войне с этими тварями, чьи солдаты отдали жизни за свободу и процветание нашей расы, мне, дочери короля эльфов, своим молоком вскормить демона? Да я еле сдерживаю себя, чтобы не придушить его собственными руками!

Я зверел от услышанного. Даже понимая ее чувства, принимая во внимание ненависть к враждебной расе, я не мог согласиться с таким отношением к собственному чаду. В империи не редки случаи вышвыривания новорожденных из дома, как ненужного сора, частенько продажи в рабство. Эта дикость, ничем не обоснованная человеческая жестокость, шокировала даже меня, демона. Везло тем, кого из жалости приютили в семья крестьян, как меня. Но решения о судьбе младенца полностью лежали на главе семейства — мужчине, в крайнем случае, на отце, если ребенок был зачат в прелюбодеянии. В женщине от природы заложен инстинкт материнства, и я не раз наблюдал, как в деревне убивались матери, теряющие своё чадо. Неужели у эльфов всё иначе?

Я посмотрел на Иллиам. Она бережно держала голосящий сверток, так жаждущий любви матери, на руках. Вспомнил слова старика, и во мне взревел протест против своего командира. Матери-суки, что легла под демона, понесла от него, дала жизнь ублюдку. Я вспомнил себя. То, что был выброшен родными в неизведанный мир, к незнакомцам. Иногда по ночам мне слышатся непонятные звуки, я чувствую ни с чем не сравнимый запах, ее... но на утро он всегда растворяется с первым лучом солнца.

— Ты виновата, Лайнеф! Ты, а не невинный ребенок! — прорычал я в пустоту. — Не хотела его, так лучше убила бы в утробе. А теперь что? Мучиться ему всю жизнь от того, что собственная мать переполнена ненавистью?

Всё это было так гнусно и подло, что впервые я испытал презрение к собственному командиру, которым до сих пор восхищался, считая безупречным. Но именно сейчас, вдруг, мне вспомнилась другая Лайнеф. Не эта замученная неиссякаемой злобой женщина, а та, что стояла передо мной на коленях, с беспокойством взирала на рану, и осторожное касание её пальцев к моей щеке.

Оказывается, она может проявлять сочувствие и почему-то снизошла до меня, простого солдата, когда на том поле много было раненных, не менее достойных. Почему я? Много раз я задавался этим вопросом, и всегда один и тот же ответ — её не понять. Но здесь, в этой комнате, сейчас, мне все стало предельно ясно. Потрясённый, я взирал на женщину, понимая, что она моя мать! Та, кто в ненависти к мерзавцу, моему отцу, родила демонского ублюдка. Эта ненависть распространилась и на меня. Но дьявол! Этого не должно быть! Слишком дерьмово, слишком жестоко! Ложь...

Ноги подогнулись, я сел и сжал голову руками, качаясь из стороны в сторону:

— Я не верю, слышишь, не верю! Но я выкарабкаюсь из любого чёртова ада, из любой задницы, чтобы найди тебя, госпожа декурион, и вытряси всю правду! И если это так, ты — моя мать, проклянута! — горькие слова сорвались с моих губ. Комната зашаталась, и я полетел вниз в черноту.

Я с трудом открыл глаза и равнодушно уставился на незнакомый потолок. Почерневшие от копоти балки, что подпирали его, прогнулись от старости и вызывали опасение в надежности. Где это я? Очередное видение? Бред? Ответом мне послужила дикая боль. Голова раскалывалась и гудела, как под молотом на наковальне, а в горле было настолько сухо, что казалось, целого моря мало, чтобы напиться. Никогда не чувствовал себя настолько паршиво и настолько живым! Жив, мать твою! Жив! Пусть вырвут мне язык, если совру, но я дьявольски рад этой боли! Боль неизменный спутник жизни. Если её не испытываешь, оглянись, идиот, возможно, ты мёртв и лежишь в могиле...

Я настолько погрузился в собственные ощущения, что не услышал постороннего шума. Болезненно морщась, очень медленно я повернул голову...

О! Ну, если жизнь меня встречает такими соблазнами, пожалуй, я везунчик, и будет хамством отказаться от таких щедрот. Обнажённая девушка стояла в лохани в дальнем углу небольшой комнатки и, мурлыча под нос незатейливую мелодию, поливала себя водой. Я уже завидовал её изящной ручке с тонкими пальчиками, что плавными движениями ласкала стройные бедра, округлость пышной, тяжелой груди, скользнула меж бедер в темноту сокрытого темными волосками треугольника. Ощущая моментальную эрекцию, я сразу стал пленником ее тела и собственной фантазии, а длинные черные волосы, небрежно собранные

лентами на голове, так и манили ощутить их мягкость на собственном теле, когда эта нимфа будет страстно скакать на мне. Вот черт! Я попал в рай!

«Посмотри на меня, красавица, и я поверю, что ты не просто плод моего больного воображения!» — подумал я, и в тот же миг, как будто услышав мои мысли, она подняла свои огромные, удивленные глаза, и я утонул в их ночной черноте. С трудом оторвавшись от их притягательности, изучающе прошелся по овальному лицу. Совершенство! Безупречная кожа блистала белизной, ровный аккуратный носик, высокие скулы и алые полные губки. Такие губы созданы для любовных утех. Я уже представил, как они посасывают мой член, но в эту фантазию ворвался угрожающий рык, который и вывел меня из эротического дурмана.

К сожалению, оказалось, что не только меня. Быстрым движением нимфа подняла со скамьи рубаху и швырнула в меня. Та прямёхонько приземлилась на моё лицо, скрывая сказочное видение. Не в состоянии поднять руку и сдернуть ненавистную пелену, я не удержался и втянул носом ее запах. Мм... аромат лесных трав, смешанный с возбуждающим запахом женского тела.

По характерному знакомому шуршанию я догадался, что сейчас она облачается в платье, и даже мог безошибочно сказать, что из простой грубой ткани. Эх, зря! Лучше бы, красотка, ты поделила со мной ложе, чем кутаться в ненужное тряпье. Краем уха прислушиваясь к голосу моей чаровницы, успокаивающей невидимого охранника, я унёсся мыслями в сладострастный мир чувственности, где губами уже сам блуждал по ее груди, животу, спустился ниже...

- Эй! Глаза открой! — с моего лица безжалостная нимфа сорвала своё одеяние, и я устался на незнакомку. К моему разочарованию, она была полностью одета, слишком одета, на мой вкус.

Стоило бы сорвать несколько тряпок и продолжить более тесное знакомство. Не церемонясь, она наклонилась, довольно-таки грубо приподняла мою голову и стала вливать мне в глотку какое-то пойло, в котором явно присутствовала нечеловеческая кровь.

- Пей! И прекрати пялиться на мою грудь, не то вышвырну, — приказала она, избегая смотреть мне в глаза. Ну, как-то это не серьёзно — спасти и тут же выкинуть?!

Я сделал несколько глотков прежде, чем задать свой первый вопрос:

— Где я?

— Ты в лесу, в моей хижине. Тебя принес одноглазый путник с белыми волосами.

Значит, это был не бред. Я помнил странного типа, лицо которого было скрыто капюшоном. Интересно, какой ему резон меня спасать? Но кто бы он ни был, я уже благодарен ему за знакомство с этой богиней.

— Ты его знаешь?

А она любопытна, подметил я, чуть покачав головой, и в свою очередь спросил:

— Кто ты?

— Я ведьма, — как нечто обыденное сообщила она, поднялась и понесла пустую чашу на недоступный моему взору стол.

Ого! В моем воображении ведьма представлялась старухой с горбатым носом, с седыми всклокоченными волосами и уродливой бородавкой на щеке, но эта нимфа полностью разрушила такой стереотип. Если ведьмы столь привлекательны, стоит почаще заводить с ними знакомство.

Меня клонило в сон. Как бы я не боролся с ним, он меня очень скоро одолел. И когда я окончательно сдался, в нём обнаженная ведьма под магическую музыку и рычание

невидимого животного танцевала только для меня. Её распущенные волосы, лаская плечи, волнами спускались до талии, ритмичное покачивание бёдер зачаровывало, а белоснежные руки обещали неземное блаженство. И я беспрепятственно касался её, убирал черные пряди, открывая взору шикарную грудь, а затем под тихие женские стоны пробовал её на вкус.

ГЛАВА 18. ФИЕН.

Рассвет нового дня я встретил, лениво скользя взглядом по обнаженному телу распростертой на мне эльфийки и довольно прислушиваясь к позабытому ощущению сытости, её энергией растёкшемуся по венам. Подметив пару свежих синяков на плече принцессы, я смаковал прошедшую ночь, особенно момент, когда карие глаза вспыхнули знакомым лихорадочным блеском, и сдерживаемая страсть упрямой темной прорвала напрасное сопротивление своей хозяйки, с головой выдав её желания.

Я прикрыл веки от лучей восходящего солнца. Похоже, после разбушевавшейся непогоды сегодня в Каледонии выдался один из редких теплых деньков. Прислушиваясь к голосам просыпающегося леса, созвучно переплетающихся с журчанием успокоившейся реки, я удивлялся, как мог когда-то опасаться вступить в этот мир...

От посланных за нами в погоню демонов-карателей мы скрывались в гниющем болоте, где даже воздух был пропитан ядом, когда каким-то чудом пред нами неожиданно открылся портал между мирами. Пребывая в безвыходном положении, мы устремились к нему. И первое, что поразило, был яркий блеск светила, который, как я узнал позже, люди нарекли Солнцем. Ничего более ослепительного мы в жизни не видели, так как всё наше существование сопровождал мрак, который в больших городах и поселениях едва рассеивали немногочисленные посланники огня да чахлые звезды на небосводе. Поэтому, очутившись здесь, первое время нам приходилось прятаться в темноте пещеры, при выходе из которой и располагался портал — наши глаза были не приспособлены к дневному свету. Но это не единственное удачное стечение обстоятельств, беспокоившее меня. Как ни странно, в пещере мы обнаружили припасы еды, которых на мою стаю хватило ровно на столько, сколько понадобилось для адаптации зрения к ярким лучам солнца. Будто кто-то намеренно нас привел сюда, обеспечив безопасность и пропитание. Кто спас наши шкуры? Этот вопрос до сих пор оставался для меня без ответа. Но, кто бы ни был таинственный покровитель, стоит отдать ему должное — в мире смертных не так уж и паршиво. Привыкнув к слепящему кругу, познав всю его пользу, я стал завидовать беспечности людей, что столь обыденно воспринимали дар, которого были лишены мы — демоны Тьмы.

Лайнеф пробормотала эльфийское ругательство, во сне вильнула бедром, отгоня назойливых насекомых, привлеченных белизной её кожи, и, обняв меня, вновь притихла, не предполагая, что естественным движением умудрилась возбудить желание инкуба. Дьявол! Не так уж я и сыт! Однако её крепкий сон сейчас гораздо важнее удовлетворения собственной похоти, иначе мы не скоро доберемся до Данноттара.

Я попытался отвлечься, осматривая местность в поисках Сумрака. Этот конь, что бы ни случилось, всегда найдет меня. Вот и сейчас он мирно пасся в отдалении, нисколько не обращая на нас внимания. Наблюдая за ним, я задумался, что не мешало бы и эльфийку покормить — дорога дальняя, а остановок на привал до заката я делать не собирался, так как намерен к завтрашнему вечеру добраться до замка.

Неохотно освободившись из плена принцессы, я поднялся, натянул штаны и, сполоснув морду в горной реке, вытащил тарган, прикрепленной к седлу коня. Подойдя к Лайнеф, развернул плед, чтобы накрыть спящую эльфийку, но именно в этот момент она перевернулась на спину, во сне запрокинув руки за голову, и я застыл, впервые при дневном свете разглядывая её наготу.

Поразительно, как можно одновременно ненавидеть и желать, презирать и тут же до злости, до физической боли хотеть! Нет. Она не была образцом красоты в общепринятом понятии. По нынешним временам эталоном красоты считалась умеренная пышность женских форм. На теле же эльфийки не было ни капли лишнего жира, а не помешало бы. В складном и подтянутом, покрытом отметинами — бледными застарелыми шрамами от ранений, которые ещё не скоро сойдут, в нём ощущалась жестокость и сила воина, привыкшего сеять смерть. Огрубевшие, покрытые мозолями ладони, тонкие пальцы с поломанными ногтями. Сколько славных солдат эти руки отправили к праотцам?! Всё это не должно заставлять желать её, но заставляло. Твою ж мать! Заставляло! При всей её напускной грубости было в ней нечто утонченное и даже непривычно невинное, что особенно бросалось в глаза именно сейчас, когда во сне черты лица её разгладились.

А это тело?! Оно было создано для плотских утех, для сладострастия. Только для моего личного сладострастия! На солнце её кожа сверкала белизной. На фоне бурой земли четкие контуры узкой талии плавно переходили в стройные бедра, где темный треугольник завитков волос манил отведать сладкий жар нежной плоти, а от вида розовых сосков рот наполнялся слюной. Словно болван, я стоял и пялился на представшее взору зрелище, чувствуя, как колом встал член.

— Проклятье! Мы не скоро отсюда уберемся, — чертыхнулся я и отшвырнул в сторону тарган, стягивая не вовремя надетые штаны. Нависнув над спящей эльфийкой, нетерпеливо развел её ноги и, опережая очередной протест, перехватил руки, сжимая их в ладони.

Она моментально проснулась. Расширенные от удивления глаза сверкнули в лучах солнца и тут же вспыхнули пониманием и недовольством.

— Нет!

От одного её слова меня передернуло. Я начинал не на шутку злиться. Опять собирается дать отпор? Неужели не понимает, что бесполезно?! Проявляя адское терпение, я решил сменить тактику. Пользуясь преимуществом своей сущности, натянул на лицо одну из самых обольстительных масок личного арсенала демона-искусителя и уставился в глаза темной, затягивая петлю на шее её противоборства чарам инкуба.

— Не на этот раз, женщина! — лаская женские формы, моя рука коснулась груди,

намеренно чувственно задела сосок, спустилась по плоскому животу к бедрам, пальцы проникли в лоно, намереваясь возбудить ответное желание, но... Какие, к дьяволу, чары, раз она уже влажная, и тело её уже готово принять меня?! С восторгом и удивлением смотрел я на эту женщину.

— Отпусти руки, Фиен! — шепнула темная и приникла к моим губам. Бойкий язычок повторил их контур, прошелся по острым зубам и ворвался в рот, призывно лаская мой язык.

«Любопытно, кто из нас соблазнитель?» — подумал я прежде, чем потерял голову, стискивая в ладонях послушное женское тело. Закрыв глаза, я зашипел от наслаждения, когда те самые пальчики, которые недавно критиковал, скользнули между нашими телами вниз и сжали в кулачке изнывающий член. Она нужна мне! Вот такая податливая! Горячая! Влажная! Сейчас! Сию же секунду! Иначе я взорвусь к чёртовой матери! Не в состоянии более сдерживаться, я отвел её руку и резким ударом вошёл в плоть. Лайнеф дернулась, закрыла глаза и со стоном выдохнула моё имя. Почти также, как вчерашней ночью, но сейчас оно прозвучало так по-особенному, интимно, эхом пробежалось под кожей, странным покалыванием задержалось в затылке и, лаская непривычным тревожащим теплом, спряталось где-то глубоко внутри меня. Мне чертовски понравилось это ощущение, и я хотел услышать её выдох ещё раз.

— Повтори! — глаза в глаза... Я вышел из неё только для того, чтобы членом вновь выбить СВОЁ имя. В её устах оно было как приглашение, созвучно растекаясь по венам таким сладким “МОЯ!”

— Детка, ты сведешь меня с ума, — шепнул в эльфийское ушко. Опалев от её запаха, вкуса, неистово кусая шею, плечи, рваными поцелуями сминая губы и терзая зубами соски, я вонзался в это сладкое, вздрагивающее от моих толчков тело под яркие стоны и жадные объятия моей принцессы. И когда она задохнулась удовольствием, глазами пожирая ошеломленное, чувственно-беззащитное женское лицо с затуманенным наслаждением взором, я ощутил себя творцом всего этого великолепия. Создателем её оргазма! Создателем её!

От этой роскошной мысли я сорвался, к чертям посылая остатки самообладания. Я стал одержим своим собственным высвобождением. От темной требовалось лишь одно — беспрекословно подчиниться. Под звериный рык, поглотивший звуки её экстаза, я подхватил Лайнеф, развернул к себе спиной и поставил на колени. Ладонью надавил между лопаток, заставив прогнуться подо мной, намертво вцепился в бедра и мощным толчком вспорол её лоно. Намеренно причиняя эльфийке боль, я драл агонизирующее тело за каждую ночь, что была не со мной, за каждого ублюдка, что побывал между её ног. Её жалкие попытки сопротивления, её крики боли, смешанные со стонами наслаждения, лишь усиливали мой напор и приближали к кульминации, пока в собственной ярости я не взорвался в ней. Тогда, схватив эльфийку за волосы, развернув лицом к себе, я накрыл алые губы своими, пожирая вместе с тихими всхлипами любимое лакомство — ЕЁ.

Вторая попытка оторваться от Лайнеф была более успешной и весьма ощутимой.

— Недурно. Однако, продолжим позже, — растянувшись на расплющенном подо мной теле, я лизнул её щеку и уже подумывал встать, когда удар острым коленом в пах заставил меня откатиться в сторону, испытывая сильнейшую боль. — Сука!

Эта ненормальная попыталась подняться, пошатнулась и тут же упала рядом, над чем я откровенно позлорадствовал. Хорошо, что поубавил ей прыти, иначе вполне мог лишиться яиц. Едва боль стала терпимой, я дотянулся и схватил темную за волосы, с силой дернул на себя, вынудив запрокинуть голову. Под яркими лучами солнца она зажмурилась.

— Если ты мне сейчас не объяснишь, что это было, я тебя собственными руками придушу, тварь!

— Не смей на мне применять магию! — злобно выплюнула темная и попыталась открыть глаза, однако слепящий свет дневного светила не позволял ей опалить меня своим ядом. Тогда она спряталась в моей же тени, чему я не стал препятствовать, и ресницы её затрепетали. Верно, Лайнеф! Приучай себя к мысли, что только со мной ты в безопасности.

Под обоюдное молчание я рассматривал бледное лицо, что так часто вспоминал ночами. Полыхающие гневом карие глаза, которые совсем недавно жгли иным, более приятным блеском. Припухшие губы, способные не только наотмашь бить колкими словами, но и дарить чувственную ласку.

— Ты думаешь, всё дело в чарах? Ты так в этом уверена? Давай-ка проверим на деле! — неотрывно наблюдая за её лицом, я протянул руку к женской груди. Сжимая её округлость, пальцами затеребил упругий сосок. Он мгновенно затвердел. Эльфийка охнула, закрыла глаза.

— Смотри на меня! — прорычал, повторно дернув её за волосы. Она повиновалась.

Я был прав — в её взгляде вновь разгоралось желание.

— Чувствуешь, что ты уже потекла для меня? Неужели ты считаешь, что мне нужно колдовство, чтобы разбудить твою похоть? — цинично усмехаясь, я отшвырнул Лайнеф от себя подальше.

Я был зол. Дьявольски зол на неё. Я еле сдерживал клокочущую внутри меня ярость. Чтобы не покалечить темную, я поспешно встал, натянул штаны и, прихватив эльфийский клинок, устремился в лес, бросив напоследок:

— Разведи костер! Нужно поесть и выдвигаться.

Когда лесной массив укрыл меня от посторонних глаз, а шум реки смешался с шумом листвы, сам не заметил, как мой шаг перешёл в стремительный бег. Я несся, не разбирая дороги до тех пор, пока густые заросли не встали передо мной сплошной стеной. Тогда, орудуя клинком, совсем неподходящим оружием, иступленно я стал кромсать чертову преграду, благо дело, её было достаточно, чтобы выплеснуть накопившуюся злость и унять разгневанного зверя.

Чертова упрямая баба! Ведь хочет меня! Как бы ни артачилась, хочет! Сопротивляется мне, себе самой, но хочет до дрожи, я же вижу! Тогда какого хера отрицает?

— Стоп! Мать твою!.. — я ошеломлённо присвистнул. Догадка казалась столь очевидной и видимой, что я диву давался, как раньше не понял элементарного. Лайнеф не отрицает собственного вожделения ко мне — она противится ему, ибо струсила! Испугалась за свою гордость! Именно поэтому, рискуя жизнью, сиганула в Ди.

Всё её поведение теперь становилось понятным и объяснимым, а у меня в руках оказался нужный козырь, которым я буду пользоваться каждый раз, как только темная начнет противиться моей воле. Ах, если бы не её предательство! Если бы не сотни голов моих воинов, полетевших в корзины палача. Если бы не оскорбительное унижение, которое по её вине пришлось пережить не только мне, но уцелевшим.

Ты не моего Повелителя убила, Лайнеф! Ты, как подлая сука, раздвигая передо мной ноги, усыпляя бдительность, безжалостно вонзала нож в спину именно мне! А ведь всё могло быть совсем по-другому. Но нет, чёртова гордячка! Больше тебе не удастся обвести меня вокруг пальца и исчезнуть во времени. Твоё вожделение станет оружием в моих руках, коротким поводком, за который я буду медленно водить тебя сквозь каждый эпизод своих изошренных желаний. Тебе понравится! Рано или поздно ты забудешь о гордости, забудешь своё имя, пока полностью не потеряешь себя. Отныне каждая ночь будет наполнена твоими стонами и моей пресыщенностью, пока мне, твоему Господину, это не надоест.

Воодушевленный изысканностью мести, чувствуя небывалый прилив сил, я желал скорейшего возвращения в гнездо клана, где, надёжно заперев темную, смогу приступить к реализации давно задуманной идеи по укреплению веса Каледонии в глазах римской Британии. Появление новой хозяйки Килхурна в лице Лайнеф, моей беглой рабыни, иначе как провидением не назовёшь. Всё очень удачно складывается.

Потратив какое-то время на добычу провианта в виде двух заячьих тушек и освежевав их, я отправился на берег. Заблудиться для меня проблемой было достаточно сложной — Каледонию я объездил вдоль и поперек, знал каждую пядь своей земли, даже самые отдаленные её территории, поэтому продвигался уверенно.

Чтобы добраться до Данноттара, предстояло покрыть около ста миль, но при наличии второго седока придется сбавить скорость, чтобы не загнать коня. Стоило торопиться. Если к завтрашнему закату не доберемся, чертяке Алистару представится отличный случай расквитаться со мной за то, что приказал остаться в замке. Он не преминет выслать парочку отрядов на мои поиски, мотивируя беспокойностью долгим отсутствием вождя клана. Интересно, как эльф отнесётся к воскрешению принцессы трона ушастых? Хотя, этот пройдоха, как пить дать, уже вынюхал у Молоха что к чему, и теперь встретит нас во всеоружии. Жаль, что не довелось увидеть его вытянутую морду.

К месту нашей стоянки меня вывел дым от костра, учуять который никак не рассчитывал:

— Да быть не может, чтобы она подчинилась!

Я ускорил шаг. Когда деревья расступились, и только высокий кустарник отделял меня от прибрежной линии, взору предстала необычная идиллия. Лайнеф, укутанная в тартан, стянутый над грудью остатками кожаных перевязей от одежды, сидела на валуне перед костром и ела. Причем, это надо было видеть, как она ела! Отковыривая куски мяса с нанизанной на самодельный вертел копченой рыбы, она, как заправский солдафон, подбрасывала их в воздух и ловко ловила ртом. За её фокусами наблюдал стоящий здесь же Сумрак, которому она что-то выговаривала на родном эльфийском. Этот гад, который и конюхов-то к себе близко не подпускал, сейчас тыркнулся наглой мордой в плечо моей женщины, а та совсем была не против и лишь время от времени похлопывала его по шее. Кажется, эти двое очень быстро нашли общий язык и сдружились, что меня отчего-то раздражало.

— Как трогательно! Не прослезиться бы от умиления, — сплюнул я на землю и подошел к воркующей парочке. В сердцах швырнул возле костра кинжал и заячьи тушки. Лайнеф не подняла на меня глаз, зато выразительным фырканьем за неё ответил мой конь.

— Сгинь, предатель! Доверия к тебе больше нет.

Сумрак недовольно махнул хвостом и неохотно убрался, оставив нас наедине, и только теперь я обратил внимание, что эльфийка заметила клинок.

— У тебя остался мой кинжал? — вопрос прозвучал, скорее, как констатация факта.

— Ну как же я мог расстаться с ним, когда нас связывают такие острые воспоминания? — ужалил я темную, спрятав клинок в голенище сапога.

Лайнеф поняла, к чему я клоню. Она посмотрела на уродливый шрам у меня на животе — единственный, что не исчезнет со временем, вскочила и весьма ощутимо ткнула вертелом в него:

— Не смей меня упрекать этой царапиной, демон! Та война... Твоё ранение ничтожно в сравнении с уроном, который ты нанес мне, когда уничтожил крохотный отряд эльфов, пленил меня и... Война списывает всё, — она сглотнула, ступешалась и отвела взгляд в сторону, не в силах произнести ложного обвинения, но я уже догадался, что именно осталось не высказанным.

— И что? Ну, договаривай! — скрестив руки на груди, я смотрел на неё с высоты своего роста. — Я подскажу тебе нужное слово — совратил. Ты ведь это пыталась сказать?

Несколько бесконечно долгих секунд темная молчала. Я видел, чувствовал внутреннюю её борьбу между правдивостью и соблазном побольнее уколоть меня. Победило прямодушие:

— Да пошёл ты! — она отшвырнула прут в сторону, вздернула подбородок и направилась к реке.

— И куда это ты собралась? — не трогаясь с места, любопытствовал я.

— Домой! К черту! Куда угодно, лишь бы не видеть твоей наглой рожи.

— А не далековато ли для пешей прогулки в таком виде? — расхохотался я. Глупая! Неужели не понимает, что не отпущу?

На расстоянии двадцати шагов Лайнеф остановилась, повернулась ко мне лицом и издевательски улыбнулась:

— Ничего. Уверена, я справлюсь.

— Не сомневаюсь, принцесса. Но позволь заметить, если ты действительно настроена столь решительно, мне ничего не останется, кроме как захватить Килхурн силой. И поверь, на этот раз, как только демоны ворвутся в замок, пострадают все его обитатели. Ты готова принести их в жертву ради собственной свободы?

Шантаж подействовал. Это стало очевидно ещё до того, как разгневанная эльфийка вернулась обратно. Удивительно, как выразительна мимика её лица. Я повидал немало темных эльфов в жизни. Они искусно прятали эмоции под маской отчужденности, как будто эту способность вкупе с непомерной гордыней они всасывали в себя вместе с молоком матери ещё будучи новорождёнными. Но холодные, пресыщенные, они ломались под пыточным огнем, и вот тогда их лица обнажались. Как странно, что принцесса темных была иной, не похожей на них. Удивление, негодование, злость, отчаяние тенью пробежали по её лицу. Я даже успел поймать момент, когда она приняла решение, и теперь ждал очередного шквала оскорбительных ругательств. Но нет! При всей кажущейся очевидности в этой женщине оставалась тайна. В который раз она смогла озадачить меня.

— Зачем тебе это, демон? — бесцветным тоном задала Лайнеф вопрос. Ни гнева, ни любопытства, лишь древняя, присущая бессмертным, усталость. Как будто на какой-то момент я выбил из неё весь дух противоборства. Неужели в ход пошли женские уловки, и темная решила давить на жалость?

Однако, время не ждёт, а намерения быть объектом эльфийской хитрости у меня не было никакого. Подозвав коня, я поднял с земли ещё влажную от дождя рубаху и запихнул в торбу. Туда же отправились заячьи туши. Ничего, до заката не протухнут, а там съедим. Лайнеф молча наблюдала за мной, демонстрируя не свойственное ей смирение.

— Отвечу на твой вопрос, как только тронемся в путь, — подхватил я притворщицу подмышки, усадил на коня и следом запрыгнул сам.

— Полагаю, выбора у меня нет? — поворачиваясь ко мне, наигранно вздохнула она. Ну, так и есть — точно бабские штучки. Да, Лайнеф, лицедейка из тебя никудышная — опущенные уголки губ, недвижимое, печальное лицо, но вот глаза... Искрами гнева в них ты способна и долину поджечь.

— Верно мыслишь, детка. Выбора у тебя не было с того момента, как ты пересекла границу Каледонии. Поэтому сиди лучше смиренно и получай удовольствие от прогулки, — прижимая темную к себе, я пришпорил коня. — Кстати, может поведает, как Килхурн оказался у тебя?

— Я тебе уже говорила, — огрызнулась разоблачённая эльфийка.

— Придётся повторить, — усмехнулся я, обратив внимание, что фамильярное “детка” было ею проигнорировано. — Видать, на хорошем счету ты у Римского императора.

— Я ушла со службы. Турму расформировали, а многие мои подчинённые теперь отставники. Замок передан Клавдием за выслугой лет.

— И тем не менее, такими дарами не разбрасываются за зря.

— К чему ты клонишь, демон? — Лайнеф бросила на меня настороженный взгляд. Ну что же, попробуем говорить начистоту. Мы как раз выбрались на нужную тропу, и Сумрак привычным галопом пустился вперед.

— Как ты заметила, я никому не намерен уступать то, что принадлежит мне, — я буквально вжал темную в свою грудь.

— Трудно не заметить, — съязвила она, в который раз меня позабавив — сама того не желая, она ненамеренно признала мои права на неё.

— Так вот... замок Килхурн, в действительности, принадлежит мне с тех пор, как скончался Мортон — его прежний хозяин. У нас был договор, что крепость отходит к моим владениям после его смерти за некоторые оказанные старику услуги. Один экземпляр этого договора находится в Данноттаре, ты можешь с ним ознакомиться по приезду. Твоё появление в качестве новой хозяйки замка спутало мои планы. Мне нужен Килхурн, принцесса.

— Килхурн — мой дом, и получишь ты его только через мой труп.

— Неверный ответ, принцесса. Ты — моя беглая рабыня, а значит, твой дом является моей собственностью. Надеюсь, ты ещё помнишь наши законы, тем более, не так уж они отличаются от законов смертных?

— Ложь, демон, и ты прекрасно это знаешь! Я никогда не была твоей рабыней. По законам темных статус пленного не равносителен статусу раба, — возмущенная, она безуспешно пыталась освободиться от моей руки.

Однако, я подошёл к самому важному моменту разговора, и меня волновала последующая реакция моей строптивой воительницы на то, что я собирался сказать, и предвидя, что она будет отнюдь не радостной, я запустил руку под тартан и сжал в ладони

нежную грудь. Губами пробежался по её шее, прикусил мочку очаровательного ушка и, прижимая Лайнеф к себе, прошептал:

— Может, и знаю... но раса демонов не приемлет законов эльфов. Есть второй, более цивилизованный способ решения сложившейся проблемы, детка, и я воспользуюсь им. Мы соблюдем людские приличия, и я отправлю своего посла с дарами к твоему императору, чтобы он одобрил законность нашего с тобой брака.

— Что?! Это что, шутка такая?! — подозрительно уставилась она на меня, когда же серьёзность моих намерений стала ей очевидна, карие омуты потемнели, тонкие брови сошлись над переносицей, ноздри раздулись и затрепетали. Как из рога изобилия с языка тёмной посыпались эльфийские ругательства:

— *Beikaer rhavan! Saurar Wethrinaer! Leithia!**

Ну?.. И на что я рассчитывал?! Неужели на положенное рабыне: «Как пожелает мой господин»? Раздражённо я притянул её голову к себе и накрыл губы ртом, подавляя яростный поток брани. Сейчас, когда столь необходимо её согласие, я с огромным трудом сдерживался, чтобы не воспользоваться магией инкуба. Казалось бы, куда уж проще? Лишь малое усилие, и легкий, ласкающий слух шёпот усыпит её бдительность, чарующий взгляд, и весь мир её сосредоточится только на мне, прикосновение к нежной плоти, и всё, она, разомлевшая, уже потекла для меня. И делай с ней, что хочешь, она твоя, будто жемчуг на раскрытых ладонях. Пей, упивайся своей победой, господствуй и повелевай! Но как только меня не будет рядом, магия развеется, чары спадут, и она вспомнит, кто она есть. Все планы полетят к чертям. О, нет, детка! Такой оплошности я не совершу, ибо слишком многое поставлено на кон. Мне нужно, чтобы ты сама в здравом рассудке дала добро, не пошла потом на попятную, не отказалась прилюдно от своих слов, выставив перед всеми на посмешище.

Мой поцелуй пробудил в ней колебания. Упрямые губы ответили, она прильнула ко мне и размякла, а тихий женский стон окончательно лишил меня бдительности. Уверенный, что выиграл этот раунд, я возликовал её уступчивости и позволил чертовке развернуться в седле. Нежные пальчики пробежались по моей груди, животу, спустились ниже, я затаил дыхание... Ну, детка, смелее!..

Она великолепно знала, куда и как нужно бить! Потеряв равновесие, я вылетел из седла, потащив за собой тартан. Перевязи лопнули, и ткань, что укрывала эльфийку, соскользнула с женских плеч. Из глаз посыпались искры, от удара перехватило дыхание, когда тяжестью собственного веса я прыгающим кулем рухнул на землю и распростёрся на спине.

Судорожно пытаюсь заполнить лёгкие воздухом, я смотрел вслед удаляющейся от меня воительнице, испытывая досаду за собственную промашку и, как ни странно, гордость за ту, что с надменно поднятым подбородком и полыхающими гневом глазами, с аккуратной обнаженной грудью, соблазнительно подпрыгивающей в такт скачкам, и развевающимися на ветру волосами сейчас была дьявольски хороша. Именно такой я её запомнил при нашей первой встрече, правда, тогда она была в одежде.

Нисколько не стесняясь своей наготы, она лихо перебросила ногу через седло,

подхватила поводья и стегнула коня, увеличивая между нами расстояние. И... все демоны ада! Я не испытывал гнева или желания покарать её за непокорность — понимал, что лишаю самого ценного — свободы, которой сам дорожил больше жизни. Поэтому, позабыв о изрядно намятых приземлением боках, вместе с ней наслаждался последними секундами триумфа настолько моей принцессы, что дух захватывало, прежде, чем свистом вернуть Сумрака.

Наконец, описав на поле полукруг, послушный конь вернулся к законному хозяину, несмотря на все усилия эльфийки этому воспрепятствовать. Как только он остановился подле меня, я сдернул упирающуюся темную, поставил на ноги и, не дав сказать ни слова, жадно сорвал поцелуй с её губ.

— Ты была неподражаема, детка! Просто неподражаема! — выдохнул, впившись ладонями в упругие ягодицы, и, прижимаясь возбуждённым членом к её животу, намеренно дал понять, насколько впечатлила меня её очередная попытка побега. Её распалённое лицо с лихорадочно блестящими глазами послужило самым выразительным ответом. — Но я тебе уже говорил — выбора у тебя нет!

Подхватив с земли оброненный плед, я накинул его ей на плечи, от рубахи оторвал лоскуты, связал края:

— Слишком велик соблазн, а время не терпит.

Лайнеф была молчалива, как никогда. Казалось, она пребывала в некоем ступоре. Мы вновь тронулись в путь. Минуты перетекали в часы, равнинная местность в горные пейзажи, день уходил вслед за закатом, а она не произнесла ни слова. Всю дорогу моя рука неизменно покоилась на её талии, спиной Лайнеф прижималась к моей груди. Вероятно, со стороны мы походили на влюбленную парочку, мирно возвращающуюся в семейное гнёздышко. Подобные мысли меня порядком развеселили.

— О чем задумалась, принцесса?

Она вздрогнула, будто на энное время абсолютно позабыла о моем существовании, что неприятно меня задело.

— Господину стало скучно, и он дозволил слово молвить?

— Такое обращение мне, конечно, льстит, тёмная, но почтение не искренне. Не юродствуй, принцесса, тебе ни к лицу.

Да, что-то не клеится наш разговор. Уж лучше бы не спрашивал. Однако, через некоторое время она сама задала вопрос:

— Ты интересуешься, о чем я думала... Скажи, почему ты здесь? В этом мире?

Так вот куда ты клонишь! Прощупываешь почву, желая знать, насколько сама в

безопасности? Хитрая bestия! Слишком скользкая и опасная тема, детка! Слишком!

— Рассчитывала, что череп мой красуется на стенах Уркараса? — спросил я, равнодушно взирая на линию горизонта.

— Совсем наоборот, — Лайнеф обернулась, её удивление казалось вполне искренним. — Я полагала, раз Морнаос канул в лету, и сдерживать ваши орды более некому, демоны заполонили Темный мир, ну а ты купаешься в почестях и славе...

— Боюсь, что нет. Повелителя настигла неожиданная смерть, и власть сменилась в Уркарасе, — бесцеремонно перебил я её. — Меч верховного законно перешёл в руки другого, и, разумеется, новый Повелитель взошёл на трон, распределив должности между членами своей стаи. Неудобных военачальников он выслал в отдаленные поселения. Мне были не по вкусу методы правления нового властителя, и я решил со своей стаей побродить по мирам. Вот так мы и осели в мире смертных.

Я почти не солгал, разве что не упомянул о её непосредственной роли в этой истории. О том утре, когда проснулся в собственном ложе и вместо Лайнеф обнаружил её кинжал, выпачканный кровью Повелителя. О том, как меня арестовывали, а позже, в подземельях, прикованного к цепям сутки за сутками нещадно избивали. Как лоскутами срезали кожу, пока моё тело не превращалось в кусок окровавленного мяса, насильно вливали в глотку эльфийскую кровь и ждали, когда плоть покроется новой кожей, только для того, чтобы вновь содрать, требуя выдать несуществующих заговорщиков. Как на моих глазах отрывали головы и выдирали сердца верных мне воинов, а топор палача, удар которого я жаждал ощутить на собственной шее, не успевал просыхать от демонической крови братьев. В том аду я существовал благодаря ненависти к суке, которой грезил даже в беспамятстве от боли.

Руки впились в женскую плоть, до хруста вжимая эльфийку в торс. Моя! Во всех смыслах моя! От кончиков до кончиков. Только я твой палач, любовник, каратель, твой муж и господин. Только я вправе решать, что с тобой делать.

— Эй... Мактавеш, полегче, если хочешь показать нареченной свой замок! — возмутилась Лайнеф и локтем ударила меня в живот.

— Нареченной?

Уж не ослышался ли я? Столь легко и естественно прозвучало человеческое слово в устах темной, можно подумать, она одумалась и теперь по-иному смотрит на перспективу нашего союза. Но с чего бы вдруг? Осознала тщетность попыток ускользнуть от меня? Устала артачиться или смирилась? Верится с трудом, и тем не менее я удовлетворенно хмыкнул и пальцами сжал изящный подбородок:

- Радует, что ожидать проблем не придется.

— Не придется, — подтвердила она, а её пальцы легли на мои губы. — Если дашь слово вождя выполнить одно условие этого брака.

Ну конечно! Как же без этого?! Ловко, и так по-женски — поднять почти до вершин желаемого и тут же низвергнуть в низину разочарования и неудовлетворённости. Чёрт возьми! Сколько живу, всегда есть некое сумбурное “но”, барьером преграждающее расстояние между тобой и выбранной целью. Такое впечатление, будто без него эта самая цель теряет свою прелесть, и уже не знаешь, добился успеха или нет. Я терпеть не мог подобных слов: “но”, “если”, “хотя”, “только”. В них была уклончивость, абстракция, что противилось нетерпеливой сущности демона, требующей четкости и определенности. У демонов всё проще: «Хочешь? — Пойди и возьми!»

— Ты готова поверить слову инкуба?

— Слово инкуба мне не нужно. Мне достаточно слова вождя Мактаवेशа, — убеждённо ответила она и с улыбкой добавила: — Демон, если желаешь, чтобы на предстоящей церемонии при гостях я была пайнкой, не пытайся уклониться от обещания.

— Дьяволица! — отстранился я от эльфийки. Соблазнительно, черт возьми! Ох, как соблазнительно, ибо в самый раз, если всё пройдёт как по маслу. — Говори уже! — прорычал я нетерпеливо.

— Утром, — усмехнулась она. — Сейчас пора дать отдых коню, если ты не намерен пешком добираться до своего замка.

Дорога, по которой проходил наш путь, тянулась по широкому ущелью, образованному руслом реки, протекавшей когда-то между двумя горными вершинами. Река давно сменила своё направление, русло пересохло и, покрытое мхом и густыми травами, ущелье теперь больше походило на зеленую долину. Но с наступлением темноты продвижение по каменистой почве становилось опасным, да и малоэффективным. Сумрак — прекрасный конь, но не идет в сравнение с рожденными во мраке мустангами Темного мира, славящимися своей выносливостью и острым зрением. Лайнеф была права. Нужно сделать привал.

— Тебе идёт цвет моего клана, — заметил я во время ужина, приготовленного из тушек на костре, на что эта мерзавка отшвырнула обглоданную кость, демонстративно вытерла руки о тартан и растянулась на земле. То, что мои вояки были далеко не чистоплотны, это я признавал, но даже они относились уважительно к атрибутике Мактаवेशей. Она же, рожденная при дворе эльфов, не могла об этом не знать.

Видать, тёмная, с тебя станется... Вытащив из голенища кинжал, на рукоятке которого красовался герб Зартриссов, я повертел его в руках и принялся выковыривать остатки пищи между зубов, исподтишка поглядывая на Лайнеф. Я был отомщен видом её сморщенной недовольной физиономии.

— Прекрати! — рыкнула она, в знак примирения подняв руки. — Всё поняла. Квиты!

— То-то же, — усмехнулся я и отложил в сторону нож. — Иди-ка ко мне! Хочу знать, насколько хорошо ты поняла.

— Вполне, — проигнорировав моё требование, Лайнеф повернулась спиной и подложила руку под голову, что начало меня злить.

— Кто-то обещал быть покорным, — подбросив в костер сухих веток, я стянул сапоги.

— Заметь, только прилюдно.

— Вот как? Значит, война? — я бесшумно преодолел разделяющее нас расстояние, развернул бестию к себе лицом, намереваясь встряхнуть хорошенько, и напоролся на смеющиеся глаза. Я оторопел. Да она подтрунивала надо мной! Грудной, бархатный, искренний смех пленительным эхом разнесся по подножью величавых гор. Впервые я слышал, как она смеётся. И будь я проклят, если солгу, мне понравился этот звук — смех уверенной в себе женщины, знающей цену редкому веселью. Невозможно не заразиться.

— Ах, ты, шельма! Смеяться над своим господином? Ну я тебе сейчас задам взбучку! — околдованный ею, я завалился на принцессу, перекатился на спину, увлекая эльфийку на себя. Лайнеф села на меня сверху. Спутанные, вьющиеся волосы темным волнами легли на плечи, обрамляя улыбающееся лицо и белоснежную шею. Всполохи языков пламени от костра отражались в огромных карих глазах. Моя воинственная наездница была великолепна. Я нетерпеливо рванул лоскуты, пожирая голодным взглядом обнажённое тело:

- Ты покормишь меня?

— Ну, раз ты пришёл сам... — акцентируя внимание на этом факте, она многозначительно посмотрела на меня. Я зарычал, требуя немедленного ответа, и ослепительная улыбка обнажила ровные белоснежные её зубы. — ...то да!

— Чувствую, скучать мне больше не придется, — усмехнулся я, запустил пятерню в её волосы и притянул эльфийку к себе.

— Лайнеф, подъём! Нам пора в путь! — тормозил я эльфийку за плечо, но темная не открывала глаз. Покрытая свежими царапинами, бледная, опустошённая, она пребывала в глубоком сне. Дьявол! Как же так? Я же всегда знал, когда следует остановиться, чувствуя ту грань, за которой для жертвы наступал предел, но с Лайнеф было всё иначе. Как дурман, слишком сладка, слишком желанна. Раз за разом доводя её до оргазма, я сорвался и бесконтрольно пил и пил из неё жизнь, наполняя зверя силой и убивая ту, что была мне нужна.

— Будь оно всё проклято! — выругался я в сердцах и кулаком долбанул по камню, сдирая кожу в кровь. Гора ответила эхом недовольства, как только паутинка трещин расплзлась под моей рукой, и контрастом в памяти всплыло разносившееся эхо её смеха, что этой ночью потревожило покой седых скал.

Подхватив темную, я кое-как забрался в седло, усадил впереди себя и, прижимая к груди бесчувственное тело, пришпорил Сумрака. Знакомые пейзажи, доселе радовавшие глаз, сменялись один за другим, но сегодня они не грели черную душу своим великолепием. Чуждое, непонятное беспокойство за принцессу мешало созерцать всю эту красоту. Сон, в котором пребывала сейчас Лайнеф, мог стать беспробудным. Невольник собственной сути, я умел забирать жизнь, но не умел воскрешать. Хватит ли сил у Лайнеф выжить, очнуться и не уйти навсегда в Арванайт, я не знал.

Под топот лошадиных копыт время перевалило за полдень, а темная всё спала. Злость на себя выела мозг, и ей уже не хватало во мне места — гневом она вылилась на эльфийку, ибо впервые рядом с Лайнеф я ощутил себя уязвимым и беспомощным. Как смела тёмная быть столь доступной, что позабыла о собственной безопасности и не остановила меня?!

Когда до Данноттара оставался от силы час-полтора пути, в ярости я стал хлестать её по щекам:

— Проснись! Проснись, чёрт тебя побери!

Неожиданно тонкие пальцы вцепились в моё запястье, веки подернулись, гневный взгляд карих глаз сфокусировался на мне: — Полегче, ублюдок! Так ты свернешь мне челюсть, — пробормотала она, и раздражающая меня до сего дня её грубость вдруг принесла такое облегчение, что я разразился громким хохотом.

— Демон, ты меня или убьёшь, или покалечишь, — зажимая уши, проворчала эльфийка. Она медленно села и поморщилась. — Может, лучше вернёшь невредимой в Килхурн?

— За каким чёртом тебе сдались эти развалины, если в качестве моей жены ты станешь хозяйкой неприступного и процветающего замка? Не зли меня, Лайнеф! Вопрос решённый. Твой будущий муж может проявить завидное терпение, но не советую меня дразнить.

— Ах, да, муж... Мы не обсудили один важный аспект, касательно этого вопроса.

Вот мерзавка! Еле языком ворочает, от слабости вся дрожит, стоит отпустить — на землю свалится, а от своего не отступится. Что за баба?! Ну-ну... собака лает — караван идёт. Послушаем, что там за условие.

— Я готов тебя выслушать.

— Ну что ж, — она на секунду замешкалась с ответом. — Моё условие — мы не спим вместе.

— Что? — я настолько опешил, что остановил коня. — Это что за дерьмо? Грозная воительница струсилась? Пошла на попятную после сегодняшней ночи, так? Предпочитаешь, чтобы данноттарские шлюхи отдувались за тебя?

— Только посмей! Подобного я не потерплю! — мгновенно возмутилась она, от чего, кажется, на несколько секунд я потерял дар речи, ибо логика её оставалась мне недоступной и непостижимой. Это как она себе представляет инкуба без секса, любопытно?

— Послушай меня внимательно, детка! — встряхнул я эльфийку хорошенько, на что она безуспешно попыталась оторвать мою руку от своего лица. — Я не собираюсь выполнять твоё гребанное условие! Это вообще не условие, а бессмысленный бред трусливой сучки! После того, как ты принесешь прилюдно клятву в верности и станешь моей женой, я буду брать тебя где и как хочу, и даже позу в процессе буду выбирать я, — цинично оскалился, но, ведомый праведным гневом, тут же буквально взревел: — Ты всё поняла?

Ей ничего не оставалось, кроме как моргнуть.

— Умница, детка! — властно наградив за послушание тёмную коротким поцелуем, большим пальцем я погладил её щеку и выпустил лицо, вновь подбирая поводы. Мы двинулись дальше, однако скоро воцарившееся молчание нарушили следующие слова:

— Что ж, если данное условие для тебя неприемлемо, остаётся только полагаться на порядочность вождя.

— Поясни!

— Дай слово, что все возможные отпрыски нашей связи будут тобой признаны законными наследниками своего отца.

Да что с ней творится, мать твою?! Уж не тронулась ли она умом после сегодняшней ночи? Или настолько прижилась в мире смертных, что начисто позабыла историю темного? Все знают, что в союзе эльфа и демона наследники невозможны, и с природой здесь не поспоришь. Но как бы там ни было, пора заканчивать эту игру, ибо мне она порядком осточертела. В конце концов, на такое условие можно пойти — за язык я её не тянул:

— Ты помнишь, чем нюх инкуба отличается от всех остальных? — решил сразу предупредить я эльфийку. — Инкуб моментально учует запах другого самца, покрывшего собой самку. Учти это на будущее, темная. Что же касается отпрысков — я признаю, если в нашей связи родится наследник, но вынужден тебе напомнить, принцесса, что за всю историю существования наших рас подобного не произошло. Так что мне не составит труда выполнить это условие нашего союза.

— Значит, с условием я прогадала... — она вздохнула, осматривая окружающий ландшафт. — Тогда могу ли я поставить тебе иное условие?

— О, нет! Хватит торговаться, Лайнеф. Остановимся на втором варианте, — усмехнулся я. — Приготовься, за этой горой ты увидишь свой новый дом.

— Ну что же, быть посему. Как пожелает мой вождь, — бесцветным голосом произнесла она, взирая на север, и вдруг воодушевлённо крикнула: — Поторопи коня,

Мактавеш! Желая видеть Данноттар.

Довольный исходом спонтанных переговоров, я рассмеялся. Всё было так, как я хотел. Всё! Отчего тогда присутствовало странное чувство, что меня обвели вокруг пальца?..

Beikaer rhavan! Saurar Wethrinaer! Leithia! — Высокомерный дикарь! Грязный обманщик! Отпусти!

ГЛАВА 19. КАПРИЗ ФОРТУНЫ.

Алистар.

Несмотря на весенний сезон, вечера в Каледонии были достаточно холодными, и пикты, носившиеся по внутреннему двору замка, зябко кутались в свои шерстяные пледы. Весьма забавно выглядели здоровые рослые мужчины и закаленные северными ветрами дородные девки, бегающие по площади, готовясь к встрече вождя, возвращающегося в свои владения. Многие бы назвали мое отношение к ним высокомерием, ну да что с того — факт оставался фактом. Хохма, да и только! Люди всегда вызывали мою легкую усмешку своими неловкими движениями и странными привычками, но было нечто такое в этих странных существах, что порой заставляло смотреть на них даже с некоторым уважением.

Привыкали мы друг к другу достаточно долго. Поначалу демоны невзлюбили физически уступающих нам представителей мира смертных. Правда местных девиц это не коснулось — своей покладистостью они безо всяких усилий снискали симпатию стаи хищников. Со временем же, когда Фиен отстоял право называться вождем на новой земле, мелкие неурядицы прекратились, и пикты стали для нас неплохим подспорьем.

Недолго мои мысли занимали люди, куда большее любопытство привлекала та, что приближалась к Данноттару. По словам Молоха, вернувшегося с другими головорезами, Фиен держал путь домой не один. Рабыня вождя — эльфийка! Признаться, это стало шокирующей неожиданностью. Воинствующая девка, бойкая, жесткая, но смазливая сучка, с которой отряд демонов столкнулся во время бойни при Килхурне. Это известие также встревожило, ведь замок был весьма лакомым куском, и хвала богам, что Мактавеш отправился туда так вовремя.

О нападении саксов на новые владения я узнал несколько раньше, сразу после того злосчастного пожара, уничтожившего ряд построек в Данноттаре. В Каледонии у меня были налажены свои каналы связи. Они же помогли мне больше узнать о спутнице Фиена: девица лет двадцати пяти от роду по человеческим меркам, брюнетка с неестественно бледной кожей, стройная, даже чересчур по мнению моего информатора, закутанная в шерстяной плед. Ничего выдающегося, но что-то беспокоило меня. Была ли то моя привычка отовсюду ждать подвоха, я не знал, однако в последнее время меня всё чаще одолевало непонятное напряжение, предчувствие грядущих перемен.

Сцепив руки за спиной, я ходил по крепостной стене, стремясь унять непонятную тревогу, сам не до конца понимая причин своего беспокойства. Ситуация походила на разрозненные куски мозаики, не желающие складываться в единую картину — я что-то упустил... Возникла соблазн посоветоваться с духами предков, с богами-покровителями Темных, но после поджога и учинённого неизвестным лицом обыска в моих покоях я запретил себе прибегать к магии такого типа — устойчивое ощущение слезки не покидало меня. А слезка была, в этом я нисколько не сомневался.

Мои рассуждения прервало всеобщее оживление во дворе крепости. Гомон голосов стал нарастать, люди забегали, завершая последние приготовления к встрече своего дражайшего вождя. Повсюду зажигали факелы, разбавляющие светом мрак каледонского вечера, озаряющие лица пиктов, которые, несмотря на крутой нрав, ни в какое сравнение не шли с демонами. Те же не спеша двигались к центру двора, напоминая могучие скалы меж бушующих волн северного моря — величественные и жестокие. Идя приветствовать первого среди равных — Фиена, темные твари медленно выстраивались в две шеренги, образуя торжественный коридор. Гордо поднятые волевые подбородки, мощные тела, наделенные звериной грацией... Они ждали. Ждали, устремив горящие взоры в сторону внутренних ворот замка, откуда должен был появиться Мактавеш. И я отчетливо понимал, ничто не может поколебать их уверенности в своем вожаке, заставить отступить. Только пред ним они готовы склонить головы.

За демонами, копошась и перешептываясь, собирались люди. Они смотрелись так нелепо на фоне дьявольских исполинов, что невольно снова вызвали усмешку. Находясь в томительном ожидании, все затихли, обратив лица к воротам в надежде первыми лицезреть Фиена, возвращавшегося домой после очередного похода. Всеобщее нетерпение захватило народ.

Громкий рокот разнёсся среди толпы, когда врата распахнулись, впуская ледяной порыв воздуха в и без того продуваемый всеми ветрами Данноттар, а вместе с ним всадника на коне. Мактавеша невозможно не признать. От Фиена за версту несло властью и силой. Даже со стен башни бросалась в глаза величественная осанка и присущая только ему манера столь естественно и, в то же время, с определённым превосходством держать голову. В приветственном жесте подняв в правой руке меч, он медленно въехал в центр площади на своем гордом седоком коне, повелительным взглядом обозрел паству, и остановился, молчаливо ожидая от воинов и челяди должного почтения. Всё вокруг стихло, люди и демоны, преклонив головы, опустили на колени, беспрекословно подтверждая свою верность вождю, после чего удовлетворенный увиденным Мактавеш разразился приветственным кличем, который подхватила ликующая толпа.

Не желая участвовать во всей этой процедуре, только теперь я поторопился спуститься вниз. Не то чтобы я не признавал власти Фиена в Данноттаре — она была бесспорна. Я не признавал его власти надо мной, демона над эльфом, и неглупый Мактавеш не мог этого не понимать. Наш союз скорее походил на две созданные в противовес стихии, по странному стечению обстоятельств сумевшие примириться и уважать, но не подчиняться друг другу.

Я вышел во двор и направился к Фиену. Он уже стоял на земле и под перешёптывание и любопытные взгляды окружающей толпы самолично помогал своей спутнице спуститься с коня. Девушка оказалась не такой уж рослой, как я предполагал — её макушка едва доходила до плеч. Подойдя ближе, первое, что ощутил — эльфийскую ауру. Она была устойчивая, живая, настолько сильная, что только сейчас я понял, как мне не хватало её присутствия. Боги! Я даже не предполагал, что меня так обрадует новость, что я не единственный эльф в мире смертных.

Наконец я мог удовлетворить и своё любопытство, снизу-вверх беспрепятственно рассматривая девушку, закутанную в тартан: босые стопы и лодыжки, украшенные несколькими довольно глубокими царапинами, узкие икры и слишком худые, на мой взгляд, колени, что частично закрывал все тот же кусок плотной шерстяной ткани. В удивлении отметив, что для воительницы у неё довольно-таки тонкие запястья, посмотрел на спутанные темные волосы, разбросанные по плечам. Растрепанные, они только добавляли шарма покоренной вождем дикарке. Пока девушка с напускным безразличием оглядывала окружающих ее людей, внимательно рассмотрел черты её лица, изящные губы, тонкий нос и остановился на глазах. Глубокие карие глаза удивлённо расширились, как только взор её остановился на мне. Глаза в глаза! Карие и серые! Госпожа и слуга! Возможно ли?!.. Сердце пропустило удар.

Прошло несколько бесконечных секунд, прежде чем я понял, что беззастенчиво рассматриваю ту, пред кем в покорности должен преклонить колени. Лайнеф Лартэ-Зартрисс! Урожденная наследница престола Темных эльфов. Та, что должна сидеть на троне Морнаоса и править, твёрдой рукой карая виновных и благосклонностью поощряя верных. Та, кого я искал столько лет и уже отчаялся найти, стояла здесь, как какая-то простолюдинка, ничтожная рабыня, завернутая в кусок шерстяного холста, но гордо расправив спину.

Первым порывом было как подобает приветствовать принцессу, но что-то удерживало меня. Был ли причиной тому абсолютно неподобающий вид для королевской особы, нескрываемый гнев ли в глазах Лайнеф, а может, предчувствие неминуемой ошибки, совершив которую я вполне могу лишиться головы от руки Мактавеша, я на корню подавил в себе этот порыв.

Понимая, что немая сцена затянулась, я вынужден был отвести взгляд от принцессы и сделать шаг навстречу вождю, протягивая тому ладонь в поздравлении с удачным трофеем:

— Фиен! Вижу, что поход выдался удачным, как, впрочем, и добыча.

— Друг мой... — начал было Фиен, но был прерван стремительным движением принцессы, оказавшейся на расстоянии вытянутой руки подле меня.

В этот момент все словно исчезло, будто не было ничего: ни замка, ни людей, ни демонов — время застыло, а я словно оказался в каком-то вакууме. Лайнеф с таким ледяным презрением смотрела на меня, что будь в ней хоть на толику развиты такие же способности к магии, какими обладал её отец, только взглядом Лартэ-Зартрисс обратила бы меня в

камень. Похоже, она уже всё решила для себя, обвинила и приговорила меня к казни. Впрочем, не мудрено! Увидеть подданного, который должен бы разделить участь короля своего, живым и здравствующим в доме врага, пусть даже и бывшего... чувства принцессы я мог понять — яд обиды за отца сковал ее разум и сердце. Но наблюдать за этим было столь тяжело, что я на миг отвел взгляд. Напрасно.

Я дернулся, когда тяжелый кулак Лайнеф пришелся прямоком в челюсть. Сразу чувствуется рука воина! Окружающие предметы завертелись непривычными красками, в ушах стоял гул, но именно её удар отрезвил меня и вернул всё на круги своя — в Даннотгаре все иначе, другой мир и другие правила, а наследница эльфийского престола только добавила мне уверенности.

Растирая место удара, я прошелся сухими пальцами по щетине и с высоты своего роста воззрился на Лайнеф:

— И я рад видеть Вас, принцесса.

— Друг значит? Ах, ты предатель! Неблагодарный пес! — прошипела Лайнеф, выплевывая слова, подобно яду.

Она готова была снова вклепить мне как следует, вымещая удар за ударом всю ненависть, что клокотала в ней, наплевав на все приличия, но то ли королевская кровь, то ли военная выправка, а, возможно, присутствие довольно ухмыляющихся демонов помогли сохранить достоинство при толпе.

Исполином рядом с нами возвышался Фиен, с интересом наблюдая сию картину.

— Выходит, знакомы? — задал он единственный вопрос.

— Да! — всё так же кипя от негодования, выпалила принцесса. — Эта мразь была правой рукой моего отца, его ближайшим советником.

Две пары глаз враждебно уставились на меня, тогда как толпа, окружившая нас, смотрела за этим представлением с нескрываемым любопытством. Да уж... тут было на что посмотреть: подозрительно взирающий на меня вождь, неизвестная девка, нанёсшая неслабый удар его советнику и сохраняющий хладнокровие эльф. Демоны, понимая всю неоднозначность ситуации и готовясь к кровавому развитию событий, постепенно стали окружать нас, преобразуя длинный коридор в круг, в кольце которого кулаками обычно решались их споры. Инстинкты призывали меня схватиться за меч, но того не оказалось под рукой, лишь пара клинков за поясом, хотя их использование стало бы опрометчивым и, возможно, последним в моей жизни поступком. Напряжение нарастало, ситуация сложилась не в мою пользу, но решение оставалось за Фиеном.

— Оставим разбирательства на потом, — с непробиваемым спокойствием и уверенностью сказал вождь клана, а затем уже совсем иным тоном добавил: — В конце концов, накормят нас сегодня или нет? Моей невесте, — громогласно ошарашил всех

присутствующих Мактавеш, — стоит привести себя в порядок. Проводите ее в мои покои и помогите. Хочу видеть ее в лучших шелках, что есть в Данноттаре.

— Какого чёрта, Мактавеш?! — возмутилась принцесса, но тот, не обращая внимания на её протест, в упор смотрел на меня, прожигая взглядом, пока недовольную Лайнеф уводили слуги.

Указания Фиена подействовали отрезвляющим образом на собравшуюся челядь, которая наконец вышла из оцепенения. Раздался нервный смешок, а затем обрадованный известием о предстоящей женитьбе своего вождя люд спешно бросился ко входу в главное здание накрыть столы к пиршеству.

Никто из смертных и не усомнился в выборе избранницы Мактавеша, чего нельзя сказать о его головорезах. Они не тронулись с места. Давняя вражда между нашими расами, поутихшая за сотню лет, настороженными лицами демонов напомнила о себе, и, ощущая её знакомый привкус, сейчас я отчетливо понял, что Данноттару предстоят тяжелые времена. Не готовые выпустить ни меня, ни Лайнеф из поля зрения, звери замерли, в растерянности осознавая произошедшее.

— Ну что встали как вкопанные? — обратил на них внимание Фиен, когда людей и принцессы уже не было на площади.

Те с опаской взирали на вождя. Никто не смел ему перечить. Молчание переросло в тихий ропот, и, в конце концов, наиболее смелые, подстрекаемые собратьями, решились озвучить общую тревогу:

— Это шутка насчет женитьбы?

— Ты нас разыгрываешь?

— Уж не околдовала ли она тебя, что решил на эльфийке жениться?

— Какого черта мы должны терпеть прихвостня поганого Валагунда и его дочь?

Это было похоже на зарождающийся мятеж. Демоны, перебивая друг друга, стали выражать свой протест вожаку. Ещё немного, и они додумаются объявить ему своё недоверие. Нужно было что-то делать, но Фиен спокойно взирал на них, скрестив руки на груди, пока не гаркнул:

— А теперь послушайте меня! — он выдержал паузу, ожидая всеобщего внимания, тяжелым взглядом обозрел лица воинов, пригвождая каждого к месту, и когда воцарилась полная тишина, тихо изрек:

— Не я себя избрал вожаком этой стаи — вы! Не я возложил на себя обязательства о её благополучии — вы! И клятву верности и доверия тоже принесли мне вы! Всё, что я делал до

этого дня, было во благо нашего клана. И даже присутствие эльфа до сих пор было во благо. Или кто-то сможет возразить?

Молчание ему было немым ответом. Демоны признавали правоту слов вожака.

— Если есть среди вас те, кто усомнился во мне, пусть выйдет и скажет мне это! — цепким взглядом он всматривался в лицо каждого, дав время воинам на раздумье. Никто не осмелился выйти и возразить своему вождю. Мактавеш продолжил:

— Что же касается моей женитьбы — это не розыгрыш и не шутка. Решение обдуманно мной и принято во имя процветания нашего клана.

С этими словами Фиен развернулся и направился было в здание, но на пути остановился и кинул через плечо:

— Идите к столам и начинайте без меня, а ты, Алистар, за мной! Нам есть, о чем потолковать.

Кажется, настала и моя очередь. Приказ Фиена звучал явной угрозой, хотя интуиция подсказывала, что он не собирался меня убивать, по крайней мере, не сегодня. Неохотно я двинулся вслед за ним, в то время, как успокоившиеся демоны, перешёптываясь за моей спиной, направились к столам.

Да! Новость о моей службе на короля Валагунда явно пошатнула их доверие ко мне. Что уж скрывать, госпожа Лайнеф одним махом перечеркнула весь мой авторитет, десятилетиями заработанный среди этих созданий, и безусловно подорвала их веру в мою преданность. Случай, что не раз вмешивался в мою жизнь, снова сыграл злую шутку. Как там римляне это называют? Фортуна? Отвернулась от меня, чертовка! Никогда не был фаталистом, но отрицать, что судьба разыгрывала очередную партию в кости, я бы ни стал.

Нагнав вождя у оружейной, я наконец поравнялся с ним, но само помещение, куда мы вошли, не предвещало ничего хорошего. Закрыв двери и подойдя к окну, Фиен сцепил руки в замок за спиной и, взглядываясь в сумеречную темноту, произнес:

— Рассказывай! — голос прозвучал тихо, но утробным рыком отразившись от каменных стен, выдал сдерживаемый гнев обладателя звериной сущности.

— О чем? — скрестил я руки на груди и невозмутимо добавил: — Видится мне, это я должен задавать вопросы.

— Нет уж, эльф! Тебе придется держать ответ, — медленно обернулся Мактавеш. — Какого черта я узнаю, что ты был приближённым короля ушастых?! Какого черта я только сейчас это узнаю?!

Фиен распаляясь все больше и больше. Он смотрел на меня исподлобья, тяжелым взглядом пытаюсь просверлить брешь в моей броне.

Я мог бы понять демона, если бы не огромная куча вопросов, что у меня накопилась к нему. Не впервой мне находиться на ковре у Мактавеша, но сегодня намечалось нечто особенное, здесь не нужно быть провидцем. Нет, я не пытался подобрать нужные слова. Это было ни к чему. Из-за толстых дубовых дверей доносились звуки пира: всеобщий смех, приглушённый стук чарок — видимо, эль уже лился рекой, но общее веселье не разряжало тягостной атмосферы оружейной. Наоборот, в воздухе повисла гнетущая тишина, грозящая разразиться бурей. И она не замедлила себя ждать...

— Ты понимаешь, что это предательство, Кэмпбелл?! — буквально взревел Фиен.

— Почему ты зовешь это предательством, Мактавеш? — хорошо, раз ты решил действовать таким образом, давай поиграем. — Мы не в Тёмном мире, Фиен. Здесь все совсем иначе.

— Да ни хрена! Предательство в любом мире остаётся таковым! — взорвался он. — Я доверял тебе, а тут выясняется, что ты служил Валагунду, будь он проклят! Ты хоть понимаешь, если бы я знал заранее о твоём прошлом, не было бы сейчас этого маскарада во дворе?! Не встретить вновь я Лайнеф, черт знает, сколько бы ты ещё скрывал правду.

— Постой! Вновь? И как давно ты её знаешь?

— Да какая, к чертям, разница! Ты предал меня, Алистар!

— Я тебя не предавал, — начал было я, но Мактавеш перебил.

— Ты должен был сказать мне, темный! Я доверял тебе! Я доверял тебе почти сотню гребанных лет! — демон постепенно наступал на меня, отрезая пути к выходу из оружейной. — А может, ты утаил своё прошлое неспроста? Какого чёрта тебе ошиваться с демонами?! Отвечай, гнида!

Звериная ярость захлестнула его с головой, глаза налились кровью. Первый удар пришелся в челюсть, второй — под дых. Я упал навзничь, стирая заструившуюся из рассеченной губы кровь.

— Ты не прав, Фиен... Ох, как ты не прав! — ухмыляясь, посмотрел я на него снизу-вверх и медленно стал подниматься, но тут же полетел от последовавшего удара в дальний угол оружейной, с грохотом приземляясь на разломившуюся подо мной скамью.

Пока я приходил в себя, отхаркиваясь кровью, демон пересёк зал и навис надо мной:

— Переступив порог этого мира, я спас тебя, мы бок о бок сражались, вырывая право на существование на земле людей, Кэмпбелл! Мы вместе создавали свою империю, чёрт возьми! Так почему ты не сказал мне, эльф?! Объясни, Алистар! Объясни, мать твою!

— Переступив порог этого мира, как ты выразился, мы наложили негласное табу на

прошлую жизнь. Решили забыть, кем были там, в ином мире. Так какого дьявола я стал бы тебе рассказывать? Чтобы ты всю эту сотню лет сомневался во мне?! — заорал я ему в лицо. Хотелось закончить всю эту клоунаду как можно скорей. Мне претило оправдание, но в данном случае, правда, пусть даже неполная — моё верное оружие против ярости Фиена.

Мактавеш развернулся ко мне спиной и замолчал. Нарушать внезапную тишину не хотелось — вождю нужно было время подумать, а мне необходима передышка, чтобы подняться и хоть мало-мальски привести себя в порядок.

— Ты знал, что она жива? — неожиданный вопрос Мактавеша застал меня врасплох.

— Нет, — честно ответил я, — и, думаю, ты сам прекрасно видел мою реакцию на появление госпожи.

— Да уж, советник, задала она тебе жару, — усмехнулся он.

Мактавеш понемногу стал успокаиваться, значит, пришло мое время задавать вопросы, а их в моей голове накопилось немало, от ответов на некоторые напрямую зависело будущее целой расы, только вот вождю каледонской земли незачем знать об этом.

— Так откуда ты ее знаешь?

— Не твоего ума дело, Кэмпбелл! Лучше заткнись! — пророкотал вдруг Фиен.

Ну да! Иного ответа я и не ожидал. Однако на кону стояло слишком многое, поэтому я рискнул продолжить. Знаю, что наглею, но лебезить перед Мактавешем я больше не намерен — слишком уж много моей крови он выпил.

— И всё же я настаиваю! Ответь, что вас связывает?

— Ничего! — злобно рявкнул он. — Трахаю я эту суку, понял?

Вот тут кулаки непроизвольно сжались у меня. Дьявольское отродье! Да как ты посмел так говорить о наследнице престола темных эльфов, о дочери великого господина моего Валагунда! Стоп!.. Озарение буквально ослепило сознание позорным фактом бесчестия принцессы. Я сотню лет искал ее в обоих мирах, рыская по лесам и топям, загоняя коней и информаторов, обходя ловушки, оставленные неприятелями, уходя от преследований, скрывая сокровенную реликвию темных только для того, чтобы однажды передать ее законной наследнице трона. Надежда почти покинула меня, но сегодня Лайнеф явилась, словно мессия, вернув меня к той цели, которой я жил не один десяток лет. И что я узнаю?!

Законы военного времени многое изменили в отношениях демонов и эльфов, но некоторые вещи оставались неизменными, и, если Фиен поставил на наследнице свое дьявольское клеймо, весь тщательно разработанный план, что я лелеял о будущем темных эльфов, рушился на глазах, как карточный домик от дуновения ветра, оставляя горький

привкус глубочайшего разочарования, доходящего почти до агонии. Я не выдержал:

— Ты понимаешь, что ты натворил, сукин ты сын?! Она же НАСЛЕДНИЦА престола!

— О да, друг мой! — скрестив руки на груди, он колоритно, с издевкой растягивал каждое слово, стремясь вывести меня из себя. Что же, у него получилось. — И именно этот факт делает день, когда она добровольно раздвинула передо мной ноги, особенно запоминающимся. Подумать только, принцесса по крови словно последняя шляха отдавалась безродному демону! И знаешь...

Я не знал, знать не хотел и продолжить мерзавцу не позволил, поэтому мой кулак встретился с его ухмыляющейся рожей. Вложив в этот удар всю накопившуюся злость, я, однако, не смог заставить Фиена отступить ни на шаг.

— Что? — расхохотался тот. — Претит тот факт, что наследница ушастых оказалась такой же сучкой, как и остальные, и никакая благородная кровь не имеет значения?

— Ты совратил ее, ублюдок! — глядя на Мактаवेशа, я сгорал от желания разукрасить его морду, а еще лучше познакомить с парой-тройкой тех клинков, что ждали своего часа на стенах оружейной. — Ты, проклятый инкуб, применил на ней свои чары!

— Нееет, Алистар! Она отдавалась мне не раз... Сама... Без каких-либо дьявольских уловок, — произнес с особым удовольствием Фиен, смакуя каждое слово. — Все было по-честному!

— Врешь, демон! — не мог я поверить его словам. Это было невозможно, это претило самой сути темных эльфов. Я занес кулак для очередного удара, но демон перехватил её, свободной рукой вцепился за грудки и с силой встряхнул. Что было мочи я пнул его коленом в живот, он ослабил хватку. Пользуясь этим, я вновь замахнулся в челюсть, но неудачный удар пришелся по касательной. Реакция вождя была молниеносной — несмотря на все мои попытки его зацепить, он уходил от одного моего выпада за другим. В какой-то момент это ему надоело, Фиен буквально впечатал меня в стену.

— Остынь!

— Остынь?! Остынь, говоришь?! — я готов был рвать и метать, пытаюсь вырваться из цепких лап Фиена. В конце концов, не без помощи магии, мне удалось нанести достойный удар такой силы, что он отлетел на стойки с оружием. Но ждать ответных действий долго не пришлось:

— Дерись по-честному! — взревел он, и словно разъяренный бык, пошёл на меня. Я успел только кивнуть, понимая, чем обернется наше побоище, если Фиен полностью потеряет контроль, когда, подлетев ко мне, он расквасил мне нос. Ответом ему послужил приличный удар кулака в глаз, потешивший моё уязвлённое самолюбие.

Мы вновь вцепились друг в друга, не желая уступать и малой доли превосходства. Пусть демоны сильнее эльфов в разы, черта с два я позволил бы Фиену сейчас одержать верх! Благодаря врожденной ловкости и многолетнему опыту общения с членами стаи, я оставался достойным противником. Удар, другой, третий... Взаимный обмен любезностями, не иначе. И речь уже даже не шла о Лайнеф. Мы вымещали злобу и непонимание, по капле накопленные годами, десятилетиями, в ярости выплескивая их переполненную чашу с помощью банального мордобития.

Когда же оба, изрядно потрепанные, вцепившись друг другу в глотки, повалились на пол, слева от нас раздался дружный гогот. Одновременно мы повернули головы в сторону отвлекших нас от столь увлекательного занятия свидетелей. В дверях оружейной стояли Даллас, Шагс и Анаид, беспардонно надрывающие от смеха животы. Фиен врезал мне еще разок и поднялся, я вслед за ним, отступив на шаг за его спину, тем самым показывая демонам покорность перед вождем, хотя в данном случае они воочию видели эту “покорность”.

— Ну и видок у вас обоих, — сквозь хохот пробасил Шагс.

— Ага! — поддержал того Даллас и разразился новой порцией смеха. — Никак косточки решили поразмять?

Анаид же, что вечно серьезен и собран, гоготал пуще остальных вояк:

— Нет, вы бы себя видели! Алистар, а тебе идут рассеченные брови — девки точно оценят.

— А Фиен — красавчик, не иначе. Румяна такие, что одна римлянка точно позавидует, — не прекращал глумиться Даллас.

— А ну пошли вон! — рыкнул Фиен, но после увиденной картины, дополненной нашим непотребным видом в купе с полным хаосом в оружейной, на демонов это не возымело должного действия.

— Нет уж, вот теперь мы точно останемся. Когда еще такое увидишь, чтобы вы друг другу морды чистили? — сквозь смех упирался Шагс. — Вождь, прошу, залепи этому ушастому ещё одну оплеуху, уж больно давно я хотел на это полюбоваться.

На последнюю фразу головорезы словили один из самых тяжелых в моем арсенале взглядов, не менее суровым их наградила Мактавеш.

— Да ладно, Фиен, не серчай! Вы так громко “толковали”, что аж стены тряслись, — хохотнул Даллас и подал нам свежие рубахи. — Народ беспокоится и ждёт своего господина. Да и нареченная твоя уже там.

— Сейчас придём, — выхватывая одежду, прорычал Фиен. — Лайнеф обеспечьте

всевозможные почести и безопасность. Если с её головы хоть волосок...

Фиен красноречиво посмотрел на демонов. Его взгляд яснее слов рассказал о той участи, что грозит обидчику принцессы.

— Это ещё спорный вопрос, кому теперь безопасность в замке нужна, — театрально вздохнул Даллас, уводя за собой демонов. Как только двери оружейной вновь закрылись, до нашего слуха донесся приглушённый басистый хохот Шагса.

Мы стали приводить себя в более-менее сносный вид — появляться перед челядью избитыми оборванцами не хотелось ни мне, ни Фиену. Стащив разодранную рубаху, я вытер ею окровавленное лицо. Ныло всё тело, но боль в плече беспокоила больше всего. Растирая его, я взглянул на Фиена:

— А Даллас прав, разукрасил я тебя отменно.

— На себя посмотри! — проворчал Фиен, натягивая чистую рубаху. — Холёный эльф, а выглядишь куском отбивной. Наверное, в палатах Валагунда таким красавцем тебя не видывали. Ты б лучше заткнулся, эльф, а то дам волю моей невесте пообщаться с тобой наедине, — добавил он, хмыкнув.

Мысли вновь вернулись к Лайнеф. Подумать только, девчонка, что когда-то играла в войну с придворными мальчишками, теперь была военачальником римских легионов. Все боги темного мира, мне нужно было с ней поговорить! То, о чем сказал Фиен, требовало подтверждения из уст принцессы.

— Ты дашь мне с ней поговорить наедине? — спросил я вождя.

— Нет! — безапелляционно рявкнул он.

— Почему?

— Ты ещё спрашиваешь? — нахмутив брови, Мактавеш подошёл вплотную ко мне и прямым текстом выдал: — После того, что я узнал о тебе, нужно быть последним кретином, чтобы полностью тебе доверять. Да и смысла не вижу в вашем разговоре — всё уже решено.

— Ты хочешь сказать, что эльфийская принцесса, наследница престола, вот так, ни с того ни с сего согласилась на постыдный брак с безродным демоном? — не менее прямолинейно повел я разговор.

— Ну отчего же ни с того ни с сего? — передразнил меня Фиен и рассмеялся. — Она поставила мне очень занимательное условие.

— Какое же?

— Не важно.

— Ну уж нет, договаривай! Раз уж я твой советник, я должен быть в курсе всех условий предполагаемого брака.

— Алистар, будешь совать свой нос, куда не следует, станешь советником, укороченным на голову, — пригрозил мне Мактавеш.

Я понял, что это не беспочвенная угроза — Фиен не разбрасывался обещаниями попусту, но абсолютно его не понимал. Я не видел никакого резона от этого брака ни для него, ни для неё. Более того, сей союз претил мне как таковой. И пусть сейчас я рисковал своей шеей, но я должен был понять, что вообще происходит.

— Мактавеш, мы с тобой очень много лет знаем друг друга, и за это время я тебя ни разу не подводил. Не собираюсь и впредь. Но объясни мне, за каким дьяволом тебе понадобилась Лайнеф? Та, что никогда не сможет дать тебе наследника, никогда не станет послушной женой уж с её-то темпераментом! Да о чем я вообще говорю?! Ты же убьёшь её, высосешь из неё всю жизнь, чёртов инкуб! Отпусти её, слышишь, Фиен! Отпусти!

Кажется, я дал серьёзного маху, потому что вновь оказался припечатанным к стене. За всю историю нашего сосуществования я ни разу не видел у Фиена такого взгляда — из глазниц красными всполохами огня на меня взирал дьявольский монстр. О сопротивлении речи не шло. Поглощённый его пламенем, единственное, о чём я мечтал — скорее избавиться от его обжигающего взора. Глухим, неузнаваемым голосом вождь произнёс:

— Не смей мне указывать, ушастый! Лайнеф Лартэ-Зартрисс целиком и полностью принадлежит мне! Она — моя вещь, собственность, моя раба и шлюха! Она ДОЛЖНА мне свою жизнь, и только я решаю, что с ней делать! Кто станет мне перечить, будет уничтожен без исключений!

Он выпустил меня из рук и направился к окну. Секунды перерастали в минуты, а Фиен стоял недвижимым исполином спиной ко мне. Я был шокирован тем, что услышал. Должна?! Чёрт возьми! Это похоже на одержимость или месть. Но что такого совершила госпожа, что демон так зол на неё? Я понял, что далеко не всё знаю о Фиене Мактавеше. Нужно будет спрашивать остальных — похоже, от вождя правды я не дожусь.

— Собирай пожитки, темный! — произнёс Мактавеш.

Вот это поворот! Признаться, я не ожидал подобного развития событий, но он прав — такому как я не место среди клана, когда доверие окончательно подорвано.

— Изгоняешь. Не убьёшь, значит? — и, подводя черту, добавил: — Спасибо и на этом.

— Хотелось бы свернуть тебе шею, но есть идея получше...

И тут я серьёзно насторожился. Что он задумал?

— У тебя есть шанс, эльф, доказать преданность мне и клану, — заговорил он привычно деловым тоном. — Ты спрашивал, зачем мне этот брак. Поясню. Ты столько раз твердил, что нужно упрочить позиции Данноттара и Каледонии в целом, наладив контакты с имперской Британией, что я решил прислушаться к тебе. Декурион Лартэ-Зартрисс в благосклонности у императора Клавдия, насколько я могу судить, ведь замки император своим солдатам просто так не раздает?

Фиен повернулся ко мне, ожидая ответа.

— Так и есть. Поместья — вполне, но целый замок?! — смекая, куда клонит Фиен, я задумался. — Выходит, Килхурн был дарован Лайнеф императором? И что же ты предлагаешь?

— Завтра же отправляйся в Лондиниум, советник, — воодушевлённо заговорил вождь. — Поводом для встречи с императором послужит якобы прошение декуриона о согласии на вступление в брак со мной.

Я попытался уточнить, что подобного прошения не требуется принцессе, но Фиен предостерегающе поднял руку:

— Да знаю я, что этой чертовке император — не указ, но допустим, что она решилась пригласить Клавдия на церемонию. Что ты на это скажешь?

— Сомневаюсь, что Клавдий решится пересечь границу Каледонии без серьезного сопровождения, а последние донесения свидетельствуют о том, что дела у него идут не лучшим образом — казна пуста, и войску нечем платить.

— Вот и отлично! Тогда Клавдий Константин III непременно обрадуется послу вождя клана Мактавешей, который так вовремя предложит в обмен на признание Каледонии суверенным государством мою финансовую и силовую поддержку.

— Значит, ты решил заключить союз с императором? — я не сдержал ухмылки.

— Да! У нас обширные территории и прибрежные границы, нападения саксонских вырожденков участились, и, пусть демоны не прочь постоянно сдерживать их натиск, нас мало, а пикты к такому не готовы. Нам необходим мир с бриттами, нужны определённые гарантии, что на южной границе на какое-то время воцарится мир.

По сведениям моих осведомителей, дела у императора действительно шли не ахти. По сути, та же проблема, что и у нас, сейчас встала и перед ним — границы римской империи подвергались регулярным нападениям германских варваров, и Клавдий разрывался между континентом и островом. В конце концов, разумно отдав предпочтение континенту, он перебросил туда большую часть войск, оставив Британию беззащитной перед узурпаторами. Фиен прав, ему не остаётся выбора, кроме как вцепиться в наше предложение и признать

Каледонию самостоятельным государством. Вот только единственное, что во всем этом плане меня абсолютно не устраивало — жертва в виде принцессы, на которую я делал свою ставку.

— Ну что же... — расправляя рубаху, согласился я с Фиеном и усмехнулся. — План не дурён, да и Клавдий, по моим сведениям, всё ещё в Лондиниуме. Только скажи мне, мой вождь, как отнесётся император к послу с разбитой физиономией?

— Желаешь, чтобы я вылизал тебе морду? — Мактавеш угрожающе прищурился.

— Да неплохо бы, — направляясь к двери, поддразнил я его.

— Пошёл к чёрту! — зарычал Фиен, хватаясь за валяющееся на полу копье.

— Я-то пойду, только кто поедет в Лондиниум? — довольно парировал я, вовремя захлопывая двери — копье вонзилось в них аккурат напротив моего многострадального носа, наконечником вспарывая древесину.

Через короткое время невозмутимый вождь появился в коридоре, и мы направились в зал, где во всю развернулось пиршество. Почтительно пропустив его вперед, не без злорадства я заметил, что тот прихрамывает.

— И всё же любопытно, за какую же цену принцесса Лайнеф продала свою свободу демону? — высказал я мысли вслух, подстрекая Мактавеша на ответ.

— Ты не отстанешь, да? — не сбавляя шага, бросил он мне через плечо.

— Как можно, вождь? — я улыбнулся, но рассечённая губа напомнила о себе резкой болью.

— Малую, — удивил меня Мактавеш откровенностью. Он остановился и в растерянности посмотрел на меня. — Единственное её требование, чтобы отпрыски нашей связи были мной признаны законными наследниками. Чушь какая-то, Алистар!

В удивлении я вытаращил на Мактавеша глаза. Действительно чушь... Не припоминаю, чтобы принцесса была замечена в скудоумии, да и с памятью, судя по “горячей” встрече на дворе, у неё всё в порядке. Тогда что всё это значит? Я был обескуражен не меньше Фиена.

— Чёрт поймет этих баб, друг мой! — махнул рукой демон и рассмеялся. — Пойдём лучше к столам, иначе челядь слух пустит, что в замке между нами произошло смертоубийство.

Мы двинулись в зал, но я не разделял беспечности Фиена. Что-то в этом условии было не чисто. Мактавеш спокойно обогнул столы и сел во главе, собственнически притянув к себе сидящую поодаль Лайнеф. Та заметно преобразилась, наконец став хоть отдаленно

похожей на принцессу, которую я имел честь лицезреть столетиями назад в Морнаосе и чью жизнь был горд охранять. Однако отметил, что одета наследница была в привычное для себя мужское облачение, хотя плечи ее покрывал толстый шерстяной плед, волосы же свободными волнами лежали по плечам.

Складывалось впечатление, что всё произошедшее недавно в оружейной Мактаवेशа совершенно не интересовало. Он с удовольствием общался со своей братией, оживленно участвовал в разговорах, в зале время от времени разносился его хохот. Находясь среди демонов и преданных ему людей, вождь был в своей стихии. Однако, я слишком давно был рядом с ним, чтобы иметь поверхностное о Фиене суждение. Вожак стаи демонов был далеко не глуп, суров, порой чрезмерно, и для недругов опасен.

Тем временем столы ломились от незатейливых, но весьма обильных яств, дополняемых крепленным вином и шипящим элем. Рабы то и дело сновали между пирующими, унося пустую посуду и возвращаясь с тушами хорошо пропечённых кабанов и другой снеди. Утолив свой голод, я держался в тени от событий, со стороны наблюдая за развернувшимся в замке пиром.

Лайнеф сидела по правую руку от Фиена, хмуро уставившись в одну точку. Да, ее мысли явно были не здесь — упрямая складка пролегла между бровей, она по-прежнему злилась и жаждала очной ставки со мной. Что ж... наши желания совпадали, но, видимо, им не суждено сбыться, покуда я не вернусь из Лондиниума.

ГЛАВА 20. ИЛИИМ.

Ещё вчера решение отправиться в Лондиниум и просить помощи в спасении Лайнеф у самопровозглашённого императора Клавдия мне казалось блестящим, сегодня же я поняла, какое бы человеческое войско не собрала, в Каледонии они найдут только смерть. Лайнеф осталась вне пределов моей досягаемости. Заглушаемая мощной демонической энергетикой, невидимая магическая связь между нами прервалась. Более я не чувствовала подругу, и шансы увидеть её воочию были ничтожны — демоны никогда не выпустят то, что считают своим. А уж у зеленоглазого инкуба были все основания считать принцессу своей.

Тут же иная, соблазнительная мысль настойчиво притягивала моё внимание. Впервые мне представилась возможность сбросить с себя оковы обещания вечно опекать принцессу, данного когда-то королю Валагунду, считая его исполненным, и наконец задуматься о собственной жизни. Это давало мне всё. Абсолютно все преимущества и привилегии, заключенные в одном емком слове «свобода», о которой я в тайне грезил.

В конце концов, кто я ей, нянька?! Сколько можно терпеть её вздорный нрав? Сто лет я присматривала за ней, как могла. Пыталась втолковать, что обаянием и женской хитростью она добьётся гораздо большего, чем прямой грубостью и кулаками. Не спорю, порой я перегибала палку, признаю, но бегать в штанах с мечом в руке, выкрикивая человеческим самцам команды — «К бою» ... Брр ... Зачем?! Это не наш мир, не наша война, мы только её свидетели. Почему не бросить всю эту грязь и невежество, и не отправиться ну, например, в ту же Грецию, Индию, Китай? Что Лайнеф вообще нашла в этой проклятой стране? Руины истерзанных временем и войной камней, благородно называемых замком, за которые

заплатила жизнями верных солдат, исчезновением сына и собственной свободой.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни» — вспоминала я слова прочно вошедшей в моду людской религии, распространившейся на большей части Европы, неторопливо выводя из стойла белую кобылу Лайнеф.

Когда бы эти слова могли дать мне дельный совет, вероятно я согласилась войти в многочисленные ряды приверженцев христианства, пополнив глобальность его масштаба, но в этом писании я находила чуждую мне апатичность, некое смирение, попахивающее обреченным повиновением судьбе, и это в разрез шло с моим жизненным кредо. То ли дело законы, чтимые темными — «Не важно, какой ценой — важен результат!».

— Госпожа Иллиам! — голос Кезона застал меня врасплох. — Мы с Титом готовы. Надо поторопиться — солнце уже встало.

Растянув губы в приветливой улыбке, я подняла глаза на воина, но напоролась на укоризненный взгляд. Напряженное лицо типичного представителя римской нации нетерпеливо зывало к немедленным действиям. Легионер кивнул и направился в конюшню за своим скакуном, однако я с лёгкостью остановила его, коснувшись кончиками пальцев плеча:

— Подожди, воин! Возможно мои слова покажутся тебе странными и даже неприемлемыми, но выслушай меня! — зывала я к его благоразумию. — Вчера, после нашего разговора в зале, старик Тасгайл поведал мне, что ходят слухи, будто Клавдий обратил свой взор на Галлию, и его уже нет в Британии, а легионы покидают остров, пересекая Ла-Манш. Если молва правдива, кто откликнется на зов о помощи? Ничтожные бритты, неспособные защитить перед набегами пиктов собственные дома? Наёмники сарматы? Ты же видел, какую мощную силу представляет клан дикарей — они, как с младенцами, расправились с саксами. Никто не устоит перед варварами Мактавеша! С грустью я вынуждена признать, что госпожу Лайнеф не вернёшь. Надежды нет, Кезон.

Уперев в меня тяжелый проницательный взгляд, солдат молчал. Человек гордо расправил плечи. Он наравне смотрел мне в глаза. Мне, темному эльфу. Самой Sam verya!

— Желания Тасгайла не трудно предугадать, — возразил Кезон. — Он стар, и бредит только о том, как спокойно дожить свой век. В твоём лице, госпожа, он увидел достойную хозяйку и защитницу Килхурна, поэтому отговаривает тебя от поездки. Но мы оба знаем, что Килхурн принадлежит командиру. А надежда ... Надежда всегда есть! — сказал он твердо, но именно от этой уверенности мне стало не по себе:

— Была, когда декурион вытаскивала меня из-под туши убитой лошади, сама пребывая под градом стрел; оставалась, когда Квинт по-свински нажрался и, потеряв здравый смысл, во

хмелю стал крушить все на пути своём, только её вмешательство смогло усмирить дебошира; и есть, потому что мы вверх дном перевернём всю Британию, но найдём тех, кто нам поможет, а если необходимо, за помощью поедем на континент.

— Оуу! — это всё, что в данный момент я могла противопоставить ему.

Он худощав и светловолос. Смуглая кожа, тусклые, выцветшие суровостью жизни некогда голубые глаза, искривлённая линия сломанного носа. Рубец, некрасиво разрывающий линию правой брови. Этаким гордый матерый волк не в моём вкусе, но с такой собачьей преданностью своему декуриону. Чем же она взяла вас всех, что вы за неё в огонь и в воду, не щадя своих жалких жизней? Ведь она даже не человек!

— Госпожа Иллиам, люди не так слепы, как кажется, — будто подслушав мои мысли, продолжил Кезон, — я давно служу под начальством госпожи Лайнеф, и долго присматривался к вашей троице: голубая кровь декуриона, редкая выносливость, необычная красота, которой не обделены ни она, ни ты, госпожа, ни даже Квинт. Неведомый язык в ваших речах. А деретесь вы с таким завидным мастерством, о котором я и не слыхивал. Не знаю кто вы такие и откуда пришли, возможно, вы явились к нам из неведомой страны, а может люди правы, называя вас сошедшими с Олимпа богами. Допытываться не буду — не моего солдатского ума это дело. Но каждый из вас наделен частью той силы, которая в единстве, и вчерашняя битва тому подтверждение, способна противостоять дикарям Мактавеша.

— Ты не понимаешь, воин, о чём говоришь, — осторожно подбирая слова, я попыталась донести до этого твердолобого дубины, что своей упрямой уверенностью он с лихвой переоценивает наши силы, — Есть мощь у вождя Каледонии намного беспощаднее и яростнее, чем размалёванные пикты. Вчера, я в этом уверена, ты чувствовал её силу, но, контролируемая им, она сыграла нам на руку. Но что будет, если дернуть тигра за усы, пойти против Мактавеша? В ярости зло уничтожит всё на пути своём. Уничтожит людей, выжжет поселения и города, земля в ближайшей округе будет предана огню. Даже будь нас сейчас трое, будь у нас легионы, шанс выстоять против этой мощи призрачно мал.

— Но ведь есть, — зацепился он за мои слова и убежденно добавил. — А значит есть надежда! Госпожа, мы — всё, что есть у командира. Тогда кто же ей поможет, если не мы?

На этом разговор Кезон посчитал законченным. Провожаемый моим взглядом, он скрылся в конюшне, а Гаура, свидетель нашей беседы, словно в подтверждение слов легионера, пнула меня мордой в спину:

— И ты туда же?! Что вы в ней только нашли? — недовольно возмутилась я и запрыгнула в седло. — И что в этой девчонке нашла я, раз иду у вас на поводу?

Да, я была разгневана на Лайнеф. Я злилась на неё по той простой причине, что её необдуманными поступками оказалась вымощена дорога в ад. В большинстве своём я равнодушно относилась к смерти людей, но что-то было в этих её «лайнефовских» воинах.

Что-то настоящее, некая твердь, которая отличала их от основной массы себе подобных. Поэтому, не имея ни малейшего желания использовать их в старой войне темных, я не хотела наблюдать за их полным истреблением.

Конечно, меня не на шутку волновала участь подруги, но тут я хотя бы знала, где её искать. Куда большее беспокойство вызывал Квинт. Его раны за ночь не могли не затянуться, и при всей внешней беспешачности и лихачестве юного демона, кровь деда взывала к ответственности — к утру я рассчитывала увидеть воина в замке, но он бесследно исчез. Это было не похоже на Квинта. Покоя не давала эльфийская стрела, привезенная Лайнеф в Килхурн, и тревожащее видение, открывшееся в лесу. Если в мир смертных проникло оружие эльфов, жизнь Квинтуса Гейдена в смертельной опасности, куда большей, чем жизнь Лайнеф. Поэтому, чем дальше мы отдалялись от Килхурна, тем больше меня одолевали сомнения в правильности поездки в Лондиниум.

Один день сменился другим и, сопровождаемая Кезоном и Титом, на закате оною я въехала в Лондиниум, обнесенный каменной стеной для защиты от набегов пиктов. Всю дорогу до города нас сопровождала подавленная обстановка — мы редко обменивались фразами, останавливались лишь затем, чтобы дать возможность себе и лошадям передохнуть, но даже в эти недолгие минуты держали мысли при себе, поэтому, когда суэта города окружила нас, я вздохнула с облегчением.

Портовый Лондиниум скорее напоминал этакий взъерошенный, разношерстный муравейник, заикленный на повседневных делах. Однако, при всей своей причудливой хаотичности он на удивление гармонично вписывался в размеренное течение Темесис. Бритты, кельты, сарматы, римляне — люди разной национальности и вероисповедания умудрялись уживаться друг с другом в небольшом поселении, большая часть которого расположилась на северном берегу реки. У пристани выстроились баржи, ожидая очереди на разгрузку, а прибрежные склады были переполнены керамическими и ювелирными изделиями, винами, шелками, иными предметами обихода и роскоши, которыми снабжали город негоцианты со всего мира.

По центральной дороге мы выехали на городскую площадь — форум, где всё ещё бойко шла торговля. Здесь сновали купцы и лавочники, наметанным глазом подмечая насколько тяжел кошель покупателя, перед кем стоит прогнуться и расплыться в любезностях, кто не стоит их драгоценного времени, а кого вообще гнать в шею. При этом, под одобрительные взгляды окружающих, они успевали прикрикивать и награждать ударами плетей нерасторопных рабов пиктов.

Отчаянную конкуренцию дельцам составляли маркитантки, что в стремлении к лучшей жизни пришли на остров вместе с легионерами. С тоской они поглядывали на бойкую торговлю купцов, завистливыми взглядами провожали местных патрицианок в расшитых золотом туниках, что с важным видом, а скорее завышенным самолюбованием шествовали

по форуму в сопровождении богатых кавалеров, и тяжело вздыхали. А затем, привычно нацепив знакомую маску “я всем довольна”, с удвоенным рвением предлагали покупателям свой незамысловатый товар.

На западе города, где возле форта располагался амфитеатр, эхом разносился лязг оружия — вероятно, там шли учения. Заслышав привычный звук, Кезон многозначительно посмотрел на меня, будто утверждая: “О чём я и говорил ...”, и направил коня в ту сторону. Следуя за ним, я не торопилась делать выводы, но определенные сомнения в верности слуха об отъезде императора с острова во мне зародились.

Навстречу нам неспешно двигалась крытая повозка, сопровождаемая несколькими конными солдатами — кто-то из местной знати возвращался с прогулки в свой респектабельный дом. И как некстати её продвижение было неожиданно прервано парой дворовых гусаков, коим заблагорассудилось именно посередине дороги выяснить между собой отношения. Неприученные к подобной наглости домашней птицы лошади дернулись, и экипаж резко остановился. Шторки экипажа раздвинулись, и в проём высунулось упитанное лицо неизвестного мне субъекта лет пятидесяти:

— Что здесь происходит? — возмущённо возопил он, осматриваясь по сторонам. При виде гусаков незнакомец побагровел и кинулся воодушевленно бранить охрану. — Идиоты! Бездари! За что я вам плачу, если вы не способны обеспечить мне свободный проезд от треклятых уток?! Изловить и подать на стол в съедобном виде!

Ситуация была столько комичной, что наша маленькая процессия остановилась, наблюдая за неуклюжестью солдат, пытавшихся выполнить приказ сего рассерженного горожанина. Не сдержавшись, я зашлась смехом, привлекая его внимание. Маленькие глазки оценивающе пробежались по моей фигуре и одеянию, одобрительно признали ровню себе, полные губы причмокнули и расплылись в слащавой улыбке:

— Госпожа! Несмотря на недостаток времени, я признателен этим уткам уже за то, что благодаря их задиристости могу лицезреть столь редкостную красоту. Но кто ты и почему я раньше тебя не встречал?

— Достопочтенный! — кокетливо склонив голову в приветствии, я едва сдерживала рвущийся наружу смех. — Позволь замечу, что это не утки, а гусаки.

— Господин губернатор! — вмешался в разговор один из охранников, обозначив тем статус знатного субъекта.

Занятно! Приехать в малознакомый Лондиниум, и первым делом столкнуться с его губернатором. Само провидение?!

Между тем солдат указал пальцем на Гауру: — Я узнаю эту лошадь. Она принадлежит той бабе, декуриону, третья турма которой была расформирована две недели назад.

— Вот как? — задумался губернатор. — Наслышан я о декурионе. Говорят, Клавдий очень неохотно отпустил её в отставку. Уж больно ценил сомнительные доблести этой стервы, — губы полнощёкого губернатора уподобились плотоядной ухмылке, призывая окружающих поддержать его остроту:

— Покойный был столь разгневан её решением, что вместо достойного поместья даровал ей какую-то грудку камней на границе с Каледонией.

Ох, Лайнеф! Чем же ты успела губернатору то “насолить”?! Но даже оскорбление в адрес подруги не так резануло слух, как слово, от которого я пришла в тревожное недоумение. Покойный! Неужели Клавдий мёртв?! ... Я застыла, безмолвно оценивая всю негативность последствий для нашего дела и ощущая, как по спине прошёлся озноб. А сей кусок заплывшего жиром мяса, видя, что мы не оценили его сарказма, нахмурил брови и подозрительно посмотрел на нашу троицу:

— Красавица, уж не воровством ли досталась тебе эта лошадь?

— Попридержи свой поганый язык! — вскипел запальчивый Тит, хватаясь за рукоять меча в ножнах, — Ты говоришь с ближайшим помощником декуриона и членом её семьи госпожой Иллиам Доум — Зартрисс! Слышал о такой? Мы же с Кезоном многие годы были в подчинении декуриона, и не позволим безнаказанно марать имя командира!

Кезон чертыхнулся и выхватил оружие, готовый сталью отстаивать честь Лайнеф и мою. Охранники губернатора оказались не такими уж ротозеями, как виделось — обнажив свои мечи, они также устремились к нам, чем, кстати, воспользовались злосчастные гусаки, благополучно ретировавшись с дороги. На миг солдаты застыли, ожидая слова первого человека Лондиниума. Тот явно колебался, и как бы не омерзителен был мне этот тип, если я хочу помочь Лайнеф, с ним придётся подружиться, поэтому я взяла инициативу в свои руки:

— Постой, господин! Не будем горячиться, подвергая угрозе жизни славных воинов, тем более, что Тит сказал истинную правду — я действительно Иллиам Дроум — Зартрисс. Имея непосредственное отношение к декуриону, я приехала в Лондиниум за помощью в вызволении её из плена ненавистных дикарей.

Его удивление было непомерным и абсолютно искренним. Разинув рот, губернатор уставился на меня круглыми, как солиды, глазами: — Неужели непобедимому декуриону понадобилась помощь?

Вот так уже лучше, господин напыщенный индюк! Теперь добавим пару слезинок, тоску в глазах, немного чувственной ранимости, провоцируя желание выступить в роли всесильного покровителя, и обязательно порцию похвалы, от которой у самцов зашкаливает непомерное самомнение. Стандартный букет и тебя хоть с рук корми.

— К сожалению, это так, — вздохнула я, неторопливо доставая ажурный платочек из

складок платья, чем вызвала брезгливое ворчание Тита. Уж лучше помолчи, солдат — не все вопросы решаются кулаком.

С надеждой взирая на губернатора, я, наконец, задала беспокоящий меня вопрос:

— Но скажи, достопочтенный, мой слух меня подвёл или с императором действительно случилось несчастье?

— Зови меня Крофордом, несравненная Иллиам, — приосанился губернатор, и в знак согласия я склонила голову, с иронией подмечая, что первое лицо Лондиниума названо в честь полевого лютика. Какой абсурд! Вполне возможно, мать губернатора питала особую страсть к простоте и скромности, и бедолага теперь всяческим образом стремится отделаться от такого сравнения. Отсюда и завышенное самомнение.

Тем временем, губернатор выдержал паузу, привлекая всеобщее внимание, состроил торжественно печальную физиономию и скорбным монотонным изрек:

— Три дня назад жизнь императора Клавдия Константина III была прервана рукой втершегося к нему в доверие пикта.

— Дикаря? — воскликнул неугомонный Тит.

— Да. Никто не знает, отчего император предпочёл говорить с нечестивцев наедине, но тело Клавдия нашли бездыханным в саду в том самом месте, где в последний раз его видели в обществе дикаря. Когда стража кинулась разыскивать убийцу, того уже и след простыл.

Губернатор притих. Тень неподдельного беспокойства легла на его одутловатое лицо. Ту же тень я наблюдала и среди солдат, окруживших нас. Не удивительно! Людей пугала возникшая со смертью императора собственная неопределённость их будущего.

На протяжении многих лет, проводя параллели между нашими мирами, я равнодушно наблюдала, как сменялась чередой властителей людей, непроизвольно сравнивая их с Валагундом. Вот тот был Король! При всей своей жестокости, порой чрезмерной, а его гнева остерегались все, включая меня, его любимую фаворитку, и верного королю до корней волос советника Алистара, он умудрялся держать толпу не только в страхе, но и в уважении к себе.

Ведомые же корыстью и тщеславием, людские короли и императоры, взойдя за престол, постепенно теряли хватку. Развращённые большими почестями и богатством, собственной безнаказанностью и непомерной славой, они растрчивали признание подданных, разочаровывая своих богов. И рано или поздно боги предавали их, превращая ослепительную жизнь властителей в жалкий прах.

Признаться, хоть я и знала лично Клавдия Константина III, неоднократно пользовалась его расположением, мне была безразлична его участь — он понимал, на что шёл, когда провозгласил себя императором. Куда больше меня беспокоило, каким образом я смогу

собрать войско против Мактавеша, если в сложившейся ситуации не ведаю к кому обратиться за помощью.

— Ужасные новости ты поведал мне, господин Крофорд, — прервала я гнетущее молчание. — Но что же дальше? Кто же теперь возьмёт на себя бразды правления, ведь Аврелий и Утер совсем невинные дети, а старший сын Клавдия Констант связан монашеским обетом?

Губернатор откинулся в своей повозке, скрестил пальцы на пузе, заговорщически подмигнул мне и, причмокнув, резюмировал:

— А вот тут, дорогая госпожа, начинается самое интересное. И я расскажу тебе то, что ведаю, если согласишься составить мне компанию, — взглядом он пригласил меня в свою повозку. В поросячьих глазках вновь появилась колкость, будто от моего согласия на предложение этого индюка зависело дальнейшее его ко мне расположение. Чертовски захотелось рассмеяться ему в лицо, но сперва позабавиться, наслав какую-нибудь оказию — чесотку, икоту, желудочное расстройство... — всё, что угодно, лишь бы щелкнуть похотливого мерзавца по носу. Тем не менее, при сложившихся обстоятельствах он — кладёзь информации.

Послав проклятие обычной дворовой птице, которая столкнула меня с разряженной двуногой, под недовольные взгляды Тита и Кезона я пересела к губернатору в экипаж.

— Дорогой, подай мне виноград! — вуалируя приказ прихотливой улыбкой в просьбу, я лениво указала пальцем на поднос, который принесла нагая рабыня в просторную купальню виллы губернатора. Своей архитектурой это жилище почти не уступало богатым домусам римских вельмож, в чем я смогла убедиться, как только мой сладострастный любовник смог в полной мере насытиться моими ласками. — Да, ... и вина прихвати!

Два утомительных дня, правда, пресыщенных должным комфортом, я нахожусь в доме «индюка» в качестве его шлюхи, ожидая приезда в Лондиниум наследника престола. За это время мой «друг» успел поведать мне массу полезной информации, но приблизиться к цели своего визита в город я так и не смогла. Старик Тасгайл не лгал — легионы покинули Британию, оставив на острове лишь малую часть войска. Рассчитывать на эту малую не приходилось. Поэтому я решила сыграть на амбициях будущего правителя Британии, искушая обширными каледонскими землями. А в том, что Констант — монах, с радостью согласившийся покинуть свою келью ради престола — честолюбив, сомневаться не приходилось. И он совершит огромную ошибку, если не воспользуется сторонними силовыми ресурсами для вторжения в Каледонию — теми же саксонскими варварами, с которыми можно заключить союз. А уж «старушка» Иллиам проследит, чтобы Констант не сглупил.

«Совсем не дурно, Илли! А из тебя бы вышла неплохая королева», — похвалила я себя и

взяла кубок из рук выдрессированного губернатора, не сводящего блудливого взгляда с моей обнажённой груди.

— Устала, Крофорд. Не сейчас, — я состроила недовольную гримасу. Разочарованный горе-любовник растерянно посмотрел на меня. Возбужденный, он явно не знал куда себя деть. Решение его маленькой во всех смыслах проблемы казалось простым и вполне очевидным — кивнув в сторону рабыни, я предложила:

— Возьми её! Хочу со стороны посмотреть, насколько силён мой господин.

И эта похотливая пародия на самца человеческого, поощрённая моим предложением, пристроилась к молоденькой рабыне. Та не пикнула, и взгляд не подняла — как кукла, беспрекословно нагнувшись вперед, упёрлась руками о бортик купальни, пока её хозяин усердно насиловал девушку, пытаясь произвести на меня впечатление.

Тело её вздрагивало, кусая губы, она морщилась. Я отчетливо видела черную ауру физической боли рабыни, безропотно терпевшей “ласки” своего хозяина, но не чувствовала ни на йоту того особого излучения сопротивления, присущего любой жертве. Нет, никто не отрицает обыденности сексуального насилия над рабами в этом, да и в нашем мире — тело раба принадлежит господину, который волен распорядиться им по своему усмотрению. Более того, под лозунгом “кто не умеет насладиться, тот не сможет усладить” римская мода на сексуальную раскрепощенность и вседозволенность распространилась и на её обширные колонии, отражаясь в первую очередь именно на рабах. Об отношении раба к подобной моде разумеется никто не спрашивал. Проблема раба только его проблема. Он мог молчаливо противиться прихотям своего господина, мог ненавидеть, или, наоборот, с удовольствием их принимать — для меня отношение смертного к чему-либо выдавали эмоциональные ауры, окружающие плоть. Но сейчас ... что-то было не так с этой рабыней. В ней была раздражающая меня пустота, будто передо мной был не человек, а бездушная материя, созданная для плотских утех.

Я содрогнулась, вспоминая собственную изуродованную юность. Девочку, жертву регулярных издевательств и насилия, которой когда-то сама была. Неужели и я стала бы таким же телесным сосудом с полным отсутствием “Я”, если бы не нашла в себе силы воспротивиться извращенцу брату?! Ощущая тошноту, чувствуя, как прошлое засасывает меня в пропасть отвращения и инстинктивного страха, я протестующе закричала:

— Довольно!

Удивлённый губернатор остановился и непонимающе захлопал поросячьими глазками, а я, едва взглянув на него, медленно поднялась из воды и направилась к рабыне. Меня интересовала та скорлупа, что от неё осталась — я хотела поближе рассмотреть собственный удел, которого чудом сумела избежать.

— Богиня, ты решила составить нам компанию? — озвучил своё предположение “окрылённый” губернатор. Он пятернёй сжал мою задницу, губами хватая сосок. Меня

передёрнуло от омерзения, но свой приговор с отсрочкой индюку я вынесла ещё там, на площади, когда пересела в его экипаж. Сейчас же пришлось мило улыбнуться. Я аккуратно высвободилась из его лап:

— Остановись, неугомонный толстячок мой! Дай мне взглянуть на эту девицу!

— Что, понравилась? — откровенно развеселился он. — Она вышколена так, что может ублажить и тебя, госпожа моя. Да хоть целую роту! Желаеть опробовать?

И в самом деле, в подтверждение слов хозяина рабыня с готовностью села передо мной на колени, её наготу не скрыла вода, однако нагота её меня не интересовала. Приподняв за подбородок голову девицы, я произнесла:

— Взгляни на меня! ...

Можно быть великим лицедеем, талантливым притворщиком, сознательно прятать под личиной безразличия самые тайные помыслы, и в том я сама добилась неплохих результатов, но сокрыться от окружающих в кокон так ловко, что в глазах абсолютная пустота, хитрости и опыта недостаточно. Сие мастерство приобретается исключительно вытравливанием себя как личности, абсолютной потерей самоуважения и хоть мало-мальски сочувствия к себе. Этот взгляд ... С таким я ещё не сталкивалась! Его и взглядом то назвать было невозможно — передо мной было нечто, что могло двигаться, есть пищу, дышать одним со мной кислородом, но давно похоронившее последние крупы когда-то присутствующей в девичьем теле души.

— Продай мне её! — всё также сжимая подбородок девушки, я резко повернулась к губернатору.

— Зачем, дорогая? — в растерянности он уставился на меня, и тут же расплылся в слащавой улыбке. — Если понравилась — пользуйся. А хочешь я тебе её подарю?

— Я вполне обеспечена, чтобы выкупить рабыню, но если ты действительно желаешь ...

— Дарю! — широким жестом махнул рукой губернатор и направился к подносу с яствами.

— Жить хочешь? — стоя над рабыней, я заглянула ей в глаза, надеясь увидеть хоть что-то человеческое — налёт страха, оттенок испуга, искру надежды. Ничего! Бессмысленная пустота!

Трудно объяснить то, что я сделала дальше, но мои действия не были мотивированы состраданием к рабыне. Несомненно, по отношению к ней это было жестоко, но, испытывая невероятное облегчение, я свернула её хрупкую шею, убивая не несчастную, но способную мыслить и чувствовать рабыню, а уничтожая уродливое ничтожество, олицетворяющее иную, несуществующую Иллиам Дроум-Зартрисс. Когда же вода купальни приняла

отягощённое смертью тело, а водяные круги растеклись по поверхности и водная гладь успокоилась, застывшим невидящим взором мёртвая рабыня равнодушно уставилась на меня красивыми распахнутыми глазами, и на краткий миг показалось мне, будто аура освобождения окрасила её стан еле заметным голубоватым цветом, и тут же взмыла вверх, унося с собой последний вздох своей хозяйки. Как же немощен человек! Сколь мало нужно усилий, чтобы сломать и изуродовать его, и сколь много, чтобы поддерживать в нём жизнь. Хрупок мир смертных ...

— Как ты это сделала? — необычно тихий голос губернатора вывел меня из оцепенения.

Два глубоких вдоха, прежде чем я повернулась к нему. Обескураженный взгляд, растерянное лицо, приоткрытый в удивлении рот. Сейчас, сей упитанный довольством и собственной весомостью в обществе индюк с нелепейшим именем цветка больше всего походил на испуганного простолюдина, вызывая во мне чувство брезгливости, смешанного даже с некой жалостью.

— Ты забыл, дорогой мой, что я в подчинении у Лайнеф Лартэ-Зартрисс. Она и научила, — солгала я ему и с безмятежной улыбкой забрала из рук золочёный кубок, пригубив вино. — Прекрасное вино, господин! Действительно прекрасное!

— Но зачем? — ошеломлённый моим поступком, губернатор с опаской взирал на меня.

— Что зачем? — невинно переспросила я, разглядывая кубок.

— Зачем убивать? Зачем портить хорошую вещь? — это двуногое не желало менять тему разговора.

«Вот именно, вещь!» — хотелось крикнуть мне, а затем расправиться с ним так же, как с его рабой. Однако терпение, Иллиам, всему своё время. На политической сцене появилась новая фигура, некий князь Вортигерн, который вез в Лондиниум монаха Константа, ныне претендента на трон. Губернатор готовил празднество в бывшей резиденции Клавдия по этому случаю, на котором должен появиться Константин. Но судя по рассказам Крофорда о Вортигерне, сдаётся мне, этот ловкач будет умело манипулировать коронованным монахом, не ведавшим ранее мирских соблазнов и людской подлости в своей уединенной келье. И Крофорд будет той протекцией, которая позволит войти в доверие подозрительного опекуна будущего короля Британии:

— Разве я должна что-то объяснять, если это моя рабыня? Или ты мне её не дарил?! — я изогнула бровь, предупреждая индюка о грозившем развернуться между нами скандале. Губернатор явно не желал со мной препираться из-за рабыни, но и лицо не хотел терять, поэтому, выдержав должную паузу, я капризно надула губки:

— Не будем ссориться по мелочам, дорогой. Скажи лучше, когда же ждать Константа?

— Желаете развлечения? — с подозрением воззрился он на меня. Какой нелепый вопрос! Кажется, у самца разыгрались ревностные чувства.

— О да! — пустилась я в жалобы. — В этом убогом, забытом цивилизацией месте скукота смертная и, если бы не обещание помочь подруге устроиться, ноги бы моей там не было. Это не замок, а настоящий свинарник, дорогой! А местные даже понятия не имеют, что такое элементарная гигиена. Я с содроганием думаю о том, что мне придётся туда вернуться, тем более после той резни, свидетелем которой я стала.

— Так в чём же дело, богиня моя? Оставайтесь в Лондиниуме.

— Нет, не могу, — вздохнула я. — Долг мой — помочь госпоже моей, или хотя бы попробовать помочь.

Губернатор состроил кислую мину. Определённо, он недолго любил Лайнеф, но выяснять причины у него я не стала. Зачем? Прекрасно зная вспыльчивый характер подруги и видя, кто передо мной сейчас стоит, выслушивать враньё индюка я не намерена.

— Хорошо, Иллиам. Я обещал тебя познакомить со знатью, и завтра я это сделаю — Констант в городе! — широким жестом он поднял свой кубок. — Но после того, как ты попытаешься исполнить свой долг, богиня, надеюсь, ты согласишься скрасить моё одиночество.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Крофорд. Простофиля Крофорд. Как же он был нелеп в собственном стремлении уподобиться римским цезарям! Гораздо более естественно он бы смотрелся за стойкой какого-либо питейного дома или харчевни. В какой-то момент мне даже стало жаль убивать его, если бы... Если бы не стоящая передо мной пустота...

Полупрозрачный хитон из златотканой парчи на греческий манер, подпоясанный алой лентой, был призван скорее подчеркнуть, чем скрыть заманчивость очертаний фигуры и груди. Гиматий, шерстяной плащ, что защищал от холода, ровными волнами облегал тело и крепился затейливой фибулой на плече поверх хитона. Убранство завершала высокая причёска с ниспадающими локонами волос, ожерелье и браслет на плече в виде золотой змейки, кольцами обвившей руку.

Придирчиво осмотрев своё отражение в отполированном металлическом диске, символизирующем солнце, в руках мраморной скульптуры Афродиты, я осталась довольна увиденным.

После вчерашнего инцидента в купальни, Крофорд не пришёл разделить со мной ложе. К моему удовольствию, кажется, он стал побаиваться моих объятий. Появился же только накануне своего отъезда в теперь уже резиденцию Константа:

— Госпожа моя! — вошёл он в палату, когда я ещё нежилась на ложе. — Я должен

проследить за последними приготовлениями. Вся знать начнёт собираться ближе к вечеру. Одень свои лучшие одежды и прихвати это.

На резной столик легла изящная вещица — тканная маска, расшитая позолоченными нитями и испещренная драгоценными камнями.

— Что это? — в удивлении спросила я.

— Маска, — глаза его возбужденно блеснули, он приосанился и с особой напыщенностью изрек, — это будет необычный праздник для патрициев и патрицианок, богиня. На римский манер. Первый и последний в таком роде в Лондиниуме. Непременно прикрой ею своё лицо.

Крофорд уехал в резиденцию, когда до меня наконец дошёл весь глобальный масштаб задуманного им празднования. Он явно ополоумел в стремлении угодить новому вседержителю. Оргия для монаха! Подумать только! Я прыснула со смеху и вскочила с кровати. Весь день прошёл в придирчивом выборе одеяния, и, в конце концов, я остановилась на том, что сейчас и наблюдала в солнечном диске Афродиты:

— Ну что ж, вполне не дурно. Пожалуй, можно выдвигаться, — вздохнула я, отчего-то испытывая непривычное волнение. Нет, я нисколько не сомневалась в своих чарах, и не беспокоилась и на счёт Вортегирна, но странная, необъяснимая тревога не отпускала меня, будто на этом праздновании должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

ГЛАВА 21. АЛИСТАР.

Наблюдая, как Шагс опустошает кувшин с вином, я вопросительно уставился на вернувшегося с новостями демона. Молох, который все эти дни не отходил от меня ни на шаг, предполагаю, по поручению Фиена, проявил большее нетерпение — в несколько шагов он пересёк просторную, довольно-таки опрятную комнату городского трактира и вырвал из рук Шагса кувшин:

— Рассказывай! — рявкнул он, отставив полупустой сосуд в сторону.

Шагс с сожалением глазами проводил кувшин, рукавом рубахи вытер губы, смачно крякнул и, ища поддержки, обратился ко мне:

— Алистар, ну хоть ты ему скажи! Что он себе позволяет?! Весь день ношусь как взмыленный, по крупицам собираю информацию, ни крохи во рту, а этот упырь глотку не даст промочить.

— Упырь со скуки загнивает в чертовых стенах, когда от тебя, кобеля, всю воняет сдобой и бабой, — проворчал Молох.

И действительно, мой нюх, конечно, не столь остёр, как у демонов, но и я без труда

ощутил, что вместе с Шагсом в комнате появился устойчивый аромат свежее испеченного хлеба, смешанный с запахом довольно безвкусных женских духов.

— Что, завидуешь? — поддразнил ухмыляющийся демон соплеменника. — Завидуй, завидуй! Куда там твоей Ионке тягаться с юной женой булочника по части прелестей?!

Довольный собой Шагс хохотнул, но его смех потонул в напряженной тишине, мгновенно воцарившейся в комнате. Молох замер, в полной мере вкушая двусмысленность неосторожных слов приятеля. Ноздри его раздулись, глаза налились кровью, и помещение прорезал гневный рокот:

— К чему ты клонишь, мать твою? Ты что, мразь, лапал мою бабу? Может, ты и трахал её за моей спиной?

Чёрт возьми! Кажется, договорились! Над лучшим трактиром Лондиниума с кричащим названием “Гордость Британии” нависла нешуточная угроза превратиться в груды развалин, потому что в мгновение ока расвирепевший демон, издав утробный рык, с кулаками пошёл на Шагса, норовя проучить обидчика.

И несмотря на то, что меня так и подмывало насладиться сценой мордобития, мстительно памятуя, как ещё недавно Шагс с дружками потешался над моей разукрашенной стараниями Фиена физиономией, пришлось выступить в роли миротворца — меньше всего в чужом городе нам нужно внимание окружающих.

— Прекрати! — преградил я дорогу Молоху, встав между демонами.

— Отойди, советник! Пусть ты и на короткой ноге с вождём, но не тебе меня останавливать, ушастый. Я разберусь с ним по-свойски.

Проигнорировав оскорбление, я решил зайти с другой стороны:

— Ну хорошо, Молох, быть по-твоему. Я с удовольствием посмотрю, как ты залепишь этому весельчаку оплеуху, давно хотел на это полюбоваться, — выразительно посмотрел я на Шагса, дословно цитируя его же слова, и вновь сел на угол стола. — Давайте! Вцепитесь из-за бабы друг другу в глотки, сожгите к чёртовой матери этот славный трактир, и пусть весь Лондиниум знает, что в город приехали данноттарские дикари! Ну, что застыли? Валяйте! Что демонам людские стражники? Так... надоедливые мухи. Так что — вперед! И я могу с чистой совестью хоть сейчас седлать коня и отправляться в обратный путь. Ах, да... Забыл предупредить, ответ перед вожаком, отчего его помыслы о величии Каледонии пошли прахом, сами держать будете.

Хвала богам, мои слова проникли сквозь толщу гнева демона и достигли своей цели, потому как Молох смачно выругался и, пробормотав: «Дома потолкуем», отошёл от соплеменника, но тут уже взвился сам Шагс:

— Да посыпятся на твою чугунную голову все святоши! Ты что, меня плохо знаешь,

Молох? Не трогал я твою бабу! Я демон, что законы расы и уж никогда бы не позарился на то, что принадлежит собрату. — Оскорбленный недоверием друга, он решил утопить обиду в вине, поэтому вновь схватился за злосчастный кувшин.

— Вот и следи за своим поганым языком! — рыкнул удовлетворённый ответом Молох.

Проигнорировав замечание, Шагс окончательно опустошил сосуд и отшвырнул его в сторону. Тот жалобно брякнул и раскололся на множество черепков.

Подобные стычки в стае случались сплошь и рядом, ибо вспыльчивые демоны заводились моментально, и тогда уже держись, каледонская земляца, пока пар не выпустят — не успокоятся. Обычно инциденты заканчивались совместной попойкой, а на следующий день о них никто и не вспоминал.

— Ну а теперь о деле... — подначил я его, с кончиной злосчастного кувшина считая конфликт исчерпанным. — Рассказывай!

Шагс вскинул голову, громко рыгнул, оживился, и речь его полилась изо рта, как дары из рога изобилия:

— Что ж, всё по порядку... Когда утром ты, Алистар, отправил меня в город с поручением разузнать, что судачат о власти смертные, я не знал, куда податься, и решил прогуляться до городской площади. Ну и сучки в этом городе, скажу я вам, братцы! У меня аж слюни потекли, — он вымученно закатил глаза, — только слишком холёные и своевольные. Ни «здрасьте» вам, ни «до свидания», и носы кверху. Не то, что наши девки. Я аж растерялся. Правда, некоторые бросали заинтересованные взгляды. А что, я ж мордовитый и статью вышел... Не понимаю, чего Фиен городок этот к рукам не приберет? Добра здесь навалом, оборона нулевая, за полдня управились бы. Застоялись мы в казармах, Алистар. Мы ж звери, хоть и прирученные, а зверю крови надобно. Уж я бы оторвался на этом пастбище — и плоти накушался, и член бы до блеска надраил. Сколько ж нашим девкам тела-то зализывать после наших ласк? Жалко же своих баб портить.

— А ты свой член укороти, и портить не придётся, — злорадно осклабился Молох. Он всё ещё не мог унять свой пыл. — Давай толкуй о деле. Вождь сам разберется, что и кого прибирать к рукам.

— Так я о деле и толкую, — скривился рассказчик и продолжил: — Короче, побродил я там, пообщался с одной из торговок, и выяснил, что есть пекарня в городе, с которой хлеб поставляют прямёхонько на имперский стол, да и прочим толстосумам. И буквально в нескольких кварталах от площади. Вот и ломанул туда напрямки, благо дело кошель не пуст. Да так удачно попал, что окромя жены пекаря никогошеньки и не было. Ну такая краля оказалась, скажу я вам, братцы, что задержался я там изрядно. Уж очень приветливая попалась бабёнка. Вцепилась в меня так, что мой дружок ещё долго будет сыт и доволен.

В подтверждение Шагс довольно похлопывал себя по паху, я же встрял в разговор, не желая более выслушивать пошлые восторги в адрес вышеупомянутой жены пекаря:

— Избавь нас от подробностей! Ты что-нибудь конкретное выяснил?

— Да, советник, выяснил, и довольно много, — задумчиво промолвил демон и замолчал.

— Мне что, из тебя клещами вытаскивать? — приподнял я бровь.

— Информация достоверная, потому что ни одна сука в том состоянии, в котором прибывала эта, не стала бы мне лгать.

— Шагс! — заорали мы с Молохом одновременно.

— Всё! Молчу! — с ухмыляющейся рожей примирительно поднял руки ловелас, но, посерьёзнев, совсем иным тоном сказал: — Алистар, не знаю, понравятся ли тебе новости, но, раз ты хотел встретиться с Клавдием, остаётся разве что могилку поискать, если не сожгли, конечно, сего покойничка. Прирезал вождя бриттов какой-то лихой малый. Поговаривают, будто пикт. А ныне в Лондиниум сын его старший приехал, правда, в монашеской рясе. Смекаешь, зачем, эльф?

— Нетрудно догадаться, — пробормотал я, иронично усмехаясь.

Когда-то господин мой Валагунд говорил: «Нет ничего, что происходило бы просто так, случайно. Во всем присутствует закономерность, даже в том, что, казалось бы, ей не поддаётся. Нужно лишь взглянуть на ситуацию под верным “углом”. Каждое событие, каждая перемена имеют свои причины и следствия. Если желаешь знать истину, ищи, кому выгодно, и принимай единственно правильное решение».

То, что смерть Клавдия была мстью фанатичного дикаря, вызывало огромные у меня сомнения. Логичнее было предположить, что некто столь возжелал корону императора, что не погнушался его убийством. Неужели отрок венценосного отца?..

— Я главного не сказал, — прервал ход моих мыслей Шагс. — Сегодня в королевской резиденции торжество состоится по случаю прибытия монаха. Кстати, его опекает какой-то сановник, то ли Вартегин, то ли Вонтенг.

— Вортигерн? — уточнил я.

— О, точно! — утвердительно потряс демон указательным пальцем. — Ты его знаешь?

— Наслышан о таком, — хмыкнул я. Ну вот! Кажется, появился более достойный кандидат на роль иуды. Змеиное логово этот Лондиниум. Эх, жаль, что новость не застала меня в Данноттаре. Кто знает, может Мактавеш оставил бы свою идею с женитьбой.

Чёрт! Не стоит тешиться напрасными иллюзиями. После того, как мне удалось по

дороге в Лондиниум развязать языки Молоху и Шагсу, я узнал слишком интересные подробности о знакомстве Фиена и Лайнеф в прошлом. Не скрою, я тайно злорадствовал, когда услышал, что Правитель демонов был умерщвлён в тот же роковой день, когда убили моего короля и уничтожили Морнаос. Не ведал я и того, что убит он был клинком пленённой Фиеном эльфийской принцессы, которая ночь провела на его ложе, а под утро исчезла, оставив оружие убийства мирно дремавшему демону. Совсем не удивился тупости представителей демонической расы, которые нашли козла отпущения в лице инкуба, обвинили его в смерти своего Правителя, подвергли нескончаемым пыткам, казнили многих его воинов, покуда оставшимся в живых не удалось бежать, унося с собой истерзанного палачами пленника. Теперь мне стали понятны планы Фиена в отношении принцессы — во всех тогдашних событиях Мактавеш винил её, и даже по прошествии века, одержимый собственной мстостью, он скорее убьёт или покалечит наследницу, чем отпустит.

Но что-то подсказывало мне, что вся эта история требует тщательного разбирательства, слишком много в ней тёмных пятен. Сам факт того, что гордая эльфийская принцесса отдала себя демону, вызывал по крайней мере лёгкий шок. Испокон веков наследницы трона дарили девственность исключительно избранникам и только в первую брачную ночь. Это был негласный закон, который за всю историю существования расы не был ни разу нарушен. Долг каждой принцессы в первую очередь состоял в том, чтобы взойти на ложе мужа нетронутой, сохранив в своем теле чистокровной королевскую кровь. Но ещё более я был обескуражен тем фактом, что Лайнеф подбросила окровавленный кинжал Фиену в постель. Отдаться, пусть даже демону, и тут же обречь его на смерть?! Принцессе несвойственно такое коварство. Что-то тут не вяжется. Подобного можно было бы ожидать скорее от иных представительниц эльфийской расы, ярчайшим примером которых была белокурая Иллиам Дроум — Зартрисс.

Я так и не смог понять, отчего мой король Валагунд был столь расположен к ней, что возвёл в ранг личной охраны и своей любовницы, ведь, наделённая даже по меркам эльфов удивительной красотой, эта женщина была очень опасна. Подлая и беспринципная, обладающая вероломством и хитростью росомахи, когда-то она безжалостно прирезала собственного брата, шокируя весь придворный двор. Тела его, правда, так и не нашли, но крови в её опочивальне было столь много, что я тогда собирался затеять расследование и привлечь мерзавку к ответу. Однако господин мой велел забыть об этой истории. А через несколько дней в Морнаос поступили сведения, что дочь короля попала в плен к демонам, и всем уже было не до Иллиам Дроум — Зартрисс.

Нет, нет! Фиен ни в коем случае не должен узнать о смерти Клавдия. Эта новость будет иметь самые плачевные последствия для Лайнеф. В глазах инкуба принцесса потеряет свою ценность, и из статуса пользующейся уважением челяди невесты вождя им же и будет низвергнута до статуса бесправной рабыни Данноттара, что развяжет руки жадным до мести в самой чудовищной форме демонам. Нисколько не сомневаюсь, что Лайнеф не позволит им притронуться к себе, скорее перережет глотки, сперва им, а следом себе, но что, если у наследницы не будет и шанса?!

Мне стало душно в комнате трактира, когда я представил весь ужас, грозивший

обрушиться на дочь Валагунда. За каким дьяволом она полезла в логово зверя и пошла на сделку с Мактавешем?! Она не ведает о ненависти инкуба к ней и не знает, какому риску подвергла собственную жизнь.

Пока не представляю, каким образом, но во чтобы то ни стало Лайнеф нужно вытащить из Даннотгара и провести через портал. Пусть интрижка принцессы с инкубом останется нашей маленькой тайной, которую мы предадим забвению вместе с земным прошлым, как только вернёмся в Тёмный мир. Лайнеф Лартэ-Зартрисс примет корону отца, объединит выживших после войны эльфов, что прячутся на рудниках, ожидая её возвращения, и с мечом в руках рано или поздно вернёт величие Морнаосу.

— Алистар, нужно возвращаться, более нет никакого резона здесь торчать, — логично рассудил Молох, на что я лишь рассеянно кивнул.

Под пристальным взором двух пар демонических глаз я в задумчивости расхаживал по комнате, сцепив в замок руки за спиной, пока слова Фиена, сказанные несколько дней назад в оружейной, укором не пригвоздили меня к полу: «Я доверял тебе! Я доверял тебе почти сотню гребанных лет!»

Чёрт! Паршиво-то как! Так паршиво, будто сам такой же иуда, как упомянутый мной Вортигерн.

Для себя выгоды я не искал. По натуре неприхотлив, я вполне довольствовался свежим комплектом белья, крышей над головой и сносной едой. Меня давно уже не прельщали богатые чертоги, и, как ни странно, вполне устраивала жизнь в Даннотгаре в стае хищников, которая отчасти стала и моей. Я смог изучить их и был вынужден принять, что эта раса имеет такое же право на существование, как и моя. Более того, я обнаружил в них нечто, чему втайне завидовал — при всей своей грубости, невежестве и жестокости, даже скованные границами Каледонии и собственными телами, подчиняясь вожаку, демоны имели намного больше свободы, нежели эльфы.

Мы же, с малолетства воспитываясь в сдержанности, уважении, преклонении перед богами и королём, не особо заботились об индивидуальных помыслах и желаниях. Жертвуя личным во благо расы, в большинстве своём мы забывали о мечтах, оставляя их нереализованными. Обременённые долгом и обязательствами, эльфы, скорее, походили на вымуштрованных солдат, не задающих лишних вопросов, а чётко исполняющих приказы того, кто стоял выше по иерархической лестнице. Таковы были вековые устои нашей расы.

Поэтому свобода, которую я наблюдал, оказавшись в клане Мактавеша, сперва претила мне и казалась первобытной дикостью. Именно в ней я находил главный недуг и уродливый порок этих тварей. Свобода рождает инакомыслие, инакомыслие приводит к бунту и в итоге — хаосу, а хаос равнодушен. Он беззастенчиво уничтожает всё живое, оставляя после себя лишь пустоту.

Но по прошествии долгого времени сосуществования бок о бок с демонами, наблюдая,

как успешно вожак ведёт свою стаю, я не мог не попробовать вкус их свободы, зажать нос, уши, закрыть глаза и устранился. Вероятно, я заразился, став её жертвой, потому что после долгого периода адаптации, ознаменованного многочисленными шрамами, оставленными демонами на моем теле, так же, как остальные члены клана, я получил право голоса. И что самое удивительное, со мной считались, ко мне прислушивались. Это не могло не льстить самолюбию эльфа.

В сердце моём поселилось непривычное сожаление, что вскоре наши пути с Мактавешем разойдутся. Задолго до нынешних событий я понимал, что рано или поздно это произойдёт, но только сейчас стал осознавать, что союз с Фиеном непостижимым образом изменил меня и связал странным братством с расой демонов. Вероятно, я привязался к этим хищникам и их вождю.

«Однако, всё это лирика», — одернул я себя и обратился к Шагсу:

— Что-нибудь ещё узнал о сегодняшнем торжестве?

Демон лениво приоткрыл один глаз, похоже, моё хождение усыпляюще подействовало на него. Прочистив горло, он тягуче выдал:

— Вроде, всё сказал. Сведения скудные. Бритты здешние после оказии с их вожаком уж больно озлобленные и подозрительные, солдаты по городу ходят, цепляются к каждому, сам чуть не нарвался пару раз на патруль, а местных сплетниц куда больше интересует новость о новой шлюхе редкостной красоты, что появилась у губернатора городка. Даже спорят между собой, появится ли она сегодня. Кстати, он-то и устраивает пиршество, стараясь угодить Ворте... Ворт...

— ...Вортигерну, — подсказал я, отсеивая ненужную мне информацию о любовнице губернатора. Этот ловкач, что крутится вокруг отпрыска Клавдия, определённо всё больше интриговал меня.

— Угу, его самого. О! — неожиданно Шагс встрепенулся. — Краля моя ещё поведала, что Вортигерн потребовал сыскать в Британии и привезти на пиршество двенадцать юных девственниц по числу месяцев в году для совершения обряда. Вроде как, если монах прилюдно покроет всех, то докажет, что достойный вожак, и каждый месяц в череду лет его правления сопутствовать ему будет сила и мужественность. А попорченных девок потом прикокнут, чтобы бастардов не наплодили.

— Двенадцать, и прилюдно? Даже для людей это низко, — встрял в разговор Молох и покосился на меня, ожидая реакции на последующие слова. — По нашим демоническим законам похожий обряд проходил лишь в одном случае — для признания остальными законности союза демона со своей избранницей, где самец обязан продемонстрировать главенствующую роль в паре, а самка, отдавшись ему на глазах у всех, покорность и верность своему избраннику. Тем самым она выражает добровольное согласие, что он клеймит её, и становится неприкасаемой для остальных демонов.

— И не думай даже! — тихо произнёс я, ощущая, как на скулах заиграли желваки. В моей голове не укладывалась подобная сцена, где в главной роли выступила бы эльфийская принцесса.

— Почему ты защищаешь эту суку? — вскочил вдруг со скамьи демон, глаза его вспыхнули, метая молнии. — Или то, что мы тебе рассказали, пронеслось мимо твоих огромных ушей?

— Я прекрасно всё слышал, но в отличие от вас я привык думать и анализировать. И ещё... — добавил я, прилагая немалые усилия, чтобы хранить спокойствие, — я неплохо знал ту, прежнюю Лайнеф Лартэ-Зартрисс. Она была не способна на подлость, пусть даже в отношении врага. Поэтому я бы желал услышать и её версию тогдашних событий.

— Тогда прикажи, чтобы седлали лошадей, нам больше нечего делать в этом чёртовом городе, тем скорее ты сможешь расспросить её, если, конечно, она не солжёт, — вспыхнул Молох.

Шагс хотел вставить своё слово, но жестом руки я остановил его. В комнате повисла пауза — демоны ждали моего решения, и оно не замедлило себя ждать:

— Мы остаёмся! Мактавеш отправил посла с конкретным предложением к монарху бриттов. Ну что ж... монарх умер, да здравствует монарх! — подвёл я жирную черту под спором. — Ничто так полно не даёт представление о наделённом властью человеке, нежели когда он безнаказанно получил возможность насладиться жизнью и пуститься во все тяжкие. Обилие вин и женщин лишь этому способствуют. Поэтому я собираюсь сегодня пробраться в резиденцию на торжество, чтобы понаблюдать за сыном Клавдия, и, если увижу пользу от него для Каледонии, то позже официально встречу с ним.

— С разбитой мордой ты разве что до первых стражников доберёшься, — покачал головой Молох и усмехнулся. — Давай, что ли, я тебе в рожу плюну, размажешь, заживёт, как на собаке.

— Благодарю покорно, но не стоит, — не оценив заботы демона, решительно отверг я его помощь. В одном он прав, последствия нашей “душевной” беседы с Фиеном до сих пор красовались на моём лице — сломанный нос, пожелтевшие синяки вкупе с рассечённой бровью — не самая презентабельная внешность для посла, однако эльфы при необходимости могут оставаться невидимыми. Аудиенция с монахом в мои сегодняшние планы не входила, а пробраться в особняк и понаблюдать за ним... Ну, что же, не думаю, что это будет особенно сложно.

Молох разочарованно вздохнул. Дружный гогот двух демонов наполнил взрывной акустикой помещение, вызывая невольную улыбку на моих разбитых губах.

Королевская резиденция в восточной части Лондиниума представляла из себя возведённые из бурого камня пять обширных построек в два-три этажа каждая, крытых черепицей. Выглядела она вполне презентабельно для такого незначительного городка, а окружающий её сад, вынужден был признать, даже в сумерках радовал глаз. Правда, с точки зрения безопасности, что Лондиниум, что сама резиденция, обнесённая невысокой каменной оградой, неприхотливо отвоёванной в своё пользование диким плющом, не шли ни в какое сравнение с неприступностью Данноттара, крепостные стены которого можно было рискнуть покорить разве что посредством многочисленных людских жертв и ловких механических приспособлений, разработанных лучшими человеческими умами.

Стражники исправно несли свою службу. Одни останавливали у главных ворот всех прибывших: будь то конник, повозка, либо кортеж с носилками, в темноте бесцеремонно освещали факелами лица, и только признав гостя, уже почтительно пропускали процессию на званый пир. Другие несли караульную службу, шествуя вдоль стен, ограждающих всю территорию резиденции.

— Здесь мы сможем пройти разве что под шумок, — потирая щетину, цокнул языком Молох. — Как пробираться будем, советник?

Вот уже час мы стояли под раскидистым деревом в стороне от дороги, ведущей к резиденции, наблюдая за их работой.

— Пробираться буду я, тебе же наконец выпала приятная миссия набить Шагсу морду.

— Не понял?! — возмутился оный.

— Ну как же, Молох ведь хотел из тебя душу вытрясти. Предоставляю ему такую возможность и с пользой для дела. Минут эдак через пять и приступайте, только поближе к воротам подберитесь. И главное, не попадитесь им в руки — не хотел бы видеть ваши рожи за железной решёткой, — усмехнулся я, скрываясь в темноте наступившей ночи.

План, на который натолкнули меня слова Молоха, был до банальности прост: именно под шумок, организованный демонами на дороге, воспользоваться переполохом, незаметно добежать и перелезть через ограду, а там уже на территории самой резиденции попасть в головное здание.

Добравшись до ближайшей к резиденции постройки, я притаился, ожидая действия от демонов, и как только шум драки и отборная брань Шагса неминуемо привлекли внимание стражи, со всех ног кинулся к стене. Перелезть через неё не составило труда, но как только мои ноги коснулись твердой почвы, к собственному разочарованию сквозь листву насаждений острое зрение эльфа выхватило пару мужских фигур — караульные патрулировали не только внешний периметр особняка, но и территорию парка.

— Ты слышал? Кажется, там кто-то есть.

— Он перелез через ограду. Держи его!

И уже громкий голос солдата:

— Спустите собак!

Очень скоро с противоположной стороны сада донёсся неугомонный лай. Надо же! Такой предусмотрительности от караульных я не ожидал. Снисходительно отдав должное начальнику охраны, который, судя по всему, из кожи вон лез, чтобы обеспечить безопасность будущего короля и высокородных вельмож, я поторопился к цели своего визита — освещённому огнями зданию, откуда раздавалась довольно-таки приятная музыка менестрелей.

В меньшей степени меня волновали собаки. Для эльфа они не представляли существенной угрозы — между нами и животными всегда было своеобразное взаимопонимание, обусловленное гармонией единства с Великой Праматерью природой, связь с которой и по прошествии веков не ослабевала. Достаточно взглянуть тому же псу в глаза, чтобы мы поняли друг друга, и каждый пошёл своей дорогой. Куда большую опасность представляют патрульные, которых он за собой приведёт.

Я бежал напролом сквозь кустарники, приближающийся лай и собственный стук сердца к большому двухэтажному особняку. Освещённые оконные проёмы спасительно манили своим приглушённым светом. Казалось, я уже почти добрался до них, осталось протянуть руку и нырнуть в их уютную безопасность, когда ошутимый удар в спину повалил меня лицом наземь. Горячее дыхание опалило шею, устойчивая вонь ударила в нос, угрожающе рыча и придавив к земле своей тушей, надо мной нависла собака.

— Im mellon. Im mellon, * — зашептал я, боковым зрением в ночи выхватывая очертания собаки. Здоровенный пёс с лохматой, большой мордой. Цвет шерсти в темноте определить не представлялось возможным, да и порода сия была мне незнакома. С иронией я подметил, что у него, также, как и у меня, были проблемы с ушами — они были необычайно огромными и свисали, как два лопуха. Он замер, прислушиваясь к эльфийской речи, рык прекратился, а я поторопился примирительно добавить:

— Im al car le ulug.*

Чувствуя, что собака ждёт от меня дальнейших действий, я стал медленно разворачиваться к нему лицом, чему тот не препятствовал. Наоборот, убрав с моей спины лапы, пес забавно повернул голову набок, озадаченно приподняв одно ухо и внимательно изучая свою странную “жертву”. Определённо, пёс впервые в жизни столкнулся с эльфом и колебался в выборе, друг я или враг. Мы смотрели друг другу в глаза, пока эта наглая тварь, обнюхав меня, не приняла окончательного решения и, взвизгнув, вдруг кинулась воодушевлённо вылизывать мне лицо.

«Только этого мне не хватало! Поднял шумиху, привлёк внимание дозорных, теперь же

эта диковинного вида зверюга... Неудачный какой-то план оказался», — посмеялся я над собой, дружелюбно тиская наверняка блохастую псину. Отворачиваясь от шершавого языка, я попытался отстраниться от него и встать на ноги, когда в отдалении услышал человеческие голоса:

— Нашли?

— Нет, но собака туда побежала.

— Так что же вы стоите, кретины? Вперед!

К сожалению, или собственному облегчению на дальнейшее общение с моим лохматым приятелем времени не оставалось. Обеими руками я бесцеремонно схватился за его морду и заглянул в глаза, отражающие в темноте свет тусклых огней:

— Tog hain od amin! * — отдал команду, не прерывая зрительного контакта. Его глаза сверкнули пониманием, но здоровенная псина определённо прониклась к моей персоне излишней симпатией, что грозило мне неприятностями. Поэтому пришлось твердо настоять:

— Gwanna! Nor!*

Одно мгновение, и пёс, лизнув на прощание мой многострадальный нос, растворился во тьме, лаем увлекая за собой караульных. Всё ещё лёжа на земле, я прислушивался к топоту бегущих, которых отделяли от меня лишь стриженные кусты можжевельника, и вздохнул с облегчением, обтирая рукавом рубахи следы столь бурного знакомства.

Я остался в тишине, нарушаемой лишь шумом развернувшегося в особняке пира, но время не терпит. Пришлось подняться и пойти к особняку. Как необычно порой, что знакомство, от которого по идее хорошего и ждать не приходится, вдруг может обернуться неожиданным везением. В данном случае не важно, что между нами от природы заложена естественная связь, пёс мог её проигнорировать и нанести мне телесный урон. В какой-то степени я рисковал, но, всегда считая это крайней мерой, я не прибежал к насильственному воздействию на сознание лохматого, ну разве что совсем немного. Несмотря на то, что пришлось пожертвовать чистотой одежды и элементарной гигиеной, я преисполнился к несурзному четвероногую некой благодарности.

Подойдя к каменным стенам особняка, я осторожно заглянул в ближайший оконный проём, покрытый стеклом — комфортное и очень дорогостоящее нынче изобретение, о котором был наслышан и подумывал сам использовать в Даннотаре, только вот воочию видеть не приходилось. Плотные гобелены были приоткрыты и позволили увидеть довольно-таки пикантную картину: в палате в сокрытых масками лицах предавались любовным утехам мужчина с женщиной. Весьма неожиданное занятие, учитывая, что сейчас они должны бы сидеть за столами с яствами и внимать речам своего будущего короля.

Ощущая себя ненужным свидетелем, я перешёл к другому оконному проёму, надеясь, что соседняя комната пуста. Каково же было моё удивление, когда и там я застал подобную сцену, но куда в более извращённой форме — пребывая опять же в масках, несколько лиц

предавались похоти, и все они были мужского пола.

Меня передёрнуло от отвращения. Чёрт! Куда я попал?! Почти в каждой палате, вид на которые не скрывали ни прозрачные окна, ни гобелены, разворачивалась сцена сладострастия, и только в некоторых комнатах я наблюдал людей в полном одиночестве. Все лица присутствующих непременно были прикрыты разнообразными масками, зачастую имитирующими морды зверей.

Не сразу я понял смысл сборища, безобидно именуемого пиром. Это была ночь римской оргии, вакханалии, сомнительная слава о которой дошла и до границ Британии.

— Ну, Шагс! Сукин ты сын! Надеюсь, Молох как следует потрудился над твоей ухмыляющейся рожей. Если нет, я непременно исправлю этот изъян! — послал я в адрес шутника обещание, припоминая наш разговор в трактире. Определённо, мерзавец не мог не знать о такой щекотливой детали сегодняшней вечеринки и намеренно сокрыл её от меня.

Моё внимание привлекла очередная палата с распахнутым настежь окном. Вернее, не палата, а благая тишина, которую уже и не надеялся услышать среди изобилия хаотичных стонов и криков, перемешанных с манящими звуками лютни и песнопениями менестрелей. Убедившись, что помещение пусто, я не преминул воспользоваться им и запрыгнул в окно.

— Вполне не дурно, — оценив окружающую обстановку, озвучил вслух вердикт. И в самом деле, просторная палата приятно удивила меня изяществом немногочисленного убранства, приглушённым светом, придающим особый уют, я бы даже сказал — интимность окружающей обстановке, и расписными неброскими фресками на стенах, изображающими природные пейзажи. По всей видимости, в дневное время они неплохо сочетались с видом из окон на парк, создавая иллюзию целостности панорамы.

В двух нишах вытянулись высокие античные амфоры, изображающие либо человеческих богов, либо атлетов. Не уверен. Мои познания в сей области оставались скудными. Необычный разожжённый очаг, обнесённый мрамором, располагался по центру палаты. Вокруг него возвышались четыре скульптурные колонны, поддерживающие своеобразную пирамидальную конструкцию, которая заканчивалась отверстием в потолке. Судя по всему, она служила для беспрепятственного выхода дыма от огня из помещения, предотвращая угрозу смерти жильца от угара.

По всему периметру палаты были настелены шкуры, помимо них на небольшом возвышении в беспорядке разбросаны многочисленные подушки. Из мебели присутствовал только мраморный столик и пара курульных кресел. Ни сундуков, ни других предметов повседневного быта здесь не было, из чего я делал вывод, что это такая же комната для частных встреч, как и предыдущие, которые так неосторожно демонстрируют прозрачные окна особняка.

Заметив на столике заинтересовавший меня одиноко лежащий предмет, я устремился к нему. И очень вовремя, потому, как только в моих руках оказалась чёрная маска, я услышал звук открывающейся двери. Спрятаться здесь было негде, разве притвориться частью

пейзажа на стене. Спешно повязав маску, я развернулся лицом к двери, уверенный, что караульным всё-таки удалось найти меня, но каково было моё удивление, когда вместо них в комнату, тут же прикрыв дверь, вошла золотоволосая Афродита в испещрённой драгоценными камнями маске.

На краткий миг я нахмурился — мне показалось, будто когда-то, очень давно, я уже имел удовольствие любоваться лёгкостью и грацией этих движений, но, направляясь напрямик ко мне, она беззастенчиво сбросила с себя хитон, представ передо мной полностью обнажённой, и я был очарован безупречностью её форм. Соблазнительница вплотную подошла, окутывая ароматом женского тела. Ни слова не говоря, даже не взглянув мне в глаза, она развязала мой плащ, который упал к нашим ногам, и поспешно принялась за мою рубаху.

Спорить не буду, я возжелал её, как только завидел. Но нынешнее положение вещей меня определённо не устраивало — устойчивое ощущение её личной отрешённости придавало неприятный привкус всему происходящему. Я перехватил тонкие запястья, ожидая, что она удостоит меня взгляда, однако безупречная красавица проявила изрядную настойчивость — прижавшись ко мне обнажённым телом, её губы нашли мои.

Хвалёная выдержка и здравый смысл холодного эльфа под чарами златокудрой соблазнительницы полетели к чертям...

- - —

*Im mellon. — Я друг.

*Im al car le ulug. — Я не сделаю тебе зла.

*Tog hain od amin! — Уведи их от меня.

*Gwanna! Nor! — Уходи! Беги!

ГЛАВА 22. КИЛХУРН.

Жизнь — равнодушный наблюдатель. Она не умеет сострадать и сочувствовать, не дарует милость и прощение, не знает справедливости. Не стоит винить её в череде неудач и поражений хотя бы потому, что все они — следствие решения, избранного когда-то человеком, пусть даже и из благих побуждений.

И так уж устроены миры, что зачастую, человек стоит перед выбором, на чашах весов которого в противовес друг другу две важные составляющие — благородство и благополучие. Какие созвучные, но такие разные понятия! ... Как сильно они влияют на телесное и духовное благо несчастного, вынужденного осознанно либо нет, но принять, пожалуй, ... судьбоносное решение, определяющее ЧТО он есть на самом деле.

Если бы благородный Кезон, что столь решительно всего несколько дней назад настаивал на поисках пропавшего декуриона, пребывающий ныне в маленькой харчевне Лондиниума в ожидании вестей от госпожи Иллиам, имел возможность лицезреть события, развернувшиеся в Килхурне после их отъезда, непременно он горько сожалел бы о своем выборе. Предчувствия белокурой эльфийки оправдались, а робкая надежда на спокойную старость суетливого распорядителя замка Тасгайла, бездыханное тело которого ныне в прямом смысле служило опорой под пятой темного эльфа Кирвонта Доум — Зартрисс, оборвалась вместе с его последним вздохом.

Новая беда обрушилась под покровом ночи на изувеченный Килхурн, ещё не зализавший ран в битве с саксами. Неизвестное племя дикарей бесшумно проникло в замок сквозь огромную брешь во внешней стене, оставшуюся от взрыва саксонского пороха. Стрелами были убиты четыре воина из турмы Лайнеф, охранявшие самое ценное сокровище, что ещё оставалось в замке — человеческие жизни. Следом за ними погибли те, кто после очередного дня погребальных костров, смог проснуться и поднять оружие. Их смерть была скорой, а затем ... Затем живые завидовали мёртвым.

Вопли ужаса и жалобные рыдания разносились по округе, и ничто живое, цепenea от страха, не могло остаться равнодушным к ним. Ночном лес притих. Лишь встревоженные волчицы прятали неразумное потомство по норам, а волки взвыли песнь скорби, единодушно соглашаясь, что нет более лютого хищника, чем самая ненасытная в своей алчности тварь — человек. Подобно шакалам, раздирающим израненного, но непобеждённого в поединке зверя, дикари терзали несчастных бриттов. Отчаявшиеся матери, осознавая страшную участь своих чад, со слезами на глазах протягивали руки к спасительной смерти, торопясь вонзить нож в сердца своих детей. Немошные старики в последней молитве взывали к богам в тщетной надежде остановить творившееся вокруг безумие и покарать неверных, пока топоры убийц навсегда не прерывали их молитвы. В отравленном трупным ядом воздухе засмердело свежей кровью, и ни одна птица не отважилась бы приблизиться к проклятому месту.

А в зале, в кресле Мортонна, давно почившего хозяина замка, в кресле, которое сейчас должно было бы принадлежать каледонскому вождю Мактавешу, но по странной прихоти судьбы досталось Лайнеф Лартэ-Зартрисс, вальяжно восседал одноглазый тип и презрительно наблюдал за сценой избиения слепой старухи нанятыми им ублюдками, гордо именовавшими себя воинами.

Нет, в Кирвонте не было ни капли жалости к несчастной женщине, страдания которой он с лёгкостью мог бы прекратить. Неподдельную брезгливость испытывал темный к грязному миру земного тлена. Несомненно, ужасной несправедливостью было пребывание его, бессмертного, среди сих жалких людишек, жизни которых не стоят и толики его участия. Зачем, если сами боги не даровали им вечности, считая неудачным экспериментом? Смерть приберет ничтожных к рукам, будь то размалёванных дикарей, и эту голосащую старуху. Время сотрет даже слабые отголоски воспоминаний о них. Так стоит ли удручать себя вниманием, раз рано или поздно примитивная раса обречена на вымирание?

Одноглазый поднялся, перешагнул через тело мертвого Тасгайла и неспешно направился к лестнице, ведущий на верхние этажи замка, надеясь осмотром новых владений хоть немного развеять гнетущее ожидание. Мрачное настроение эльфа, которого не смог развеять и благополучный захват Килхурна, усугубилось ещё и тем, что единственный собеседник, достойный внимания тёмного, навязчивый Голос, от которого он так хотел избавиться, вдруг, совершенно неожиданным образом перестал с ним дискутировать и спорить. Более того, он вообще пропал! Это было так необычно, так неестественно. Кирвонт и предположить не мог, что подобное может произойти. Но вот уже несколько дней, как он был полностью предоставлен только себе, и это обстоятельство не очень-то его радовало.

По договорённости, дикарям был отдан на разграбление весь первый этаж главного строения, дворовые постройки, скот и смертные, которыми оные могли распорядиться по своему усмотрению. Вождь наёмников, с коим одноглазый вёл переговоры, безмерно обрадовался такой плате и с радостью согласился участвовать в захвате.

Философа же как таковой сам замок со всем его скарбом не интересовал и вовсе. О, нет! Он не собирался довольствоваться ничтожными подаянками судьбы. Его цель намного, намного заманчивей ... В Килхурн Кирвонт Доум — Зартрисс вторгся, чтобы встретиться с самым совершенным представителем всех темных рас — демэльфом.

О! ... С тех пор, как не без помощи Голоса Кирвонт понял, кого спас в лесу, впервые за долгое время в нём проснулся неподдельный азарт охотника. Да настолько, что он не погнушался даже встречей с грязными дикарями и самолично наблюдал захват замка — любой зверь рано или поздно возвращается в свою берлогу, а значит демэльф непременно вернётся в Килхурн.

Имея от рождения пытливый ум, в самых запретных сказаниях темных, которые по ночам изучал философ ещё будучи юнцом, скупое повествовалось о необычной расе демэльфов, порождённой в союзе эльфов и демонов. На память Кирвонт никогда не жаловался, поэтому, когда Голос возопил, что демон, не погибший от эльфийского клинка, не может являться демоном, одноглазому не составило труда воскресить свои познания и сопоставить с раненым воином в лесу. Ответ, каким бы он не казался неправдоподобным, напрашивался сам собой.

Немногочисленные демэльфы населяли Темный мир ещё до великой войны. Они были физически сильнее эльфов и хладнокровнее демонов, обладали невероятной привлекательностью и рассудительностью, доминируя над обеими расами. За ними пророчили будущее Темного мира. Но как только между эльфами и демонами в одночасье вспыхнула ненавистная вражда, демэльфы были полностью истреблены своими же прародителями, став первой жертвой векового противостояния. Как гласили легенды, гордые короли эльфов повелели писарям переписать историю расы, навсегда вычеркнув из неё период мирного сосуществования с демонами, и наказали высшему совету могущественных чародеев посредством всемогущей магии наложить неподвластное времени заклятие на женщин рода своего, чтобы ни одна из них не могла более породить на свет демэльфа, порочащего чистоту эльфийской расы кровосмешением с демоном.

Кирвонт Доум — Зартрисс, будучи свидетелем поединка Фиена Мактавеша и Квинта, был не так глуп, чтобы отрицать очевидное: спасенный им демэльф, как две капли воды походил на своего родителя. Анализируя события, одноглазому не составило также труда сообразить, кто является матерью существа, да и иных кандидатур на эту роль не было. Лайнеф Лартэ-Зартрисс! Праведная, безупречная принцесса-воительница Лайнеф, о которой слагали легенды и воспевали в песнях эльфы, оказалась обычной шлюхой, подстилкой демона, рождением преступной твари навсегда запятнав репутацию рода Зартриссов. Единственный вопрос, на который философ не находил логичного объяснения, как случилось, что не обладающая никакими магическими способностями сука королевских кровей умудрилась обойти нерушимое заклятие великих колдунов, выносила и благополучно разрешилась демэльфом.

Любой иной поставил бы жирный крест на честолюбивых планах, связанных с королевской особой, считая долгом предать казни как наследницу, так и её выродка. Любой, но только не прагматичный Кирвонт Доум — Зартрисс, в руках которого оказался столь надёжный рычаг давления на Лайнеф Лартэ-Зартрисс. Ему и делать то ничего не придётся: демэльф сам приведет Кирвонту собственную мать, останется только побеседовать с ней наедине, и высокородная сука, желая сохранить свою тайну, с лихвой компенсирует всё, что ему задолжала:

— В знании сила, а эмоции — главный враг. Стоит поддаваться горячности, и тут же совершишь роковую ошибку, ведущую к краху. Разумный же непременно отыщет выгоду и вознесется к желаемым высотам.

Кирвонт прислушался, надеясь, что Голос отзовется на его реплику, но только собственные шаги одиноким эхом отражались от стен верхнего этажа и терялись где-то в высоких потолочных сводах здания. Сюда не долетали даже вопли довольных лёгкой победой дикарей.

Чтобы убить время одноглазый открывал двери покоев, некоторые из которых ещё хранили запах своих жильцов, равнодушно взирал на скудную обстановку, изредка его взгляд задерживался на какой-либо несущественной детали: простеньком букете полевых цветов, свидетельствующем, что эта комната была опочивальней молодой девицы; соломенной кукле, совсем недавно принадлежавшей теперь уже мертвому ребенку... Скучающе зевая, философ переходил к следующей двери. Левое крыло определённо принадлежало свободным слугам, рабов в основном здании селить не принято, и они ютились в глиняных хижинах.

Правое крыло было и попросторнее, и в лучшем состоянии, но здесь явно не теплилась жизнь. Только две комнаты привлекли внимание одноглазого. В одной из них он обнаружил богатые убранства, казавшиеся столь неуместными на общем фоне упадка крепости. Внимательно осмотрев эти покои, Кирвонт обнаружил хорошо знакомый предмет — свою стрелу, что сомнительным подарком отправил воительнице. Философ подхватил её и расплылся в кривой усмешке, ощущая неровную ауру Лайнеф:

— Ты недооцениваешь моего подарка, принцесса? Как жаль! Когда-нибудь я поведаю

тебе о его ценности, и ты станешь безмерно им дорожить, — промолвил философ, касаясь пальцем острия наконечника стрелы, убившей короля Валагунда. — Чувствую твоё волнение перед нашей встречей, Лайнеф. Мне это льстит. Я буду ждать тебя здесь, в твоём доме, Зартрисс. Нетрудно ждать, когда впереди целая вечность.

Одноглазый бережно положил стрелу на ложе эльфийки, довольно обозрел покои и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Полный самообладания он продолжил осмотр, не рассчитывая найти чего-либо более примечательного, пока ...

Еле уловимый запах привлёк его внимание и повел к конкретной двери. Не замечая той поспешности, с которой он устремился к ней, философ ухватился за массивную ручку двери и хотел было толкнуть её, но, как случилось это ранее, не вовремя в его голове проснулся Голос:

— Стой! Тебе не нужно открывать эту дверь!

— Где ты был? — держась за ручку двери, проигнорировал настойчивые слова Кирвонт.

— У меня были дела.

— Раз ты — это я, любопытно, какие могут быть у меня дела, о которых я не знаю? — съязвил философ и распахнул дверь.

Представшие перед ним покои ничем примечательным не отличались от остальных. Такой же мёртвый камень, такое же безжизненное молчание, разве что мебелировка, с которой обставлена комната, отличалась редкой изысканностью вкуса. Но запах! ... Тонкий манящий аромат женщины их прошлого, исходящий от ночного платья, небрежно оставленного на ложе, всё ещё витал в покоях, настойчиво вгрызаясь в сознание, воскрешая чувственные, эротичные сцены, теша уязвлённое самолюбие философа: “Ты порадуешь своего брата сегодня, сестрёнка?”

Кирвонт пересёк комнату, схватил платье, приблизил к лицу и полной грудью вдохнул будоражащий запах. Громкий хохот философа разнёсся по покоям. Наконец-то судьба благоволит к нему.

Ни Кирвонт Доум — Зартрисс, ни дикари, уводящие в рабство пленников, никто не заметил босоногого мальчонку, что сломя голову нёсся в лес. Худенькое тельце вздрагивало от сдерживаемых всхлипов, он кусал губы, чтобы не разреветься, но, полный решимости, парнишка устремился в Данноттар к той Госпоже с мечом, которая непременно спасёт его маму.

ГЛАВА 23.

Иллиам.

— Госпожа! Наконец-то! А мы уже заждались, — обратилась ко мне павлинья маска голосом губернатора, как только я вошла в великолепный атриум дворца, ещё недавно принадлежащий Клавдию Константину, а ныне будущему королю Британии Константу. Несколько представителей рода человеческого, среди которых парочка выделялись привлекательным атлетическим сложением, плотной стеной окружили меня, преградив собой весь обзор. Говоря о телосложении, я нисколько не кривила душой. Что было, то было. Тот минимум одежды, вернее, почти полное её отсутствие, не оставлял простора для воображения, но не стоило удивляться, раз речь идёт о вакханалии, где неуместны скромность и ограничения ...

Между тем Крофорд снял с моих плеч гиматий, по-хозяйски крутанул меня перед собравшимися, позволив масляным взорам оценить все выпуклости и выгнутости фигуры и заявил:

— Вот та, друзья мои, кто любезно согласилась скрасить холостяцкое одиночество и все последние дни занимает мои мысли. Госпожа Иллиам Доум-Зартрисс! Моя искусительница! Моя волчица!

Мне казалось, я буквально ощутила, как приветственные слова застряли у некоторых в глотке, какая-то патрицианка нервно хихикнула, кто-то крякнул и воцарилось неловкое молчание — все знали, что волчицами в империи называли самых дармовых шлюх из лупанария*. Их услугами пользовались солдаты и простолюдины. Вельможи же предпочитали обзаводиться образованными куртизанками, имеющими не последнее влияние на современную моду и искусство.

— Ну что ты, дорогой. В алчности своей пресловутые волчицы давно поставили на поток известное ремесло. Та вседозволенность, с которой они подчас продаются клиентам, не позволительна любой уважающей себя женщине. Припомни печальный конец императрицы Мессалины, сравнение с которой считается оскорбительным в Риме, — снисходительно похлопала я его по щеке. — Тебе бы стоило знать подобные вещи, коли решился устроить для всех нас подобное празднество. Надеюсь, ты не согнал со всего Альбиона на этот славный вечер бриттских волчиц?

Думаю, индюк не настолько туп и моя "пощёчина" достигла цели. По крайней мере, негромкие смешки и насмешливые ухмылки окружающих позволяли на это надеяться. Из рук полуобнаженного мужчины в маске вепря я приняла кубок с вином. Он одобрительно кивнул и интимным поглаживанием большого пальца моей ладони недвусмысленно дал понять, что рассчитывает сегодняшней ночью продолжить знакомство. Кто скрывается под маской, мне было неизвестно, поэтому, поблагодарив ни к чему не обязывающей улыбкой, сквозь толпу собравшихся я неспешно направилась в зал

Однако не прошла и пары шагов, как неизвестная особа в неопределенной маске то ли экзотической птицы, то ли животного, отделанной серо-рыжим опереньем, цепко ухватила меня под локоть. Живость её речи говорила об энергичном темпераменте, а последующие слова свидетельствовали о том, что сия бойкая особа взяла меня под опеку:

— Дорогая, с тех пор, как господин губернатор поведал, что ты из самого Рима, я загорелась желанием с тобой познакомиться. Отказывать себе я не привыкла, поэтому сегодня буду сопровождать тебя и со всеми познакомлю настолько близко, насколько захочешь, — глаза её загорелись лукавством. — Но взамен настаиваю, чтобы ты описала мне амфитеатр Флавиев. К сожалению, Рим в последнее время в Британии не пользуется популярностью, но я безвозвратно влюблена в вашу культуру и остаюсь верной поклонницей Италии.

Я предполагала ответить, однако разговорчивая патрицианка не закрывала рта, поэтому оставалось выбрать позицию молчаливого слушателя, время от времени лишь кивая, что меня вполне устраивало. Так, в сопровождении спутников мы шли к главному залу по живописному, освещенному многочисленными факелами атриуму, по обе стороны которого располагались проходы в уединённые палаты. Определённо, вакханалия была в самом разгаре, так как повсюду разносилась самая интимная какофония любовных страстей. Её звучания не могли приглушить ни пленительные голоса местных бардов, ни шумное журчание выстроившихся в ряд почти до самого притвора винных фонтанов, вдоль которых уединились со жрицами любви охмелевшие поклонники Бахуса**.

Атмосфера окружающего на удивление передавала пышные праздники, что устраивали римляне в марте в честь бога виноделия и его жены, богини Либеры, а приняли меня тут уж слишком с распростёртыми объятиями. Никакого снобизма, косых взглядов, осуждающего шепота за спиной, что само по себе обескураживало и более того, вызывало глухую тревогу, учитывая, что туманный Альбион по сути оказался без поддержки Рима. Возможно всё дело в том, что я удачно вписалась в тематику вечера и стала этаким привлекательной диковинкой. Мерзавец Крофорд даже наше знакомство обернул выгодой для себя. Двойная польза — дармовая шлюха в постель и развлечение бриттам на сегодня в моём лице. Я обернулась, взглядом выискивая павлинью маску, но губернатора нигде не было видно. Недооценила я твоего прагматизма, господин люттик.

— Скажи, Иллиам, неужели правда, что Гонорий запретил проводить на арене амфитеатра бои? Какая жалость! Вот где воистину можно насладиться образчиками мужской красоты и доблести. Ммм... Признаюсь, от фантазии чувствовать на себе всю тяжесть героя гладиатора, ощутить рельефность его напряжённых мускулов, когда он совокупляется со мной, у меня замирает сердце. Вот тут, — в подтверждении своих слов она остановилась, вынуждая и меня остановиться, приложила руку напротив моего сердца и посмотрела на меня из прорези маски серыми глазами. — Кстати, меня зовут Лукреция, но близкие друзья называют меня Луки.

Мгновение изящная рука, украшенная кольцами и браслетами, лежала неподвижно, но вот ладонь заскользила по моему хитону, очерчивая контуры груди, пальцы чуть сжали сосок. Приблизившись к моему лицу, приглушенным тоном Лукреция произнесла:

— Дорогая, у тебя красивая, чувствительная грудь. Зачем ты прячешь эту красоту? Ею нужно гордиться и демонстрировать мужчинам для желания, соперницам на зависть.

Я не оттолкнула её, когда покрашенные губы со вкусом молодого вина зазывным поцелуем припали к моим. Я ответила, заинтригованная её игрой, когда под проворными пальчиками фибула упала на пол, и хитон заскользил по плечу, обнажая мою правую грудь. Скользящим поцелуем Лукреция ещё раз прошлась по моим губам и отошла назад, рассматривая меня, как придирчивый скульптор изваяние. То ли от её пристального взора, то ли от ночной прохлады, сосок затвердел. Похоже, именно этого момента и ждала плутовка, потому что, довольная своей шалостью, улыбнулась и подытожила:

— Вот так значительно лучше! — чем и получила одобрителльные кивки и возгласы окружающих нас спутников. Мне оставалось лишь улыбаться и принимать комплименты в адрес моего бюста.

Она была определённо забавна, эта взбалмошная смертная с миниатюрной фигурой, с крашеными в ярко рыжий цвет волосами и в нелепой маске, но такой живой, заразной энергетикой, что, несомненно, люди к ней тянулись. Забавна и не глупа. С такой, даже эльфийское ухо нужно держать востро. Интересно, кому же она служит и чем в действительности я заинтересовала её господина?

— Лукреция, — не считая нужным что-либо менять во внешнем виде после вмешательства оной, я отпила из кубка и продолжила наше движение. — Мне всё не даёт покоя твоя маска. Никак не возьму в толк, чей облик она демонстрирует?

— О, да! Этот вопрос будоражит сегодня многие умы местных модниц, — рассмеялась она. — Но неужели ты так и не догадалась?

— Поверь, нет, — сконфуженно призналась я.

Прикосновением к руке она вновь остановила нашу процессию, со всей серьёзностью посмотрела мне в глаза, тонким пальцем обвела окружность моей груди, ладонью потеряла сосок и, поставив поцелуем печать молчания на мои уста, шепнула несколько слов, от которых мы зашлись хохотом. Да, всё гениальное просто — покоя лондиниумским патрицианкам не давал образ лисицы в процессе линьки, которую так вызывающе демонстрировала маска Лукреции.

О, Луки! Тебя погубила страсть к эффектам. Лисица, под какой бы маской не пряталась, всё равно остаётся лисцей. Ты выдала себя с головой, хитрая Лукреция.

Парадный зал королевского дворца отличался от римского стиля хмурой торжественностью, преимущественным сочетанием темных тонов, и представлял собой просторное вытянутое помещение с монументальными колоннами, переходящими в аркады, а затем в крестообразные своды высоких потолков. На хорах расположились певчие барды и аккомпанирующие им музыканты. Именно их хвалебные оды богам и баллады влюблённым были слышны даже в атриуме благодаря тщательно продуманной акустике зодчих.

И как же не вязалось с холодной строгостью этого строения то действие, что развернулось на моих глазах. В середине зала располагался большой круглый помост, от которого на удивление симметричными рядами были выстроены невысокие каменные ложа. Такое расположение декораций напоминало солнце, где помост олицетворял солнечный диск, а ложа, на которых на всеобщее обозрение совокуплялись не всегда разнополюе любовники — исходящие от него лучи.

В центре диска на возвышении была установлена обвитая виноградными гроздьями фаллическая статуя. Вокруг неё стояли двенадцать обнажённых девушек. Их лица не накрашены и не скрыты масками, волосы расплетены и свободными волнами ниспадали ниц, руки цепями прикованы над головами. Вдоль них, в золочёных масках двенадцать молодых мужчин атлетического телосложения с возбужденными членами довольно внушительных размеров под ритмичную музыку отплясывали эротичный танец, имитируя движения, совершаемые при соитии.

— Кто эти женщины, и почему они прикованы? — обернулась я к Лукреции. Та уже возлежала на скамье с разведёнными ногами и наслаждалась откровенными ласками неизвестного любовника. Неохотно оторвавшись от него, она едва взглянула на помост и, как нерадивому ученику, принялась разъяснять:

— Это девственницы, специально привезённые для будущего короля. По обычаю, если за эту ночь он всех их покроет и с каждой достигнет удовлетворения, проживёт долгую, счастливую жизнь. Правление его принесет пользу Британии, он прославится великим королем и умрет в старости и почестях. Они же будут принесены в жертву во славу Константа.

— Принесены в жертву?

— Да. После ритуала их лишат жизни, чтобы с семенем короля они забрали в мир иной всю его хворь и болезни, которые могли бы прервать жизнь правителя Британии. На самом деле всё намного прагматичней — их убьют, чтобы не наплодили бастардов, — как само собой разумеющееся произнесла Лукреция и вернулась к спутнику, уже что-то нашёптывающему приятельнице на ухо.

— Дикость какая-то, — пробормотала я, пряча брезгливость к варварскому обычаю в кубке с вином.

Однако экстравагантная приятельница услышала меня. Негромко рассмеявшись, она попытожила:

— Дорогая, оно не стоит твоего внимания. Иди лучше к нам. Тристан сгорает от желания заняться любовью втроем, как те виртуозы.

Лукреция кивнула в определённом направлении, и я стала высматривать, что же привлекло внимание Тристана. Ближайшее к помосту свободное пространство было

отведено под эротичные представления. Обнажённые акробаты с набеленными лицами представляли театральные сцены соития друг с другом в самых замысловатых позах. Восторженная публика собралась вокруг них. Возбуждённые парочки горящими взорами неотрывно следили за актерами, а самые отчаянные устремились повторить мастерство “чудо-акробатики”. Шум не на шутку заведённых зрителей стоял такой, что, находясь в отдалении от развернувшегося зрелища, я с трудом различала слова Лукреции.

Наконец, среди разнообразия сцен я остановилась на той, что заинтересовала спутника Луки. На одной из площадок стоял великолепно сложенный актер. Смуглое тело его было смазано маслами, а от напряжения рельефные мышцы перекатывались под атласной кожей. На вытянутых руках он удерживал изогнутое тетивой пластичное тело свою напарницу. Ноги девушки покоились на его плечах, её лоно было предоставлено губам напарника, а закрытые глаза и распахнутый рот свидетельствовали о высшей степени удовольствия. Голову же акробатки удерживали руки третьей участницы этой сцены, стоящей перед актёром на коленях, лица которой рассмотреть было невозможно, так как рот её активно трудился над членом силача.

— Ну же... — нетерпеливо зазывала меня Лукреция, хохоча и срывая набедренную повязку с Тристана, тем демонстрируя его нетерпение. — Поторопись, Иллиам. Иначе всё достанется только мне.

Она опустилась перед ним на колени и, по образу акробатки, увлечённо принялась ублажать спутника. Он протянул ко мне руку, приглашая разделить их страстную трапезу, но вскоре его веки сомкнулись, пальцы вцепились в рыжие волосы, он задрал голову кверху, и к общей массе хаотичных стонов присоединился ещё один мужской голос.

Я заморожено наблюдала за умелыми действиями Лукреции, потягивая вино и ощущая ответное возбуждение, ведь ничто живое не чуждо и тёмным, и уже усомнилась в собственной интуиции, удивляясь, как могла принять охочую до развлечений блудницу за намеренно кем-то подосланного соглядатая, когда чьи-то пальцы неприятным ознобом пробежались по моей обнаженной спине, а завуалированный хрипотцой металлический голос отрезвил меня:

— Ты осталась в одиночестве, госпожа? В таком случае соблаговоли проследовать за мной, думаю, нам есть, о чём побеседовать.

Я обернулась, краем глаза подметив, как напряглась спина Лукреции, и лицом к лицу столкнулась с тем самым вепрем, бокал вина которого до сих пор держала в руке. На этот раз пронизательный взгляд сквозил холодным расчетом, а в голосе звучали властные нотки.

— Меня не тяготит одиночество, — расплылась я в сияющей улыбке. — Надо полагать, передо мной тот самый вождь кельтов Вортигерн, что опекает Константа. А Лукреция, насколько могу судить, приставлена ко мне, как соглядатая.

— Ну отчего же соглядатая? Просто приглядывала, чтобы с римской поданной не

приключилось никакой неприятности, — примирительно ответил он. — Предлагаю перейти в более спокойное место.

Вортигерн развернулся и, уверенный, что я последую за ним, направился через пресыщенный откровенными сценами на любой, даже самый извращённый вкус, огромный зал в ту сторону, где на возвышении одиноко громоздился всеми позабытый символ власти — трон будущего монарха бриттов.

Ну что же, ... какое бы дело ни было у этого господина ко мне, я сама искала с ним встречи, поэтому стоит поторопиться, чтобы не потерять из виду его среди остальных. Наполнив кубок новой порцией вина у рабыни, я направилась вслед за Вортигерном, лавируя между совокупающимися голыми телами, в беспорядке разбросанными на мозаичном полу одеждами, яствами; обходя кровавые лужи вина, расплескавшиеся из тут же разбитых кувшинов; ускользая от жадных до похоти рук, норовивших сорвать с меня одеяние либо схватить за лодыжку; игнорируя зазывные улыбки лесбиянок и с гордостью демонстрировавших свою мужскую силу самцов. Избегая столкновений с группами пьяных насильников, причастность к вельможному роду которых выдавали разве что дорогие маски. Казалось бы, всего лишь крохотный лоскут, призванный сохранить в тайне имя знатного господина, но какой по истине опасной и противоречивой силой он обладает, в полной мере обнажающая истинный облик владельца.

Урезонивая особо настырных посредством нехитрых приёмов, я догадалась, что прохожу своеобразную проверку на стойкость, устроенную мне Вортигерном, прекрасно сознающим, что пройти нетронутой через эту разнузданную, развращённую хмелем и отсутствием каких-либо сдерживающих барьеров, возбуждённую в собственной похоти массу бесконтрольных желаний, не простая задача для женщины. Оставалось только гадать, для чего ему это понадобилось.

Наконец, благополучно добравшись до противоположной стороны зала, я оправила пару помятых складок на своём одеянии и, лучезарно улыбаясь невозмутимо наблюдавшему за мной Вортигерну, подошла к нему, пригубив из кубка:

— Вино сегодня отменное, — расплылась я в льстивом комплименте для того, чтобы завести разговор.

Прежде чем ответить, Вортигерн посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом:

— Всю жизнь восхищаюсь, сколь легко и естественно ложь слетает с женских уст, будто ещё в утробе матери вас, баб, учат её азам. Вино-дрянь.

Он забрал у меня кубок и выплеснул содержимое на мраморный пол, а я, понимая, что попала впросак, опустила глаза:

— Не смущайся, госпожа, ложь тебе к лицу. Но мне лгать не стоит, — маска скрывала лицо Вортигерна, но в кривой усмешке предостережения было больше, чем, если бы он

обнажил лицо. Не иначе, как уверенный в своём всевластии вельможа.

— Угроза? — теперь уже я прощупывала его на прочность.

— Отчего же? Добрый совет, — не поддался он на провокацию.

Мы застыли, изучая друг друга, будто две субстанции, осознающие взаимную выгоду от обоюдного союза. Я молчала, предоставив ему право озвучить вслух то, что каждый прекрасно понимал, и, наконец, он решился:

— Думаю, мы поладим и сможем быть друг другу полезны.

Вот и отлично! Теперь можно перейти к частностям:

— Судя по проявленному ко мне интересу, губернатор поведал тебе о цели моего приезда в Лондиниум, господин?

— Не только о цели приезда, — Вортигерн вплотную приблизился ко мне, а его рука легла на мой затылок, холодные губы скользящим движением приблизились к уху. — Он также поведал, насколько ты хороша в постели.

Я чуть не застонала от разочарования:

— Как банально ... Вождь, я рассчитывала на нечто более ... интригующее, — ощущая привычный приступ брезгливости, я едва сдерживала раздражение.

— Какое завышенное самомнение, — скрипуче засмеялся он, холодная ладонь прошлась от затылка по моей спине, забралась под подол и сжала ягодицу. — Запомни, римлянка, я не сплю с деловыми партнёрами, а именно партнёрство хочу тебе предложить. Но сейчас на нас смотрят, поэтому ты подыграешь мне.

Ледяные губы чёрствым, безжизненным поцелуем прижались к моим, я же обняла Вортигерна, молясь богам о терпении. Не испытывая ни толики желания друг к другу, мы застыли, демонстрируя вполне сносную для свидетелей, но плачевную для себя самих пародию на вспыхнувшую страсть, после чего вельможа, собственническим жестом обняв меня, направился к гобеленам, пояснив:

— За ними дверь. Она ведёт в мои покои, где и продолжим разговор вдали от любопытных глаз.

Пройдя по длинным, тускло освещённым коридорам, больше похожим на бесконечные подземные туннели, минуя стражников, мы, наконец, очутились в покоях Вортигерна, мрачность которых не могли развеять ни богатый интерьер дорогой мебели, ни языки

пламени многочисленных свечей, расставленных по периметру помещения, ни предстоящий разговор. Стянув маску вепря, Вортигерн жестом предложил мне сделать то же, тем ставя точку на безликости нашей встречи.

Теперь я могла рассмотреть человека лет сорока от роду, лицо которого выражало недюжинный ум, целеустремлённый характер и излишне честолюбивый взгляд. Вся внешность его демонстрировала положенное сану превосходство, и я вполне допускаю, что вождь кельтов сейчас искренне печется о благе всего Альбиона, однако уже не составляло труда предречь, и тут не нужно быть ясновидцем, будущее князя, заведомо избравшего стезёй стремление возвыситься над остальными.

Ему, как и многим смертным, не ясна собственная судьба. Люди вообще крайне ненаблюдательны. Самоуверенные, они не желают прислушиваться к выводам собственной истории, что абсолютно напрасно — порой, опыт её намного поучительней, чем все те знания, что вколачивают отпрыскам благородных семейств наёмные грамотеи. Я же воочию видела, что этому кельту предстоят и взлёты, и падения, и чем закончится его жизненный путь. Удивлюсь, если окажусь не права. В любом случае, я уже догадывалась, для чего ему понадобился союз со мной:

— Полагаю, здесь мы сможем спокойно всё обсудить? — с этим вопросом я устроилась в бронзовом кресле, деловито прикрывая обнажённую грудь. — Итак, Крофорд, поведал тебе причину моего приезда. Готов ли ты выделить мне войско, чтобы вызволить мою госпожу, и какова плата?

— Я не обладаю такой властью, чтобы ... — начал было Вортигерн, но я его прервала:

— Нет, Господин, так пользы не будет. Я обратилась именно к тому, кто обладает этой властью, — встала я, намереваясь выйти из палаты, но была удержана крепкой рукой. — Только в зале ты упрекнул меня во лжи, а теперь сам уподобился ей. Маски сброшены, Вортигерн. Так не пристало вождю кельтов пытаться водить за нос, как ты сам изволил выразиться, делового партнёра.

Недолго он колебался, раз прошло совсем немного времени, прежде чем кивком выразил своё согласие, и я вновь вернулась к креслу.

— Умна, — изрек в задумчивости он. — Не желаешь перейти ко мне на службу?

— К делу! — нетерпеливо приподняла я бровь, проигнорировав его предложение.

— Изволь, — он сел напротив, побарабанил костяшками пальцев подлокотник и начал свой монолог:

— Констант, как ты верно поняла, полностью доверяет мне ведение государственных дел, и я смогу убедить его помочь твоему делу, но ... временами, как сегодня, например, он становится упёртым и неуправляем и, ... если так дальше пойдёт, рано или поздно я потеряю

своё влияние на будущего монарха.

— Продолжай, господин, — подбодрила я его.

— Мне нужен свой человек в его ближайшем окружении.

— Как я понимаю, — ледяным тоном уточнила я. — Тебе нужна шлюха для короля, докладывающая что, как и в каких позах?

— Ну зачем же такие подробности? — усмехнулся кельт. — Мне достаточно, если ты будешь рассказывать мне о тревогах будущего монарха. Всё, что не даёт ему покоя. Очаровать же его для тебя не составит проблем — он юн и совсем неопытен в любовных утехах.

Я усмехнулась на эти слова:

— Ооо! Насколько он неопытен я уже оценила по тем девственницам, что прикованы на подиуме.

— Бутафория. Маскарад, — махнул он рукой. — Их отымет за Константа его же двойник.

— Вот как? — удивилась я. — Настолько праведен?

— Настолько, как те самые девы, — утвердительно кивнул он. — Вопреки всем нашим обычаям сегодняшний вечер устроен, чтобы Констант мог ощутить мужское в себе начало и познать прелесть мирской жизни.

— И что же мешает будущему монарху присоединиться к излишней чрезмерности утех? — не стала скрывать я своего мнения о масштабности развернутого для Константа предприятия, что развеселило Вортигерна.

— Да, согласен, Крофорд перестарался, но я тоже дал маху, когда просил губернатора об устройстве праздника. Одного не учёл — монахи настолько запудрили Константу мозги праведными заповедями, что для отрока сегодняшние откровения — серьёзное испытание. А тебя он приметил среди остальных и уперся, что познать вкус жизни согласится только с тобой.

— Какая честь! — сыронизировала я с кислой физиономией и, помедлив, продолжила. — К сожалению, я не располагаю излишним временем задерживаться в Лондиниуме. Жизнь моей несчастной госпожи в руках дикарей, и, если я в ближайшем не раздобуду войско, декурион обречена на гибель.

— Твоя преданность своей госпоже достойна похвалы. Хотел бы я, чтобы хоть кто-то из моих людей её проявлял с такой же настойчивость, — не вставая с кресла, он наклонился ко

мне и, смотря прямо в глаза, намеренно отчеканил слова, будто вколачивая гвозди:

— Но ты уверена, что тебе это надо римлянка? Альбион теперь не ваша колония. Легионеры, твоя госпожа декурион, та же вакханалия — всё это прошлое, о котором никто не вспомнит через десятки лет. Я же предлагаю тебе строить со мной будущее свободной Британии.

По образу Вортигерна я наклонилась к нему и, используя одну из самых обворожительных улыбок, резюмировала:

— Ты предлагаешь мне стать шлюхой свободной Британии, что слишком унижительно для Иллиам Дроу-Зартрисс. И главное, я опасалась, что на данный момент бритты не располагают нужным мне войском. Сейчас ты подтвердил мои опасения. Думаю, господин Вортигерн, договорённость не состоится.

Считая наш разговор более бесполезным, с тяжёлым сердцем о судьбе подруги я поднялась, направилась к двери и уже взялась за её ручку, когда до моего слуха долетели слова кельта:

— Не все вопросы решаются посредством силы, госпожа. Порой, большего добьёшься умом. На одном из постоянных дворов Лондиниума пребывают необычные гости, пришедшие к нам с севера. Информация достоверна, и я их пока не трогал. Если ты такая смышлёная, сама сообрази, какая надобность каледонцам находиться в городе, когда римляне покинули остров и со дня на день будет коронован новый монарх.

Я резко обернулась.

— Ну! Скорее соображай, римлянка! Не разочаровывай меня.

Ах, он плут! Ну вы подумайте! Припрятал козырь за пазухой и ударил им только после того, как использовал все возможные доводы! А теперь, развалившись в кресле, с самодовольной физиономией сидит и ещё имеет наглость подначивать меня.

— Послы! — не сдержала я удивления. — Послы Мактавеша!

— Я же говорю, умна! — вождь кельтов снисходительно зааплодировал и воодушевленно вскочил. — Мактавеш не глупый человек и давно ищет союза с Альбионом, чтобы упрочить свои позиции. Он правильно рассудил, избрав именно нынешний момент. Дело за малым — выторговать из него как можно больше выгоды для нас, и одним из предметов торга станет твой декурион, если ты согласишься помочь моему маленькому дельцу.

Он недвусмысленной давал понять, что участь Лайнеф зависит только от моей сговорчивости, я же соглашалась с ним в одном — определённо, от переговоров с демонами толку будет больше, чем пытаться вызволить подругу посредством многотысячного

человеческого войска, что равносильно попытке уничтожить тигра, подбрасывая ему куски сырого мяса.

— Итак, я открыл свой козырь. Твой черед, госпожа, — как игрок, пребывающий в выигрышной позиции, Вортигерн с нетерпением ожидал моего ответного хода.

Ну уж нет! Не для того я бежала из Темного мира, чтобы и в мире смертных вновь одеть на себя оковы и стать подстилкой очередного короля! В моем арсенале был только один слабенький ход, который лично меня очень устраивал, но навряд-ли впечатлит соперника. Оттягивая момент, я обдумывала все за- и против-, прежде чем с неизменной улыбкой кинуться в авантюру:

— Насколько преданна тебе Лукреция, господин?

Впервые, выходя из покоев Вортигерна, я ощутила вкус той самой надежды, о которой так уверенно твердил ещё в Килхурне Кезон. Я испытывала такое облегчение, что готова была сорвать с лица маску и разреветься прямо здесь, в коридоре, на глазах повидавших немало слёз стражников. Разреветься и тут же от души хохотать — сказывалось колоссальное напряжение предыдущих дней. Но тихо, Иллиам, не спугни удачу!

Несмотря на заверения Вортигерну, что вернусь в зал к Лукреции, мне не терпелось покинуть королевский дворец, встретиться и обнадёжить приятными новостями Кезона и Тита, поэтому, сверкая улыбкой, словно начищенный солид, под двусмысленные ухмылки часовых я отправилась по закулисным коридорам в направлении атриума.

Всё успешно складывалось. С трудом, но партия была выиграна. Скрипя сердцем, Вортигерн согласился на кандидатуру Лукреции в качестве фаворитки Константа. Пусть вождь кельтов уверял, что Лукреция уже безуспешно пыталась обворожить юного аскета, он прекрасно понимал, что более идеального для своих целей доносчика и быть не может.

Именно поэтому пошёл на поводу моего настойчивого предложения поправить ситуацию. При неудачном исходе я обещала сама лечь под Константа и задержаться в Лондиниуме настолько, сколько потребуется Вортигерну. Только после этого мы пришли к окончательному согласию.

Вопрос аморальности предстоящей авантюры меня абсолютно не занимал. Шпионить, доносить, — это их, человеческие дела, и меня они ни в коей мере не касаются ...

— Куда это ты торопишься, моя госпожа?

Визгливый голос Крофорда заставил меня вздрогнуть. Меньше всего, после общения с Вортигерном, я желала столкнуться с индюком и выслушивать его напыщенный бред, но к моему разочарованию в тускло освещенном коридоре губернатор приближался ко мне в сопровождении трех вельмож. Помятые маски ручной работы искусных мастеров были

сорваны с лиц и нелепой ветошью болтались на лоснящихся от пота шеях. Повышенное их внимание и неуёмная весёлость свидетельствовали, что компания изрядно пьяна, а претензионные ноты в голосе Крофорда — о его недовольстве. На голове губернатора красовался невесть откуда взявшийся венец цезаря, что не придавало ему ни колоритности, ни значимости. Напротив, сейчас Крофорд как никогда был смешон, и сравним разве что с ничтожным шутком, подначиваемым распоясавшейся публикой на бравадство.

— Крофорд, ты хвастал, что твоя шлюха страстна на ложе. Я желаю убедиться. Господь велел делиться, — пихнул один губернатора в плечо, с гордостью демонстрируя пьяным приятелям эрекцию. — Смотри, стоило ей появиться, и я готов отыметь её прямо здесь.

— Так что мешает? — загоготал другой, изучая меня. — Её на всех хватит. Ведь правда, губернатор?

Понимая, что миром дело не кончится, я отошла на шаг назад, но моё отступление было расценено как попытка побега, и двое тут же кинулись ко мне, больно выкручивая за спиной руки. Обдавая тошнотворными винными парами, Крофорд подошёл ко мне. Толстые пальцы сжали в кулак ткань платья, потянув на себя.

— Не стоит этого делать! — ровным голосом попыталась я воззвать к затуманенным вином рассудкам подонков.

К несчастью, предостережения мои только усугубили ситуацию — пороссячи глазки Крофорда сверкнули неподдельным злорадством, рот скривился в омерзительной гримасе:

— Дорогая, раз ты ублажила кельта, от имперской блудницы не убудет, если ублажишь и достойных бриттских мужей, — он с силой дёрнул ткань. Та затрещала, пояс порвался, хитон свалился наземь, оставляя меня обнажённой перед пьяными насильниками. Обнажённой, но не беззащитной ...

— Я же сказала, не стоило этого делать... — холодно улыбнулась *сам verua*.

Дальнейшее происходило молниеносно. Действия мои были четкими, отработанными до совершенства столетиями практики, не оставляя противнику ни малейшего выбора на спасенье. Единственное безотказное оружие, каким я располагала и неплохо владела, а большего и не требовалось, руки. Освободить их не составило труда, когда ударом колена я вынудила губернатора Лондиниума скорчиться и завалиться на пол, с разинутым ртом задыхаясь от боли. Привычно сделав в воздухе ровный кульбит, столкнула лбами удерживающих меня мерзавцев, чем освободила себе руки. Тут же мертвой хваткой цепляясь им в плотки, потянула на себя, пальцами ломая кадыки, чем и перекрыла доступ кислорода. Несколько бесконечных минут они ещё будут корчиться, синея от удушья и мечтая о скорейшей кончине, но они меня больше не интересовали. Я устремилась к третьему, что так опрометчиво возжелал близко познать ласку эльфийских рук. С неизменной улыбкой я шла к нему, он же, с расширенными от ужаса глазами пятился назад.

— Как быстро пропало твоё желание познать меня? — разочарованно вздохнула я.

— Ты, ... ты! Ты не человек! — панически вскричал он и понёсся прочь.

Подобного нельзя было допустить. Он видел достаточно лишнего. Резко выкинув руку вперед, я послала вдогонку беглецу поток губительной для каждого смертного энергии, и когда она достигла цели, несостоявшийся любовник замертво рухнул на пол — не выдержав нагрузки, его сердце просто остановилось, а жизненная аура, последней тенью лизнув на прощание бездыханное тело, медленно растворилась в воздухе.

Возможно ли, ... возможно ли привыкнуть к нескончаемым человеческим убийствам, если темная душа всё ещё противится совершённому? Пусть эти твари и заслуживают смерти, но век их был так недолог. Так вправе ли я, бессмертная, карать их, лишая шанса на искупление? Чувствуя привычное опустошение каждый раз, как прерывала существование смертного, я вернулась к тому месту, где по половым плитам растеклась золототканая парча, подхватила её, намереваясь уйти, но благоговейный, наполненный неподдельным страхом шепот вынудил обернуться.

Дьявол! Я упустила из виду перепуганный кусок губернаторской туши.

— Богиня! Не убивай! — на четвереньках подполз ко мне индюк и стал целовать мои ступки. — Не убивай, богиня! Я служить тебе буду верой и правдой. Только не губи!

Как странно порой ведут себя люди! Оказавшись абсолютно бесправными перед собственной гибелью, неспособными что-либо изменить у роковой черты, некоторые открывают в себе такую жалкую бесхребетность, что кроме презрения, к ним ничего не испытываешь. Ни злостью, ни гневом не могла я наградить губернатора Лондиниума — слишком сильные чувства для мерзости, что валялась в моих ногах.

— Прямо сейчас ты уберёшься из города! С острова! Навсегда! Не взяв с собой ни единого нуммия. Лишь в том, что на тебе надето. И если я когда-нибудь услышу о твоём имени, о делах твоих поганных, прочно возводи свой погребальный костёр, потому что я возложу тебя на него, и гореть тебе в его адском пекле мучительно долго.

Колеблясь в верности принятого решения, не взглянув на низвергнутого мной губернатора, я продолжила свой путь. Определённо, я сошла с ума, раз поставила под угрозу разоблачения существование темных в мире людей, подавшись неуместной сентиментальности и позволяя сукиному сыну легко отделаться. Трудно объяснить, что на меня повлияло: то ли удачно проведённые переговоры с Вортигерном, и следствие тому надежда на спасение Лайнеф; то ли неприятный осадок, что угнезвился глубоко во мне от роли Немезиды, карающей возмездием подонков. Я могла бы вечно гадать о причинах своего сумасбродства и корить за нелогичность поступка, если бы мои сомнения самолично не разрешил малодушный губернатор, не желающий потерять всё нажитое.

Лишь только я отошла от него на достаточное расстояние, этот вельможный кусок дерьма с завидным проворством вскочил и понёсся в противоположном от меня

направлении во всю глотку вопя:

— Измена! Убивают!

Удивительно, на какие фортели способен в страхе мужской голос! Перепуганный Крофорд орал подобно свинье на закланье, да так звонко, что от его крика заложило чувствительные эльфийские уши. Морщась от дискомфорта, прощальным поцелуем я послала вслед убегающему губернатору щедрый луч энергии, сожалея, что до банальности просто позволила ему умереть.

Сколько-то времени я стояла в воцарившейся тишине, спокойно оценивая нанесённый ущерб моему одеянию, водружая его на плечи, методично разглаживая каждую складочку, изредка кидая безразличный взгляд на дело рук своих, пока не различила топот приближающихся людей. Видимо, крики Крофорда долетели и до встревоженных стражников, и стоило бы поторопиться исчезнуть, если не хочу дальнейших неприятностей. Спешным шагом я двинулась вдоль сырых каменных стен к атриуму, где можно будет смешаться с разгулявшейся толпой и незаметно покинуть дворец, но, когда, наконец, бесконечный коридор закончился, и мне оставалось всего несколько шагов, чтобы выйти в освещённое многочисленными факелами помещение, к своему удивлению я обнаружила, что атриум значительно опустел. Вероятно, в главном зале развернулась торжественная часть вакханалии, о которой говорила Лукреция, и охочие до развлечений люди ринулись её лицезреть. Но самым неприятным было увидеть вооружённых солдат, что спешили в мою сторону.

— Вот так история! Влипнешь ты, Илька, по самую макушку, если тебя здесь обнаружат! — понимая, что мне нужно укрыться, я осматривалась в поисках убежища. И вдруг ... О! Хвала богам! При выходе из туннеля к собственному ликованию я обнаружила небольшую нишу, в которой стоически доживало свой век какое-то скульптурное изваяние. Стена в этом месте была практически не освещена факелами, и человеческому глазу заметить нишу было не так-то просто. Я готова была воспеть хвалу архитектору мрачного коридора, когда умудрилась протиснуться за статую и обнаружить, что могу позволить себе не только дышать, но и наблюдать добрую половину атриума, оставаясь при этом никому невидимой. Это место будто специально было создано для соглядатаев и доносчиков. Любопытно, много ли подобных во дворце, и были ли они сегодня заняты людьми Вортигерна?

Под звук моего бешено бьющегося сердца солдаты пробежали мимо меня, углубляясь в недра коридора. Как только шаги их потонули в темноте, покинув спасительное убежище, я вышла в атриум и поспешила к выходу из дворца.

Однако, Фортуна с Янусом определённо были сегодня в игривом настроении и заключили между собой пари, смогу ли я выбраться невредимой из сыпавшихся на мою голову передряг. Я чуть не застонала от разочарования, когда очередное препятствие в виде наглухо запертых центральных ворот и расположившихся у них караульных вынудило отказаться от мысли покинуть дворец.

Да что ж такое-то?! Неужели весь этот переполох устроила я? Странно, как быстро отреагировала стража, ведь новости о смерти индюка не могли так скоро распространиться по всему замку. Этого просто не могло быть! Придётся вернуться в зал к Лукреции, как бы мне этого не хотелось.

Стоп! Что я делаю?! На глаза Лукреции показываться тоже нельзя. Преданная господину до мозга костей, она не замедлит ему сообщить, когда я вернусь. Осторожный Вортигерн сопоставит факты моего длительного отсутствия со смертью Крофорда и заподозрит неладное. Навряд-ли конечно обвинит в убийстве, но в роли очевидца — вполне возможно. Пойдут расспросы, дознания. И что я им скажу?! “Да видела, как сами поубивали друг дружку”. Нет, нет! Шито белыми нитями. А позволить кельту сомнения на мой счёт равносильно дать преимущество, при котором о партнёрских отношениях и речи не может быть. Уподобиться же Лукреции даже ради Лайнеф? ... Ну уж увольте, нет!

— Так, Илли, давай-ка успокоимся и попробуем здраво рассуждать, — потеряла я виски. — Когда закрыли центральные ворота, неизвестно, поэтому сказать, что покинула дворец сразу, как только вышла от Вортигерна, я не могу. Следовательно, если я осталась тут, мне нужно достойно обосновать, где была и почему меня не видели ни в зале, ни в атриуме ... Дьявол! Мне необходимо хорошее алиби!

Я уже помышляла над бредовой идеей пойти к Лукреции и с помощью магии внушить, что вернулась тут же после встречи с Вортигерном. Единственным существенным минусом в этом плане считала то, что патрицианка была душой компании, а, следовательно, в кандидаты на заклинание нужно брать всё немалое её окружение, что по силам только наследственному магу, но никак не рядовому эльфу.

Неожиданно, внимание моё привлекли излишне громкие вскрики со стороны левой галереи атриума. Похоже, там, где располагались богатые апартаменты для уединения, кипели нешуточные страсти. Я направилась туда, и очень вовремя, потому что массивные ворота отворились и несколько десятков солдат ворвались в помещение:

— Обыщите всю территорию! Задерживайте всех чужаков и подозрительных лиц! Срывайте с лиц маски, переройте всё вверх дном, но отыщите его! — умноженным эхом разнёсся приказ с противоположной стороны большого пространства. Словно саранча, стражники рассредоточились по атриуму, методично осматривая территорию. Неминуемо, расстояние между нами сокращалось, и недолг тот момент, когда они обнаружат моё присутствие.

Будучи охотницей, я непривычно ощутила себя в неподходящей роли жертвы в сезон травли. Отвратительно и дискомфортно! Будто одела на себя чудовищно безвкусный наряд и, знаешь, что сейчас именно в нём тебе предстоит выйти к идиотам снобам, от которых по воле злого рока зависит что-то очень важное в твоей жизни. Мечтаешь об одном — скрыться, исчезнуть, раствориться, рассыпаться на атомы, лишь тебя не заметили! Лишь бы изменить ситуацию!

Из-под маски наблюдая за стражниками, в тени галереи я скользила вдоль стены, хваталась за ручки дверей в надежде, что какая-нибудь из них не заперта. Первая, вторая ... Следующую, за которой раздавались удары плетью любовников-извращенцев, я брезгливо обошла стороной. Наконец, когда в отчаянии с языка посыпались проклятья, будто сжалившись, одна из дверей под давлением моей руки поддалась, и я метнулась в безопасный полусумрак палаты. Дрожащими руками я прикрыла двери, спиной прислонилась к ней и сильно зажмурила глаза — это всегда помогало мне унять волнение и привести мысли в порядок.

Первое, что меня удивило, устойчивый запах псины, от которого щекотало нос. К нему присоединился посторонний шорох. Я распахнула глаза, понимая, что в комнате не одна.

Он стоял ко мне спиной посередине палаты. Темный мужской силуэт контрастом выделялся на фоне размытого света от зажжённого очага. Высокий и таинственный незнакомец. Точно такой, какого можно только увидеть в самом сокровенном сне, если бы я страдала романтичным недугом. Светлые прямые локоны чуть прикрывали шею. Широкие плечи, за которыми любая смертная была бы счастлива укрыться, переходили в стройный, подтянутый торс, узкую талию и сильные ноги. Мужчина был настолько хорошо, что, признаться, сперва я поддалась на эти чары, прощая ему исходящую вонь и сожалея лишь, что под маской не видно лица.

Однако, надменная осанка, с которой он нехотя повернулся ко мне, всем видом демонстрируя недовольство моим присутствием, вызвала неприятный осадок и тут же отрезвила меня. Возможно, я привыкла, что при мне самцы встают по стойке "вкусно". Этот же ...

Ну конечно! Как же я сразу не различила очередной маскарад с одним актёром! Видали мы таких позёров! Сперва сплошное обаяние, сладкая, учтивая речь, а затем, когда наивная дурёха попадает в сети и окончательно теряет голову, веревки из них вьют! Впечатлительные особы при виде таких впадают в любовный экстаз, а те, кто посмелее, из юбок выпрыгивают со словами: «Возьми меня, мой господин». Только не про меня твои чары. Хотя, ... могу позволить я себе забыться и совместить приятное с полезным?!

Люди говорят, из двух зол выбирают меньшее. У темных в ходу есть схожая поговорка: “Желаешь победы над обоими врагами — подружись с одним из них”.

Отрешённо подумав о злосчастной судьбе золототканого хитона, в который раз за сегодняшний вечер я позволила ему соскользнуть с моих плеч и направилась к моему АЛИБИ, понимая, что вступаю в новую игру, правила которой мне пока неведомы.

Бахус** (или Вакх) — бог вина. В честь его устраивались шумные и распутные празднества — вакханалии.

ГЛАВА 24.

Алекса.

Точным ударом топор опустился на шею птицы, отсекая голову от тушки:

— И не стыдно тебе, Север? — бережно положила я на тряпицу столь нужное в хозяйстве оружие, подставила плоску под стекающую кровь и взглянула на волка. — Сколько раз можно повторять, чтобы не таскал из деревни курей. Поленился нормального зверя изловить? Тунеядец ты сегодня, приятель.

Север возмущённо фыркнул, но для проформы спрятал морду между лап, отчего я не смогла скрыть улыбки.

— Ну будет, будет! Догадываюсь, отчего схалтурил. Признавайся, не нравится, что загостился чужак на твоей территории?

В ответ серый покосился на хижину и недовольно рыкнул, а следом ... Я от души расхохоталась, когда эта наглая морда, преисполненная собственной значимости, разинула пасть и, демонстрируя клыкастую улыбку, с щенячьей преданностью в глазах вывалила на бок здоровенный язык:

- Потерпи, Север. Осталось совсем недолго. Скоро и он уйдёт, и будем мы жить, как раньше жили. Ты, да я. И никто нам с тобой не нужен, — заверила я волка, удивляясь странной грусти в собственных словах. О её причине задумываться не хотелось, гораздо приятнее было осознавать, что, пусть с трудом, но я разгадала тайну чужака и смогла его залатать ...

Я посмотрела на колоду — теплая бордовая жидкость медленно стекала в глиняный сосуд. Кровь. Сокровенная река в теле своего обладателя, дарующая ему жизнь. Она подобна воде, что питает землю соками, из которых произрастает всё живое. С большим почтением относятся к красной воде те, кто знает великую её тайну — даже после смерти обладателя непродолжительное время кровь несет энергию, способную передать силы новому телу. Но ведать об этом темному человеку не надобно. Не напрасно кельтские друиды в секрете держали её исцеляющее свойство, а с ним иные тайны, способные учинить как пользу, так и вред.

Так продолжалось до тех пор, пока с приходом Цезаря великое противостояние не охватило острова. Навязывая свою культуру, чужеземцы нарекли традиции и верования кельтов варварскими, кельтских жрецов, среди прочего использовавших и человеческое жертвоприношение, преступниками вне закона, а богов — лживыми. На истребление друидов брошены легионы. И грянул громом разгневанный Таранис, жестокой кровью насытился алчный Тевтат. Мало, кто выжил из просвещённых друидов, и даже на них были

устроены гонения. О тех событиях при редких появлениях мне рассказывал отец, когда решил обучать меня магии жизни и смерти.

Около двух зим назад на пороге моей хижины очутилась молодая мать, держа на руках мальчонку лет пять от роду. Со слезами на глазах она умоляла меня вылечить её чадо, уверяя, что во век не забудет, если помогу. Мне стало любопытно, сколь долгий “век” продлится её благодарность. Заключив сама с собой пари, я решилась помочь. Когда же спросила, что случилось с ребенком, выяснилось, что его одолела простудная хворь, и испуганная мамаша понесла чадо к знахарке в соседнюю деревню. Та шарлатанка, взяв с матери приличную плату, накачала дитя огромной порцией бычьей крови, заверив, что так лечили больных ещё могущественные друиды, и теперь её отпрыска никакая хворь не возьмёт. В результате пришлось изрядно потрудиться, чтобы поставить мальчика на ноги.

Слухами земля полнится, да только исковеркана правда людской молвой. Так и эта знахарка, услышала где-то, что кровью возможно лечить, обложила травами да никчёмными снадобьями, для острастки голых черепов и другой дряни по навешала у окон и дверей, и давай бездумно практиковать, кичась, что постигла исцеляющую сущность крови. И невдомёк дуре, что мальцу ещё откликнется её лечение. В невежестве своём такие вот лекари больше вреда причиняли, чем исцеления, понапрасну забивая скот, а порой избирая в качестве жертвоприношения пленников или рабов.

«Силу убитого нельзя просто так передать с кровью. Кровь нужно очистить с помощью древнего заклинания от несущей всему живому негативной энергии страха. Её испытывает любая жертва. Абсолютно. Даже волевой человек, добровольно согласившийся на смерть ради другого, испытывает необъятный страх перед гибелью, что уж говорить о живности ... Если не совершить обряда, дитя моё, ты причинишь много вреда немощному, потому что бесценный напиток, дарующий жизненные силы, изначально отравлен ядом смерти.»

Так учил меня отец. И при лечении людей, если понимала, что без жертвоприношения не обойтись, всегда следовала его настоянию. Но незаурядный случай с моим нынешним пациентом отличался ото всего, что я когда-либо видела.

С той ночи, когда одноглазый приволок в мою хижину умирающего воина, казалось, прошла целая вечность, столь тяжёлыми были эти дни. За это время несколько раз я спускалась с вершин ликования над собственными успехами во врачевании в бездну отчаяния, в неверии наблюдая, как на моих глазах вновь раскрывается рана воина, сочится темная кровь и обезображивается его тело. Я вновь обратилась к спасительному заклинанию, но в удивлении обнаружила, что оно не только полностью стёрлось из моей памяти, на которую я никогда не жаловалась, но также исчезло со страниц таинственной книги. Ослепительной белизной, будто в насмешку, взирали на меня её чистые листы.

Мой воин теперь являлся для меня не просто привлекательной головоломкой — вылечить его стало долгом чести, стремлением к самоутверждению меня как хорошей ведьмы. Я вынуждена была исключить демоническую сущность, так как в противном случае давно бы поставила его на ноги. Не ведая его истинной природы, на собственный страх я

пробовала одну методику лечения за другой, но все усилия шли прахом. Только во мне крепла убежденность, что дело идёт на поправку, вымотанная я отключалась, как на рассвете меня будил Север, встревоженный тихими стонами раненного.

Я не понимала в чем дело, в чём моя ошибка, что делаю не так. С отцом связи не было никакой. Все последующие дни он молчал, будто и не просил меня о помощи. За советом обратиться совершенно не к кому. Никакие кельтские боги не поведают мне тайны чудо-легионера.

Сам же воин, которого нарекли Квинтом, в минуты бодрствования ничего путного не говорил. На все мои попытки разузнать о его сущности только отшучивался, не забывая называть меня при этом нимфой, намеренно напоминая о сцене с лоханью. Чёрт меня дернул тогда искупаться! Наглый взгляд пронзительно зелёных глаз, блуждающий по моему обнаженному телу так и стоит перед глазами, до сих пор заставляя нервничать, путаться в мыслях и в собственных юбках. В конце концов разозлившись, я пригрозила вышвырнуть его за дверь, как шелудивого пса, если не прекратит меня подначивать.

Ощущая себя намного комфортнее в часы его сна, в результате я предпочла спаивать ему лошадиные дозы сонного зелья из листьев омелы. В такое время, чувствуя себя в привычной обстановке, ко мне возвращалась обычная уверенность, я могла трезво мыслить, свободно дышать и изучать загадочное, не поддающееся никакому лечению ранение. Но каждый раз все равно ловила себя на том, что опрометчиво рассматриваю не сколько ранение, сколько самого воина. А руки мои, казалось, жили своей отдельной жизнью — словно ошпаренная я отдергивала пальцы от его горячих губ и сломя голову вылетала из хижины, браня себя на чем свет стоит и не понимая, что за чертовщина со мной творится.

Но больше пользы для дела было, когда вновь раскрывалась рана, и воин впадал в лихорадку, сопровождаемую одним и тем же мучавшим его сновидением. Сперва я не придала этому внимания, но сложно не заметить череды повторяющихся странных слов и неизвестных чужеземных имен. Мне стало до одури любопытно, что за кошмары его мучают, и в один прекрасный момент я решила на нечто из ряда вон выходящее для каждой уважающей себя ведьмы — я решила подсмотреть чужой сон.

У любого живого существа в сознании своя собственная вселенная, через призму которой он воспринимает земную жизнь. И сны его разукрашены красками его личной вселенной. Абсолютно разные сны, будь то обыденные эмоции, навеянные молчаливым при бодрствовании желанием; предупреждение, которого далеко не каждый поймёт, а если и так, под час неверно истолкует; неожиданный всплеск, казалось бы, стёртых из памяти воспоминаний ... Каждый сон единолично порождён единственной в своём роде вселенной, доступ к которой наглухо заперт любому иному. Лишь редкие избранные наделены даром вторгаться во вселенную другого существа, и только в качестве наблюдателя. Смогу ли я — я не знала.

Я легла рядом с воином, взяла в свою руку его ладонь и закрыла глаза, ожидая, когда собственная вселенная запестрит различными красками сна. Главное — не забыть в нем,

целенаправленно искать вселенную того, кто лежал рядом со мной, и заставить наши миры пересечься. Если я смогу проникнуть в его сон, возможно, это даст мне ключ к разгадке, кем является по своей сущности мой воин.

Незатейливая трель жаворонка разносилась над укрытым белёсым туманом луговым полем. Босиком я ступала по орошённой прохладной влагой густой траве. Ноздри щекотал аромат медоносного вереска, а первые робкие лучи рассвета теплом согревали сердце. Необычайная лёгкость и беззаботность наполнила меня, как некогда в детстве, когда ещё была жива мама ...

— Алекса! — призывным эхом разнёсся женский голос. — Алекса, дочка!

— Мама? — сорвался с губ удивлённый шепот, и тут же громко, щемяще признавая её голос, я закричала. — Мама!

Озираясь и выискивая среди тумана до боли знакомый образ матери, простой деревенской женщины с чёрными как смоль волосами и необычайно васильковыми глазами, доставшимися мне от неё по наследству, я уже стала опасаться, что голос матери мне почудился, как неожиданно яркий луч солнца озарил небольшой пригорок, на котором стояла и улыбалась моя мама:

— Иди ко мне, девочка моя, — звала она и протягивала руки. — Смелее. Не бойся!

Сон был вещим, и сделай я шаг, знала, что что-то для меня непременно переменится. Но это же мама! Быть с ней, слышать её голос, купаться в лучах ласкового материнского взгляда, пусть даже во сне, пусть на крохи мгновения — самое сокровенное, глубоко потаённое стремление сироты, полной чашей познавшей вкус никому ненужности. Я пошла к ней. Не задумываясь. Под отчаянные удары собственного сердца, отбивающие в такт поступи такое ноющее “мама”, ” мать”, ”магушка”. И вот, уже позабыв обо всем, я несусь к ней, наивно надеясь продлить наши общие мгновения. В тот же момент, как дотянулась до её рук, наши пальцы сплелись, глаза встретились, а моя уединённая жизнь в ветхой хижине стала казаться лишь шуткой, чьей-то злой шуткой, потому что реальность здесь и сейчас, отдалённый, едва слышный стон боли привлёк внимание.

Я обернулась. Там, где заканчивался заливной луг, за чертой моей радужной иллюзии стеной сумрака разверзся мрак, при виде которого гнетущая тоска ознобом заползает под кожу. Я вспомнила с какой целью пришла сюда — в поисках ЕГО вселенной. И она не замедлила себя ждать. Пересеклась с моей, тьмой четко обозначая свои контуры. Но мне уже совсем не хотелось проникнуть в её тайну. В растерянности я посмотрела на мать.

— Тебе принимать решение, Алекса.

— Но он ведь даже не человек! — воскликнула я, со страхом взирая на медленно приближающуюся тьму.

— Верно, девочка, не человек, — примирительно согласилась она.

— Кто же?!

— Я была обычным человеком, дочка. Откуда ж мне знать? — тихо рассмеялась она. — Я знаю лишь то, что моя девочка всегда была очень смелой, и, если уж что надумала, с пути её не свернёшь, — улыбнулась она, обняла ладонями моё лицо, коснулась губами лба и растаяла в тумане, будто и не было.

Я смотрела на прекраснейший луг, подаривший мне встречу с единственным человеком, скорбь об уходе которого никогда не пройдёт, ощущала её безграничную любовь и веру в меня, и понимала, что именно эта вера сейчас мне была необходима:

— Жаль, что нам было отпущено так мало, мама. Временами я думаю, что очень плохо знала тебя, а ты была слишком мудра, чтобы показывать свою необыкновенность.

Мне показалось, я услышала её тихий смех. Как переливчатый звон колокольчиков нежным эхом пролетел он над зеленеющим лугом, рассеял белёсый туман, едва притронулся к каждой травинке и цветку, сверкающими каплями росы опустил на листья кустарников, и убеждённо, что всё непременно будет хорошо, превратился в привычную слуху трель жаворонка.

— Спасибо, мама! — произнесла приглушённо, сглатывая подступивший к горлу ком.

Лицом повернулась я к безграничной вселенной война, представшей передо мной во всей своей мрачной и таинственной темноте. Аккуратно ступая, я медленно преодолела последние разделяющие нас шаги и незваным гостем окунулась в её слепоту.

Говорят, в тихом омуте черти водятся. Так и тут, я рассчитывала, что вселенная война будет холодной, безликой, такой же мертвой внутри, как казалась снаружи, и глубоко заблуждалась. В бешеной скорости передо мной проносились образы людей и пугающие своей жестокостью сцены его воспоминаний — бесконечная картина сюжета жизни, где малейший эпизод осыпан шквалом ярких, горящих, клопочущих по своей мощи эмоций. Ощущая себя былинкой, никчемной сошкой посреди чужой дикой бури, неукротимой настолько, что, казалось бы, ей ничего не стоит бросить вызов самой жизни, я отчётливо понимала, пожелай она, и меня стерло бы в порошок, превратило в пепел, развеяло по всей ЕГО вселенной, так как невозможно человеку, пусть даже ведьме, уцелеть в такой ярости. Сколько не старайся, событий было такое великое множество, что я не успевала запоминать, но весь этот безумный калейдоскоп сопровождался странным, предупреждающим об опасности рыком. Будто кто-то неведомый знал, что я здесь, и едва сдерживал в узде дьявольского монстра, готового в любой момент вырваться на свободу с единственной целью — растерзать непрошеную гостью.

Но, нет! Не стоит заблуждаться. Здесь нет неведомых. Вселенная только война. Сюда

нет хода другим. Он сам заковал себя в цепи, став узником и строгим тюремщиком своих нечеловеческих страстей. Какой же силою нужно обладать, чтобы быть способным на такое?! ...

Ответ на этот вопрос я получила слишком быстро, как только вихрем взрывных эмоций вселенная подхватила меня и в общем потоке, будто куклу швыряя из стороны в сторону, понесла в разверзшуюся воронку неизвестности....

Светло. Настолько, что даже через сомкнутые веки от света резало глаза. Я отвернула голову и прислушалась к собственному телу. Похоже, всё в порядке. Кости целы и совершенно ничего не болит. Осталось только понять, где, в конце концов, я нахожусь. Ну то, что всё ещё в его миру — это то понятно, но попала ли я в тот сон, что не даёт ему покоя?

Решившись, я открыла глаза и обнаружила, что нахожусь в странной, ярко освещенной хижине, границы которой отмечены тьмой. Хотя, нет! Слово “хижина” здесь совсем неуместно — скорее чужеземный дворец. Не знаю, как они правильно называются у иноземцев, но по моим меркам, выглядел он невероятно просторно и вычурно богато. Высокие потолки, разрисованные стены, а мебель, ... я такой роскоши в жизни не видывала. Безумно хотелось рассмотреть всё повнимательней, потрогать руками, заглянуть в стоящие по углам сундуки. Громадная кровать поразила меня своими размерами. Да одна она была аккурат в половину моей хижины.

- Зачем столько ей? — задалась я вопросом, с интересом наблюдая за субтильной женщиной с бледным цветом лица, сидящей на ложе с орущим на руках младенцем. Что-то было в ней необычное, едва осязаемое, что ярко выделяло её среди череды обычных баб и принуждало к почтению. Точность лица ли, властный, горящий гневом взгляд ... Нет-нет, не то. Не могу пока понять, но определённо она из числа тех, чьё имя во всеуслышание склонять — себе дороже.

— Забери! И найди ему кормилицу, я отказываюсь кормить этого ублюдка, — приказала она, протягивая свёрток исключительно красивой блондинке, отличающейся такой же необычностью, как и отказница.

Ого! Не каждый день можешь стать свидетелем таких страстей. Становится совсем любопытно. Что же значит вся эта сцена для воина? Я превратилась в слух, рассчитывая для себя во всем разобраться, но мало что запомнила из последующей гневной тирады, потому что собственным ушам не поверила, столь знаком был мне преисполненный негодованием мужской голос:

- Лайнеф Лартэ-Зартрисс! Не смей говорить подобные слова о внуке великого Валагунда! Ты — урожденная наследная принцесса трона, но ведешь себя хуже простолюдинки! Стыдись, дочь темного короля! Твои предки вели себя достойно, чем заслужили уважение эльфов. Ни одна женщина в твоём роду ни при каких обстоятельствах не отказывалась от собственного дитя.

Затаив дыхание, я застыла на месте и впиалась взглядом в подошедшего к кровати мужчину. До сих пор он держался в тени, поэтому поначалу я его не заметила. А зря! Пожалуй, сейчас, с расширенными в изумлении глазами и разинутым ртом я выглядела невообразимо глупо, и, если бы была участником всей этой сцены, меня приняли бы за умалишённую, но было чему удивляться, потому что стыдил разгневанную аристократку никто иной, как мой собственный отец!

Да, он выглядел несколько иначе: длинные белые волосы, непривычная глазу седая борода, чудные одежды, но это был точно он. Его черты лица, нос, губы, глаза, его жесты и телосложение. И главное — никто не обладал таким густым, убедительным баритоном, как мой родитель.

— Значит я буду первая! — меж тем закричала женщина. — Этот ребенок — демон. Ты предлагаешь мне, воительнице, чьи собратья полегли в многовековой войне с этими тварями, чьи солдаты отдали жизни за свободу и процветание нашей расы, мне, дочери короля эльфов, вскормить демона?! Я еле сдерживаю себя, чтобы не придушить его собственными руками!

Ну конечно же! Как же я сразу не поняла того, что почувствовала нутром?! Ведь знакома уже с этим налётом высокомерия, присущим расе горделивых эльфов. Только при том конфузном знакомстве его обладателю пришлось потом поубавить спеси. И, даже подружившись, на сохранность он доверил мне магическую книгу, что поначалу помогла в лечении воина. Быть может оттого книга и сокрыла от меня свои секреты, что я нарушила данную когда-то клятву её не открывать.

Я сама себя не узнавала, сколь много преступила собственных норм и правил ради спасения чужака, который и человеком то не был. С самого его появления все пошло не так. Он вольготно разместился в моём доме и на моей кровати, когда я довольствовалась соломенным тюфяком; ради его спасения я нарушила обещания и заповеди; я загоняла бедолагу Севера, заставляя его каждый день добывать свежую порцию крови и мяса для воина и игнорировала очевидное его беспокойство сущностью оного. Теперь же, спустя столько лет, впервые поймала себя на мысли, что очень мало знаю о своём отце, и это мне определённо не нравилось.

В задумчивости переводила я взгляд с эльфийки на отца, мысленно прокручивая короткую, но гневную их тираду, сопровождаемую плачем несчастного ребенка, пока не увидела, как внезапно в помещение ворвался черный вихрь и на моих глазах стены просторного дворца стали рушиться. И чем больше они обрушались, поглощаемые тьмой воина, тем настойчивей кричал младенец. В конце концов, его крик перешёл в отчаянный, душераздирающий ор, от которого сейчас же лопнут барабанные перепонки и расколется голова. В надежде спастись, я открыла рот и сильно зажала ладонями уши, со страхом взирая, как в поднимающемся хаосе темнота пожирает силуэт отца, а следом и мать ребенка — разгневанную эльфийку. Свет померк, просторный дворец превращался в руины. Ещё немного, и в темноте исчезнет и прекрасная блондинка с монстром-ребенком на руках.

И вдруг!.. Будто озарение пронзило меня. Я кинулась к ним, когда мрак уже поглотил ноги эльфийки, талию, грудь. И вот она безвозвратно исчезла, а вместе с ней и младенец. Но я успела! В последний миг, прежде чем самой исчезнуть в яростном вихре, успела прийти на его крик и понять, что пытался мне поведать ребёнок с колдовской зеленью глаз — Квинт был порождением эльфа и демона.

Как же я сразу не поняла очевидного? Ведь это была его единоличная вселенная...

— Как смела ты, ведьма?

Не понимая, что происходит, я открыла глаза и, затаив дыхание, уставилась в зелёную бездну, полыхающую янтарным гневом её обладателя.

«Интересно, а люди понимают, что он чужак? — отрешённо подумала я. — Возможно ли обладать человеку глазами такой насыщенной зелени? Их цвет пленяет, подобно ядовитому аврану в начале цветения, а завораживающие янтарные блики, словно медовые лучи уходящего солнца, искристой патокой очаровывают путника на его же погибель».

— Что молчишь, ведьма? Отвечай! — немилостиво встряхнул он меня, ухватившись за плечо, чем и привёл меня в чувство. Я поморщилась от боли и попыталась подняться с кровати, но сильной рукой была удержана на месте:

— Не смей кричать на меня, воин. Помни, в чьем доме находишься и под чьей опекой.

— Опекой?! Я не просил о твоей опеке, красотка, — полоснул он меня злым взглядом. — Хотя, быть может, я просил ковыряться в моем мозгу и вынюхивать то, что не дозволено знать смертным? Отвечай!

«Вот дьявол! Как он понял?! Немыслимо, чтобы он почувствовал моё присутствие!» — я ощутила собственную вину, и её вкус, к собственной злости, мне совершенно не понравился:

— А не пойти ли тебе ко всем чертям отсюда, солдат?! Я убила массу своего времени и сил на лечение абсолютно неблагодарного нелюдя.

Всего лишь на краткое мгновение, на какую-то толику секунды мне показалось, что я поймала в его глазах печаль, и пожалела о сказанном. Но он тут же умудрился разбить моё сожаление о каменные плиты грубой угрозы:

— Не боишься, нимфа, что нелюдь сейчас отымеет тебя во все твои аппетитные формы и придушит как ненужного свидетеля, сующего свой любопытный нос куда не надобно? Сама знаешь, твоя шавка мне не помеха.

— Ты этого не сделаешь, — убежденно произнесла я, пряча глубоко внутри

собственный страх и сомнения. Как бы там ни было, я видела, насколько огромна сила этого воина, и пусть она ему подконтрольна, инстинкт самосохранения мне не чужд. — В тебе на удивление гармонично заложены две сущности, которые ...

— Врёшь, ведьма! Ложь! Никаких, твою мать, сущностей! — взревел он, не желая меня слушать.

Кровать жалобно заскрипела, когда он, отшвырнув в сторону укрывающую его обнажённое тело шкуру, перепрыгнул через меня и вскочил на ноги. Зверем он заметался по хижине, не обращая внимания на собственную наготу. Моё маленькое жилище определённо не подходило под его атлетическое телосложение, и при каждом шаге комната вздрагивала, а от разгневанного рыка дрожали стены.

— Единственная моя природа, испоганившая всю мою дерьмовую жизнь — проклятая сущность демона! А ведь я рос когда-то таким же человеком, как и ты, ведьма. Как любой другой. Как все! Не знал, да и не ведал, что есть иные, и что сам рождён иным. У меня была семья, между прочим. Старики, сестра, чёртова туча грёбаных родственников. Мне даже девку нашли в жёны. А теперь ... Что я теперь? Изгой?! Тварь без роду и племени!

Он запустил пятерню в волосы и, осматривая комнату, ненадолго замолк. Казалось, в своей запальчивости он напрочь позабыл о моём присутствии, и всё, что говорил, было адресовано самому себе. Я же... я с трудом следила за ходом его речи, потому что как дурёха сидела на своей хлипкой кровати в убогой хижине, очарованная его сложением, и одергивала себя каждый раз, когда невольно останавливалась на самой приметной части мужского тела.

— Демоном был рожден, им и подохну, когда придёт мой час. И не хрена мне мозговой штурм устраивать. Весь этот сон, что ты подсмотрела — чистой воды ложь! Командир наш ... Твою ж мать! Да знала бы ты, как она нас за дело дрючила, на то и командир, зато в глотку любому за своих солдат вцепится. Не могла она со мной так поступить! Она мне глаза на правду открыла, жить со своей природой научила ... Кому ж тогда верить, как не ей? Нет во мне эльфийской крови, а в беспамятстве любой бред может померещиться. Лучше скажи мне, ведьма, где мои грёбанные шмотки? — обернулся он ко мне и успел поймать мой беззастенчивый взгляд прежде, чем я отвела его. Секундное замешательство, и уже знакомая плотоядная ухмылка красовалась на его лице, — О! Не скромничай, нимфа. Уверен, ты вдоволь налюбовалась моим членом, пока я был в отключке. Или желаешь опробовать в действии?

Ну всё! Хватит! Это был предел моему терпению. Ощущая волну гневного протеста, я поднялась и направилась к двери, намереваясь позвать Севера, но всего каких-то пару его шагов, и путь мне быть преграждён обнажённым мужским торсом с зарубцевавшейся раной на груди:

— Куда это ты собралась? — схватил он меня за плечи, а я уставилась в глаза цвета медового хмеля.

— Я предупреждала тебя, чтобы следил за своим языком. Ты не прислушался. Довольно! — в его присутствии я на удивление легко теряла хвалёное ведьмовское самообладание. Возможно, сказывалась усталость последних дней, возможно, пренебрежение, с коим он относился ко мне, но от возмущения меня будто прорвало:

— Наслушалась я твоей благодарности с три короба. Довольно! Я знать тебя не знала, ведать не ведала, а взялась залатать. Последние дни походили на кромешный ад. Денно и ночью с тобой, как с писанной торбой носилась, выхаживала, голову сломала, как излечить тебя, все заклинания перепробовала, запреты нарушила, Севера загнала. Да, влезла в твои мозги! Да! — призналась я, — Но лишь для того, чтобы понять, кто ты есть на самом деле, и как тебя поставить на ноги. А в результате вынуждена терпеть похабные шутки и угрозы чёртова солдафона?! Так вот, воин, мне это без надобности! Может, там, откуда ты пришёл, так говорят “спасибо”, но у нас принято уважать хозяина дома. С этой минуты я отказываюсь тебе помогать, пусть даже за тебя и просили.

— Вот как? Значит просили. И кто же проситель? — попытался он широко улыбнуться, но улыбка его больше смахивала на оскал — слишком неестественна, натянута, и слова произносил будто через силу. — Если речь о том, кто притащил меня сюда, ты сама утверждала, что не знаешь его. Не слишком ли много чести для солдафона-демона при таком-то просителе?

С неуместной бравадой смотрел он мне в глаза, а я вдруг почувствовала дрожь в его руках и тут же ощутила на себе излишнюю тяжесть веса, будто стала ему опорой. Заподозрив неладное, посмотрела на грудь воина — его рана вновь раскрывалась и кровоточила, а кожа вокруг неё, покрываясь сеткой черных вен, меняла свой цвет на пепельно-серый. За считанные минуты бодрствования Квинт исчерпал свои силы.

— В кровать, если не хочешь провести ближайшие сутки в беспамятстве на полу! Сама я тебя не дотащу, — теперь уже я взяла контроль в свои руки. Не дожидаясь согласия, подставила под его руку плечо, ухватилась за талию и повела теряющего сознание воина к лежанке.

— Значит, не выгоняешь? — прохрипел он и, борясь с дурнотой, потряс головой, — Вот дерьмо! Да что со мной? В груди как в адском пекле.

— Понятия не имею! Сама с таким никогда не сталкивалась. Я лечила тебя как человека, лечила как демона, результата нет. Возможно, теперь я смогу поставить тебя на ноги, чтобы ты поскорее убрался из моего дома.

— Излечи меня, нимфа! Что хочешь делай, но непременно излечи! — рухнул он на кровать. Глаза его закатились, он с трудом дышал, с побелевших губ сорвался тихий стон. Мой воин, возвращаясь к своим призракам, погружался в очередное беспамятство, — Я должен выкарабкаться хотя бы для того, чтобы знать правду.

— Куда ж мне деваться, — вздохнула я, зажимая рану рукой. Я обернулась к двери, чтобы послать Севера за очередной порцией свежей крови, но неожиданно Квинт ухватился за моё платье и резко притянул к посеревшему, изборождённому черными венами и покрытому каплями пота лицу. Я заглянула ему в глаза, которые теперь уже мало чем походили на цвет завораживающего аврана, и вздрогнула, притронувшись к свинцовой бездне его индивидуальной, полновесной боли.

— Запомни, нимфа! Я могу быть очень нежным и ласковым, — взорвалась глухой угрозой бездна, — но, если дашь мне подохнуть, достану тебя и оттуда. Ты сама подписалась на всё это дерьмо, когда влезла в мои мозги, так тебе меня и вытаскивать.

Он дернул меня на себя и впился в губы. Грубо. Коротко. Твердо утверждая вердикт, в котором само собой разумеющимся фактом являлось моё безоговорочное согласие. Будто преступницу, что осмелилась проникнуть в его вселенную, в его тайну, дерзнула познать о неприемлемой им же сути, насильно навязанным жестом воин возводил в статус соучастницы. Как странно, что не сопротивляюсь. Наоборот, к собственному изумлению я поняла, что мне понравилась жёсткая требовательность горячих губ, их жаркий вкус и даже непочтительность нелюдя. Меня словно манило в нечто неизвестно-притягательное, где сильное мужское начало незнакомым колдовством преобладает над женским, и до трепета становилось любопытно, что скрывается за чертой грубости чужака. Как это может быть — нежно и ласково? Захотелось на себе ощутить, каким иным может быть касание его губ. Я закрыла глаза ...

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Кельтские боги ещё не видывали такой кретинки! — как же скоро я стала корить себя за секундную слабость, плотно зажимая рану руками и... от обиды кусая губы. Поддавшись импульсивному желанию познать поцелуй чужака, на краткий миг я напрочь забыла о его состоянии и умудрилась поцеловать воздух, когда мой пациент уже был в отключке.

— Север! — заорала я волку, подавив на корню зарождающуюся панику. Почти моментально тот влетел в хижину, благо открыть дверь его массивной туше не составляло труда, — Север, миленький, живо крови. Срочно!

За исключением ночи, когда умерла мама, эта была самой тяжелой. Тяжелой для нас с Севером и переломной для Квинта. Серый друг работал на износ, притаскивая жертву за жертвой. Я, посредством заклинаний, целительных снадобий и магической силы горячей крови, как могла, поддерживала в легионере жизнь. Но без воли самого воина все наши усилия были бы напрасны, так как именно от величины его желания жить зависел исход той схватки, что по образу кельтского бога солнца Луга, отвоёвывая своё право на земное существование, он вёл со смертью за пределами моего ведьмовского созерцания.

Да, я не могла там быть с ним. Даже таким, как я, путь в мир теней заказан, но и без видения само тело воина говорило о его отчаянной борьбе. И невозможно не проникнуться уважением к тому, чьего жгучего стремления к жизни хватило бы и на десяток самых

сильных, не ведающих страха воинов. По крупице, по маленькому отрезку, пядь за пядью он вырывал у слепой вечности для себя будущее не ради самой жизни, а ради познания истины сна, будто в этой истине и была его жизнь.

Я всматривалась в осунувшееся, измождённое, выжженное болью нечеловеческое лицо, и, как ни странно, находила в нас обоих нечто общее. Ведь всё моё девичье существование, по сути — такой же одиночки, как и Квинт, было замешано на лжеисцеляющем снадобье из ироничного высмеивания и мелочной мести невежественному сброду, который вышвырнул испуганную сироту из своего круга и превратил в озлобленную ведьму-отшельницу. Уверенная, что так легче, я порционно принимала свой лжеэликсир, топя череду одиноких вечеров в изучении таинственных свитков и манускриптов, практикуя заклинания, познавая тайны магии и природы. Ощущая себя несоизмеримо выше презируемых мной людей.

Сейчас же, проводя аналогию между своей изъеденной горечью обиды на селян жизнью и судьбой воина, я представила, в какого монстра он может превратиться, когда примет правду о своей матери. Сердце его заледенеет, вечным холодом покроется чарующий взгляд зеленых глаз. В мстительном наслаждении он выпустит на волю алчущего зверя, что дарован ему от сущности отца. Квинт превратится в подобие меня, но, обладая нечеловеческой силой и яростью, он будет во много, много раз опаснее и ... столь же несчастен. Хочу ли я для него такого будущего? Хочу ли воспользоваться шансом и обрести равнодушного к чужой боли и горю монстра?

— Нет- нет, я ещё не выжила из ума! Этот путь к уничтожению, точнее, к медленному самоуничтожению, — ответила я сама себе. — Пусть я злобная ведьма для них, но не конченный человек для себя.

Мы словно две параллели, которые самым причудливым образом судьбоносно пересеклись для взаимного исцеления. Моё — будет продолжительным, не так-то просто избавиться человеку от многослойного яда, накопленного годами, его — мне казалось, теперь я знаю, что делать.

Не секрет, что немощное тело излечить можно подходящим снадобьем. Это дело верное и нехитрое. Но кто задумывался о том, что заблудшую в сомнениях душу также возможно излечить? Более того, со стороны ею возможно управлять. А ведь при должном умении есть такие мастера, что диву даёшься, как ловко способны манипулировать душой. И для этого не обязательно быть магом, достаточно неплохо разбираться в человеческих страстях и вовремя вставить нужное словцо. Подозреваю, что и моему отцу не чужда эта наука. Мне, конечно, до него далеко, но, тем не менее, кое-чему он меня научил, в том числе и несколькими полезными заклинаниями, в частности — чарам забвения.

Но прежде нужно срочно менять лечение, заодно будет возможность убедиться, правдив ли сон, в чем, в принципе, я и не сомневалась. То, что воину необходима именно кровь, я бы сказала: “Тут и к ведьме не ходи”, если бы сама не была ею. Я улыбнулась собственной шутке и, чувствуя, что во мне разыграло профессиональное самолюбие, отталкиваясь от теории, что Квинт — феноменальное порождение двух сущностей, в конце концов, решила

на поочередное использование чистой крови, что приемлемо для темных эльфов, и крови, насыщенной негативной энергией страха жертв, без чего не могут обойтись демоны.

Я подхватила плошку, наполненную кровью, совершила должный обряд очищения и понесла в хижину, подмигнув Северу. Мой приятель, обладая вредным характером, время от времени устраивал мне “сладкую” жизнь, а вернее — бессонные ночи. Когда мы не сходились в каком-либо вопросе, эта наглая морда до рассвета выла под дверью, намеренно не давая мне спать. Чувствую, ждёт меня ещё одна. Он пренебрежительно фыркнул, завертелся волчком и устроился у тисового дерева, повернувшись ко мне хвостом. Да уж, друг называется ...

Так как руки мои были заняты, я по привычке толкнула не совсем спиной хлипкую дверь и тем же непосредственно образом переступила порог собственного жилища. Однако, сделав пару шагов, к собственному удивлению обнаружила, что упёрлась задом во что-то... Вот чёрт! Чьи-то руки прошлись по моим плечам, по бокам скользнули вниз, уверенно обхватили талию и замерли.

— Квинт? — воскликнула я и медленно, чтобы не пролить содержимое сосуда, повернулась, хлопая глазами от резкого контраста между ярким полуденным освещением двора и полумраком хижины. Ну кто же ещё?! Мой пациент стоял по пояс обнаженный, благо дело, что в штанах, и нагло ухмылялся.

— Такая красота гибнет посреди болота! — нарочито вздохнул воин. Ладони его легли поверх моих, сжимающих плошку, и поднесли её к губам. Не отрываясь от меня, он выпил эликсир. Вдруг резко отшвырнул сосуд, схватил меня в охапку, притянул к груди так, что ноги мои повисли в воздухе, и со смехом закружил по комнате. Черти плясали в его зеленых с янтарными бликами глазах, и невозможно было оторваться от их завораживающей пляски. О! Это был уже не тот немощный легионер, силы которого были опустошены смертельным ранением. Пышущий здоровьем, дьявольски притягательный в своей дерзости чужеземец, твердо стоящий на брэнной земле, словно ветку удерживал меня одной рукой. Чуть надавит и пополам переломит.

— Пусти, — приказала я, но мой призыв больше походил на бляение жалкой овцы, чем на требование уверенной в себе женщины. Чёрт! Почему в его присутствии я постоянно попадаю в конфузные ситуации, а ещё чаще — робею? Определённо мне легче ещё раз встретиться с одноглазым, чем противиться магнетизму аврановых глаз. А он, будто понимая это, ещё крепче стиснул меня одной рукой, свободной же... бесстыдно схватил за задницу.

Я задохнулась от возмущения. Это неслыханно! Он вообще соображает, с кем он?! Я чтс ему, девка дворовая, или, быть может, сама перепутала заклинания и вместо чар забвения на сон наложила заклятие скудоумия? Да мыслимое ли дело ведьму за задницу хватать?! Как нельзя кстати вспомнилось предостережение отца об осторожности с воином. Уж не это ли он имел ввиду? Тогда чего, спрашивается, я рот раззявила и молчу? Опомнившись, я забарабанила кулаками по его плечам и выпалила:

— Дапусти же! Не было про меж нас уговора лапать меня.

— Верно, не было, хотя я очень даже не против, нимфа, — смеялся он, но видя моё недовольство, неохотно убрал руку.

— То-то же. А теперь немедля поставь меня на место, — указала я пальцем на пол, сердито хмуря брови и чувствуя, как на щеках вспыхнул румянец.

— И не подумаю, — лениво улыбаясь, заявил он.

— Что? — я настолько растерялась, что не нашлась, что сразу ответить.

Он же, воспользовавшись моим замешательством, продолжил: — Нимфа, я обещал тебе, что буду нежным и ласковым, если вытацишь меня с того света, помнишь?

— Смутно.

— Зато я всё прекрасно помню, — посерьёзnel он, и бесшабашная улыбка сошла с его губ.

Я испугалась, что заклятие не сработало, и он помнит свой сон — воспоминание о матери.

— Что ты помнишь? — произнесла я, затаив дыхание.

— Помню, что ты ответила на мой поцелуй.

Квинт не спросил напрямую, но в сдержанных его словах неприкрыто звучал вопрос: — “Почему?”

В обоюдном молчании я рассматривала красивое, спокойное мужское лицо, на которое время скупо нанесло жесткие штрихи одинокой усталости, и мне до одури, до зуда в пальцах хотелось разглядить каждую чётточку так, чтобы вновь вернуть ему улыбку. Но на сей раз искреннюю, заразительную, чтобы потеряться в ней всем сердцем, и вместе с ним смеяться над таким нелепым одиночеством в прошлом. Мы внимательно смотрели друг другу в глаза, оба неидеальные, непохожие на многих и многих иных, совершенно разные меж собой по природе, но, с другой стороны, кто же тогда под стать ведьме, если не демон, пусть даже наполовину?

— Поцелуй меня, ведьма... — прошептали его губы.

ГЛАВА 25. ЛОНДИНИУМ.

Алистар.

— Ну и мода нынче пошла — чуть что, сразу кулаком по морде. Что-то не очень мне в последнее время везёт, — поморщился я, в темноте оценивая на предмет увечий собственное лицо.

Похвастаться было особо нечем. Один глаз, правда, не пострадал, но вот второй полностью заплыл, и видеть им я не мог. Вновь рассечённые губы распухли. Кажется, досталось и носу. Тошнота и головокружение свидетельствовали о возможном сотрясении, и гул в ушах стоял такой, что не слышно собственной речи. Ко всему прочему, с учётом того, что находился я в кишачем крысами затхлом каменном подземелье, ледяная сырость которого пробирала до костей даже сквозь лужёную эльфийскую кожу, дела мои были на редкость дерьмовыми.

Да уж! Красавец, не иначе. Сейчас кулаки Фиена мне казались дружескими объятиями, а с учётом ситуации, в которую умудрился вляпаться по собственной глупости, пожалуй, я был готов согласиться с демоном, что все беды из-за баб. И венец лидерства в их плеяде я бы с почестями водрузил на очаровательную головку Иллиам Дроум-Зартрисс, ласку нежных пальчиков которой имел сомнительное удовольствие испытать несколько часов назад на собственной шкуре. Я всё ещё пребывал в лёгком ступоре от её столь эффектного воскрешения, удивляясь, как умудрился быть настолько слеп, что не почувствовал темного эльфа. Не в пример интуиции, мой член отреагировал на неё моментально. Впрочем, ни один полноценный мужик не смог бы пройти мимо сего соблазна в юбке, а уж без неё ... Сейчас, я готов был смеяться над собой, если бы не разбитая рожа и привкус горечи, которую испытывает неудачник, угодивший в ловушку.

— Хорош советник, ничего не скажешь! Над горячностью демонов посмеивался, а тут сам же им и уподобился. Да, вождь, тут не на голову нужно укорачивать своего советника, а на член, ведь чтобы поддаться на такую дешёвую уловку, нужно быть полным мудаком, — усмехнулся я, вспоминая недавнюю угрозу Мактавеша обезглавить меня. Я осторожно утёр кровь с подбородка оторванным рукавом рубахи и попытался сесть, но стены камеры угрожающе зашатались, к горлу подступила тошнота, поэтому при всей брезгливости к условиям моего нынешнего пристанища, лучше было отлежаться на прогнившей соломе, куда меня бесчувственного и швырнули стражники, предварительно отведя душу:

— Обвела ведь, как распалённого юнца обвела вокруг пальца. Вот уж точно росомахино племя...

Она была несравненно хороша, эта белокурая жрица любви в золочёной маске. И даже несвоевременность её предложения не удержала меня от моментального желания обладать ею. Да и возможно ли устоять, если пред тобой само очарование дрожит от неудовлетворенной страсти. По крайней мере, именно так я тогда считал. Нежные пальчики её в спешке забираются под мою одежду, лёгкими прикосновениями ласкают грудь, она трётся обнажённым бедром о пах, призывая к ответу, и, ощущая себя как никогда живым, отмечаешь всё брэнное, в молчании сминая податливые губы. Она — амброзия, вкус исступления, самого эротизма. И когда этот эталон греха рукой несмело, будто прося,

забирается мне в штаны, тонкие пальчики в запрещённом приёме умело сжимают мужскую плоть, жрица опускается перед мной на колени и в чувственной ласке дарит откровенное, немислимое наслаждение, это равнозначно окончательной капитуляции. Полновесное, всеобъемлющее ощущение преклонения самой женской сути в образе этой прелестницы перед мужским, заложенным глубоко в генах, инстинктом завоевателя. Блудница в совершенстве владеет искусством соблазна, идеально чувствует мужское тело, и ни один праведник, будучи мужиком, не устоит перед утончённой, сладчайшей пыткой, с которой то безгранично щедро, то мучительно скупно посасывают член искушённые губы.

Чёрт дёрнул меня пробраться именно в эту палату! При всём здравомыслии, в конце концов, я не железный! Как все, из плоти и крови, а она... она завела меня непомерно. Спешно подхватив златокудрую деву на руки, я впился в её уста, стремясь скорее добраться до ложа и одновременно выпрыгнуть из спущенных штанов. Но стоило мне уложить её на шкуры, окончательно расправиться с собственной одеждой и нависнуть над ней в нетерпящей жажде близости, как её рот скривился в презрительной усмешке, и, упираясь руками мне в грудь, во всю глотку она стала исступлённо орать:

— Помогите! Насилуют!

Признаться, я опешил. Столь резкая перемена в её поведении настолько поразила меня, что я не сразу понял смысла развернувшегося спектакля. Ошарашенно я смотрел на истерически вопящую фурию, вонзившую когти мне в грудь, слышал сквозь её крики топот бегущих в комнату людей, и отрешённо понимал, что вовлечён в какую-то чужую игру в главной роли со мной и отменной лицедейкой. Когда же чары соблазна окончательно выветрились и прекратили своё действие, я ощутил то, чего меньше всего мог предполагать — энергетику тёмного эльфа. Она была столь мощной и богатой, что я диву давался, как не почувствовал её сразу. Жрица была такой же, как и я! Более того, мне стало казаться, что я начинаю её узнавать, ведь, несомненно, где-то я уже слышал этот голос, знаком с этим запахом, а эта ухмылка, которой наградила она меня до... Твою ж мать! Не может быть, чтобы это была ОНА!

Я едва успел сорвать с лица эльфийки золочёную маску, чтобы увериться в своей догадке, прежде чем ворвавшиеся солдаты стащили меня с неё, швырнули наземь и принялись молотить. Уже потом, когда меня, изрядно поколоченного, волоком тащили в темницу, я смог расслышать, что помимо насилия мне инкриминируют также и убийство какого-то губернатора, но все то время, пока стражники вымещали на мне свою прыть, их усердие как-то вяло доходило до меня, слишком впечатлительна была встреча с Sam Verya.

Как причудливо всё складывается. Сперва Мактавеш приволок принцессу, теперь неожиданное появление этой гадюки. Неужто призраки прошлого возвращаются, или догма о материальности мысли имеет действительную под собой почву?.. Если так, Лайнеф я искал, и даже сейчас, несмотря на неверные её выводы и унижительное обвинение, искренне рад видеть наследницу, то, что касается Дроум-Зартрисс, её воскрешение никоим образом не входило в мои планы. Пусть я частенько и вспоминал о ней, но лишь как о ярчайшем

примере беспринципной стервы, не гнушающейся ни убийством, ни распутством. Хотя, не скрою, думать, что именно она стояла передо мной на коленях, было невероятно приятно, и, пожалуй, я не скоро забуду виртуозную работу её губ, но последующие события полностью подтверждали давно сложившееся мнение об этой женщине.

— Ну что же, Иллиам Sam Verya, по весьма странному стечению обстоятельств наши судьбы вновь пересеклись. Не скажу, что я в восторге от этого, но должок у тебя теперь передо мной есть. Хороший такой должок.

Злость на неё придала мне сил и, покряхтывая от боли, я стал подниматься. Возможности одеться в той злополучной комнате мне не дали, хорошо, вещи швырнули в камеру. Нужно было хоть мало-мальски привести себя в порядок да справить нужду, благо дело, единственное удобство в виде полупрогнившего ведра имелось. Зная Молоха и Шагса, я нисколько не сомневался, что оценивать щедрое гостеприимство местных властей мне остались считанные часы. Демоны — ребята серьезные, не потерпят унижительного плена одного из своих. А застукай меня эти хохмачи в чём мать родила, да таким расписными красавцем — смеха потом не оберёшься.

«Одного из своих» — абсурдная ирония жизни, не меняющая факта своего существования из-за собственной абсурдности. Тем не менее, я не жалел о прошедшем столетии, проведенном в одной «упряжке» с демонами, и буду искренне сожалеть, если в будущем в борьбе за земли эльфов мне придется скрестить свой меч с кем-нибудь из клана Мактавеша. Радует, что рассчитывать на подобное не приходится — слишком мизерный шанс на возвращение головорезов в Темный мир.

Ну, что-то я отвлёкся. Пора о насущном ... Теперь уж Молох определённо прав — нужно выбираться отсюда и возвращаться в Данноттар, оставаться в Лондиниуме бесполезно. Миссию свою как Каледонского посла по собственной дури и с содействия белокурой мегеры я благополучно провалил, хотя... Погоди, советник, погоди! Минуточку! Куда это я тороплюсь? Давай-ка остынем, отбросим в сторону тот факт, что Дроум меня обломала, и зададимся элементарным вопросом: «Какого чёрта она тут ошивается?» Зная её неуёмные амбиции, рядовой статус подстилки ей никак не подходит, а то, что своими прелестями она и евнуха до оргазма доведет, придаёт ей немалой ценности и веса среди власть имущих. Так, так... Возможно, стоит задержаться в этих чертогах и понаблюдать, как дальше будут развиваться события. Ну, а если запахнет «жареным», вот тогда уж Молох с Шагсом пусть меня и вытаскивают:

— Охрана!

Иллиам.

В сопровождении стражи я вновь шла по тому же коридору, в котором совсем недавно лишила жизни омерзительную субстанцию, именуемую совсем недавно Крофордом, и ни один мускул не дрогнул на моем лице, когда поравнялась и прошла мимо того места, где все и произошло. Сейчас меня больше волновало иное, а именно: не проходящее ощущение роковой ошибки, допущенной мной в отношении незнакомца в чёрной маске. И вроде бы всё

рассчитала, удачно разыграла, придаться не к чему, но сама жертва меня тревожила безмерно. Это сравнимо с тем, как если бы тебе завязали глаза и дали испробовать достойное вино. Ты чувствуешь знакомый вкус, но никак не можешь вспомнить, когда и где ранее пил его, и даже названия не помнишь, а упрямая память отказывается уступить. Необъяснимым было и то, что я не почувствовала рядом с ним человеческой ауры, будто её и не было в помине, хотя мои нервы за эту тяжёлую ночь настолько на пределе, что ничего удивительного.

Но больше всего испугала собственная реакция на этого самца. Впервые за долгие годы мне хотелось секса. С ним. С загадочным незнакомцем в маске, от которого за версту несло высокомерием. Добротного, голого секса, не во имя чего-то, по принуждению или за какие-то блага, а НАСТОЯЩЕГО! Страстного, дикого, животного! Так, чтобы кости трещали от его объятий, чтобы забыть своё имя и кто такая, орать не от боли и презрения к себе, а от непритворного оргазма, пока он вколачивается в тебя. Чтобы почувствовать, что такое быть слабой, желанной женщиной в руках сильного мужика.

«О, эльфийские боги! Что это со мной?!»

Я остановилась, пытаюсь унять биение сердца.

— Госпожа, тебе плохо? — спросил кто-то из стражников, поддерживая меня под локоть.

— Нет-нет, — глубоко дыша, приглушённо ответила я, прикрыв глаза. — Просто стресс... не каждый день становишься жертвой насильника.

— Ничего удивительного, госпожа, — выражал сочувствие сердобольный служака. — От этих каледонских ублюдков всего можно ожидать. Убить досточтимого губернатора, позариться на такую красоту ... Звери, а не люди.

— Каледонских? — подняла я удивлённый взор на солдата.

— Оу, — замялся он, озираясь по сторонам и в замешательстве поглядывая на сослуживцев, ненамного ушедших вперед. — Я должен держать язык за зубами, но... В общем этот выродок, что напал на тебя, поговаривают, он из шайки самого Мактавеша, что появилась в городе на днях. Вроде как, сам посол. Но ты не бойся, госпожа, говори с Вортигерном как есть. Господин после смерти Клавдия лютует, с убийцами и насильниками скор на руку.

Вот она, та самая роковая ошибка, не дававшая мне покоя. Собственноручно я перечеркнула единственную возможность на спасение Лайнеф. Дьявол! Но это невозможно! Как я могла так просчитаться?! Как могла принять за очередного павлина дикаря?! Ответ напрашивался сам собой: он был слишком хорош для варвара и больше походил на вельможного сановника, отлично вписываясь в окружающую обстановку. Лоск, холеность, исходящий от него запах сандалового масла — в моём представлении всё это ну никак не

вязалось с дикарём.

На негнущихся ногах, поддерживаемая стражником, шла я к Вортигерну, лихорадочно ища разумное объяснение поведению моего «наильника». Посла нужно во чтобы ни стало оправдать, в противном случае, если его казнят, ни о каком союзе между Британией и Каледонией не может быть и речи. Мактавеш не простит такого оскорбления.

Между тем, мы пришли к покоям Вортигерна, и стража почти сразу открыла передо мной двери. Всё та же огромная палата с уже знакомой обстановкой. Разница лишь в том, что на сей раз Вортигерн был не один. Лукреция и какой-то мужчина — судя по неприметной внешности, либо доносчик, либо соглядатай — внимательно слушали его монолог, но как только я приблизилась к ним, кельтский князь замолчал и уже привычно изучающим взглядом обозрел мою персону:

— Не думал, что столь скоро увижу тебя вновь, госпожа, и при таких неприятных обстоятельствах. Прими мои соболезнования по случаю смерти губернатора Крофорда. Бедняга. Он был так вдохновлён вашим знакомством.

Сцепив в замок руки перед собой, Вортигерн замолчал, выдерживая приличествующую случаю паузу. Казалось, он глубоко скорбит и погружен в собственные воспоминания, связанные с Крофордом. Но это лишь ширма, не более, слишком активна была аура, окружающая его, а в глазах самого влиятельного человека Британии стыло безразличие.

— Ну что за спектакль?! — скривила я лицо в недовольной гримасе. Давно известная уловка расположить к себе малознакомых людей, убрав из арсенала неискренность и воспользоваться прямолинейностью, всегда оправдывала себя. Вот и на этот раз все трое удивлённо уставились на меня, но я намеренно обратилась исключительно к Вортигерну, тем подчёркнуто акцентируя его внимание на нашем равноправном партнёрстве:

— Князь, у тебя отменные информаторы и, к отраде моей, светлый ум, — чуть сгладила я резкость своего заявления неприкрытой лестью. — Думаю, ты не хуже меня знаешь, что с Крофордом я связалась ради знакомства с тобой, поэтому не стоит тратить на формальности ни наше с тобой, ни людей твоих драгоценное время. Давай перейдём поскорее к делу, ночь была для меня слишком ... тяжелой.

Я обняла себя, растирая плечи якобы от холода. Как просто и естественно общение, когда от тебя не зависит жизнь близкого человека, но, когда всё иначе, нервы натянуты до предела. Взвешиваешь каждое слово, каждый жест, чувствуешь, будто идешь по раскалённым углям, и, понимая, что всё может в одночасье рухнуть, испытываешь отвратительный страх, на грани паники. К таким ощущениям я не привыкла, и сейчас мысленно умоляла себя собраться, забыть о подруге и быть предельно внимательной.

Вортигерн был обескуражен моим поведением, но одобрительно кивнул. И тут же ко мне поспешила Лукреция с сочувственными речами:

— Дорогая, мне так жаль, что тебе столько сегодня пришлось пережить. Он не избил тебя? — имела ввиду она каледонца. — Как бледно ты выглядишь.

«Я бледно выгляжу от природы» — сдерживаясь, чтобы не рывкнуть на эту глупую курицу, я потупила взор. Теперь уже она растирала мне плечи, изредка бросая настороженные взгляды на хозяина, а по кислой его физиономии я сделала вывод, что Вортигерн терпеть не может женских слёз, впрочем, как подавляющее большинство самцов. Но вот он кивнул, хлопнул в ладоши, повернулся к единственному человеку, до сих пор хранящему молчание в покоях кельтского вождя:

— Ну что же, к делу так к делу. Иллиам, ты вовремя. Я как раз собирался выслушать доклад Сигвата, моего личного лекаря, которого и просил осмотреть тела убитых, в том числе и несчастного Крофорда. Сигват, поведай нам своё заключение.

— Убитых? — разыграла я удивление.

— Да, — отмахиваясь, будто от назойливой мухи, поторопился ответить князь. — Помимо губернатора ещё три важные персоны отдали богу души. Если так интересно, подробности тебе Лукреция потом опишет. Сейчас же давайте послушаем мнение эксперта.

— Мой господин! — Сигват, неприметный человечек с самыми заурядными внешними данными, вышел вперед, привлекая к себе всеобщее внимание. — Я затрудняюсь что-либо ответить однозначно, потому что впервые за всю свою практику сталкиваюсь с подобным. Двое были убиты насильственным способом — им просто расплющили глотки, потому что задохнулись. Господин же Крофорд и господин Унтрейк умерли от элементарного разрыва сердца, будто были страшно напуганы чем-то или кем-то. Судя по всему, либо они сами убили двух других и, напуганные содеянным, устремились бежать, а их сердца не выдержали, или был кто-то пятый, но тогда этот пятый должен обладать необычной силой. Просто сверхчеловек какой-то, или сам дьявол.

— Эва, куда тебя понесло, — хохотнул Вортигерн. — Уж прямо-таки дьявол? Ты ведь не веришь во всякую чертовщину, Сигват.

— Да, господин мой, не верю, но насмотревшись на такое, тут уж не знаешь, чему верить, а чему нет. Что характерно, на спинах господ Крофорда и Унтрейка есть небольшие ожоги, аккурат напротив сердец. Можно подумать, их молнией поразило, отсюда и смерть. Но позвольте полюбопытствовать, когда это по подземельным туннелям молнии разгуливали? Не иначе, как само возмездие, кара Господня настигла, — развел Сигват руками.

— То есть, ты считаешь, — голос Вортигерна прозвучал необычно тихо, что не осталось незамеченным его людьми. Он выдержал паузу и продолжил: — что человеку такое не по силам?

Я почувствовала, как сжалась Лукреция, а бедный лекарь сглотнул ком в горле прежде,

чем ответить:

— Я знаком с искусными воинами, способными сломать шею, — запнулся он, — но мне неведомы те, кто мог бы разорвать сердце, не вскрывая грудную клетку. Нет, господин, это не человеческих рук дело.

— Пошли прочь! Все, кроме тебя, — прорычал Вортигерн, указав на меня. Сигвата и Лукрецию как ветром сдуло. В покоях воцарилась тишина, нарушаемая лишь поступью шагов князя. Кельтский вождь приблизился ко мне и взглянул долгим, изучающим взглядом.

О, да! Мне знаком этот настороженный, ничего хорошего не сулящий взгляд недоверия властителя, от которого инстинкт самосохранения посылает сигнал опасности в мозг. Тот, ещё не понимая причин, не зная сути вопроса, панически ищет решение, будоража воображение, что мешает сосредоточиться. Кровь спешно бежит по жилам, бросая то в жар, то в холод её обладателя, а по спине и в затылке щекочет омерзительный холод. Совсем неприятные ощущения...

— Ты ничего мне не хочешь рассказать, партнёр? — иронично заметил Вортигерн, указательным пальцем приподняв мой подбородок.

Дьявол! ...

ГЛАВА 26. ЛОНДИНИУМ.

Иллиям.

— Ты ничего мне не хочешь рассказать, партнёр? — иронично заметил Вортигерн, указательным пальцем приподняв мой подбородок.

Дьявол!.. Что на этот раз?! Одна ошибка за другой — это уже перебор. Да быть не может, чтобы этот человецишка, пусть и не в меру проникательный, рассмотрел во мне иную! Невозможно! Мы почти такие же, как и они. Подумаешь, кожа немного бледнее, что вполне допустимо для жителей туманного Альбиона, остроконечны уши, но их мы научились искусно прятать под волосами, ну слегка холодны... Хотя тут я могла бы и поспорить. Лайнеф вон как прижилась среди людей, эмоции так и бьют фонтаном, а это больше свойственно человеку, нежели эльфу. Но в целом-то, при всех наших особенностях, непосвященному немислимо заподозрить в нас чужих. Тогда что же не даёт покоя этому дельцу?

Я пожала плечом и отвернула в сторону голову, освобождаясь от руки Вортигерна:

- Право, я не понимаю, о чем ты, князь.

- Не играй со мной, римлянка. Представь, чем может обернуться такая игра для зачинщика. Что ты делала в палате для частных встреч, когда я потребовал вернуться к Лукреции и быть рядом с ней? Для твоей же безопасности, между прочим.

Ах, вот оно в чём дело! Я уж грешным делом задумалась об ином... Ну что же, ответ на вопрос князя был мной подготовлен заранее:

— Мне передали, что она меня ждёт там, — тяжело вздохнула я, потирая виски.

— Кто передал? — тут же вцепился в мои слова Вортигерн.

- Ну откуда мне знать, князь? Человек, как все остальные. Я не приглядывалась, так как полностью была погружена в наш предшествующий разговор. Даже не могу ответить, раб он был или знатного сословия, полагая, что кто-то из твоих людей.

— Занимательно, с учетом того, что ты наблюдательна, — сыронизировал кельт.

- Ну, знаешь ли! — справедливо возмутилась я его недоверием. — Если бы я только догадывалась, что во дворце, где и без моего тела предостаточно «бери-не-хочу», небезопасно разгуливать...

- Иллиам, — грубо перебил меня Вортигерн, вынудив замолчать. — Тебе, итальянке, после того, как Рим вывел войска и оставил бриттов беззащитными перед озверевшими полчищами пиктов и скоттов, по Лондиниуму не стоит разгуливать. В крайнем случае, под усиленной охраной. Но речь не о том. Ты заявила о нападении на тебя. Мы не трусливый Рим, предавший свои колонии и людей ради спасения. В Британии чтут законы, и здесь посягательство на жизнь и честь вельможи карается смертной казнью. Уверяю тебя, если над тобой совершено злодеяние, виновный понесёт наказание. Но я в искреннем недоумении. На политической арене персоне губернатора ровным счётом ничего не значит. Пшик. Пустышка, не имеющая влияния. А тут такая неожиданность — посланник Мактавеша, вдруг, тайком пробирается во дворец, обманным способом завлекает именно тебя в покои, где, восплавав неожиданной страстью, рискуя положением, пытается изнасиловать, и именно губернатора Крофорда, по совместительству твоего любовника, находят мёртвым. Очень странно, не находишь?!

Резонно, нет спору. В логике кельту не откажешь, недаром достиг таких высот. Ясное дело, что делец усмотрел очевидную выгоду от союза с Мактавешем и ищет пути, чтобы выгородить посланника. Спасибо, что мысли не допускает о моей причастности к убийствам. Но Вортигерн прав — если объективно взглянуть на вещи, все произошедшее напрямую, либо косвенно связано со мной. Хотя... а ведь в этом что-то есть!

Идея родилась спонтанно, была сырая, рискованная и грозила потерпеть фиаско, но, если посол не дурак, на что я очень рассчитывала, могла оправдать себя, сохранив нам обоим жизнь. В любом случае Вортигерну лучше принять её, иначе вслед за Крофордом ему придётся отведать ласку руки Sam Verya.

Между тем Вортигерн начинал раздражаться. Глаза человека полыхнули неприкрытой угрозой, глубокая складка пролегла на лбу.

— Отсюда я повторяю свой вопрос, и жду правду, иначе... Итак, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Князь, это... это глубоко личное, — простонала я, запинаясь. Отойдя от кельта, медленно направилась к окну, наблюдая за лучами восходящего светила, играющими изумрудными бликами в ожившем саду. Вот теперь очень к месту и слезу добавить. Я приложила ладонь к горлу, сдерживая грозивший обрушиться на собеседника поток рыданий:

— Боги смеются надо мной, господин. Когда-то я в спешке бежала от этого человека из Рима, а теперь по злему року судьбы мы встретились вновь. Я не знала, что он обосновался в Каледонии и что именно он — посол Мактавеша.

— Ты беглая рабыня? — изумлённо воскликнул князь.

— О! Нет, нет! Всё было бы намного проще, если бы так, — я горько рассмеялась. — Я аристократка от кончиков пальцев до корней волос, хотя по нынешним временам и высокое положение не застраховывает от участи стать рабом. Я его жена, князь.

— Ого! Вот так расклад! — присвистнул Вортигерн. — Но раз так, для чего же ты звала на помощь?

— С нашей последней встречи прошло много времени, — я отошла от окна и стала нервно мерить шагами комнату. Подобно течению горного ручья, ложь с лёгкостью слетала с моего языка. — Не хочу рассказывать историю нашего брака и моего бегства, она слишком утомительна для посторонних ушей. Скажу лишь, что причиной послужило беспутное поведение моего мужа, ибо в Италии оно считается нормой, я же тогда больше ценила верность и домашний очаг. Этой ночью я не узнала его под маской и в свете свечей, да и времени не было на узнавание. Уже потом, позже, когда его выволокли, я поняла кто он, а тогда... Как только я вошла в покои, некто набросился сзади, ни слова не говоря, принялся срывать с меня одежду, затем повалил на шкуры... Дальше, думаю, не стоит рассказывать.

Всё то время, пока я изливала душу, я ощущала повышенный интерес к моему рассказу князя, поэтому, когда повернулась к нему лицом, спокойным, уверенным взором встретила его испытующий взгляд. Мы молча смотрели друг на друга. Вортигерн колебался, понимая, что своей историей я отрезала ему все пути подложить меня под Константа. Жена каледонского посла никоим образом не может стать шлюхой короля бриттов. А вот глазами и ушами князя в замке Мактавеша — вполне даже. Стоит «умаслить» Вортигерна и подтолкнуть к такой мысли.

— Так что, господин, предъявленные обвинения посланнику Мактавеша придётся снять. К смертям вельмож, как ты понимаешь, отношения он не имеет, так как был со мной. И потом, он, конечно, статный мужчина, но даже ему не по силам молниями швыряться. Что же касательно меня — у него законное право поступать со мной, как заблагорассудится. Выпускай, князь, моего блудливого мужа, видать, судьба мне следовать за ним, пусть даже и к дикарям. Только вот на счёт Лайнеф — обещания своего не забудь.

По сути, свои условия я кельту выдвинула — свобода принцессы на моё соглядатайство в клане Мактавеша. Разумеется, с головой я дружу и не собираюсь следовать в логово зверя. Договорюсь с послом, в крайнем случае, выкуплю собственную свободу. Главное — вытащить Лайнеф, разыскать нашего мальчика Квинта и свалить на материк с этих чёртовых земель. Пусть все они хоть поубивают друг друга, это меня не касается. Но что бы я ни делала, сколько бы ни лгала, соблазняла, льстила, заискивала, ломала чужие жизни и, в конце концов, убивала, противясь стремительно развивающимся событиям, тревожное предчувствие несбыточности собственных планов не оставляло меня. Странная, эмоционально тяжелая ночь вакханалии, закончившаяся для всех. Маски сброшены, и пресыщенные, пьяные, удовлетворённые в похоти её участники разъезжались по своим домам. Маскарад кончен. Одна я осталась в ожидании теперь уже от меня не зависящего финала — окончательного вердикта Вортигерна.

— Римлянка, — оттягивая время, он неторопливо прошёлся по покоям, подошёл к настенному канделябру и в задумчивости стал тушить свечи. — Твоя история настолько невероятна, что я бы принял её за вымысел.

Полувопрос — полуутверждение, сопровождаемое красноречивым взглядом расчётливого ума, принявшего решение.

— И, тем не менее, другого объяснения я не вижу, следовательно, самое невероятное и есть истина. Я склонен поверить тебе, госпожа Иллиам. Если посол подтвердит твои слова, ты последуешь за ним, чему он будет рад, декурион вернётся в свой удел и будет под моим покровительством, чему рада будешь ты, у меня же, к моей радости, будет свой верный

человек в Данноттаре. Все счастливы и довольны.

— Если твои бугаи не вышибли моему мужу память, господин, — усмехнувшись, небрежным тоном внесла я маленькое уточнение.

Вортигерн искренне расхохотался:

— Нет, ну в самом деле, насколько же мы, мужики, примитивны и недалёки, раз недооцениваем женского ума. Жаль! Жаль, что многие из нас видят только ваши прелестные лики и соблазнительные тела, абсолютно не отдавая отчёта, какой поистине значимый потенциал сокрыт в ваших головах. Хорошему правителю непременно нужно иметь целый штат вот таких очаровательных валькирий, как ты. Уверен, Виктория сопутствовала бы Британии.

Тут я не знала, что и ответить, но, как нельзя кстати, в двери постучали и, ниц кланяясь, вошёл страж.

— Господин, каледонец настаивает на встрече с тобой, говорит, что у него к тебе неотложное дело.

— Вы хоть имя его узнали?

— Да, господин, разумеется. Он назвал себя... Алистаром Кемпбеллом.

— Хм... не слышал о таком. Ну что же, приведи, — довольный кельт повернулся ко мне. — Очень кстати. Сейчас всё и разрешится, но что с тобой, римлянка?

— Алистар? — успела я прошептать, прежде чем просторные покои князя, вместив в себя пленника, вдруг стали казаться ужасно тесными.

Он шёл, прихрамывая, в разодранной грязной рубахе, не скрывающей кровоподтёков на груди, придерживал повреждённую левую руку, невозможно узнать черты разбитого, опухшего от побоев лица, но, эльфийские боги, это был, несомненно, он. Сколько помню, эта вечная ледяная невозмутимость, постоянно раздражающая меня прямая спина с расправленными плечами, высокий рост и волосы цвета соломы — всё это так характерно для него. Но особой отличительной чертой Алистара Кемпбелла было то, что даже уступая и проигрывая, он никогда не выглядел таковым. Да, наряду с напыщенностью, вынуждена признать, он отличался острым умом, обаянием и, говорят, деликатностью, хотя в отношении меня его арсенал состоял в основном из саркастических насмешек и нескрываемого презрения, но и сейчас, пребывая в незавидном положении, держался он с чёртовым достоинством, чем не мог не вызвать уважения и расположения собеседника.

Странно конечно, что я не почувствовала его ауру в той злополучной комнате. Хотя до этого ли мне было, когда сперва искала козла отпущения, а затем слишком этим самым козлом увлеклась. В любом случае, он остался не в накладе. Чёрт! Я тряхнула головой, всё ещё ощущая во рту терпкий вкус Алистара Кемпбелла, и краска стыда прилила к лицу от пикантной картины, в которой ублажала темного эльфа, когда-то регулярно изводившего меня во дворце Валагунда. Да будь он последним мужиком на свете, при всей его привлекательности я бы с ним не легла, а тут, как драная кошка, возжелала. Спасибо стражникам, что времени не дали, а то бы точно с ним переспала. О, нет! Так дело никуда не годится. Вся беда в том, что слишком давно у меня не было здорового, полноценного секса. И во всем виновата эта несносная Лайнеф! Каледонию ей подавай! Да там не единого приличного самца! Вот вытащу эту венценосную особу, получу с неё полную компенсацию.

Меня колотило от злости, щёки горели, а мысли путались. О боги! Я же в жёны ему набилась! Не представляю, как посмотрю в глаза циничному Алистару Кемпбеллу.

— А вот и виновник нашего маленького переполоха! — воскликнул Вортигерн,

направляясь к послу.

Алистар.

Приятно осознавать, что судьба не всегда поворачивается к оклеветанным исключительно задом. Это внушает некий оптимизм. Сразиться с драконами или заключить сделку с дьяволом, чтобы добраться до нужных лиц и восстановить своё честное имя, а в особенности до одной эльфийской дряни, чтобы сдвинуть её хрупкую шейку пальцами, я был сейчас физически не готов, а тут — на тебе! — усилий и прилагать не пришлось. Стоило лишь сказать, что желаю встречи с Вортигерном, с меня тут же сняли цепи и без возражений повели к нему, будто я просил не о чем-то из ряда вон выходящем, а о прогулке на скотный двор. Хотя, если рассудить здраво, навряд ли такая услуга прилагается к прејскуранту обслуживания постояльцев местных тюремных камер.

Тем отрадней было очутиться в покоях Вортигерна, где с особым удовольствием лицезреть, как упомянутая мной особа с зардевшимися щеками кусает себя же за змеиный хвост, пытаюсь делать вид, будто ничего между нами из ряда вон выходящего этой ночью не произошло. «Ну-ну, дорогуша, и не мечтай! Я уж постараюсь, чтобы память твоя была исключительной!»

Спутником её мог быть только он, сам Вортигерн собственной персоной, что с распротёртыми объятиями шёл ко мне навстречу, — слишком уверенно держится. Такой радушный приём насильнику и убийце, мягко говоря, обескураживал. Похоже, прохиндейка уже «обработала» бедолагу, вот только что наплела и как это отразится на мне и моей миссии в Лондиниуме — оставалось загадкой. По крайней мере, начало интриговало.

— И в самом деле, маленький переполох, — с определённой долей иронии подтвердил я слова Вортигерна, потирая здоровой рукой разбитую щеку. На римский манер за запястье пожал протянутую руку улыбающегося Вортигерна, пытаюсь ответить тем же, но собственная улыбка вышла жалким подобием. — Прошу простить мой внешний вид и вынужденную ущербность мимики вследствие столь жаркого и фееричного приёма. Полагаю, мне нужно представиться и сообщить о цели своего визита.

— Не стоит, друг мой! — уж каким-то больно покладистым был этот Вортигерн. Я ожидал скорее допроса с пристрастием, а не заверений в дружбе. — Кто ты и откуда прибыл, мне и без твоих представлений известно, тем паче, встреча наша несет частный характер. Сие ты поведаешь Константу после коронации на официальном представлении. Зачем же проник во дворец, мы уже разобрались, так как ясность внесла твоя прелестная женушка.

Женушка?!.. Раз пять про себя повторил я это слово, уверенный, что ослышался. Может у бриттов оно имеет иное значение? Жёнушка. Жена. Вечно недовольная, сварливая баба, постоянная головная боль, которую нужно кормить, поить, и за судьбу которой в ответе. Да они что тут, совсем все охренели?! Какая, к чёрту, жена?! Когда это я умудрился настолько тронуться умом, что женился, да так, что сам не заметил?! Онемев от изумления, я устоял на Вортигерна, ощущая себя единственным разумным двуногим в богато обставленной богадельне душевнобольных. Я уже намеревался заверить Вортигерна, что произошла суцая несуразица, что, скорее всего, он принял меня за кого-то иного, что никогда не был женат, и женитьба никак не входит в мои ближайшие планы, когда в дело вмешалась Иллиам Доум-Зартрисс. Она подошла ко мне, аккуратно притронулась рукой к плечу, и, слегка улыбнувшись, запела:

— Алистар, муж мой, мне пришлось поведать господину о нашей долгой разлуке и о

том, что к стыду своему, не узнала тебя ночью. Прости меня, ты так пострадал из-за моей несообразительности. Князь мудр. Он понял всю неловкость создавшегося положения и снял с тебя обвинения.

Сохраняя молчание, я смотрел на неё уцелевшим глазом, понимая, что она не шутит. Определённо, исправно начищенная морда для меня сейчас то, что нужно, иначе моё изумление и отвисшая челюсть навряд ли остались бы незамеченными Вортигерном. Ловко, ничего не скажешь. Одним махом золотоволосая стерва умудрилась выгородить и себя, и меня. Стоит отдать должное изворотливости её ума. Хотя, на мой личный вкус, для этой женщины достаточно и тех достоинств, которые я уже имел удовольствие оценить. Теперь я был уверен, что Иллиам в Лондиниуме не просто так время проводит, в противном случае резона спасать мою шкуру ей нет. Если это не случайность — а в них я верил меньше всего — как не крути, мы с ней в одной упряжке — оба ради спасения принцессы Лайнеф.

Ну что же, раз мы союзники, и она возжелала стать моей женой, как я могу отказать даме, а заодно насладиться маленькими плюсами моего неожиданного брака!

— Я просто счастлив, что ты одумалась, моя дорогая! — притянул я Иллиам к себе, демонстративно схватил за зад и разбитым ртом облизывал её губы. Хотелось бы, конечно, чтобы поцелуй вышел более эффектным, но... Тёмная напряглась, я чувствовал, как в ней закипает протест, но отстраниться не посмела. Чёрт! Мне определённо нравится роль её мужа! В результате отстранился я.

— Господин Вортигерн, я непомерно рад, что всё разрешилось к всеобщему удовольствию. И если наша встреча носит частных характер, и обвинения с меня сняты, не могу просить о большем, нежели как возможности уединиться со своей жёнушкой. Признаться, мне необходимо отлежаться и насладиться её обществом, — пусть лицо отказывалось мне служить, голос был вполне подвластен, поэтому Вортигерн понимающе ухмыльнулся.

— Разумеется. Даю вам четыре дня, после которых настаиваю, чтобы присутствовали оба на коронации. В Гостином доме вам отведут просторные покои. Мой личный лекарь навестит тебя, Кемпбелл.

Гостиный дом располагался на территории дворца Клавдия. Я его успел заметить ещё накануне. В принципе, ничего против я не имел более комфортных, в сравнении с камерой, апартаментов, но элемент недоверия князя, завуалированный видимостью заботы, имел место быть, что вполне разумно. Единственное беспокойство вызывали демоны, ожидающие меня в трактире. Хорошо бы каким-то образом передать им весточку, что жив и почти здоров, чтобы не разнесли дворец на камни.

Тут в разговор встряла Иллиам:

— Благодарю тебя, господин! Это было бы кстати, так как я полный бездарь в искусстве ухода за больными и ненароком могу причинить послу боль, — воткнула она свою шпильку, на что Вортигерн нахмурился.

— О, нет-нет, князь, моя женушка скромничает. У этой женщины врожденный талант исцелять разбитые мужские тела своими золотыми пальчиками и устами. Талант, который могли бы по достоинству оценить даже самые искушённые мужчины. Но я счастливчик, потому что всё это, — я собственнически провел рукой по спине темной и вновь сжал в ладони её ягодицу, — принадлежит исключительно мне.

Мои слова потонули в потоке хохота Вортигерна, Сам Verya же залилась пунцовой краской. Именно в этот момент громко хлопнули двери, и в покои не вошёл, а скорее влетел

бойкий юноша с короткостриженными каштановыми волосами и в длинном, подпоясанном одеянии. Не обращая внимания на нас, он напрямик направился к князю:

— Вортигерн! — воскликнул он сердито. — Отчего я узнаю о нападении на прекрасную Иллиам последним, когда должен бы первым обо всем знать? Преступник уже казнён?

— Успокойтесь, мой король! — с поклоном заверил его князь. — Никакого нападения не было, сплошное недоразумение. Госпожа Иллиам была этой ночью под покровительством своего мужа, как, впрочем, и сейчас, стоя за Вашей спиной.

Констант — а это был именно он, будущий король Британии, старший сын Клавдия Константина, прославившего в народе Узурпатором — заложив руки за спину, медленно обернулся и впился злым взглядом в меня. Мне же не оставалось ничего иного, как с должным поклоном засвидетельствовать своё почтение, что также сделала и Иллиам. Мы, темные эльфы, пряча иронию за любезностью, сарказм за лизоблюдством, прогнули нестигаемые спины перед очередным человеческим корольком, о котором через несколько столетий никто и не вспомнит — ничтожная жертва во спасение своей истинной королевы.

— Вот как... — нараспев произнёс Констант, стремясь сохранить лицо. — Это правда, госпожа?

— Истинная правда, юный король. Наши судьбы давно соединились по велению родительского слова.

М-да, во лжи Иллиам Зартрисс равных не сыскать. Уже и несуществующих родственничков приплела. А этот юный петух как раздухарился-то! Не иначе, как клинья к моей «жёнущке» подбивал. Уймись, отрок, не по тебе эта плутовка, в бараний рог в момент согнёт. Наивный даже не подозревает, насколько ему повезло. Констант оценивающе посмотрел на мой nepотpeбный вид и снизошёл до вопроса:

— Кто ты, человек?

— Алистар Кемпбелл, послан сюда к Вам, король, из Каледонии, от вождя Мактавеша.

Констант обернулся к Вортигерну, будто за подтверждением моих слов. Тот молча кивнул.

— Раз так, Кемпбелл, полагаю, мы ещё не раз встретимся и пообщаемся. Сейчас можете идти.

— Благодарю, — произнес я, ещё раз поклонился и направился к дверям в сопровождении «жены», но, не дойдя до них, был остановлен требовательным голосом Константа:

— Посол, вы венчаны со своей женой?

— Да.

— Нет.

Одновременно выкрикнули мы с Иллиам. К чему он клонит?!

— Всё в порядке, мой король. Наш брак был признан главным жрецом Рима на конфарреации, — уверенно дополнила Зартрисс.

— Языческим обрядом? — возмущённо воскликнул Констант. — Э, нет! Во грехе я жить вам не позволю. Сейчас же примете нашу веру и получите моё благословение.

Констант стал требовать немедленно принести ему какие-то непонятные для моего слуха предметы. Мы в изумлении переглядывались втроем — я, Иллиам и усмехающийся Вортигерн.

— Это что, шутка такая? — обескураженно задал я вопрос князю.

— Боюсь, что нет, дорогой посол. Король возжелал твою жену в фаворитки, а ты своим

появлением разрушил его планы, чем нанёс оскорбление. Теперь тебе придётся принять его условия, иначе честолобивый он не потерпит твоего существования.

— О, боги! Неужели нельзя его образумить? — с отчаянием в голосе взмолилась белокурая бестия, тоскливо взирая на развернувшиеся приготовления.

— Римлянка, да отчего же такой испуг? — хитро прищурился Вортигерн. — Вы всё равно женаты. Обрядом больше — обрядом меньше... какая разница!? Дайте потешить юному королю ущемлённую гордость. Иные мечтают о благословении в браке от помазанника, а вам оказана великая честь.

Из палат Вортигерна мы, два тёмных эльфа, дети тьмы, вышли, приняв православную веру, и обвенчанные как муж и жена.

Твою ж мать!.. Я женат на самой отъявленной, самой беспринципной и безжалостной, пусть и невероятно красивой, суке во всех возможных мирах. Найдется ли в Данноттаре хоть один, кто не посмеётся надо мной, и что я скажу Фиену?!..

ГЛАВА 27. ДАННОТТАР.

- Твою мать! Ты как меч держишь, Голиаф недоделанный?! — заорала я на двуногую пародию воина великана, неуклюже размахивающего мечом над головой и кинулась к нему. Дикарь остановился, опустил меч, расправил неприкрытые, бронзовые от загара плечи, словно бык на вошь, исподлобья посмотрел на меня с высоты своего гигантского роста, а затем... Затем уподобился большинству самцов, желающих поставить зарвавшуюся сучку на место. Привычно знакомая каждой женщине гримаса мужского превосходства исказила черты грубого лица, демонстрируя недоукомплектованность кривых зубов. Беспардонно окинув меня с ног до головы насмешливым взором, чёртов пикт задрал заросший подбородок, скрестил руки на груди и встал в позицию «а не пойти ли тебе, женщина?..»

Ну разумеется! Как же иначе?! Разве можно ожидать другого в миру смертных, где бабе в большинстве своем оказана великая честь приблизиться к званию человека, по социальному статусу оставаясь скотиной в собственном пользовании хозяина — её полновластного мужа?! Вот он, типичный образчик идеологии мужского господства! Вполне объяснимо настойчивое стремление Иллиам вернуться в Италию, где цивилизация развилась настолько, что к женщине относятся с почтением, на званых вечерах ею восхищаются, а дома — она признанная гостями хозяйка. Но я находила в этом неприкрытое лицемерие. Ведь всё это видимое почтение напрямую зависело от того, насколько широка мужская спина, разделяющая женщину от отношения к ней общества. На худой конец, насколько туг её вдовий кошель.

Все те лизоблюды, что окружали меня во дворце Морнаоса с раннего детства... Стоило в очередной раз воспротивиться воле Валагунда, не подчиниться и впасть в немилость, куда разбегались те крысы, заверявшие в вечной своей верности? Любопытно, хоть один из них помнит о принцессе Лайнеф Лартэ-Зартрисс. Нет, как по мне, гораздо надёжнее заставить иных, таких, как этот питекантроп переросток, уважать себя, куная мордой в собственную никчёмность. На*рать на почести и привилегии, дарованных вместе с рождением, тем более,

на положение будущей жены вождя клана, гарантирующее покровительство и безопасность. Всё, чему обучил меня Охтарон и суровая действительность — наука выживания, дарующая бесценные знания в обмен на жертвоприношения в виде менее прилежных «учеников». И это не может быть ниспослано никакими богами.

Иные пикты, те, что посмышлёней, с самого начала сообразили, есть, чему поучиться и у римского солдата, пусть даже бабы. Так дело у нас пошло на лад. Несколько дней, с рассвета мы собирались на продуваемой немилосердными северными ветрами каменистой площади, предназначенной для боевых учений. Они делились своим опытом, и я с готовностью перенимала его, так как находила нечто новое для себя. Жестокое племя, живущее в гармонии с духами природы, поклоняющееся только своим, языческим божествам, вызывало во мне приятие и неподдельный интерес. Однако, даже в учениях бросались в глаза отсутствие тактики, разрозненность, нулевая дисциплина. Более того, отлично владея пиками, стрелами, топорами, они совершенно не знали, как верно обходиться с мечом. Демоны же, уверенные в своей непобедимости, полагались исключительно на себя, не считая нужным досконально обучать людей боевым премудростям, поэтому прознав, что я неплохо разбираюсь в военном искусстве, пикты с готовностью внимали мне. Но этот дикарь, даром, что богатырской комплекции, был упрям, как осёл, бестолков и не терпел женского первенства. Видать, будучи ещё во чреве матери, ногами вперед на свет пошёл, отсюда и ум весь в зад пошёл. Стоило преподать хороший урок, чтобы слегка поубавить его спеси.

Абсолютно непредсказуемо для него и остальных я сделала ложный выпад мечом. Не ожидавший от меня подобной прыти громила дернулся назад, мне оставалось лишь завершить дело подсечкой. Незадачливый противник не устоял на ногах и плашмя рухнул на спину, подняв столп пыли. Пока он соображал, что произошло, я ногой выбила из его руки меч и клинком двуручника надавила на небритую шею. Тонкая струйка крови потекла наземь, в бордовый цвет окрашивая белый песок — ничтожная плата за то, что позволил себе лапать меня взглядом:

— Ты мёртв, воин, потому, что недооценил противника, — подытожила я и повернулась к остальным, не выпуская тем не менее гиганта из поля зрения. Чёрт его знает, на что способен дикарь с ущемлённым эгоизмом!

— Моя грудь, так же, как и мой зад, кроме того, что вы членистоногие самцы, ничего нового вам не откроют. А вот пока вы на них пялитесь, я снесу несколько ваших тупых голов. Сюда смотреть! — рыкнула я, пальцем указывая на своё лицо, заметив парочку взглядов, украдкой брошенных на контуры моей груди, порывом ветра обозначенные прилипшей к телу рубахой. — Запомните! Всё, что предвещает победу, в бою применяется без всякого исключения! Это закон! Будь то женское тело, обещание, мольба, чёртова подножка, или иное паскудство. Не имеет значения! Если всё ещё хотите топтать ногами землю, а не гнить в ней, забудьте о морали, жалости и грёбаных предрассудках, именуемых благородством. В бойне им нет места! Они такие же враги вам, как и тот, кто пришёл за вашей жизнью.

За время нашего своеобразного общения пикты уяснили, дважды повторять я не

собираюсь, поэтому в полной тишине, нарушаемой только толмачом, переводящим мой несовершенный гаэльский для моноглотов на их аборигенный, взирали на меня, время от времени одобрительно кивая головами.

— Единственные ваши друзья: добрый меч, продолжение вас самих, и жёсткий самоконтроль. Истинное заблуждение, что выживает сильнейший! Дерьмовый миф, придуманный для устрашения морально не подготовленных к битве солдат! Выживает отъявленный подонок, хладнокровный и беспринципный ублюдок, искусно владеющий как оружием, так и хитростью. Желаете вернуться к семьям и жёнам с щитом в руке, ради них же станьте в бою ублюдками. И последнее: никогда не оценивайте противника по внешнему виду. Его внешность — всего лишь оболочка, скрывающая под собой опасность в большей, или меньшей степени.

В подтверждении слов я позаимствовала у одного из пиктов ножи и, поприветствовав их (О, да! Даже нож имеет душу!), оба метнула в чучело на шесте в двадцати ярдах. Ножи четко вошли в области сердца и головы:

— На сегодня всё. Завтра вновь на рассвете здесь же продолжим.

Воины стали расходиться. Молчаливо взирая на их спины, я снова оставалась с собой и гнетущей горечью от утраты собственных парней, погибших в битве с саксами у стен Килхурна. Рассудком понимая, что в том нет моей вины, и удел смертных солдат — отдать жизнь во имя чего-то, духом, наполненным скорбью и болью, я оплакивала каждого присягнувшего мне легионера. Тонкими рубцами их потеря ляжет на сердце, обронённым словом, случайным действием ни о чём не догадывающихся посторонних напомнит о себе. Я буду помнить долго, как Охтарона, отца, Дарена, как сотни иных, пока не придет время освобождения, и их лица, их имена окончательно не сотрутся из воспоминаний. Наверно, я должна была давно привыкнуть к утратам, очерстветь, одеревенеть, и как должное воспринимать гибель людей. Но иногда, я ненавидела своё бессмертие именно за то, что слишком много смертей достойных жизни видели мои глаза. К этому невыносимо привыкнуть. Только ушедшим в вечность доступен равнодушный покой. Иначе чем мы, живые, не важно какой сути, отличаемся от мёртвых?..

Я остановилась, только сейчас осознав, что стою на краю утёса, всю территорию которого занимали не претендующие на помпезность громоздкие постройки, именуемые замком Данноттар. Здесь не было привычных глазу многочисленных сторожевых башен и крепостных стен, ограждающих жителей по всему периметру территории от остального мира. Почти ничто не мешало лицезреть линию горизонта. Но тем не менее, это было самое неприступное место, которое я когда-либо видела. Огромный утёс, с трех сторон обрывающийся отвесными скалами, омываемыми водами Северного моря, был идеальной природной крепостью, доступ к которой возможен разве что через основательные ворота в расщелине скал, но, чтобы к ним приблизиться, не одну милю пришлось бы мельтешить на виду всех жителей Данноттара. Проникнуть сюда незамеченным было также невозможно, как и выбраться, поэтому я искренне радовалась, что Иллиам хватает здравого смысла не отправиться на мои поиски.

Пребывая в тревоге о судьбах тех, кто мне дорог, я начала осознавать, что оказалась в полной зависимости от Мактаवेशа в тот момент, когда, сидя на его скакуне, впервые увидела утёс. Во мне стала зарождаться тихая паника. Как только тяжёлые ворота захлопнулись за нашими спинами, я превратилась в этакий свободно перемещающийся диковинный трофей под неусыпным контролем надсмотрщиков. О, нет! За мной не ходили по пятам, этого не требовалось, но от оценивающих взглядов смазливых дурёх, обеспокоенных — стариков и детей, цепких, а то и откровенно враждебных демонов с каждым днём во мне нарастал протест. Я не готова! Не готова здесь осесть, быть его женой, исполнять добросовестно обязанности хозяйки! И уж тем более подчиняться мужу демону. Это полный идиотизм! Невозможно! В самой кошмарной фантазии такое не приснится ни одной уважающей себя эльфийке.

Стоп, отставить панику, декурион! Какого хрена ты на этот брак согласилась?! Ради того, чтобы узаконить рождение сына, избавить от титула бастарда и наделить наследством, стоит взять себя в руки и немного потерпеть власть его тирана отца, прислуживая демону.

Но, чёрт возьми, КАК? Где взять сил сохранить рассудок, когда эльфийская гордость и жажда свободы каждый день в жестоком противостоянии с предавшим собственным телом и губительным притяжением алчущих глаз цвета моей личной зависимости?! Когда в ненавистном бессилии швыряет от крайности в крайность. От стремления неведомым образом выломать к чёртовой матери эти проклятые ворота и смотаться отсюда, чтобы больше никогда не видеть инкуба, к абсолютно неприемлемому желанию сию же минуту, сейчас кинуться к нему и... хоть на коленях молить взять меня. Чтобы отымел, оттрахал так, чтобы раз и навсегда избавиться наконец от этой болезненной необходимости чувствовать себя его сукой! Мать твою! Да что со мной творится?! Я совершенно не узнаю себя! Где присущие крови древних королей самоуважение и достоинство? Дьявольский магматический коктейль собственного сумасшествия, заменивший их, который ежедневно огромными порциями выпивала я, как только Мактаवेश появлялся в поле моего зрения, грозился превратить меня в бесхребетную, зависимую только от него суку.

Две долгие, проклятые богами недели, с того самого вечера, когда встретила в Данноттаре этого трусливого шакала, этого подлого иуду Алистара, я стремилась быть как можно дальше от инкуба. Я была зла на демона, потому что на моё требование о личной встрече с советником получила непререкаемый отказ. Своей категоричностью Мактаवेश чётко определил наши взаимоотношения — я вольна делать лишь то, что он посчитает нужным. Такое положение вещей меня совершенно не устраивало, и в отместку с изощрённым злорадством, апеллируя нынешней незаконностью наших отношений, я поставила Мактаवेशа перед фактом, что до официальной церемонии мы обитаем исключительно в разных покоях, и в идеале в разных концах замка. В противном случае грозила закатить грандиозный скандал на бракосочетании.

Импульсивный, неприкрытый шантаж, рассчитанный добиться желаемого. В какой-то мере не самая моя лучшая идея, но Иллиам бы она несомненно удалась. Но, что позволено

Юпитеру, не позволено быку. К моей досаде, в ответ долгим спокойным взором Мактавеш посмотрел на мой задранный подбородок, давая возможность одуматься, затем многозначительно усмехнулся и, довершив наше общение словами: «Запомни, это твоё решение», вышел из покоев.

С тех пор он не приближался ко мне, и я была полностью предоставлена себе, что по началу меня вполне устраивало. С утра до вечера я бесцельно шаталась по утёсу, изучая в подробностях все нюансы жизни Данноттара, который походил больше на деловой городок с вечно снующими и занятыми его обитателями. Я изучила местные конюшни, до печенок достав своими советами конюхов. Несколько раз наведывалась в кухонный дом с наставлением включить в рацион питания приближённых к вождю и его в особенности исключительно вегетарианскую кухню. Злонамеренно пользуясь положением невесты вождя, «случайным образом» портила мясные блюда, чем в итоге довела до истерики главную кухарку и до слез её помощниц. Опешившим ткачихам, ткущим тартаны из отборной овечьей шерсти, рекомендовала вплетать в нити прошлогоднюю колкую солому, уверяя, что она получше оберегов защищает воинов от ранений в сражениях и все легионеры так непременно делали. Пасечнику «невзначай» опрокинула пару ульев, после чего половина Данноттара с опухшими мордами бросали на меня недобрые взгляды. Я мелко пакостила демону в расчёте, что вскоре он пойдет на мировую, а вместо этого он абсолютно не замечал меня и выглядел вполне довольным жизнью. Причем, чем серьезней становились мои проступки, тем чаще этот ублюдок попадался мне на глаза в компании млеющих при нём баб. «Смотреть противно! Прямо петух в курятнике!» Пребывая на грани, я была ДЬЯВОЛЬСКИ зла на Фиена Мактавеша, непостижимым образом занявшего все мои мысли. И с каждым днём злость непомерно росла, готовая извергнуться в любую секунду страшным Везувием. Порой мне приходилось до боли стискивать зубы, сжимать кулаки, вспоминая самые умиротворяющие эльфийские мантры, чтобы не придушить парочку бестолковых пиктов, учения с которыми были как нельзя кстати.

Ночи же стали для меня по истине сравнимы с пыткой. Оставаясь в полном одиночестве в ЕГО покоях — иные мне отказывались выделять, нетронутая им, я возлежала на ЕГО огромном ложе, окутанная ЕГО запахом, наблюдала за мерцанием звёзд на небосводе из ЕГО окон, кусая губы от навязчивого вопроса, где, а главное с кем ОН сейчас. И когда в тысячный раз говорила себе, что мне нет до этого никакого дела и в сердцах посылая Мактавеша к чёрту, прекращая заниматься самоедством, я забывалась тревожным сном, а мой воспалённый мозг устраивал мне адскую встряску, потому что и тогда Фиен Мактавеш не оставлял меня.

В истинном облике инкуба, таким, как я знала его в Темном мире, и на берегу бушующей реки, и там, где величественные каледонские горы могучими титанами скрывали мою пагубную слабость от всего окружающего, он вторгался в мой сон. Его шальной запах, вкус, хищнический взгляд, чарующий жертву изумрудными всполохами. Его уста обещали самое изысканное, ни с чем не сравнимое наслаждение, взамен требуя лишь одного — покорности! Ничтожная плата — делать то, что он, господин моего тела, возжелает за истинный рай. Демон греха! Демон плотской страсти! С легкостью он пробуждал во мне острое, как лезвие эльфийского клинка, уничтожающее остатки сдержанности желание.

Дикое, пронизывающее плоть, наиострейшее вождение, высвобождение от которого также жизненно важно, как и раздирающая легкие потребностью утопающего вынырнуть на поверхность для спасительного глотка. И хода обратно нет, в противном случае это равносильно гибели. Принимая его условия, я цеплялась за мой грех, несчастными крохами ещё не инфицированного страстью рассудка презирая собственное тело, такое послушное, потное и дрожащее в его руках, пока мозг мой не взрывался от дразнящих ласк его языка над чувственной плотью. Даже впиваясь клыками в мою грудь, плечи, бедра, нещадно раздирая когтями бока, оставляя глубокие раны — любое его прикосновение мной принималось с восторгом. Когда же боль затмевала вождение, и я начинала кричать, он бережно удерживал меня в руках и милостиво зализывал раны, принося исцеление и нашёптывая: «Моя глупая принцесса, теперь ты понимаешь, кто твой бог, кому принадлежишь, кто твой повелитель?!» В ответ я облизывала и кусала саднящие от его поцелуев губы, в знак согласия закрывала глаза и тихо радовалась, что это всего лишь сон.

Будучи днём свободолюбивой эльфийкой, нетерпящей над собой власти Мактавеша воительницей, ночью, освобождённая своими единоличными снами я превращалась в похотливую, послушную, как разогретый на солнце воск, его индивидуальную шляху. На мокрых от крови и пота простынях он приручал меня к своим желаниям, учил услаждать его тело, сжимая в пятерне пряди волос, и когда поощрял довольным урчанием зверя: «Да, детка! Да, моя ушастая сучка!», я трепетала, осознавая, что и сама обрела над ним определённое господство. Он брал меня так, как хотел, раз за разом исступленно врезаясь в моё тело. Мы столь странно подходили друг к другу, что казалось, даже звуки страсти, исторгаемые своими неистовыми создателями в остервенелой порочности, беспорядочно отражаясь от холодных стен, переплетались в отдельном греховном соитии. Ошалевшая, позабывшая своё имя, статус, корни, позабывшая суть, я хрипела его именем, отдавая демону оргазмы, пока он, оставляя в моём чреве своё демоническое семя, полностью не пресыщался.

А утром... Утром всё возвращалось на круги своя. Я просыпалась в ужасе от собственных эротических фантазий и озиралась по сторонам, страхась увидеть рядом с собою ухмыляющуюся рожу Мактавеша, уж слишком реальными они виделись. Но ни демона, ни других причин для беспокойства не было. Всё, в том числе и моё тело, оставалось в том же состоянии, как и было накануне, разве что... незначительное головокружение и лёгкая усталость, что вполне объяснимо нервозностью последних недель.

Стоя у обрыва, я наблюдала за полётом двух чаек, описывающих неровные круги над морем в поисках рыбы. Оторванные от земли, удачно завершив охоту, птицы вернутся к родным берегам в стаю, к собратьям, где знают, что там их гнёзда.

Я же, после кончины Морнаоса и гибели отчего дома столько лет боялась осесть. Опасаясь преследований демонов- палачей, рыщущих в поисках выживших эльфов, отреклась от сына, спрятав его среди ничего не подозревающих людей. Долгие годы скрепя сердце я мирилась с фактом демонической сущности Квинтуса, на расстоянии наблюдая за процессом его взросления. Потом, после той адской резни, в которой он получил своё первое ранение, поняла, что время пришло и забрала его в турму, под свой контроль. О! Как

ликовало моё сердце, когда он появился с вопросами на пороге моего шатра. Но что я могла ответить о его происхождении? «Квинт, сын мой, ты ублюдок, плод соития похотливой эльфийской суки с самым обольстительным демоном из всех, что созданы преисподней. Да, не забудь порадоваться, потому что в твоих жилах течет кровь великих королей»? Нет, я молчала, ревностно слушая воспеваемые им дифирамбы приёмным родителям и проклятия настоящей матери, благословляя непробиваемый панцирь, что вырос на сердце благодаря вечным упрёкам подруги. Я терпела недовольство Иллиам о неустроенности быта, её укоризненные взгляды, «промывку мозгов» о том, что так не должно жить эльфийской принцессе, и видел бы меня сейчас мой родитель. И вот когда, наконец, обзаведясь Килхурном, я решила создать родовое гнездо, в насмешку судьба послала мне встречу с единственным мерзавцем, имеющим маниакальную тенденцию разрушать все, что мне дорого.

— Твою ж мать! Боги! За что? Где ваша грёбанная справедливость?! — в исступлении закричала я в разверзшуюся передо мной беспокойную водную стихию. Вдогонку отчаянно я подхватила с земли и швырнула в разбивающиеся о скалы волны увесистый камень. — В вас нет сердца! Я презираю и отрекаюсь от вас!

Безжалостные боги услышали мой вызов. Поднимая столп яростных брызг, ледяное море с ревом поглотило булыжник, и неожиданный порыв пронизывающего до костей ветра, стремясь сбить с ног, отрезвил мою ярость, приводя в чувство.

— Что ты здесь делаешь, женщина?

От этого голоса я вздрогнула и обернулась. Мактавеш собственной персоной! Он стоял, скрестив руки на груди, и недовольно взирал на меня. Суровые складки пролегли меж бровей, обветренные губы сошлись в тонкую линию. Я уже начала привыкать к навязчивому желанию пройтись по их контуру кончиком языка, чтобы стереть эту жёсткость и вернуть на место извечно колкую, бесовскую ухмылку, против воли зарождавшую во мне презренные, но безуспешно гонимые эротические видения, от которых жидким оловом в венах закипала кровь. Дьявол! Кончится когда-либо это сумасшествие?! В какой его стадии нужно быть, чтобы, завидев, бредить о губах подонка, исковеркавшего мою жизнь?!

— Прошу у богов милости как можно дольше не видеть твоей наглой физиономии.

ГЛАВА 28 (ДАННОТТАР)

- Ай да Али! Ай да сукин сын! — я захлопнул и отшвырнул на край стола хозяйственную книгу советника.

На кой чёрт ушастому понадобилось всё добро Данноттара увековечивать на бумаге в пронумерованные списки, я до сих пор не понимал. Не раз я посмеивался над этой его педантичной привычкой, но он лишь отшучивался и твердил, что с радостью уступит эту обязанность вождю клана. В ответ я закатывал к потолку глаза, тяжело вздыхал и, предвкушая очередные нотации о необходимости учитывать запасы провианта на зиму, через

секунду и духу моего рядом с советником не было, оставляя за Алистаром право в одиночестве подтрунивать надо мной. Разумеется, будучи вождём, радеющим о благе своих подчинённых, в нерадивости я бы себя не упрекнул, но не видел смысла во всем том бумагомарательстве, что томами выстраивалось на полках читальной залы Данноттара усердиями советника. У нас был свой скот, возделанные рабами поля, данноттарские лошади ценились своей выносливостью, и за них давали хорошую цену. Жаловаться было не на что. В замке всего было в избытке. Казна Данноттара, ломаясь от золотых монет и драгоценностей, полностью подтверждала мою позицию. А если уж придёт нужда, на то есть острый меч, быстрый конь, а главное — мы сами. Увлечение Алистара я не разделял, но коли советнику по нраву точить перо вместо стали, что же, пусть, вреда от этого я не видел, впрочем, как и пользы.

— Любопытно, всех ушастых в Морнаосе приручали к скрупулёзности в делах? — попытался я представить пыхтящих от нагуги эльфийских отпрысков, старательно выводящих закорючки на пергаментных свитках. Получилось довольно комично! Однако, если вообразить за таким занятием юного Алистара худо-бедно я мог, то образ послушной Лайнеф был столь нелепым, что видение само преобразовалось в более приемлемую взору картину, когда в окружении молчаливых папенькиных советников и мудрецов перепачканная в чернилах остроухая девчонка с остервенением ломает перья, извергая потоки отборной солдафонской брани. Злорадствуя при мысли, каким огромным чирьем моя детка была на заднице своего венценосного ублюдка отца, я откинулся в кресле и ухмыльнулся:

— О, да! Терпенье не является твоей добродетелью, ведь так, принцесса? Великолепно! Ты его уже почти исчерпала. Но отдам должное, упрямство в тебе сравни ослиному.

С тех пор, как мерзавка нарушила нашу договорённость и посмела выдвинуть мне, вождю самого могущественного клана Каледонии, ничтожный ультиматум, прошли две недели без каких-либо слов промеж нами. Четырнадцать огненных лун пронеслись, будто опалённые скакуны сквозь объятое пламенем житное поле. Шантажируя скандальным отказом, дочь Валагунда ещё раз подтвердила бытующее на протяжении многих веков мнение, что их презренному роду доверия не может быть. Теперь же сучка справедливо получает по заслугам! Сама не подозревая о реальности происходящего, каждую ночь горячка, возвращённая среди роскоши и почёта, как портовая шляха с готовностью отдаётся безродному демону, рождённому среди покрытых безжизненным пеплом мёртвых степей.

Чушь собачья! Всё не верно! Всё! Пусть по человеческим законам Лайнеф будущая жена вождя, для тёмных её удел рабство. Рабыни же бесправны, им не дозволено отдаваться. Отдаваться — значит делать выбор, что могут позволить себе только свободные самки, такие, как выбирающие с кем и когда данноттарки. Удел рабыни — угождать прихотям и ублажать своего господина по ЕГО желанию. Но, твою ж мать! Сам сатана не разберёт, как такое возможно! Даже будучи под подавляющей волю магией, неизменно превращающей баб в похотливый, апатично послушный скот, с помутнённым рассудком, распластанная подо мной, каждым движением выдавая своё согласие, в темной не было ни капли положенного раболепия. Я вытворял с ней такие вещи, за которые, уверен, будучи в трезвом рассудке,

Лайнеф многократно продырявила бы меня, и она безропотно подчинялась. Но... меня не покидало навязчивое ощущение, будто не покорность движет ею, а добровольное согласие на самые смелые сексуальные эксперименты. При этом щеки принцессы были пунцовыми, что выдавало осмысленность ею происходящего. С отрешённым взглядом она именно что отдавалась желаниям инкуба, но умудрялась при том проникнуть в самую мою черную душу. Жаркая, податливая, самозабвенно уступчивая, даже под чарами в ней я чувствовал присутствие моей несломленной дикарки, храбро признававшей своё влечение ко мне.

Но днём всё менялось, будто и не было ничего. Наблюдая, с каким упрямством ушастая занимается самообманом, малодушно пряча собственное признание за несуществующими сновидениями, я понимал, что допустил ошибку. Напрасно я стирал следы своих ночных посещений. Зализывал её раны, выбрасывал испорченные простыни и застилал новые. Глупец! Я получал её тело, а в результате щадил гордыню, когда надо было бы в корне рубить ко всем чертям!

— Нет, детка, так легко ты не отделаешься! — довольно усмехнулся я. — Твоё тело, как ножны и меч, идеально подходит к моему, и будь бы я обычным инкубом, не знавшим тебя, этого было бы довольно. Я бы выпил тебя сразу. Досуха. Выпил и выбросил иссохшую плоть. Но Фиену Мактавешу этого слишком мало. Больше я не совершу ошибки. Я хочу тебя всю! Всю! Не просто порочную суку и послушную дрянь. Намного, намного больше! Постепенно я проникну в твой разум, выведывая мечты и помыслы, залезу в душу, смакуя эмоции, завладею сердцем, чтобы манипулировать тобой. Ты чувствуешь, что принадлежишь мне, поэтому и бежишь...

— Фиен! — громоподобный голос разъяренного Далласа был слышен даже сквозь толстые стены палаты, служившей мне кабинетом.

— В чём дело? На Данноттар напали полчища скоттов? — рванул я из-за стола, подхватив стоящий подле меч.

Дверь с силой распахнулась, не выдержав удара о камень стены, раскололась, сорвалась с петель, и с грохотом рухнула наземь.

— Твою ж мать! Даллас! Что стряслось? Нападение? — тяжело дыша, передо мной предстал мой давнишний друг. Глаза его метали молнии.

— Нет.

— Так какого ляда? — кивнул я на сорванную дверь. — Четвертая за последнее время.

— Три из которых вышиб ты! — возразил демон и, источая яд, продолжил. — Но с тех пор, как эльфийская сука стала раздвигать перед тобой ноги, ты ходишь довольный, как шелудивый пёс. Чего не скажешь о всех нас!

Он заткнулся, гневно раздувая ноздри в то время, как я смотрел на него надеясь, что

ослышался. Среди демонов не редкость делиться бабой. Спать с ней по очереди и сообщать было в рамках нормы, разумеется, если только на самке не стоит клеймо принадлежности. В этом случае никто не имел права прикасаться к избраннице своего собрата, как и к самке вождя клана. Пока вождь пользовал её, для остальных она была табу. Это непреложный закон! Но вот обсуждать тело, отпускать грубые шутки на счёт прелестниц, склонять имя — всё это вполне естественно вписывалось в нашу жизнь. Только не в отношении Лайнеф! Сам я мог поступать с ней, как считал нужным. И это моё право! Но стоило лишь Далласу заикнуться о принцессе, от гнева я терял голову:

— Что. За. Хрень. Ты назвал мою женщину сукой, а мои воины желают получить согласие вождя на то, чтобы оттрахать его будущую жену, я правильно понял? — тихо, до паскудства тихо спросил я. Даллас захлопал глазами, тут же отрицательно замотал головой, я же... Я не выяснял причин его удивления. До выяснений ли мне было, когда безжалостная тварь из преисподней, неотъемлемая часть меня самого, с налитыми кровью и пламенем глазницами, истекая слюной и омерзительно чавкая, уже втоптала ничтожные остатки человечности, требуя расправы над ублюдками, посмевшими посягнуть на МОЁ!? Цепи рухнули. В предвкушении возмездия с обнажённым мечом я пошёл на Далласа.

— Фиен, опомнись! Ты неверно истолковал мои слова! Ты- наш вождь! Всё, что принадлежит тебе, неприкасаемо! Я не буду с тобой драться! Дерьмо! Мактавеш, приди в себя! — взывая ко мне, закричал Даллас, отступая шаг за шагом, пока путь не преградила стена. Я не слышал, пока паника в его голосе отдалённой тревогой не достучалась до парализованного яростью сознания, и только тогда понял насколько потерял контроль над собой. Демонический лик возобладал над человеческим, и алчущий крови хищник успел занести меч над шеей Далласа, чтобы снести голову из-за чёртовой сучки, не стоящей и мизинца собрата, преданного мне на протяжении многих веков. Отшвырнув меч, я саданул кулаком в стену. Удар оказался достаточным для того, чтобы слегка прояснить голову:

— Что это было, мать твою!? — зашептал, не замечая, что озвучиваю вопрос вслух.

— Я бы тебе пояснил, вождь, — облегчённо вздохнув, Даллас медленно сполз на пол и откинулся на стену. Закрыв глаза, он запрокинул голову, и слабая улыбка заиграла на его губах. — Вот только за башку свою опасаюсь. Уж больно Гретхен не понравится, если я её случайно потеряю.

— Все дьяволы преисподней! Даллас, я настолько рассвирепел, что чуть не прикончил тебя, а ты сидишь и лыбишься. Говори! — рыкнул я для проформы, но мы оба знали, что буря миновала.

— Уверен, что хочешь слышать правду? — демон посмотрел на меня снизу вверх.

— Не беси меня, — сел я рядом с ним. — Давай умник, вываливай своё пояснение!

— Да тут всё проще, чем ты думаешь, вождь. Никакой магии и колдовства, хотя, это самое великое волшебство из всех возможных, — я нахмурился, а Даллас прищурился,

внимательно наблюдая за мной. — Вот удивляюсь я тебе, дружище. Ты — инкуб, знаток по женской части, а не видишь очевидных вещей, которые невооружённым взглядом видны мне, обычному вояке. Стоит кому-нибудь её зацепить, и ты теряешь голову потому, Фиен, что она — твоя пара.

В полной тишине последние слова Далласа звучным эхом отразились от каменных стен чертога, многоголосым повторением взбудоражили густой воздух, и хлётко, словно крепкий эль, ударили в голову. Я тряхнул головой, запустил пальцы в волосы и, не взглянув на собрата, в сердцах прорычал:

— Нет, Даллас! Не просто нет, а гребаное НЕТ! Это самая хреновая твоя шутка из тех что я помню.

— Я не шучу, мой вождь. Она — твоё слабое место. Сам думай хорошо это или плохо, — задумавшись, Даллас положил руки на согнутые в коленях ноги и продолжил. — Ещё там, у нас дома...

— Наш дом здесь, Даллас. Забуди!

— Хорошо! — не стал он спорить. — Будь по-твоему. Но там, в Темном мире, когда ушастая на наших глазах продырявила тебя после проигранного сражения, все мы ринулись там же её и растерзать. И только твой запрет остановил нас, спасая эльфийку от смерти. Помнишь? Когда же ты вытребовал её у Повелителя в качестве своего трофея, я думал, собственной рукой ты желаешь справедливо покарать преступницу. И что ты сделал, Фиен?.. Свершил возмездие членом промеж её стройных ножек? Сто лет прах нашего владыки развеян среди бесконечных песков, а его убийца меж тем жива и ныне согревает ночами постель его полководца.

Что я мог этому противопоставить? Как не крути, в словах Далласа была своя правда. Правда! Слово то какое категоричное, мать его в дышло! А приняхаться, дерьмом так и смердит. И не хрена в ней ковыряться, в правде этой, тем более оправдываться! У меня она одна, у Далласа — другая, а у Лайнеф — третья. Сколько фанатичных уродов придумывают свою правду и потом свято в неё верят. За неё идут на смерть, сжигают дома, уничтожают города и целые расы. А правде этой на всех насрать, подстилкой стелется под каждого, кто былины ей слагает, да кровавые дары несёт. Шлюха она — правда эта!

— Фиен, я не смею упрекнуть тебя, ты верой и правдой служил Повелителю. Но я не знаю ни одного твоего врага, который остался бы безнаказанным, ни одной шлюхи, которая задержалась бы в твоей кровати дольше, чем на пару ночей, не помню ни одного случая, когда ты поднял бы на меня меч! Она — твоя пара, мой вождь. Я это вижу также, как это людское светило, их землю и нас, кого здесь быть не должно. Рано или поздно, когда и ты поймёшь истину, то оценишь, насколько тебе повезло иметь в паре бессмертную. Человеческая жизнь коротка, нам с Гретхен отпущены сущие крохи, поэтому... — чертяка поднялся и, улыбаясь во всю рожу, развел руками, — если ты не возражаешь, Мактавеш, пришёл челом ниц бить с прошением.

Оправданий себе я не искал, пояснение Далласа считал сущим бредом, а кому приятны воспоминания о собственном бесчестии?.. Я был рад сменить тему разговора.

— Будет тебе выкобениваться! Давай уж ближе к делу! — поднялся я вслед за ним, подхватил с пола меч, собираясь вложить в ножны, но при словах демона напрочь позабыл обо всём.

— Мой вождь, бабий бунт подымается, — хмыкнул Даллас.

— Чего? Ты точно двинутый... Что ты мелешь? — с прищуром уставился я на демона, ища скрытый подвох, и он не замедлил себя ждать.

— Твоя су... сумасбродка, Фиен... — я недовольно приподнял бровь, Даллас усмехнулся, но тут же принял нейтральное выражение лица, — В общем, Мактавеш, верни нам спокойствие в дома. С появлением твоей ненаглядной, девки совсем сдурели. Они побаиваются её, но уже восхищаются своей будущей госпожой. Моя вон требует такие же штаны. Я был бы не против, если бы зад её лицезрел только я, а так уж лучше пусть в юбках ходит. Ты вот не замечаешь, но, например, жрачка становится с каждым днём отвратней, потому что бабы, вместо того, чтобы стоять у котлов, с разинутыми ртами смотрят, как госпожа успешно дрессирует босоногих выроdkов. Из оружейной уже пропала парочка мечей. Неделю назад я собственными ушами слышал, как моя Гретхен говорила соседке, что собирается с бабами просить Лайнеф обучать их военному искусству. Я ей, само собой, запретил, но, Фиен, всю эту неделю она к себе не подпускает, требуя, чтобы я пошёл к вождю и получил его официальное одобрение! И главное, такая хрень не только в моём доме! Многие демоны недовольны, что не мы своих девок трахаем, а они... нам... мозги!

При всём желании сохранить серьёзность лица, это было выше моих сил. Более сдержаться я не мог и разразился неудержимым хохотом.

— Вот ты ржёшь, Фиен, а нам что прикажешь делать, со стояком на саксонских ублюдков идти?!

— Куда уж вам с саксами то, коли с собственными самками разобраться не можете? — с трудом выдавил я из себя, давясь смехом. На глаза выступили слёзы, и свело живот, но стоило взглянуть на комично обиженную рожу Далласа, и я никак не мог уняться. — Иди уже. Я подумаю, что можно сделать, раз суровые демоны не могут справиться с ничтожной кучкой распоясавшихся баб.

Наконец меч мой был возложен на законное место. Ещё улыбаясь, я подошёл к окну с обзором на часть владений Данноттара, в том числе и место ристалищ. Здесь, укрытый мрачными тенями от стен, в свободные минуты я с интересом наблюдал за Лайнеф. Это стало излюбленным занятием — подглядывать за моей воительницей, странным образом нашедшей общий язык с дикарями. Сперва я тихо злорадствовал, уверенный, что ей не удастся расположить к себе пиктов, но она не уставала меня удивлять. Теперь, ничтожества,

именовавшие себя воинами, которым я позволил находиться рядом с принцессой, заглядывали ей в рот, а она, чувствуя себя обманчиво свободной, становилась непринуждённой и естественной. Тёмная получала своеобразную разрядку, а я возможность изучать её на тренировочной площадке, подмечая малейшие жесты, стремительные движения, и даже мимику лица. Иногда она смеялась и ветер доносил до слуха обрывки бархата того богатого, грудного смеха, звучавшего недавно в каледонских горах только для меня. Тогда на краткий миг я позволял себе слабость сожалеть, что запретил ей встречу с советником. Но лишь на миг, потому что в следующий момент одёргивал себя за эту слабость, понимая, ей придётся подчиниться...

Как бы там ни было, но с появлением ушастой размеренная жизнь Данноттара, претерпев ощутимый стресс, пошла кувырком, преподнося ежедневные сюрпризы. Плохие ли, хорошие — это иной вопрос, но скучно с Лайнеф не было. И, чёрт возьми, мне это нравилось!

— Фиен...

— Ты ещё здесь? — обернулся я к стоящему за моей спиной Далласу. Озираясь по сторонам, тот зацепил взглядом взломанную дверь в противоположном конце палаты и тише обычного произнес:

— Послушай доброго совета, Мактавеш! Когда признаешь правоту моего пояснения, — делая особое ударение на последнем слове, он кивнул в сторону Лайнеф, — сделай её своей по нашим законам, не по людским. И лучше не тяни!

— Звучит предупреждением, — схватил я Далласа за грудки и, сверля взглядом, встряхнул хорошенько. — Что ведомо демону, о чём не ведает его господин?

— Возможно, ничего... А возможно, нечто мрачное, о чём утаивают озлобленные души. Наш странный разговор прервали — за пределами палаты раздался топот приближающихся ног. Едва я отступил от друга, в кабинет вошли два воина, тащившие за собой человеческого ребенка лет десяти. Мальчишка был худ, вонюч и испуган.

— Мой вождь, — швырнув пацанёнка на пол, обратился ко мне один, — Обнаружили в ущелье. Утверждает, что из Килхурна, пробирался сюда к своей госпоже. Но, вождь, Килхурн ведь наш, значит врёт, сучий выродок. Думаю, шпион саксов. Прикажи, вождь, и мы быстро развяжем ему язык.

Я подошёл к стоящему навтыжку демону, изучая его лицо:

— Скажи мне, страж Данноттара, кто ты — воин или палач?

— Воин, мой господин, — глядя перед собой, немедля ответил он. — Но, если...

— Так будь воином, а не ублюдочным отморозком, — я повернулся к стоящему на

карачках ребенку. — А ну, поднимайся, малец! Пойдём ка со мной.

Пацанёнок нерешительно посмотрел на меня. В глазах затравленность, видать, досталось мальчонке. Но вот в серых глазах мелькнуло упрямство, он поднялся и последовал за мной. Ну что же, стерженёк в нем остался, а значит, дело поправимо, не сломали мальчика.

Мы подошли к окну. Ребёнок был невеликого роста и макушкой только-только дорос до оконного проема, поэтому пришлось подхватить его подмышки, чтобы он видел ту, которую, я уверен, искал. Но пацанёнок воспринял мой жест иначе и затрепыхался в руках:

— Да не бойсь ты, чертёнок! Смотри лучше, — посадил я его на камень, удерживая одной рукой. — Её ты искал?

Я указал на Лайнеф, которая именно в этот момент завалила наземь верзилу, тыркая ему в шею меч.

— Да! Это наша госпожа! — радостно воскликнул мальчонка. — Мне нужно к ней!

— Ты с ней увидишься, — пообещал я мальцу, поставив его на пол. — Но сперва тебе придётся мне рассказать, зачем проделал столь опасный путь, чтобы встретиться с ней.

— Почему? — он упрямо поджал губы.

— Потому, что перед тобой её будущий муж, — рассмеялся я.

— Взаправду? Не врешь? — недоверчиво разинул чертёнок рот.

— Слово Мактаवेशа!..

За всё то время, что Лайнеф находилась в замке, я неплохо изучил её вкусы и пристрастия, поэтому, не застав на площадке, уже догадывался, где найду. Ей нравилось засиживаться на выступе скалы, скрытой от посторонних глаз ближайшими постройками. Люди здесь не появлялись, опасаясь сорваться вниз. Сюда не проникали их голоса, не доносилось конское ржание или звон стали. Неподвластное человеку, это место оставалось нетронутым. Пикты считали, что вода, воздух и земля здесь разрешают свои вечные споры, и благовеянно называли это место мысом трёх стихий. Но они ошибались потому, что не видели сейчас то, чему я стал случайным свидетелем. Зрелище, от которого захватывает дух. Буйство северных ветров перемежалось с поднимавшимися в небо столпами солёных брызг и с силой обрушивалось на древние камни. А посреди этого неистовства, распахнув руки, стояла несравненная фурия, гневно бросающая вызов своим никчёмным богам!

Наблюдая за ней, я понимал, чего недоставало моему излюбленному месту — этой несносной сучки, всклокоченной, растрёпанной бунтарки, придававшей целостную завершённость развернувшемуся представлению. Именно её необузданная стихия, не

уступающая природным, вызывала желание укротить собственным пламенем, подчинить себе. Этим она цепляла. И мне было абсолютно наср*ть на причины её фатального отречения, в тайне я ликовал от того, что намеренно или нет, отрёкшись, самолично она сделала шаг к осознанию истины — единый её бог есть я.

— Что ты здесь делаешь, женщина? — помрачнел я при мысли, что поводом для встречи послужила смерть её людей.

Не сразу она услышала меня. Когда, наконец, обернулась, растерянность застыла в блестящих глазах. Мокрые, спутанные волосы, удивлённо приподнятые, слегка вздёрнутые брови, тонкие черты лица, и эти приоткрытые губы с каплями солёной воды... Ну какой, к дьяволу, из неё воин?! Её место на моих простынях!

Однако, темная упрямо вздёрнула подбородок, злобно выплёвывая очередную ложь:

— Прошу у богов милости как можно дольше не видеть твоей наглой физиономии.

Дьявол! Не время и не место, но, черт возьми, двухнедельное противостояние не пошло нам на пользу. С меня довольно! Чаша терпения лопнула...

Я подошёл вплотную к Лайнеф, схватил за волосы, не обращая внимания на её возмущённый возглас, больно намотал на кулак:

— Иногда, принцесса, желания исполняют даже отверженные боги!

Грубо, жёстко, бесцеремонно я впился в её губы. Она отбивалась, обрушила на меня кулаки, лягалась ногами. По х*ру! В бездну всё! В ж*пу магию инкуба! Хочу сейчас! Настоящую! Вот такую глубокую, всклокоченную, стихийную! С не помутнённым чарами рассудком, а затуманенными от осознанной страсти глазами. Чтобы помнила каждый момент, пока меня не будет. Помнила и ждала. Отчего-то мне было важно, чтобы ждала.

Я заломил её руки за спину, сжал кисти в кулаке, свободной рукой рванул за ворот рубаху, обнажив грудь. Чёртова шнуровка кожаных штанов не поддавалась. Сатанея, я буквально содрал их с тела Лайнеф, причиняя боль:

— Ещё раз увижу в штанах — пеняй на себя! Не пощажу, высеку при всех! — оторвавшись от губ, зарычал ей в лицо.

— Ты просто зверь, я тебя през...

— Заткнись! — я заткнул её рот своим, уже зная, что услышу дальше.

«Ну же! Кончай сопротивляться, детка! Ответь мне!» — мысленно призывал я, врываясь в её рот языком. Спешно поглаживая, тиская, сминая в совершенстве изученные бессонными ночами изгибы женского тела, мысленно я уже трахал её во всех излюбленных позах.

Терпение, Мактавеш, терпение... К ней, как к норовистой кобыле, нужно иметь подход. Нежная грудь идеально ложится в огрубевшую ладонь, разительным контрастом на её фоне радуется твердеющий под пальцами сосок. И наконец награда! Момент противоборства самой с собой. Обожаю эти мгновения! Я вероломно подтолкнул Лайнеф к самоотречению, когда спустился ладонью по плоскому животу вниз, коленом развёл ноги и собственнически ввёл в неё два пальца, большим дразня уже влажный клитор. О, да! Она уже дрожала, прижимаясь ко мне. Тягучий, выдвленный из самого нутра её выдох мне в рот, похожий на пред стон, звучал безоговорочным «да!». Никогда ни одна шлюха со всеми своими огразменными криками не смогла бы доставить мне большего удовольствия, как этот тихий выдох! И вот, преломив абсурдное упрямство, она отвечает на мой поцелуй. Дико, отчаянно. Осознанно! Именно так, как я возжелал.

Я разбудил в ней страсть, и теперь она сама срывала с меня одежды, нетерпяще зарычав, когда я намеренно замешкался в штанах. Я не сдержал усмешки, чем выдал себя, за что и поплатился новым ударом воинственного кулачка в бок.

— Стерва! — беззлобно выдавил из себя, смял её задницу и прижал Лайнеф к возбужденному члену.

— Хочу тебя, ублюдок! — в тон мне ответила она, ощутимо укусила в шею и обвила руками мои плечи.

— Тогда не жди пощады, ушастая! — зарычал я.

Я оторвал тёмную от земли, и стройные её ноги, словно в тиски, тут же с жадностью обвили мой торс. Упираясь головкой члена в её лоно, одному дьяволу было известно, скольких усилий стоило мне промедление, я требовательно заглянул в бездонный карий глаз, только для меня горящий благородным янтарём, и выхрепел ей в рот:

— Так кто твой бог, воительница?

Долю секунды затуманенный страстью взор выражал непонимание. Но вот, зрачки её расширились, она открыла рот и задохнулась возмущённым воплем:

— Мактавеш??!

— Правильно, детка! — взревел я довольный, мощным рывком насаживая принцессу на изнаывающий член.

Горячая, страстная и МОЯ!..

— Лайнеф?

Эльфийка не реагировала. На мысе трех стихий мы потерялись во времени и пространстве. Солнце село за горизонт, Данноттар окутала ночь. Принцесса была в глубоком сне. Слишком много отдала энергии, слишком ненасытной была моя инкубская сущность рядом с ней.

Я прислушался к её слабому дыханию, подмечая, насколько бледна в темноте её кожа. Что же... дело сделано. Через сутки точно очухается. Представив, как она расшвыряется, когда придёт в себя, и сколько «прелестных» словечек в мой адрес сорвётся с этих нежных губ, когда оценит мою уловку, я не сдержал улыбки:

— Ты верно сказала, детка, настоящий ублюдок, — прощальным поцелуем я впился в её рот. Неохотно оторвавшись от женского тела, поднялся, натянул штаны, подхватив на руки принцессу, прикрывая собственной рубахой, больше было нечем, и понёс Лайнеф к замку.

«И всё же паскудство какое-то!» — рассуждал я, анализируя произошедшее, — «Всё намного проще, будь она зачарована. Тогда я с лёгкостью контролирую голод. Отчего, когда столь темпераментна, я теряю голову, рискуя не остановиться в одержимости насытиться ею?»

Как это ни парадоксально, за ответом не нужно лезть в карман — моя война с эльфами не завершена. Она ни в коей мере не касалась Алистара, либо других ушастых тварей, рано или поздно встречавшихся нам на людской земле. Только Лайнеф!

Убийца Повелителя, она перечеркнула жизни многих, разбила семьи, уничтожила будущее и прошлое целого поколения демонов. Я чувствовал ответственность и вину перед братьями. Всего этого простить ей я бы не смог. Ни через сто лет, ни через тысячелетия. Жажда справедливой мести определяла моё отношение к темной, и, будучи под чарами, принцесса уже получала своё наказание. Но, твою мать! Ничто так чертовски не возбуждает, как достойный соперник, и эльфийская воительница возбуждала во мне зверский аппетит.

Я уже приближался к замку, когда в темноте завидел бегущую ко мне Гретхен:

— Чёрт! Только этой курицы мне сейчас не хватало. Где носит задницу Далласа?!

К моему облегчению тот как раз выходил из казармы.

— Что ты сделал с бедной девочкой? — подлетела ко мне Гретхен. Увидев окровавленную рубаху, с расширенными от ужаса глазами она воскликнула:

— Ты убил её?!

— Угомонись, женщина! Цела твоя госпожа. Спит. Как проснётся, принеси ей в покои что-нибудь пожрать, да эля. Мальца приведи, пусть расскажет о Килхурне. И ещё, пока нас не будет, во всем слушаться госпожу, но, предупреди её, с территории Данноттара ни ногой. Ты поняла?

Гретхен закивала, но медлила уходить. На обоюдное счастье вовремя подоспел Даллас. Со смешанными чувствами насмешки и зависти я смотрел, как он бережно обнял за плечи жену и спокойно сказал:

— Ступай, милая. Делай то, что требует вождь.

Та кивнула, потерлась щекой о его руку и побежала в кухонный дом.

— Ну ты виртуоз! — усмехнулся я.

— Куда уж мне до тебя, — вздохнул Даллас, кивая на Лайнеф. — Ну и зачем?

— Предложишь её в Килхурн с собой тащить? — направился я к воротам здания. Не отставая, Даллас шёл следом.

— Да нет, но, возможно, стоило просто поговорить... — заметил он.

Да что ж такое, мать твою в дышло! С тех пор, как появилась принцесса, в собственном доме каждый норовит меня учить, что, да как делать! Сперва Али, следом Гретхен, теперь Даллас. Это уже начинало приедаться. В конце концов, чтобы расставить все точки над «і», я вынужден был остановиться. Медленно, членораздельно, сдерживая нарастающий гнев, я выдавил из себя слова, не осознавая, что слишком сильно прижимаю Лайнеф к груди:

— Она не та ручная овечка, как твоя Гретхен! Она дикая волчица, привыкшая подчинять и убивать. В ней, как бы я этого не отрицал, кровь древних королей. Ты действительно полагаешь, стоит мне ей велеть, она тут же покорно спрячет клыки, сложит лапки и будет платочком мне на дорожку махать? У меня нет времени на дрессировку, поэтому добром прошу, Даллас, заткни свою пасть и не суйся, куда не просят!

— Не расплющи её, дрессировщик, — сыронизировал друг и открыл передо мной двери.

— Иди ты к дьяволу! — рыкнул я, направляясь к лестнице. — Ты собрал воинов?

— Да, мой вождь.

— Сколько остаётся с тобой в Данноттаре?

— Двадцать пять.

— Не маловато ли? — сам не пойму отчего, но мне было беспокойно. Что-то необъяснимо гнетущее тревожило душу: — Смотри, Даллас, в оба! Не нравится мне та история с сожженными конюшнями.

Даллас молча кивнул.

— Кстати, Фиен, я давно хотел спросить, какого чёрта ты послал Алистара к Клавдию? Знал же, что того укокошили.

— Ничего, пусть прогуляется. Для мозгов полезно, да и мне поспокойней, что Лайнеф невзначай глотку советнику не перегрызёт.

С принцессой на руках я зашёл в собственные покои, подмигнул ошарашенному другу и захлопнул перед ним дверь. Через пару секунд до меня долетел искренний хохот со словами:

— Я всегда недолюбливал этого эльфа...

ГЛАВА 29. КИЛХУРН.

Луч света воровато прокрался в маленькую комнатку, наполненную густым, почти осязаемым на языке ароматом добротного секса. Крадучись, коснулся женского лба, запутался в беспокойно дрогнувших густых ресницах, отчего я напрягся. Робко пробуя на вкус, лизнул с пухлых губ сонную истому, одобрительно заискрился, и уже фривольно, нахраписто стал безнаказанно сосать розовые соски пышной девичьей груди.

Равнодушно наблюдать за этим действием было выше моих кобелиных сил. Чертова кровь взыграла, ускоренно потекла по жилам, прилила к паху, и мой «боец» уже стоял по стойке «смирно», изнывая от рвения ещё раз покорить бастион стыдливости лесной нимфы, уговаривая на пару часиков задержаться.

Что скрывать, к девкам я относился абсолютно потребительски. Не то, чтобы кто-то из них мне «свинью подложил». Всё обстояло совершенно наоборот! Возможно, они меня избаловали своим вниманием, поэтому пользовал я их налево и направо как хотел, а затем раз и навсегда исчезал из поля видимости, забывая их имена и лица. Но ведьма меня зацепила. Огромными очами она взирала на меня, когда, после причинённой боли я подарил ей первый в её жизни оргазм, и в этом взгляде было столько восторженного потрясения и откровенного любопытства постичь все тонкости любовных утех, что, несмотря на моё правило не оприходовать подолгу одну и ту же девицу, я уже знал, что к нимфе вернусь непременно. Её отшельническое существование обещало хранить тайну моих посещений, знания моей нечеловеческой сути — гарантировало необходимое понимание между нами, а откровенная любознательность натуры — убеждённость, что со временем из Алексы выйдет отменная любовница мне подстать.

Я оделся, рассматривая ведьму, хотя сейчас она меньше всего походила на оную — такая пребывающая в сонной неге прожжённая блудница. Её женственная фигура была на восточный манер. Пышная, действительно большая и пышная грудь, что меня беспрерывно радовало, переходила в тонкий стан, на фоне которого в глаза бросались широкие белоснежные бёдра. Жаль, на спине лежит — нельзя лицезреть округлый привлекательный зад. Будто чувствуя мой взгляд, во сне она согнула в колене и отвела в сторону ногу, демонстрируя орошённое следами ночных соитий нежное лоно, отчего я чуть не застонал.

Пришлось отвернуться. Тряхнув головой, я выпустил пар, отдавая должное её ведьмовским чарам: «Чудо, как хороша, однако не сегодня, красотка. Спасибо за приглашение. Обещаю, позже я подолгу с тебя не буду слезать.»

Прежде, чем покинуть хижину, я накинул на маленькое оконце первую попавшуюся под руки тряпицу, не позволяя бесцеремонным лучам прикасаться к принадлежащей теперь мне женщине. И лишь на улице улыбнулся совпадению, что тряпицей было то самое ночное платье, которое Алекса швырнула мне в лицо в первый день нашего знакомства, чтобы я не видел её наготы.

Завидев во дворе волка, я подошёл к нему и присел:

— Пора прощаться, братец.

Волк в угоду ведьме всё это время терпел моё присутствие. Признавая право своей хозяйки поступать так, как считает нужным, о принятии хищником на своей территории другого для Севера и посула не могло быть. И всем видом он недвусмысленно демонстрировал это. Стоило протянуть к нему руку, зверь оскалился, глухо зарычал, шерсть на холке и спине встала дыбом. Будь его воля, зная, что проиграет схватку, он всё равно вцепился бы мне в глотку, но так пожелала его госпожа. Такая преданность Алексе не могла не восхищать. Что же, по крайней мере нимфа под надёжной защитой.

— Понимаю, парень, но придётся как-то ужиться. А пока... береги её.

Подмигнув Северу, я направился в южную сторону леса. Довольная улыбка ещё некоторое время была моим спутником, пока...

Миля за милей увеличивалось расстояние между мной и маленькой ветхой хижинкой где-то там, в густой безлюдной чащобе, и мысли о лесной ведьме вместе с пленительными воспоминаниями о прошедшей ночи, как бы я не сопротивлялся, тускнели и стирались, уступая место гнетущей тревоге. С каждым пройденным отрезком пути сквозь густые заросли можжевельника, колючие ельники, зыбкие болотистые торфяники, тихие и безветренные поляны она только усиливалась, утяжеляя мой шаг. Как грозовые тучи в преддверии бури закрывают собой ясное небо, так и предчувствие чего-то непоправимо пагубного стремительно разрасталось до стойкой в этом убеждённости, пока целиком не завладело мной.

Возвращаясь к событиям Килхурна, я осознавал, что беспокойство связано именно с произошедшим — битва с саксами, выигранная благодаря неожиданному появлению неизвестного племени демонов; погибшие друзья, Иллиам и зеленоглазый дьявол, в качестве платы за помощь похитивший командора и чуть не укокошивший меня — всё это было не раз мной обдуманно, обглодано и обмусолено, вызывая огромную кучу дерьмовых вопросов.

Таких, как, например, чем объяснить поступок госпожи Лайнеф, согласившейся остаться с потенциальным врагом наедине? Уверен, она и сама понимала, какой опасности себя подвергает, как велик риск получить удар ножом в сердце, или там же, на пустоши остаться без головы. Тогда почему пошла на заклятие? Почему позволила себя оглушить и похитить? А странное поведение Иллиам, которая лишь стояла в стороне и не подумала этого пресечь?..

Смерть друзей в бою — тяжёлая утрата, но война — жестокий учитель. Все понимали, рано или поздно час придёт, и на место одного погибшего встанут новые. Так устроен мир. Но вот дальнейшие развернувшиеся события, связанные именно с демонами, конкретнее, с их вожаком, не поддавались никакой логике, если только... Как ни крути, какой стороной не подбросишь монету, выходило, эльфийки утаивали от меня нечто, что сыграло роковую роль в Килхурне, и уж коли я из-за этого чуть не отдал концы, имею полное право знать полный расклад.

Чёрт его знает! Возможно и стоило махнуть на всё рукой, вернуться к ведьме и зажить припеваючи. Мол, разгребайте свои авгиевы конюшни самостоятельно. Однако, Иллиам и Лайнеф на протяжении почти всей моей жизни были моей стаей. Семьёй, фундаментальная целостность которой для меня ещё не изжила своего основополагающего значения. Без командора мы оставались у разбитого корыта. И, если по прибытии в крепость я не застану её там, я уже принял решение отправиться на поиски. Возвращаясь к семье в крепость, я шёл за сокрытой от меня правдой, подозревая, что порой лучше оставаться в неведении.

Где-то после полудня я стал узнавать окружающий лес. Мне даже повезло обнаружить то самое место, где зазевался и позволил чёртову выродку нанести смертельное ранение. Не окажись поблизости того одноглазого типа, уж точно был бы мне каюк. Любопытно всё-таки, кто он. Стоило бы отблагодарить, только где ж сыскать то?

«Ловить» здесь было нечего, поэтому я не стал задерживаться. Истоптанная будто стадом бизонов территория ничего интересного рассказать не могла, разве только, что килхурнцы, теперь зная об особенности моей крови, будут шарахаться от меня в стороны, с опаской перешёптываясь, что в этого легионера вселился нечистый. Впрочем, такая реакция меня давно не удивляла. Скорее, устраивала, и даже немного забавляла, тем более, отчасти они были правы. Лишь отчасти...

Наконец, лесной массив остался позади. Я вышел к плоскогорью. По левую сторону от него расположились холмистые горы, по правую — озеро Эйв, на берегу которого всё тем же мрачным монументом скупости всесильного цезаря громоздилась крепость. Но сейчас, в более удручающем состоянии, пережившая яростную осаду варваров, покалеченная взрывом, с почерневшими от копоти и залитыми кровью стенами, она напоминала мне обескураженного, забытого всеми зверя с дымящейся после схватки шкурой, вызывая сочувствие. Невероятным образом Килхурн, куда мы с госпожой Иллиам ещё месяц назад меньше всего хотели попасть, за короткий срок перестал быть мне чужим, как и усеянная телами павших земля, на которой стою.

Тщетно я высматривал среди мёртвых живых, цепляясь взглядом за малейшее движение. Чёрное беспорядочно каркающее вороньё, поднявшее гвалт, да голодные твари, не брезговавшие лакомиться разлагающейся плотью, были единственными встречающимися. Зловоние стояло столь нестерпимое, что мне, привыкшему к смерти солдату, хотелось выbleвать из легких этот смрад и поскорее убраться. Даже северные ветра, привлекая всё новые и новые орды крылатых падальщиков, не в силах были развеять гнилостный дух. По такому случаю в легионах предусмотрены специальные бригады, куда определяют новых рекрутов. Эти молокососы выискивают живых, хоронят убитых, добивают вражеских тяжело раненных солдат, чем одновременно учатся милосердию и жестокости. Очень давно я тоже был в строю одной из таких бригад и насмотрелся немало, но здесь, на плоскогорье Килхурна, где ещё недавно пахали землю, пасли стада, в тайне ото всех встречались любовники, предо мной развернулся огромный могильник под свинцовым небом, грозя распространением глобальной эпидемии. Проще и эффективней было всё сжечь к чёртовой матери, чем захоронить.

Я сомневался, что и за стенами крепости найду живых. Тем не менее нужно было убедиться наверняка, поэтому, подобрав один из лежавших на земле мечей, не спасший жизнь какому-то бедолаге, перешагивая и обходя останки, с тяжёлым сердцем я побрёл по дороге, ведущей к распахнутым центральным воротам, сопровождаемый впечатляющим эскортом из человеческих голов, насаженных на колья.

«Почему же бритты не сожгли?» — задавался я вопросом, всматриваясь в черты лиц почерневших, облепленных скопищем жигалок голов. В конце концов я получил исчерпывающий ответ, когда стал узнавать в наиболее сохранившихся мужские и женские лица жителей крепости. Вот эта голова принадлежала местному шуту, которого поколачивали мужики за похабные шуточки; вот кузнец, сильный был, неразговорчивый; а вот та самая деваха, что в день прибытия зазывно улыбнулась мне. Твою ж мать! Девку то за что?!

Некому было сжигать погибших потому, что вот они, перед моим носом, все бритты Килхурна!

- Сучье племя! — я кинулся напрямик к воротам, до хруста в костяшках пальцев сжимая меч. Краем глаза зацепил тела убитых стражников, уже потом, будучи внутри крепости, осознав, что потерял последних верных друзей из нашей турмы. Демоны вырезали всех, и мёртвые в моей голове наперебой взывали к мщению так же, как его жаждал я сам. Но, вместе с тем странное чувство, будто я уже был в подобной ситуации и говорил с мёртвыми, ранее слышал такие же их мольбы, не оставляло меня. Возможно, именно оно позволило сохранить ясность рассудка и как нельзя кстати обострило инстинкты... в какой-то момент я почувствовал на себе чужой взгляд. Кто-то был в Килхурне и, оставаясь невидимым, наблюдал за мной из окон главного здания.

Не колеблясь я направился туда, возле лестницы при входе обнаружив очередную страшную находку — бедолага Тасгайл, тело которого было выброшено за дверь, словно ненужный хлам. Ветер путался в его растрепанных седых волосах, казалось, старец устал и

притулился возле первой ступени, но и беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, мертвее быть не могло.

Ворота вздрогнули и жалобно заскрипели, когда я вошёл в зал. Медленно привыкая к сумраку после дневного света, я обозрел зал. Наткнулся на потухший очаг, возле которого грелся с сослуживцами, череду неприбранных столов, когда-то ломившихся от яств, а ныне пустых, и наконец упёрся взглядом в кресло хозяйки замка, в которое декуриону так и не суждено было сесть. Но место не было вакантным:

— Приветствую, Квинтус, хотя... ты отнял слишком много моего времени.

Одноглазый! Его голос ни с кем нельзя спутать. Там, в лесу, даже балансируя между жизнью и смертью, я помню этот металлический сдавленный скрежет, режущий слух. С любопытством я разглядывал своего спасителя. Собранные на затылке длинные волосы цвета пепла, остроконечные уши, свидетельствующие, что передо мной эльф (чему совсем не удивился), тонкий с горбинкой нос и высокий лоб. Остальные черты лица для изучения не были мне доступны, так как их обладатель не удостоил меня даже взгляда. Яблоко, с которого он аккуратно срезал кожуру, увлекало эльфа куда больше, чем стоящий с мечом в руке демон. И тут я ясно понял одну простую вещь — не демоны убили бриттов, иначе они были бы сейчас в Килхурне, меж тем как в крепости был...

— Это ведь ты... — выдавил я из себя, потрясённый догадкой.

— Что я? — откусил он яблоко и посмотрел на меня холодным взглядом единственного глаза.

— Убил всех этих несчастных! — зарокотал я. Он и бровью не повел, но даже, если бы стал отрицать, я знал, что это так. Жажда мщения топила меня. Вождедея быть её палачом и свершить справедливую кару, меж тем я оставался солдатом, что обязывало держать эмоции под контролем, но с этой циничной падлы стоило сбить равнодушие. Подняв меч, я призвал одноглазого к поединку. — Вставай! Много времени это не займёт. Бери своё оружие, калека!

— Фу... как грубо, — поморщился эльф, швырнул за спину яблоко и уставился на меня, будто нашёл для себя нечто особо любопытное. — Людишек жалко стало?

— Подымайся!

— Ну что же, это даже занятно. Посмотрим, на что способен демэльф, — хлопнул он в ладони и неожиданно резво поднялся. Последнее слово было мне незнакомо. Может, ругательство, хотя не помню, чтобы щедрая на сквернословие командор произносила его когда-нибудь. В любом случае, не до выяснений.

Лёгкой, пружинистой походкой одноглазый приблизился ко мне. Чуть ниже меня ростом, в хорошей форме... По счёту, если не заикливаться на эльфийской сущности,

обычный сухопарый мужик с изуродованным лицом, но столь глубокого уничижительного отношения к чужой жизни я ещё не встречал. Зная, что я намерен его убить, он безразлично взирал на меня, нисколько не сожалея о содеянном. Наоборот, весь вид его и манеры выражали пренебрежение к происходящему, от движений холёных рук с ухоженными узловатыми пальцами до хруста при ходьбе дорогих сапог, пошитых на господский манер с острыми мысами.

Эльф вытащил из ножен тулвар с широким клинком, лезвие которого светилось тем же голубым, что и кинжал демона, недавно пронзивший мою грудь. Заметив брошенный мной беглый взгляд, усмехнулся:

— Вижу, такая сталь тебе знакома. Не тревожься, она не убьёт тебя, а вот покалечит запросто.

Взмах меча и моментальный рывок вперед. Звук металла эхом разносится по замку. Ожидая подобной подлости, я вовремя отскочил назад, успев отбить атаку. Бросок. Ещё. Выпад. Защита... Шаг за шагом сопровождаемая выбросом адреналина очередь колюще-режущих ударов. Звук рассекающего воздух оружия в ушах истошным свистом ревет об опасности. Удерживая нападение, я отступал назад, изучая тактику противника. Быстрый и довольно скользкий, паскуда, а значит финты гарантированы. Полная концентрация на атаке и собственном дыхании, не позволяя подначиваемым гневом эмоциям выйти из-под контроля, меж тем, как одноглазый стремительно наносил выпад за выпадом. Препятствие в виде перевёрнутой скамьи едва не послужило мне падением. Повезло, что чудом умудрился отшвырнуть ногой её в сторону.

— Они — всего лишь расходный материал. Считаю, я оказал смертным благодеяние, — за натянутой усмешкой эльфа последовал новый удар, на сей раз с плеча.

— Их жизни принадлежали моей госпоже! — из стойки быка отбил я атаку. Наши мечи скрестились, и я был рад, что выбрал именно этот добротный клинок, способный держать натиск отменной эльфийской стали.

— Это какой же? Оккупантке и убийце, пришедшей с юга? Или, быть может, обычной шлюхе? — лицо его оставалось бесстрастным, но тело излишне нужного напряжено, дыхание участилось, а это признак потери контроля. Главное — самому не заводиться...

— И твоей госпоже тоже, калека. Или нынче у эльфов не в моде хранить верность своим королям? — перекрещенные мечи скрежетали от несдерживаемого сарказма. Быстрым круговым расцеплением я пошёл в атаку. И вовремя — отступать дальше некуда. Вот он, идеальный момент! На сущее мгновение одноглазый оставляет незащищённой шею, чем я не преминул воспользоваться. Укол сверху вниз с нанесением навесного удара был гарантирован, но... Бл*дь! Отчего так устроена сука-жизнь, что есть обязательно какое-то «но», которое далеко не каждый может растоптать, а в результате проигрывает?! Я не мог проигнорировать следующие слова эльфа:

— Или твоей МАТЕРИ?

Если бы сейчас разверзлись небеса, засверкали молнии и воды затопили бы землю, если бы непостижимым образом сотни и тысячи демонов, жаждущих моей крови, шеренгами выстроились в ряды, если бы вдруг Алекса послала Севера за моей головой, или воскресли все погибшие сослуживцы, я не был бы соль поражён. Меч мой дрогнул и, ударив плашмя клинком о клинок, эльф отвёл его в сторону.

— О! Так она тебе не сказала? Какая незадача! — растягивая слова, выразил эльф наигранное удивление и снисходительно засмеялся.

Наконец, ко мне вернулся дар речи:

— Ты врёшь, паскуда! Она не может быть моей матерью! Я — демон, она — эльф!

Обвинил я его во лжи, предъявив довод, который никто не сможет отрицать, но что-то греховно тёмное, неизведанное глубоко внутри меня соблазняло поддаться такой фантазии, тихо нащёптывая: «Почему бы и нет? Ведь тебе бы этого хотелось».

— Приплыли, — озадаченно наклонил одноглазый голову. Одиноким глазом изучающе блуждал по моему лицу, словно решая, стоит или нет иметь со мной дело. Наконец, в упор сверля холодом металла, эльф проскрежетал: — В невежестве мы рождаемся, от него жедохнем. Желаете знать правду, следуйте за мной.

Он поднял меч острием вверх, зажал в кулаке лезвие и провел по клинку, повредив руку. Тонкая струя голубой крови потекла к рукояти.

— Ладонь! — потребовал одноглазый. Левою рукою я послушно проделал то же, что и он. Голубая кровь на клинке оружия смешалась с чёрной.

— Теперь смотри! — раскрыл он ладонь с рассечённою раной, кивком призывая следовать его примеру. Его порез затянулся быстро, мой же оставался без изменений, и я уже облегчённо вздохнул, когда он добавил. — Был бы ты демоном, от эльфийского клинка корчился сейчас на полу, а в твоём организме шли бы необратимые процессы распада. Только кровь эльфа спасла бы тебя. Смотри дальше, бастард.

А дальше началась невероятная штука — края моей раны, противореча всем законам естества, стали то срастаться, то тут же расходиться вновь, причиняя терпимую, но немалую боль.

— Дерьмо! Это что за хреновина?! — с подозрением посмотрел я на одноглазого.

— В тебе воссоединились две сущности, легионер, и это уже факт. Ты демэльф — самая редкостная и идеальная тварь, что когда-либо существовала в природе. Рана заживёт, но сроком дольше, приблизительно как у людей. Теперь припомни свои сны. Из того бреда, что

ты нёс, пока тащил тебя к ведьме, я понял, ты сам знаешь, кто твоя мать.

Я медленно осел на скамью, напрягая память, но сколько не пытался, безрезультатно. Последнее воспоминание, прежде чем я очнулся в хижине Алексы, было связано как раз с одноглазым.

— Пусто. Сплошь глухая стена. Ни хрена не помню, — сконцентрированный на себе, на время я забыл о эльфе. Сейчас же, отрекшись от пустого занятия, вскинул голову и посмотрел на него. Мне показалось, или одноглазый с кем-то сейчас говорил? Но кроме нас в замке нет ни души. Он развернулся ко мне лицом, глаз непонимающе уставился на меня, будто вспоминая, кто я есть и, только признав, калека стряхнул с себя оцепенение. Все демоны ада! Да он псих! Как я сразу этого не понял?! Если преувеличиваю, то больной на всю кочерыжку точно.

Напрасно я сетовал, что на севере сгнию от тоски! Да! За короткий период времени, проведённый в Каледонии, к несчастью я умудрился потерять всех, с кем бок о бок воевал многие годы, кто был и остаётся дорог, и это удар. Конкретный такой, жёсткий. Что называется, под дых. Но что-то, а на скуку жаловаться не приходилось. Килхурн, саксы, пикты с демонами, похищение декуриона, чёртово ранение, ведьма, хотя Алекса — самая приятная часть из списка. Ко всему в придачу ненормальный, калеченый эльф, которому я едва не поверил.

— Хм... странно, яркие сны обычно надолго врезаются в мозг, а уж твой несомненно был... эмоциональным, — бесстрастно произнёс он. Подойдя ко мне, он потёр указательные пальцы и приложил к моим вискам. Я попытался отстраниться. — Сиди спокойно, демэльф. Попробую вернуть тебе память.

С чокнутым лучше не спорить. Он что-то тихо затараторил на эльфийском, смысл чего я не понимал, хотя немного знал их язык. Это походило на тихую песнь в ужасающем по грубости исполнении, однако, не заметив, когда и как, веки мои отяжелели, и я провалился в свой кошмар, от которого так пыталась избавиться меня Алекса...

На утро следующего дня из ворот Килхурна, на своем жеребце, волей одноглазого не уведённом дикарями, накануне предав земле осанки четырёх сослуживцев и несчастного Тасгайла, выехал молодой демэльф Квинтус Гейден, очерстившее сердце которого апатичными ударами ещё агонизировало болью предательства, но в душе уже поселилась глухая тьма. Его путь лежал на север, к стенам замка Данноттар, за той, кого теперь ненавидел, кому ранее слепо верил и безоговорочно доверял. За той, кто во всех мирах и расах зовётся матерью.

А безлунной ночью у стен того же Килхурна показался мужской силуэт. Кирвонт Доум — Зартрисс был в отличном расположении духа, и над смердящим смертью плоскогорьем разносилось его безмятежное насвистывание. Он мог себе позволить эту вольность, так как прекрасно понимал, что ни одна тварь, кроме тёмных, не осмелится сейчас сюда сунуться. Но демоны Мактаवेशа были ещё далеко, и даже если человеческий щенок, которому

Кирвонт милостиво позволил бежать, уже добрался до Данноттара, в запасе у эльфа было пара-тройка дней, чтобы уйти в тень от разворачивающихся дальнейших событий.

Отлично всё продуманно! Просто великолепно! Тень — стратегия победителей. На дикарей, разоривших крепость, падёт гнев клана, а демэльф, уже снедаемый щенячьей обидой на мать, проберётся в опустевшее логово зверя и притащит к Кирвонту за волосы венценосную суку. О, нет! О браке с грязной шлюхой, родившей ублюдка от демона, даже ради короны теперь и речи не может быть. Ему всегда претила мысль ежедневно терпеть высокомерие ненавистных Лартэ-Зартриссов. Он в корне уничтожит чёртов род, предав народному эльфийскому суду преступницу и в качестве неопровержимого доказательства её выродка. Став спасителем целой расы, он предложит на трон другую кандидатуру благородных кровей, приближенных к королевским. Сестричке ничего не останется, кроме как разделить с ним трон и постель. Остаётся ещё много дел, но терпение, Кирвонт, оно ведь добродетель...

ГЛАВА 30. ЛОНДИНИУМ.

В то время, как отец и сын, один — по велению долга, другой — сердца, держали путь навстречу друг другу, и волею судеб их дороги не пересеклись, в торговом Лондиниуме весть о том, как юный Констант обратил в христианство и тут же обвенчал каледонского варвара с первой красавицей города, превращаясь в романтическую былинку, не сходила с зудящих языков замужних кумушек, любивших «полакомиться» скандальными историями.

Женщины вообще уникальные создания! В любом возрасте им жизненно необходима пища для ярких, душещипательных эмоций, без которых дни дочерей Евы превращаются в монотонную безликость. Когда же сходит на нет собственная амурная атмосфера, нечем уже вдохновляться, ибо муженек, обросший чёрствостью и брюшком, за которым и ног-то свих не видит, счастье, если по заду шлёпнет и носом клюнет в шею; не кинет, как бывало, ласково «лебёдушка», когда-то щемящее неутомное сердечко. Помыслы его куда более материальны, нежели размяться и потешить необузданной пылкостью себя и избранницу, некогда перед богами поклявшуюся в богатстве и бедности... верой и правдой... Орава вечно сопливых отпрысков так и цепляется в юбку с назойливым: «Ну, ма!». Вот тут пытливый женский ум выискивает жертву и с жадностью цепляется за чужие душещипательные истории, своим бряцаньем напоминающие, что где-то там, глубоко внутри обрюзгшего, рыхлого тела она всё ещё юная, стройная и жаждущая романтики молодуха. Если же находится достойный случай для сплетни, в идеале — с драматической концовкой, чтобы за собственную судьбинку не было столь обидно, тут уж держитесь, соседки!.. Побоку свиньи, утки, куры, хозяйство в придачу со всем выводком! Ничего, минутку, которая отчего-то перерастает в часы, потерпят. Да не отсохнет бескостный язык, способный выдержать невообразимый потенциал женской фантазии, хроника из ряда вон выходящего события обростёт такими красочными описаниями, что непременно общественность по косточкам разберёт и ещё долго с пристрастием будет следить за объектами скандала под призмой восприятия собственных обычаев и нравов.

Однако, справедливости ради стоит заметить, что сильный пол подчас, балуясь тем же грешком, ведёт себя похлеще баб. Правда, оправдание у его обстоятельных представителей более основательное. Вуалируя сплетни, казалось бы, резонным беспокойством о будущем

родных и близких и даже судьбах страны и нации, меж тем, достойнейшие порой не скупятся на разный лад склонять жертву кривотолков.

Вот так, от прислужников к кухаркам, от стражников к друзьям, тихо-мирно весть о визите посла из Каледонии стала второй по значимости после предстоящей коронации. Скептики сомневались, оптимисты ликовали, но и те, и другие надеялись, что не за горами день, когда туманный Альбион и дикая Каледония придут к взаимовыгодному согласию. Обеспокоенные жители гадали, что же потребует взамен мирного соглашения проклятый Мактавеш, имя которого произносили не иначе как шепотом и осеняя себя крестным знаменем, но, если союз с дьявольским кланом послужит залогом защиты от бесчинства саксов и англов, да торговля с севером принесёт определённый барыш, для такого дела не жалко под дикаря и красотку подложить, тем более чужестранку. И если уж сам без пять минут монарх в присутствии Вортигерна благословил семейную чету, значит, дело верное. Поэтому, несмотря на предоставленные нашим молодожёнам четыре уединённых дня, городская знать, покинув свои виллы, потянулась в уютный гостевой домик при дворце, чтобы засвидетельствовать каледонскому послу своё почтение, а заодно тихо позлорадствовать над его разукрашенной стараниями стражи физиономией.

Кровать жалобно скрипела, а точёные беломраморные груди с темными ореолами сосков, соблазнительность которых только подчёркивала плотно облегающая их шёлковая ткань, зовуще колыхались в такт ритмичному подпрыгиванию Sam Verya. Да-да, именно подпрыгиванию! Словно загипнотизированный, я наблюдал, как отливали золотом в бликах зажжённых свечей разметавшиеся по плечам белокурые локоны, небрежно собранные костяными шпильками где-то на затылке. Веки томно прикрыты, изящная головка откинута назад в грациозном изгибе шеи. Зрелище похлеще самой жесткой пытки. Распалённый этой картиной, напряжённый до предела, я впился взглядом в пульсирующую жилку, которая так и напрашивалась пройти по ней губами, спуститься к ямочке меж ключицами, зарыться лицом между упругих грудей, пока бедра интенсивно вколачиваются в уступчивую женскую плоть. Дьявол! Что вытворяет на моих глазах эта авантюристка?! Довершением ко всему... очередь заводящих, сладострастных стонов, с лёгкостью слетающих с приоткрытых губ, непристойно громко разносилась по спальней палате и за её пределами, пока... мать твою!.. превратившись в хаотичные гортанные звуки наивысшего удовольствия, медленно сошла на нет.

— Хм... впечатляюще... — незаметно выпуская пар, далеко не сразу я нашёлся, что сказать. Боги свидетели, каких титанических усилий стоило мне сдержаться, чтобы не вскочить с кресла, добраться до неё и расплющить под собою этот ходячий секс. Однако с невозмутимым видом я отложил в сторону перо, напрочь забыв, что именно намеревался писать Фиену. Сейчас я был не в состоянии не только здраво рассуждать, но и подняться, не продемонстрировав при этом ту крайнюю степень эрекции, которую попросту называют стояком. Ледяная ванна сейчас бы мне в подмогу.

— Однако, позволь узнать, госпожа, зачем весь этот спектакль? — насмешливо заметил я, наконец включив иронию. Ну, разумеется! Разве могло быть иначе?! Непременно нужно соорудить невинные глазки. Скорчив разочарованную гримасу, я беспардонно солгал:

— Временами ты становишься предсказуемой, старушка Sam Verya.

Плотно поджатые губки на невинно поддразнивающее «старушка» красноречивей

любой негодующей тирады выражали недовольство моей красотки жены. Чёрт! Непривычно-то как... моей жены!

Стремительная женитьба на Иллиам Доум-Зартрисс никак не укладывалась в моей всё ещё гудящей от гостеприимства бриттов голове. Я пребывал в лёгком ступоре от случившегося, не зная, сожалеть или радоваться потере статуса закоренелого холостяка. Должность советника обязывала иметь холодную, трезвомыслящую голову, не обременённую какими-либо отвлекающими обязательствами, поэтому, убеждённый, что семья будет мне лишь помехой, о женитьбе я никогда и не помышлял, вполне комфортно обосновавшись в собственном уединении. Но невольно, я поймал себя на том, что втайне постоянно наблюдаю за своей новоиспечённой жёнушкой, и с каждым часом это занятие меня всё больше увлекало. Помимо откровения, что раздражающе хочу в постель эту ядовитую змею, пришлось признать, меня восхитил её дерзкий, авантюрный подход к решению ею же созданной проблемы. Кто знает, быть может, намеренно созданной, но, признаться, смысла в этом я не видел. Лишить себя свободы, окольцевать меня... и ради чего? Свободы принцессы?.. Сомневаюсь. Я мог бы предъявить этой аферистке множество обвинений, включая братоубийство, но уличить её в самопожертвовании — никогда. Не её стиль. Разве что в ближайшем будущем Сам Verya вознамерилась овдоветь. Ха-ха! Вполне даже. Вот это больше похоже на правду. Тогда влип ты, приятель, по самое «не балуйся». Ну уж, дудки! Это мы ещё посмотрим, кто кого.

— Ну и? — непринуждённо выстукивая пальцами по поверхности небольшого рабочего стола незатейливый ритм, я твёрдо вознамерился услышать объяснение, и Иллиам это прекрасно знала. Сидя там же, она бросила на меня беглый взгляд, вытащила заколки из волос и взяла в руки гребень.

— Пока ваша Важность изволила выбивать из себя тюремных клопов и смывать грязь, а следом завалилась на боковую, у нас побывало несколько важных персон. Среди них моя новая приятельница Лукреция, она же — глаза и уши Вортигерна. Всё удивлялась, отчего после долгой разлуки, молодые, вместо того, чтобы наслаждаться обществом друг друга, предоставлены каждый сам себе.

— Ты, значит, решила спасти мою репутацию? — усмехнулся я. До меня, наконец, дошёл смысл только что разыгранного представления, коим нахалка устроила мне приличную встряску. — Какая добродетель!

— Достопочтенный Алистар, жизнь с дикарями явно пошла тебе не на пользу. Ты так расслабился, что потерял бдительность. А между тем наше очаровательное гнёздышко, любезно предоставленное Вортигерном, имеет парочку существенных изъянов — единственная, пусть и большая, кровать, ну, это ещё вполне объяснимо, и чуткие уши приклеенной к дверям стражи, что уже напоминает арестантские условия.

Иллиам поднялась и, подойдя ко мне, встала за спиной. Ожидая подвоха, я насторожился, когда женские руки легли мне на плечи, а пальчики, поглаживая, заскользили по груди. Но тут она наклонилась и зашептала мне на ухо:

— Согласись, вполне естественно, когда темпераментной самке требуется резвый самец. Ах, посол из самой Каледонии! Ах, какой бесподобный и опасный варвар! Уверена, многие красотки хотели бы сейчас оказаться на моем месте. Но не обольщайся на мой счёт, советник! И не о твоей репутации я пекусь, исключительно о достоверности легенды нашего брака.

Вот мерзавка! Отвесила мне комплимент, но тут же дала щелчок по носу. Ну что ж... не

помешает утереть и твой. Я сжал тонкое запястье и потянул Иллиам за руку, вынудив обойти кресло и плюхнуться мне на колени. Весьма приятный груз, тем более, что особого возмущения он не проявил.

— Видимо, за сотню лет не я, а ты расслабилась, Sam Verya. Мало того, что ты ведёшь себя со мной, как с краснощёким болванчиком, напомним, именно твоими стараниями мы по уши влипли во всё это дерьмо. Хотя, согласись, есть и плюсы — стоит ли напрягать фальшью связки, дразня воображение подневольных служивых, когда того же эффекта можно добиться куда более приятным образом, — удерживая её одной рукой, свободной я медленно повёл по шёлковой коже щеки, подбородка, спустился от шеи к бюсту. — В прошлый раз нас грубо прервали, но не желаешь ли продолжить и порадовать своего мужа, дорогая?

Всё это было сказано в стремлении позлить и вывести самоуверенную нахалку из равновесия. Уверенный, что острая на язычок Иллиам легко пикирует моё предложение, но она повела себя иначе. Всё продлилось не более секунды, но на это мгновение тело её оцепенело, черты бледного лица застыли, а в глазах, устремлённых в пустоту, появилась... тревога. Не зная я эту самоуверенную женщину, предположил бы, что она чего-то испугалась.

— Ты в порядке? — вопрос сам сорвался с языка.

— Разумеется, — взгляд её вновь сфокусировался на мне, вымученная улыбка растянула губы, обнажая аккуратные белоснежные зубки, но встать с моих колен она не торопилась. — Отчего ты спрашиваешь?

Простой вопрос, ответ на который стал для меня маленькой проблемой. И действительно, отчего меня должно интересовать состояние одной из самых опасных женщин во всём эльфийском королевстве, беспринципное поведение которой всю жизнь осуждал, намеревался отдать её под суд, и которая до сих пор меня непомерно раздражала? Ничего умнее я не придумал, чем ответить:

— Скажем так, теперь я твой муж, и меня должно заботить физическое и душевное состояние жены.

— Конечно же, как я могла забыть?.. Благородный Алистар, долг чести для которого первостепенен, — усмехнулась она, намереваясь подняться, но я не позволил, удерживая руками за талию. — Убери руки, посол! Ты ведь знаешь, что освободиться для меня не составит проблем.

— Не сомневаюсь, Иллиам, что ручки твои и поныне с одинаковым успехом несут как боль, так и удовольствие. Хотя второе, скажу на личном опыте, намного предпочтительней, — чёрт его знает, почему, но я ощутил досаду, когда она едва заметно ступевалась. Словесная перепалка перестала приносить мне удовольствие. Нужно было с этим кончать:

— Sam Verya, по странному стечению обстоятельств наши судьбы вновь пересеклись, и долгое время обоим придётся терпеть общество друг друга, поэтому предлагаю сложить оружие и поговорить начистоту. Тем более, мы оба оказались в Лондиниуме не случайно. Разговор наш не для посторонних ушей, так что будь пайнкой и устраивайся поудобнее. Можешь даже припасть к моей широкой груди. Ничего, как-нибудь вытерплю. Итак, перемирие?..

В небольшом дворцовом парке, вплотную прилегающем к городским постройкам Лондиниума, вновь зажгли факелы. Дозорные несли ночную службу. Играла музыка, и щедро лилось вино, несдержанность женского хохота перемежалась с грубыми мужскими возгласами во славу будущего короля Константа. А в гостиничном домике два эльфа, в прошлом не выносящие друг друга, неожиданно обнаружили, что могут не только практиковаться в язвительных островах промеж собой, но и вести вполне корректную беседу. Уж так устроена наша натура, стоит две противоборствующие стороны запереть в одной комнате и дать пищу для совместного обсуждения, рано или поздно вы получите примирившихся собеседников. А если ещё подержать взаперти эдак денёк-другой, о... тут уж срочно бегите, иначе устойчивый союз спустит на вас всех собак...

— Очень необычно, — в задумчивости пробормотал я, поворачивая голову к доносившемуся из открытого окна шуму очередного дворцового веселья, тем временем, как сосредоточенная на моём разбитом лице Иллиам накладывала на глаз примочку.

— Алистар, сиди уже смирно. Лекарь говорил, накладывать эту вонючую гадость, отчего-то названную им микстурой, нужно регулярно. Знать бы ещё, регулярно — это как? — эльфийка вздохнула и наклонилась ко мне. Теперь уже я смотрел прямо перед собой, а вернее, на два соблазнительных полушария в десяти дюймах от моих губ, грозящих вывалиться из декольте платья. Да уж! Преднамеренный, безотказный приём, которым прекрасный пол как пожелает вертит мужиками, включая и меня. — И что необычного ты нашёл? — невинно спросила белокурая шельма.

— Ты не боишься, что очень скоро ответишь за подобные манипуляции? — кивнул я на её грудь.

— Ничуть, — улыбнулась она.

— Это радует, — прочистил я горло и продолжил. — Необычно то, что нас не позвали на очередную вечеринку во дворец.

— Тут вообще много всего необычного! — Иллиам замолчала, методично смазывая ссадины и ушибы на моем обнажённом торсе.

— И как я тебе? — не удержался я от вопроса. Брови её слегка вздёрнулись, голубые глаза взметнулись и встретились с моими. Определённо, как бы женщина не скрывала, нельзя ни с чем спутать проявление её интереса к мужчине. Я ей нравился. Это читалось в её взгляде. Иллиам покачала головой и вновь вернулась к прежнему занятию, на сей раз чуть сильнее надавив на очередной синяк. Я поморщился от боли.

— Намного приятнее, чем в прошлом, — произнесла она и, мгновение помолчав, продолжила: — Послушай, Алистар! Всё, что произошло... я имею ввиду то, что ты пострадал, случилось непреднамеренно. У меня не было выбора, нежели...

— Подставить совершенно невинного человека, кем бы он ни был? — перебил я её.

— Получается, что так, — не стала она отрицать.

— Понятно. Значит, я прав, губернатора убила ты.

Внезапно она отдёрнула руку и посмотрела на меня ледяным взглядом.

— Не смей меня осуждать, советник! Эта тварь ещё в день нашего знакомства заработала себе на смерть.

— Иллиам, я не осуждаю, лишь прошу мне довериться и рассказать, что произошло, чтобы мы могли выпутаться из этой истории с максимальной выгодой и минимальными

потерями.

Её колебание было столь ощутимо, что его почти можно было осязать. Подметив, как презрительно дернулся уголок застывших губ, я понял, пока ещё не озвученный выбор уже не в мою пользу, поэтому посчитал нужным добавить:

— Я никогда не причиню зло своей жене, носящей мою фамилию, эльфийка. Клятвы, данные мной — не пустой звук.

Долгим, немигающим взглядом она смотрела на меня. Я не отвёл взора, но уже начал сомневаться, что добьюсь успеха. Наконец губы её приоткрылись и, затаив дыхание, я услышал:

— Хорошо, Алистар, я расскажу тебе всё, но в ответ жду такой же честности.

Я молча кивнул. Эльфийка глубоко выдохнула, тряхнула головой и, окончательно капитулировав, принялась за повествование:

— Ты должен помнить, что последним приказом Валагунда мне было разыскать Лайнеф и вернуть в отчий дом. Так вот, благодаря Дарену мне удалось вызволить наследницу из вражеского плена. Принцесса была на грани, демоны выкачали из неё все силы, и мы со старцем серьёзно опасались за её жизнь. С прискорбием мы узнали о падении цитадели. Кругом хаос и смерть, наш король мёртв, а путь в Морнаос заказан. Распоясавшиеся монстры безнаказанно истребляли оставшихся в живых эльфов. Спасение было только в портале, соединяющем миры, и Дарен нам помог попасть в мир смертных. Не стану сейчас говорить о нашем становлении среди людей, это отдельное повествование, но всё началось в тот день, когда Лайнеф вытребовала у императора Клавдия Константина отставку, решив обосноваться в Каледонии в подаренном им Килхурне...

Я слушал её рассказ и задумывался, что же произошло в судьбе красавицы Иллиам, что превратило её в холодную, никому не доверяющую, не допускающую до сердца, скорую на расправу Сам Verya? Согласен, что оскорблённая и обиженная женщина с сильным характером частенько превращается в стерву, пока не отомстит. Но упившись возмездием, обычно она находит в себе мужество и возвращается в привычное русло, возможно, преодолев психологические трудности. Здесь же... было нечто иное, появившееся задолго до моего с ней знакомства, и абсолютно не связанное с войной. Война только укрепила в Сам Verya озлобленность и цинизм, утвердила бессердечие и оправдала жестокость. Истоки нужно было искать намного ранее.

Изученная мной ещё в Морнаосе вдоль и поперек биография личного телохранителя и любовницы Валагунда особого любопытства не вызвала, разве что маленький пунктик, связанный с сомнениями в истинном отцовстве. Её мать, урождённая Доум — Зартрисс, находясь в родстве с королевской семьёй, была женой маршала Рушера и вела скромный, уединённый образ жизни, когда, овдовев, вдруг скоропалительно вышла замуж за богатого торговца, тоже вдовца, но с ребёнком на руках. Новый супруг взял фамилию жены, что было вполне закономерно, но не делало ему чести. Семейная чета стала регулярно появляться при дворе, а вскоре родилась Иллиам. Всё как у всех, но будучи подростком, девочка покинула родительский дом, предпочтя остальным наукам военное искусство. Слишком поздно для её возраста. Однако девица оказалась упорной и вскоре догнала в мастерстве своих сверстниц. Иллиам завоевала уважение собственного наставника, который и рекомендовал её для дальнейшего обучения в престижную школу королевской гвардии. А дальше всё пошло по возрастающей. Пока, обласканная фортуной, фаворитка короля Сам Verya вдруг не напала на своего брата...

— Погоди, — остановил я её повествование, перейдя на эльфийский. — Значит, Вортигерн хотел, чтобы ты спала и шпионила за Константином?

— Именно так, но после того, как я ему сообщила, что твоя жена, ему ничего не оставалось, как отказаться от своей идеи и согласиться на мои условия.

— Вот именно, не оставалось! Хитрый лис! — взбудораженный догадкой, я вскочил, подхватил недописанное донесение Фиену и швырнул в огонь, после чего попытался натянуть рубаху. С повреждённой рукой не очень-то выходило, поэтому помощь эльфийки была как нельзя кстати. — Собирайся, Сам Verya! Мы оба сваяли дурака, позволив Вортигерну выставить нас китайскими болванчиками. Знаешь, фигурки такие уродливые? Погладишь болванчика по голове, он и рад ею трясти, пока хозяин её, родимую, не отломит.

— Алистар, я не понимаю, о чём ты. Объясни, в конце концов!

— Хорошо, поясню! — посмотрел я ей в глаза. — Кукла, то бишь Константин, рвёт нити, стремясь к самостоятельности. Страховка в твоём обворожительном лице не сработала, отказываясь служить, и кукловод Вортигерн недоволен. Крайне недоволен, дорогая! А что делают с поломанными игрушками деспотичные мальчики?

— Выбрасывают... — прошептала поражённая Иллиам. До неё наконец дошёл смысл причины моего беспокойства.

— Умница! — похвалил я её, чем и заслужил притворно-благодарную улыбку жены. Чёрт! Никак не привыкну, что женат и именно на Сам Verya! — Переоденься, да поспеши. У нас не так много времени.

Без малейшего смущения, будто меня здесь и нет, она торопливо скинула ночное платье и направилась к стоящему в углу сундуку, не замечая моего вымученного стога:

— А страховка? Как в таком случае поступит мальчик со страховкой?

Безусловно, моя жена держит меня за железного истукана, и в этом я видел очередное проявление её чёрствости. Пусть пока так, но себе я дал зарок, как только выберемся отсюда, первым делом развею её иллюзии. Я не стал отворачиваться, придирчиво выискивая изъяны женского тела. Привыкший распознавать чужую ложь, сейчас я намеренно занимался самообманом, борясь с неуместным возбуждением. Пожалуй, плечи чуть несоразмерны с задницей, шея коротковата, да и талия широковата... Напрасно! Проверенная тактика не срабатывала! Сравни богиням, всё в ней было идеально. Оставалось лишь сосредоточиться на её вопросе и не спотыкаться на каждом слове:

— Не обольщайся. Кукловоду куда важнее удержать в руках власть в собственном доме, чем знать, что происходит в чужом. Не просто так мы заперты здесь под домашним арестом. Уверен, стража предана Вортигерну до мозга костей. На его месте я бы действовал именно сегодня и сейчас.

Придирчиво выбирая из казначейского сундука подходящее платье, Иллиам оторвалась от шмоток и повернулась ко мне:

— Алистар, я бы и рада с тобой не согласиться, но Валагунд всегда ценил твою пронизательность. Нам нужно срочно отсюда выбираться!

Я кивнул и, описав рукой в направлении эльфийки неопределённый зигзаг, добавил:

— Поэтому я буду премного благодарен, если ты поторопишься привести себя в надлежащий вид.

— Хорошо, — пожалала она плечами и отняла у нас обоих ещё несколько драгоценных минут.

К сожалению, именно их не хватило, чтобы выбраться из комнаты и скрыться в

окружающем парке прежде, чем из его темноты разноголосыми криками разнеслось: «Убили!», «Констант мёртв!», «Измена...».

— Дьявол! Опоздали! — дернул я облачённую в тёмное одеяние Иллиам к ближайшему оконному проёму. — Ведь просил же тебя пошевелиться!

— Ну извини, советник. Признаю, недооценила я Вортигерна.

Вперед меня преодолев несложный барьер, она на мгновение повисла в воздухе и с ловкостью кошки бесшумно приземлилась на траве. Мне же пришлось повозиться — нанесённые накануне стражниками побои давали о себе знать. Откровенно говоря, пустяшная преграда на время заняла всё моё внимание, поэтому я не сразу почувствовал присутствие посторонних.

— Мы не одни, — на эльфийском едва слышно произнесла Иллиам, с тревогой всматриваясь в темноту.

Пришлось сконцентрироваться, абстрагируясь от посторонних шумов и ноющей боли в руке. Как только это удалось, я присвистнул от удивления, ощутив эту множественную враждебную ауру окруживших нас людей. Ого, сколько их! Вортигерн решил действовать наверняка, не оставляя нам ни малейшего шанса.

— Дорогая, с князьком ты лихо попала впросак. Да их тут около роты! — озвучил я подсчёт, взглянув на Sam Verya. Та в знак согласия кивнула. Пусть губы её досадливо скривились, но холодный отблеск луны, отразившийся металлом в глазах, выдал решимость постоять за себя. Что ж, в этом я с ней солидарен.

Зажглись факелы, освещая фигуры стражников. Один, судя по внушительным доспехам старший по званию, вышел вперед со словами:

— По распоряжению Верховного Князя Вортигерна вы оба арестованы по подозрению в сговоре и убийстве Константа. Следуйте за мной, в противном случае мне даны полномочия не брать вас живыми, — отчеканил он.

В подтверждение серьёзности своих намерений он поднял руку, и солдаты обнажили оружие, лучники же нацелили на нас свои стрелы, что было значительно хуже. Боец из меня сейчас неважный, и в такой ситуации не хотелось бы, но без магии я мало чем помогу Sam Verya. Воспользоваться же ею означало, что в живых оставлять никого не придётся. Меж тем мужская гордость не позволяла всё возложить на хрупкие девичьи плечи, если так можно выразиться о плечах убийцы, и, чёрт его знает, что там ещё, вероятно, не окончательно исчерпала себя гуманность, поэтому, да свершится чудо, и представители человеческого рода внемлют мне и воспользуются своим шансом:

— Раз даны такие полномочия, значит, о подозрениях и речь не идёт. Это уже обвинение и даже приговор, — усмехнулся я, выдержав значимую паузу. — Начальник стражи, полагаю? Вижу, ты славный малый, и вполне можешь сообразить, к каким плачевным последствиям приведёт арест каледонского посла и его жены. Давай-ка пораскинем мозгами и посчитаем, сколько дней протянет Лондиниум после того, как весть о моей смерти дойдёт до всемогущего вождя Мактаवेशа с многотысячным войском жаждущих насилия и грабежей дикарей! Ну, и... перспективку смекаешь?! Тогда... предлагаю разойтись полюбовно, и обещаю, что никто из вас не пострадает.

Первая часть моего монолога произвела должное впечатление, но вот вторая... Эх, напрасно я со второй. В конце концов, честолюбие и раздражение, а скорее, страх перед более близкой опасностью — Вортигерном, взяли верх над разумом, и служивый дал отмашку:

— Взять их!

Солдаты кинулись выполнять приказ начальника охраны. Правда, прежде чем их тела загородили обзор, я успел за заметить пару воинов, которые так и не тронулись с места. Приятно, что хоть кто-то внял моим доводам...

Рассчитывая на лёгкую добычу в виде моей жены, на пару секунд стражники растерялись, когда Sam Veruа с лёгкостью уложила троих. Придя же в себя, с криками бросились на неё гурьбой, образовав хаотичную, извергающую брань и рык своеобразную кучу из человеческих тел. Не сомневаясь, что с подобной неприятностью Иллиам справится, выползет, вынырнет, я не сдержал улыбки и полностью сосредоточился на нападающих на меня стражах. Распространённое в мире темных контратакующее заклинание было мне в помощь. От его действия, как от удара в солнечное сплетение, демона отбрасывало назад, болевым шоком на некоторое время выводя из строя, людей же оно попросту убивало. К сожалению, пользоваться им безгранично невозможно, так как магия требует жертвенности — хочешь ты или нет, она отнимает запасы собственных сил. И изрядно попрактиковав его на озверевших от страха перед неизведанным, но фанатичных в исполнительности людях, я уже подумывал воспользоваться мечом, благо дело, владел оружием одинаково уверенно обеими руками, но меня серьёзно беспокоили лучники. От губительных стрел сейчас нас спасали лишь человеческие тела. Стоит начальнику дозора включить голову и отозвать солдат, ничто не помешает воинам спустить тетиву.

— Дорогая, ты там как? — крикнул я, отправив очередного бритта к праотцам. Я взмок, и меня слегка потряхивало от нахлынувшей слабости. Обернувшись, заметил белокурую головку среди груды тел, что в сложившемся положении меня вполне устраивало.

— Отвали, советник! Мне сейчас не до тебя, — пропыхтела Sam Veruа, пытаясь одновременно дотянуться до чьей-то шеи и вылезти из-под стражников.

— Грубо, но предельно ясно. Надо будет поговорить с принцессой, чтобы выбирала выражения при моей жене, — пробормотал я, притворно досадуя на непривычный для неё жаргон. Присмотревшись на земле лёгкий меч, я наклонился, и вдруг... характерным свистом над головой очередь летящих стрел рассекла ночную пустоту. Твою ж мать! И своих не щадит, а я его славным малым назвал...

— Иллиам, не поднимайся! Слышишь меня?! Не смей вставать! — закричал я. Потянув на себя тело мёртвого бритта, я укрылся за ним, как за щитом, выпуская поток ударной энергии в ближайшего лучника. Того замертво отшвырнуло назад, но на этом предел моих магических сил был исчерпан. Да, дело-дрянь! Без магии обороняться будет значительно сложнее.

Неожиданный выкрик Sam Veruа заставил меня вздрогнуть:

— Кезон, Тит, пора!

Ошарашенный, я наблюдал, как те самые двое в доспехах, что ранее стояли особняком в темноте, выхватили мечи и стали кромсать стражу. Но каково было моё удивление, когда почти тут же к ним присоединились неизвестно откуда взявшиеся Шагс и Молох, знакомым диким ревом ознаменовав своё появление. Дальнейшие действия можно было описать лишь единственно верным словом — истребление, за процессом которого мне не очень-то хотелось наблюдать. Леденящие душу звуки разрываемых человеческих тел, отвратительное чавканье дорвавшихся до крови и плоти монстров, душераздирающие вопли в мучениях погибающих солдат — всё это не доставляло мне удовлетворения. Одно дело — запачкать руки в крови, методично и невозмутимо уничтожая противника, совсем другое — убивая,

наслаждаться его страданиями. Для эльфа это было слишком грязно и омерзительно.

Я медленно поднялся, пошатываясь, подошёл к Иллиам и вытянул её из-под груды мёртвых тел. Каким образом миниатюрной женщине удалось расправиться с ними и при этом остаться не расплющенной под десятком тяжелых мужиков, отделавшись ушибами и синяками, оставалось загадкой.

— Тебе придётся мне многое объяснить, — сказал я, убирая с её лица золотистый локон.

— Да тут и рассказывать-то особо нечего. Всё благодаря...

— Не сейчас, — резко перебил я Иллиам, увидев быстро приближающегося к нам Молоха. Реакция демона на появление ещё одного эльфа могла быть непредсказуемой, поэтому я собой загородил её.

— Советник, ты чертовски х**во провел переговоры, и сам выглядишь дерьмово. Вождь будет недоволен, — рукавом рубахи он стёр кровь с лица и тут заметил Иллиам. — Ба! Я знаю эту сучку! Она была в Килхурне вместе с невестой Фиена. Даллас ещё предлагал её прихватить для тебя. Что она здесь делает, Алистар?

— Что?! С кем? С Невестой? — встряла в разговор Сам Verya, выйдя вперед. Теперь уже она негодующе смотрела на нас с Молохом, и в том я видел справедливую расплату за то, что утаила от меня связь со своими людьми. — Что всё это значит, Али?

— Али?! — изумился Молох и растянул губы в плутовской улыбке. — Ты её уже оприходовал, советник?

Покончив со стражниками, к нашему разговору присоединились ещё трое внимательных слушателей, одним из которых был Шагс:

— Что делать с этими двумя, Алистар? Они видели лишнее, — кивнул он в сторону людей Иллиам. Те, не готовые задарма расстаться с жизнями, встали в оборонительные позиции. Один же, тот, что постарше, посмел открыть рот:

— Рядом с командором Лайнеф нам много чего доводилось видеть, так что убивать нас резона нет никакого. Мы отправимся с вами к ней, и это не обсуждается!

Все смотрели на меня и ждали объяснений, а между тем время ждать не будет. Мы теряли драгоценные минуты, когда Вортигерн, несомненно, уже знает о произошедшей схватке. Уверен, стараньями князя со всей округи к гостевому домику при дворце покойного императора Клавдия Константина сейчас стекаются разъярённые люди, чтобы поквитаться с каледонскими дикарями за смерть несостоявшегося монарха Константа, так и не взшедшего на трон своего отца.

— Уходим! Разбираться будем, когда покинем город, — ответил я, направляясь к ограждающей территорию императорского дворца стене, сопровождаемый странной компанией из эльфа, людей и демонов. Чего только не бывает в жизни!..

ГЛАВА 31. ДАННОТТАР.

Даллас.

Неприятная находка была обнаружена в ангаре под утро. Тела были ещё тёплыми, но изуродованы настолько, что опознать их ни я, ни другие немедленно созванные старейшины клана не смогли. Лишь когда сообщили, что исчезла парочка ятников, мы испытали облегчение, посчитав, что кто-то из братьев отвел душу на невольниках, пока вождя нет в замке.

Редко, конечно, но такое случалось. Ужиться демону среди людей — как человеку занять собственную отару. Он водит ничего не подозревающих овец на пастбище, оберегает своё добро от хищника, те беспечно жрут и срут на его глазах, про меж них безмятежность и покой, аж до тошнотворной оскомины. Однако, вся эта идиллия продлится до той судьбоносной минуты, покуда человек не ощутит зверского голода и, хватаясь за нож, вспомнит, что он и есть хищник.

Вот так и с нами... Никого это не красило, но время от времени происходил некий щелчок, сбой, вспышка, спровоцированная каким-либо важным или, наоборот, неприметным событием, открывающим самую тёмную сторону демонической сути. Не всем удавалось совладать с основой себя, и тогда для случайной «овцы» дело кончалось паршиво.

Стоило бы поскорее избавиться от тел, как прежде, сбросив с утёса, да забыть, будто ничего не произошло, но одна существенная деталь не давала никому покоя — невольникам отрезали уши. При наличии эльфийской девки это было очень херовым знаком. Старейшины единодушно согласились: именно её присутствие послужило поводом произошедшего живодёрства. Кто-то из нас оставался недовольным решением вождя, утаивая за пазухой великую ярость. Нынче она забрала всего лишь жизни рабов, но недолг тот день, когда после череды последующих смертей очередной нашей находкой может стать и изувеченное тело ушастой.

Предположить, чем может обернуться для стаи смерть эльфийки (а по части её Фиен был совершенно непредсказуем), никто не смел. Однако рисковать собственной шкурой, когда неисполнение приказов жестоко каралось в стае, желающих не было. Поэтому было принято решение провести обыски по казармам и домам собратьев с целью поиска обличающих преступника находок. Первостепенно же, ради собственного спокойствия и общего блага, следовало запереть эльфийку в покоях, приставив к дверям охрану, хотя некоторые вполне серьёзно настаивали на более надёжном месте — темнице в подzemелье замка.

Лайнеф.

— Госпожа, он, видать, целый центнер весит, — пожаловалась худенькая Вива, удерживая на весу двуручный меч перед собой. Тот уже почти ходуном ходил в её руках и все ближе клонился к земле.

— Ну уж прям центнер, — с издёвкой вставила своё слово Гретхен. У неё масса в разы была больше, и дело с простецким заданием шло куда лучше. Особенно под задорное улюлюканье мужиков, глазевших на чудачества баб и, по-моему, делавших даже ставки. — Полстоуна, не больше.

— Как же пол?! У меня руки что свинцом налились, а мне ещё грудку одёжи перестирать надобно, — запричитала девушка, не обратив внимания на грубость тона подруги.

— Вива! — выкрикнул кто-то из собравшихся. — Ручки беречь нужно. Тебе ими ещё мужу член дровичить.

— А зачем ей руки — у неё рот есть!.. Эй, Вива, не приласкаешь меня по старой памяти?

Небольшая площадь взорвалась грубым мужицким гоготом, а девушка, нет, чтобы бросить неподходящее ей занятие, зыркнула своими глазами, плюнула в сторону

обидчика и с упёртостью ослицы задрала выше меч.

«Ещё бы не тяжёлый! Остаётся только удивляться, откуда силёнок хватает почти пять минут держать навытяжку четырёхфутовую сталь. Неплохо при таком-то телосложении!»

Несмотря на роптание, Вива — плод насилия над бриттской рабыней одним из варваров — мне импонировала. При такой-то subtilности в ней чувствовался несгибаемый характер северянки, и в то же время некая девичья ранимость, суровостью быта давно изжившая себя у большинства обитательниц Данноттара. Судя по ирамам на шее и руках девушки, оставленным «любвеобильными» демонами, ей была уготована участь собственной матери — умереть невольницей во время родов, разрешаясь на свет очередным бастардом. Но, видимо, боги сжалились над несчастной, и красавица Вива запала в душу какому-то воину, не побоявшемуся выкупить и взять в жёны рабыню.

— Достаточно, время вышло, — пощадила я её гордость. Для себя же теперь я была уверена, что сделала всё возможное, чтобы завтра, хорошенько прочувствовав болезненную ломоту в каждой мышце нетренированных тел, обе дурехи откажутся от бредовой затеи владеть мечом, а следом и остальные данноттарки, возомнившие отчего-то себя воинами.

Вестей из Килхурна не было никаких, да и рано было их ожидать. Но я ждала. Каждый час ждала, как только услышала от несмышлёного детёныша с огромным мужеством и не по-детски уставшими от беспокойства за мать глазами рассказ о нападении на Килхурн. Мактавеш, сукин сын, обвел меня вокруг пальца! Как смел он запереть меня на проклятом утёсе, когда не он, а я должна быть в своём замке? Не он, а я — отправиться в погоню за тварями, осмелившимися напасть на мой дом. Даллас, приставленный ко мне в качестве соглядатая, пытался выгородить вождя. Тогда без зазрения совести я вылила на его голову ушат отборной брани с требованием незамедлительно передать прямоком адресату с первым же посланным в Килхурн гонцом, оставив про запас самое эксклюзивное «красноречие», что самолично выскажу в лицо инкубу при встрече.

Уяснив, что ни Квинта, ни Иллиам в момент нападения в замке не было (знать бы ещё, где носит задницы этой парочки), на их счёт я несколько успокоилась, но отныне дни в клане для меня тянулись слишком медленно. Всем сердцем будучи с Килхурном, в Данноттаре меж тем, стремясь убить время, я очутилась в самом центре организованных бабами воинских учений на потеху мужикам. Наконец, собираясь заняться чем-нибудь более толковым, я поднялась с бревна, приволоченным накануне великан пиктом, с постоянным присутствием которого мне пришлось смириться.

О! Этот гигант заслуживает особого упоминания, чёрт его дер! После того, как я опрометчиво опрокинула сего питекантропа наземь, меня постигла кара в виде его исполинской тени, пугающей своими габаритами местную детвору. Славное зрелище, нечего сказать! Убеждённый, что раз он, воин, был повержен, но оставлен в живых другим воином, пикт возомнил себя моим должником, поэтому, добровольно возложив на себя функции охранника, а по совместительству и оруженосца, следовал за мной, куда бы я не направлялась.

Я искренне пыталась отделаться от великана. Охтарон с детства приучил меня к самостоятельности, а заботами отца у меня выработалась устойчивая аллергия на личную прислугу. Но, то ли я настолько паршиво произношу на гаэльском «нет», что оно воспринимается утвердительным «да», то ли категоричное отрицание головой и

жестикоуляция рук у пиктов имеют обратное по смыслу значение, я терпела катастрофическое фиаско. Дьявол его раздери! Прилип, будто репей, не отвертись! Меня нервировало и угнетало, что своим постоянным присутствием он ограничивал мою свободу, как некогда слуги в Морнаосе. Впрочем, угнетало иное... При нём я невольно возвращалась в прошлое, лишней раз убеждаясь, насколько в действительности была скверной дочерью, не ценившей заботу отца. И ведь ничего уже не исправить. Не изменить. Время ушло, и отец мёртв. Это причиняло боль...

В конце концов, когда силы спорить и что-либо доказывать тупоголовому верзиле иссякли, наорав на него, я направилась напрямик к его соплеменникам с требованием избавить меня от сего образчика самопожертвования. Святая наивность! Не тут-то было! После часовых переговоров у очага в каменной броне* пикты мне разъяснили, что отказаться я не в праве, иначе нанесу жестокое оскорбление не только воину, но и всему племени. В результате, скрепя сердце поблагодарив дикарей за оказанную честь, будто ошпаренная я вылетела от них, злая на себя, гиганта, и на всех каледонцев сразу с их грёбанными традициями и обычаями. Но несравненно больше — на Фиена Мактавеша, который кинул меня в этой клоаке полоумных баб с завышенными амбициями, гордых, но обидчивых пиктов, и свысока вззирающих на всю эту богадельню бдительных демонов.

— А это ещё что за шествие? Не за парочкой же уроков фехтования! — нахмурилась я, озадаченно наблюдая процессию из десятка демонов, идущих напрямик ко мне.

До сих пор тёмные ко мне не приближались, так же, как и я не горела желанием с ними общаться. С памятного пира, когда они, словно привидение, разглядывали меня, между нами установился своеобразный пакт о взаимном игнорировании друг друга. Больше месяца мы жили под одной крышей, и невольно я уже знала имена некоторых из них. Знала их жён, кто с кем яхшается, кто у кого в побрательниках, но и только. Незримая стена разделяла нас! Такая монументальная, что, возведённая на почве древней вражды, выстроенная из сотен и сотен ранящих воспоминаний, временем обращенных в нерушимый монолит, она терялась в небосводе. Стена никогда не рухнет, не исчезнет. Не позволит опрометчиво повернуться спиной к настоящему. Её груз будет дозвель многотонной плитой, исключая беспечную роскошь — доверие. Адрианов вал, рукотворное человеческое строение, по сравнению с ней, невидимой, неосязаемой, просто смехотворен! Сколько бы времени ни прошло, какое бы ничтожное расстояние нас не разделяло, залогом незыблемости моей стены глубокими шрамами на сердце останется неизменный статус: «Мы есть и остаёмся врагами».

Они подошли. Неспешно, размеренно, снизойдя до меня. Этакое все на подбор матерье, но сытые и довольные земными благами, оттого и обманчиво ленные хозяева жизни. Но кому, как не эльфу знать, на какую жестокость способен в исступлении зверь? Только блаженный, обделённый чувством самосохранения, не оцупит страха, что колючим, ледяным языком сейчас лизал мне спину и оцепенением сковывал члены, пока я рассматривала цинично ухмыляющиеся рожи рожденных в преисподней тварей.

Демоны обступили меня, полукругом отделяя от людей. Любопытная челядь, нутром чуя исходящую от них опасность, поспешила разойтись. Лишь Гретхен и Вива, да неизменный Голиаф, как шутиливо нарекла я моего «оруженосца», не тронулись с места. Но и женщины удалились, как только Даллас кивнул им, требуя удалиться. Я покосилась на двуручник, следом на массивные ворота, за которыми осталась недостижимая свобода, оценила свои шансы и кисло резюмировала, что их у меня практически нет.

— Понимаю, моё присутствие в Данноттаре более без надобности? Пришли проводить меня в Авранаит? — бравируя, пыталась я выяснить причину их появления.

Гнетущая, вязкая тишина стала мне ответом. Такая стойкая, что, находясь под перекрёстным огнём тяжёлых взоров двух десятков демонических глаз, она вытравливала малейшую иллюзию на благополучный исход этой встречи. Лишь влажный морской ветер играючи путался в волосах и холодом издевательски бил в уши, время от времени напористыми порывами завывая: «Фью... и не спасись... фью... бежать бесполезно... фью... фью...»

Под таким давлением ломаются тверди. «Чёрт! Как жить-то ещё хочется! — подняла глаза я к небу. — Сколько не успела... Сколько не сделала... Напрасно не прислушалась к словам подруги и не открыла Квинту правду о рождении. Кровь от крови моей, плоть от плоти. Этот ветер сослужит мне службу и донесет до тебя, что где бы я не была, какая бы вечность нас не разделяла, ты — самая великая моя победа, сын мой.»

Свою молитву я прочла. Боги?.. В богов моей веры больше нет, так что оставим слёзы для плакальщиц. Пусть эти малахольные девы покроют волосы пеплом и воспоют свою мантру скорби, если когда-нибудь в каком-нибудь из тысяч миров вселенной хоть одна вспомнит эльфийскую воительницу Лайнеф Лартэ-Зарттрисс из древнего рода Зарттриссов, дочь последнего славного короля Валагунда.

Я обернулась к великану:

— Ступай, парень! Не твой это бой, поживи ещё немного. Пошёл прочь!

Тот хотел было воспротивиться, но не таким уж он был и тупоголовым, раз почувствовал: не время и не место. Пикт кивнул и неохотно ушёл. Оно и к лучшему. Жаль было бы загубленной души ещё одного молодого воина.

— Десяток демонов на одного эльфа... я польщена, — подхватив двуручник, я крутанула меч, оценивая его управляемость и балансировку, и медленно подняла клинок, готовая к атаке. — Ну что же, покончим наконец с этим... Давайте, ублюдки! Кто первый?!

Готовая прихватить с собой в мир Теней парочку демонических голов, я замерла, натянутая как тетива. Ситуацию усугублял тот факт, что накануне любезная Гретхен по большому секрету поведала мне о кончине императора Клавдия, и объективно я понимала, Мактавешу моя персона теперь без надобности. Будто у приговоренного, на голову которого сейчас же, сию секунду, ещё миг и опустится дамоклов меч, нервы мои были на пределе. Но... дьявол! Эти твари не торопились нападать!

— Ну же?! Нападайте! — вскричала я.

Недвижимыми менгирами воины тьмы взяли меня в круг, когда я крутилась в центре образованного ими непробиваемого кромлеха, и лишь огненный блеск в глазах свидетельствовал, что сотворены они не из каменной матери, а живой плоти. Наконец тишину разорвал грохочущий голос слева от меня:

— И эта шальная будет нашей госпожой?! — обладатель рыхлой красной морды, имя которого я запомнила, как Сегорн, вышел вперед и потянулся к мечу, что покоился в ножнах на его боку. Однако, не успела ладонь его сжать в кулаке рукоять, к моему изумлению, вмешался Даллас:

— Только попробуй вытащить, и я засуну тебе его в глотку, — вцепился он в руку демона.

— Ты ведь не станешь из-за этой?.. — кивнул на меня удивлённый красномордый,

затем посмотрел на соплеменников, ища в них поддержки. Убедившись, что единомышленников среди них не найдет, Сегорн раздражённо стряхнул руку Далласа:

— Да не собирался я её калечить! Тем более убивать. Законы знаю, иначе я бы тут не стоял, — вздохнул он и примирительно, даже несколько обиженно добавил: — С эльфами дрался, а вот с ушастыми сучками не доводилось. А эта... госпожа, — скептически скривился он, — давно трёпку заслужила. Чего ж не совместить аккурат приятное с приятным?

— Как бы тебе твои приятности, Сегорн, боком не вышли, когда Фиен вернётся, — хитро прищурился один из демонов, доставая из-за пояса понюшку табака. — Лучшие Далласа благодари, что от руки вождя уберег.

— Да помню я её в деле... — влез в разговор другой. Они принялись оживлённо обмениваться репликами, но я уже не следила за их речами, погруженная в собственные мысли.

«Трёпку? Чёрт возьми! Трёпку... Я ошиблась. Демоны пришли не за моей жизнью.»

Осознав, что никакой угрозы нет, по крайней мере, сейчас, я испытала такое облегчение, что не сразу задалась вопросом, с какой же целью удостоилась столь пристального их внимания.

Собственными поспешными выводами, впрочем, обоснованными, я поставила себя в наиглупейшее положение, тем испив ядрёную смесь колоссального адреналина и отчаянной безысходности. Теперь же, хмельная ею, я ощутила стыд, что непомерно раздражало. Наконец, внутри меня вскипел котёл злости и, чтобы не сорваться на окружающих, мысленно я вообразила сцену, в которой раз за разом пронзаю тело красномордого наглеца. Это продолжалось до тех пор, пока для убедительности свершив последний укол, я не почувствовала себя намного комфортнее и с ледяным спокойствием вклинилась в разговор на время позабывших обо мне демонов:

— Вижу, вам есть о чём потолковать, — напомнила я о себе. — Что ж, в таком случае я, пожалуй, пойду.

— Мы по делу, госпожа, — в итоге услышала я хоть что-то вразумительное.

— Вот с этого и нужно было начинать. Итак, какое дело у дьявольского отродья к ушастой сучке, нуждающейся в трёпке, говорите! — сыронизировала я, в действительности заинтригованная. Войны войнами, но я остаюсь женщиной, и как любой иной, заложенное природой любопытство мне не чуждо.

— Не здесь, в палате Совета, — уточнил Даллас, что означало, что разговор предстоит важный и не для посторонних ушей.

О палате Советов краем своего эльфийского уха я слышала, а вот побывать в одной не доводилось. Знала лишь, что пользуются ею редко, так как располагалась она в одиноко стоящей смотровой башне, на верхней площадке которой в случае нападения с моря когда-то жгли сигнальные костры, тем самым предупреждая жителей на материке о надвигающейся опасности. Но надобность в этом отпала с тех самых пор, как не без помощи Рима молва о жестокости непобедимого клана распространилась так далеко, что ни одно племя, промышляющее разбоем и грабежом, под страхом неминуемой гибели даже и не помышляло приблизиться к утёсу.

Одиноким эльфом в сопровождении демонов я зашла в тускло освещенную крохотным оконцем башню и остановилась у винтовой лестницы. Воины тьмы один за другим стали взбираться наверх. Процессию замыкал Даллас, который вопросительно взглянул на меня.

— Дочь эльфа струсила?

Но он ошибался. Разумеется, инстинкты мои обострились, и сейчас я испытывала смятение, и чёрт знает, что ещё, но только не страх. Он уступил место пониманию, что наша договорённость с Мактавешем ещё в силе.

— Дочь своего короля сомневается, стоит ли вести дела с кланом, пригревшим подлого шакала, — ответила я ему. — Даже для темных эльфов позорно делить кров с предателем.

— А для демонов — нет, когда польза от ушастого есть, — разозлившись, он пихнул меня в спину. — Топай давай! Позорно — не позорно... разговорилась. Кому-кому, но не тебе нас судить.

— И всё же просвети меня, Даллас, — настаивала я, поднимаясь по первым ступеням. Вопрос с Кемпбеллом никак не выходил у меня из головы. Не верилось, что при своей пронизательности отец не рассмотрел в ближайшем советнике беспринципного ублюдка. Такая промашка нанесла бы серьёзный урон репутации и авторитету короля, слывущего сдери подданных мудрецом:

— Как так получилось, что Алистар припеваючи живёт среди вас?

С сатанинским упорством демон молчал, и я поспешила пойти в наступление:

— Что ж ты молчишь? Я ж все равно узнаю, не от тебя, так от твоей жены.

— Чёртова баба! — долетели до моего слуха его вздохи и ворчание. Я усмехнулась, оценив тонкость замечания. Наконец, он удостоил меня коротким повествованием:

— Рассказывать тут особо нечего... С темным мы столкнулись на одном постоялом дворе, что большие смахивал на хлев для свиней. Парни решили, что это само провидение и неплохо отвели на советнике душу, но вот прибить не успели, вмешался Фиен. Что-то он в нём разглядел, уж не знаю, что именно, но прихватил полудохлого эльфа с собой. О собственном доме, таком как Данноттар, мы тогда и не мечтали, все довольствовались одной пещерой. Вот аккурат в неё часть из нас и возвращалась с... добром.

— Ну да. Я так и поняла, что награбленным, — не сдержала я иронии.

— Тьфу ты! Вот язва ушастая! Никак в толк не возьму, ну ладно Алистар, от него клану польза есть, но что в тебе-то Фиен нашёл?! — злился демон.

— Неужели не понимаешь? — остановилась я и повернулась к нему лицом. — Всё предельно очевидно — крепость Килхурн, да связи с императором.

Демон долго смотрел мне в глаза, затем изрёк:

— Послушай, воительница, ты либо дьявольски везучая, либо шибко умная, раз на сотню лет пережила своих соплеменников. В пожизненное везение я не верю, остаётся второй вариант. Так за каким хером голову в песок прячешь? Неужто в самом деле веришь, что из-за такой малости, как клочок никчёмной земли и твоих связей Мактавеш будет терпеть подлую эльфийскую стерву после того, как она махом перечеркнула всю его жизнь? За всю свою вечность, что я знаю Фиена, никогда, ни на одну суку он так не смотрел, как на тебя...

— Перечеркнула всю его жизнь? — возмутилась я, предполагая, что ослышалась. Даллас нахмурился, нависшие брови тяжёлыми дугами сошлись на переносице. Похоже, он не понимал причины моего негодования. Но тут, отвернувшись, он чертыхнулся, махнул рукой и, игнорируя моё изумление, продолжил:

— Э... адское пекло! Чего я лезу?! Сами разберётесь, не дети, — на узкой ступени он обошёл меня, намереваясь продолжить подъём, но вдруг обернулся. — И всё ж таки кой-чего скажу... Я один из немногих, дочь Валагунда, кто не желает тебе смерти. Должен бы, и, поверь, когда-то страстно желал, но так сложилось. Благодаря тебе здесь, на этой земле я обрёл семью и стал кому-то важен и нужен. А для самца это важно, понимаешь? В общем, мы в расчёте, эльфийка. Ты мне ничего не должна, — акцентируя моё внимание на последних словах, его приглушенный до этого голос стал крепнуть. — Но имей ввиду, я скорее исключение из правила, в котором многие желают получить с тебя свой должок. И единственное, что их удерживает, клятва вождю, да то, что с ним спишь. Мой тебе совет, тёмная, коли жить хочешь, не зли Фиена, не играй с огнём. Распалишь пекло — сама сгоришь.

Смешанный с затхлостью нежилотого помещения промозглый воздух беспрепятственно проникал в лёгкие и белёсым паром выходил наружу, пока, пребывая в некоем оцепенении, я тщетно вспоминала, когда умудрилась «махом перечеркнуть жизнь» инкуба. Хотя «вспоминать» в моём случае неверное слово. Чтобы вспомнить, нужно забыть. Такую роскошь мне не позволяли ни время, ни сын. Теперь же, когда передо мной приоткрыли завесу, за которой скрывалась ЕГО, обвиняющая меня неизвестно в чём, версия прошлого, я начинала прозревать, что в отношении меня инкубом движет исключительно месть. Но если так, то за что?! За что, мать его?! За то, что не смогла там же, на том же ложе, где к собственному позору отдала ему себя, узнав, что он убийца Охтарона, вонзить в сердце клинок? Или за то, что сбежала? Быть может, за рождённого ему сына?

Мне нужна была правда. Я остро, болезненно нуждалась в ней:

— Даллас, — страшась услышать отказ, обратилась я к демону. — Скажи мне, что...

— Даллас! — раздался голос сверху. — Какого дьявола?! Долго нам ждать? Тащите сюда ваши задницы!

— Идём уже, — слишком быстро отозвался демон и схватил меня за плечо. — Поторопись, госпожа.

— — —

Брох* — тип круглого крепостного сооружения железного века, выложенного методом сухой кладки.

— Нет, темная, так дела не делаются! Присядь, — один из старейшин недовольно потрянул платой головой. Он пригладил усы, в руках его появилась трубка, в которую он принялся набивать сухую траву. — Ты без пяти минут жена вождя, а, стало быть, должна радеть о его благе. Выходит, и о собственной безопасности тоже.

— Ну конечно! Исключительно о ней и во имя вашего вождя! — поддела я демона, подавив желание во всеуслышание «приласкать» Мактаवेशа. Тот недовольно покосился на меня, остальные, до сих пор о чём-то тихо переищёптываясь, резко умолкли. — Давайте! Давайте трусливо подожжём хвосты, запрёмся в чертогах, а неизвестный выродок пусть тем временем и дальше потрошит ни в чём не повинных рабов, благо дело, их в клане в достатке.

«Чёрт! — прикусила я язык. — Меняй тактику, Лайнеф, меняй! Не ровен час, договоришься и под белы рученьки прямёхонько да под замок, если не сгущать краски.»

Тут громко закашлялся Даллас, привлекая всеобщее внимание. С учётом того, что демоны не подвержены хвори, сия неуклюжая хитрость не осталась незамеченной, но она же разрядила обстановку: тёмные оживились, кто-то даже довольно ощутимо принялся хлопать его по спине. Я, воспользовавшись моментом, подошла к общему столу и села в кресло по левую руку от пустующего, судя по размерам и богатым резным узорам принадлежащего Мактавешу. Этаким примирительный жест эльфийской принцессы, готовой ещё раз обдумать неприемлемое предложение бесовского племени, дьявол меня раздери!

Круглый зал Советов, или, как предпочитали его называть, «палата», занимал весь этаж и ограничивался лишь стенами самой башни. Несомненно, я находилась в святой святых стая демонов, куда доступа людям не было. Прочная винтовая лестница — изумительная работа данноттарских кузнецов — заканчивалась по центру помещения, а далее шла иная, простенькая, одиноко примостившаяся к стене, ведущая на смотровую площадку. Огромный, почти кольцеобразный стол, прерванный лишь для прохода к центру, свидетельствовал, что ряд вопросов обсуждался сообща, но судьбоносное решение принимал вожак.

Длинные полосы красно-синего тартана на стенах шли от самого верха до пола и чередовались с расшитыми в те же цвета гобеленами. Как ранее мне пояснил все тот же Даллас, синий цвет означал неукротимость водной стихии, в союзе с которой зиждется крепость, красный (кто бы сомневался?!) — принадлежность к огненной расе воинов тьмы. Однако, будучи сама тёмной, я скептически отнеслась к его объяснению. Мне виделся в выборе именно этих цветов иной смысл и, если с символикой красного я полностью была согласна, то синий — и в том я готова биться об заклад — цвет эльфийской крови. Тогда и яркое переплетения нитей полотен, знаменующее извечное противостояние двух рас, несло вполне уместную смысловую нагрузку.

Мою гипотезу подтверждали также слова на центральном гобелене, служившие девизом клана. Вышитые красными нитями на гербе с изображением кабана — символа мужского начала, по латыни они звучали как «non oblitus», что означало «не забывший». А ниже, завуалированными под витиеватый орнамент едва приметными иероглифами на языке тёмных было приписано: «Когда я умру, помни обо мне». Очень необычно с учётом того, что навряд ли можно заподозрить в сентиментальности порождённых адом тварей.

Меж тем любитель табака легонько подул на трубку, трава протестующе вспыхнула оранжевыми язычками огня, но тут же, приняв неизбежную свою участь, смирилась и стала тлеть. Демон довольно затянулся и пустил в воздух струю дыма, которую мгновенно подхватил беспрепятственно разгуливающий по помещению ветер и со свистом принялся играть ею, превращая в замысловатые узоры, пока та окончательно не растворилась.

— Ты не пыли, эльфийка, — вернулся он к теме разговора. — Давай добром договоримся, что ты будешь тихонько сидеть в опочивальне, не создавая нам лишних проблем, а мы уж сами разберёмся со смутьяном.

— Смутьяном?! Ты называешь кровожадную тварь, вымещающую на расе людей ненависть ко мне, просто смутьяном?! — не сдержалась я.

— Все мы тут не ангелы, — спокойно возразил он, не удостоив меня взгляда. — Смертные на то и смертны, чтоб помирать, а вот эльф нынче зверь редкий, и ежели с тобой что случится, не миновать нам гнева вожака.

— Возможно, — кивнула я, откинувшись на спинку кресла, и попробовала зайти с

другой стороны. — Однако, не думаю, что вождю понравится расточительство человеческим ресурсом. Сколько уже?

— Ну... — в разговор вмешался демон с замысловатым именем Кайонаодх. — За три луны с полдюжины невольников задрал.

— Как же так?! — не верила я собственным ушам. — Как так, что три ночи в Данноттаре творится зверство, а я ни слухом, ни духом? Почему раньше не сказали?

Негодующе выругавшись, голос подал всё тот же Сегорн. Определённо, этот парень и не пытался скрыть враждебности ко мне.

— Потому что ты здесь никто! — а затем обратился к остальным старейшинам. — Я не собираюсь отчитываться перед эльфом! У этой стервы прав не больше, чем у тех же ятников.

— Сегорн!.. — на разный лад стали перебивать его старейшины, призывая к порядку, но я медленно поднялась, требуя дать мне возможность ответить.

— Значит так, господа демоны, — я выждала, пока все успокоятся, а затем намеренно ровным, невозмутимым голосом продолжила. — Смерть шестерых человек непосредственным образом затрагивает и меня. Благоразумно вы вызвались со мной обсудить это дело, позвав на совет. Я оценила и вас услышала. Склонна пойти навстречу старейшинам, но, как избранница вождя и ваша будущая госпожа, — выдержала я значимую паузу, — я воспользуюсь своим правом и настаиваю, чтобы мне разъяснили, что конкретно предпринято на сегодняшний день для поимки того, кто угрожает моей жизни.

Мой голос не дрогнул. Ни она живая душа не заподозрила, чего стоили мне эти слова. Никому не доверяя, избегая с кем бы то ни было малейших разговоров о женитьбе, до сих пор я ежедневно убеждалась в невозможности брачного союза с Мактавешем. И пусть инкуб днём и ночью занимал мои мысли, пусть стыдилась страстных иллюзий с ним (Дьявол! Когда это было не так?!) и страшилась признаться, что жду отнюдь не скупых вестей из Килхурна, а его самого, властного ублюдка, дьявола с шальной ухмылкой и губительными глазами цвета моей зависимости, кровь гордых предков эффективно отрезвляла голову, не позволяя забыть на его счёт.

Однако, противореча здравому смыслу, вместо того, чтобы уйти и запереться в покоях, чего и ждали от меня воины тьмы, я, принцесса эльфов, уверенно и во всеуслышание подтвердила статус невесты демона, возлагающий как право быть признанной, так и обязанности о заботе членов клана. Но что, если бы кто-то сейчас, сию минуту смог заглянуть в мою душу, чтобы бы он там увидел? Что?!.. Хаос? Панику? Отчаянное отрицание, неудержимое сопротивление или, быть может... неужто тайное чисто женское ликование?! Мне было страшно думать о том, какую вдруг лёгкость я ощутила, перешагнув судьбоносную черту.

Моя краткая речь по меньшей мере удивила рождённых тьмой. Бросая промеж себя озадаченные взгляды, они тянули время, молчаливо обдумывая, стоит ли вообще мне отвечать. Реакция была неоднозначная, начиная от передёргивания плечами до откровенно презрительных взглядов. Памятуя о разговоре с Далласом, на непредвзятое отношение я и не рассчитывала. Принуждать их было столь же рискованно, как если срезать гнойную коросту с лапы израненного зверя. Но этот риск был оправдан человеческими жизнями. Ради них демонам придётся со мной считаться.

— И?.. — с замиранием сердца я ожидала ответа. «Ну же, давайте решайтесь, твари! Пусть не оливковую ветвь протянула, всего лишь жалкий лист, но это ваш шанс».

— Вреда не вижу, да и нам хлопот меньше, коли высываться не будет, — пробормотал наконец демон довольно приятной наружностью. Короткими смоляными кольцами волосы обрамляли его лицо, ямочка на упрямом квадратном подбородке, глаза цвета темнее ночи. Такого впечатляющего самца надолго запомнишь, так ещё и разумен.

— Правда твоя, Эйблихир, — курильщик затянулся трубкой и кивнул. Наконец, он повернулся ко мне вполоборота. — Эльфийка, ты девка, видим, смекалистая, значит, сама понимаешь, что до сих пор за тобой приглядывали.

— Канителью это, за ней приглядывать, — нарочито завздыхал Даллас. — Никогда не думал, что в эльфах столько запала. Чистый порох, только искру поднеси. Ты часом не полукровка, Лайнеф? Не затесалась ли в твоей родословной когда-либо кровь демона?

Сама не почувствовала, как оскалилась, а из горла против воли раздался угрожающий рык:

— Думай, демон, что говоришь!

— Вот о чём и толкую, — заворчал он и в знак примирения поднял ладони. — Будет, тёмная. Всего лишь шутка. Кайар, продолжай.

— А что продолжать-то... Прочесали, знамо быть, парни все казармы, жилища, все сараи и даже конюшни со свинарниками. Много чего интересного сыскали, только всё не по нашему делу. Рабы вон перепуганы. Снег давно сошёл, земля посева требует, а они из амбаров выходить боятся. Приходится охранять. Так теперь и вольный народ работать отказывается без должной охраны. В общем тем мы и заняты, что денно и нощно в карауле ходим, да только пустое всё, под утро новые трупы. Демоны настолько обозлены, что, коли выловим, сами готовы душегубца растерзать. Эх... Фиен здесь нынче нужен, а не в Килхурне, либо Алистар.

— А чем бы они помогли? — насторожилась я.

— Вождь щадить не станет. «В своей стае не гадят» — гласит один из наших законов, так что душегубцу положена казнь от руки вожака. А советник... у него что чуйка какая непонятная, сытого демона после доброй охоты раскусит в момент.

— А ты, ушастая, сможешь? — хитро прищурившись, встрял Сегорн.

— Увы, нет, — неопределённо пожала я плечами. — Магия мне недоступна, уж не знаю причин, отчего.

Загоревшиеся было надеждой демонические взгляды вмиг потухли. Разочарованно старейшины уперли взоры в стол.

— Странно как, — подал голос один из них. — Эльфы от роду обладают этой дрянью — чёртовым волшебством.

— Тогда возрадуйтесь. Вы лицезрите неправильного эльфа, — усмехнулась я, скрывая горечь.

Собственная бездарность в этом вопросе ещё в Темном мире набила оскомину. Уж что только отец не предпринимал, каких только мудрецов, учителей и даже лекарей не приглашал. Когда же всё было перепробовано, а эффект остался нулевым, расстроенный, он изрёк: «Что не дано изменить, остаётся принять». Я была уверена, он разочарован и, чувствуя вину, в запальчивости предложила отречься от меня, чем вызвала редкую, но извечно печальную улыбку на его устах: — «Я не разочарован, Лайнеф, серьёзно обеспокоен. Эльфийская магия, что звезды во вселенной, одни яркие, другие едва заметны, но свет их постоянен и виден всем. Твоё магическое светило не вспыхнет, пока не накопит силы. Оно есть, но сокрыто так глубоко, что ни чародеи, ни ты, его обладательница, не способны его

узреть. Я опасаясь представить, как ярко возгорится твоя звезда в назначенный час и не сожжет ли она тебя саму». Но он ошибся. При всех потугах обнаружить в себе хоть искорку того света, что пророчил отец, магия оставалась мне недоступной.

— Гонца за Алистаром послали? — вернулась я к нынешнему.

— Ишь, шустрая какая! Всё встречи с эльфом ищешь? — заподозрил Даллас уловку, я же поджала губы, — Не стоит наперекор вождю идти. Кстати, гонца к нему и отправили, ещё вчера после второго случая.

Наш разговор был прерван сигналом горна, разнёсшимся по Данноттару. Несколько темных кинулись к оконным проёмам, выходящим на материк. Я поспешила следом.

По грунтовой дороге в сторону утеса едва двигалась горстка людей. В основном женщины и дети. Даже отсюда бросалось в глаза, насколько они измождены. Старая кобылка с ввалившимися боками, казалось, из последних сил тянула простенький обоз, в котором, насколько я могла судить, неподвижно лежали два человека.

— Что это? — спросила, наблюдая за убогой процессией.

— Беженцев из разорённого поселения сразу заметить можно, — раздался глубокий баритон за моей спиной. — Видать, напали где-то на деревню, а эти успели схорониться в лесу. Куда ж им ещё податься за защитой, как не в клан? Вот и прутся в Данноттар.

— Где им угрожает намного большая опасность, — вставила я резонное замечание и обернулась к говорившему. Это был Эйблихир, тот самый черноглазый демон.

— Разумеется. Мы ж тут исключительно человеческими душами и питаемся. Когда только плодиться успевают, не понятно, — насмешливо подтвердил он, скрестив руки на груди, — Странно, что чёртов мирок их как стоял на своих грёбанных китах, так и стоит.

— Пора бы уже знать, что земля круглая, — съязвила я, но вознамерившись бить наверняка, мерзавец предпочёл использовать проверенное оружие — ослепительная белозубая улыбка, такая, что у баб дух захватывает, засияла на его лице, но мне она отчего-то казалась омерзительным оскалом. Игнорируя его, я молча ретировалась, предпочтя присоединиться к остальным.

— Пойдёмте! Нужно выяснить, кто такие и откуда пришли, — позвал Кайар.

После исчезновения инкуба, не приспособленная к ведению хозяйских дел (что уж греха таить, все бытовые заботы я без зазрения совести всегда спихивала на Иллиам), до сего дня я изнывала от скуки. Сейчас же, пусть и невесёлыми новостями, я получала компенсацию и, признаться, по поводу ночных происшествий у меня уже были кое-какие мысли. Но вот беда, из-за взаимного недоверия делиться ими было не с кем.

По той же винтовой лестнице мы спустились во двор и, следуя за демонами, я направилась к центральной площади с намерением самой услышать рассказ прибывших. Однако, меня остановил Даллас:

— Лайнеф, уговор был иной, — недовольно приподнял он бровь.

— Что, прямо сейчас? — возмутилась я.

— Именно сейчас. Ты идёшь в замок и остаёшься там, пока опасность не минует. Днём тебя будут охранять караульные, а по ночам в дополнение к ним и я, — он махнул рукой двум стражникам демонам, и те направились к нам. — Отведите госпожу в палату вождя и охраняйте возле двери. Если начнёт брыкаться, разрешаю поселить её в камере. Надеюсь, Фиен мне это простит. Впускать можете только мою жену, более никого.

— Может мне ещё и гобелены с ней засесть вышивать? Знаешь, Даллас, по вашим меркам вы умело растворились среди людей и смогли с ними ужиться, но как по мне, вы всё

те же омерзительные наглые твари, что и сотню лет назад. Презорством и тиранией от вас так и смердит, особенно от вашего вождя, — в сердцах выплюнула я слова, развернулась и направилась к замку.

— Оно и видно, что равнодушна ты к тирану нашему, — полетел мне вдогонку короткий хохот.

Я замерла, будто вкопанная, не веря собственным ушам. Пару глубоких вдохов, сжатые кулаки, усмешки стражников по касательной. Не имея представления, что ответить, я медленно повернулась к Далласу с единственно верным намерением испепелить его взглядом, но того и след простыл.

— Так продолжаться больше не может! — всё шептала и шептала я, убирая с потного, горящего лица пряди волос. Задыхаясь под тяжестью шкуры красного оленя, я дернула её с себя и уселась в изголовье на ложе, прислушиваясь к шуму разбивающихся о скалы волн. Лунные блики лениво разгоняли ночные тени в просторной палате, замок давно погрузился в ночной холод, а меня трясло, будто в лихорадке. Влажное ночное платье противно липло к телу, причиняя дискомфорт. Все признаки простуды, но... если бы это было так, считай, что легко отделалась...

О, нет! Не узнавая себя, я изнывала от совершенно иного заболевания. Такого постыдного, извращённого, что в период обострения оно выбивало почву из-под ног, и в здравомыслии отказывал рассудок. Наивная, когда-то я надеялась излечиться от него, но хворь эта оказалась слишком сильна. Никакими средствами, никакими противоядиями её не вывести. Мёртвой хваткой она вонзила в меня свои клешни, и ныне я убедилась, что к ней возможно лишь только привыкнуть, принять и сжиться, как если бы она была частью меня самой. Я просила богов, но, глухие, они не услышали моих молитв, отвернулись и предали. Что дальше? Заложить душу дьяволу? Так на что она ему, коли капля по капле истекает неутолённой жаждою по зеленоглазому его порождению? Стоит закрыть глаза, и вот он... тут же... рядом... огненным пламенем губ выжигает на паточном моём теле бессрочные клейма принадлежности ему. Это уже не вожделение — это необходимость... как дышать.

С вымученным стоном, кусая губы, я сорвала с себя ночное платье и отшвырнула прочь. Не впервой перекатившись на сторону инкуба, уткнулась носом в хранящую его терпкий запах подушку, закрыла глаза и, сгорая от стыда, дрожащими пальцами стала ласкать собственную плоть там, где касался лишь только он. Окутанная его ароматом, до крайности доведённая только что виденным сном, я намеренно топила себя в чувственной иллюзии и, казалось, вижу горящие триумфом глаза, слышу чуть насмешливый голос:

— «Ты покормишь меня, детка?»

— «Ну раз ты пришёл сам...»

Исторгая прерывистые хрипы, скованная трепетом предвкушения, я замерла, пока под интенсивным движением пальцев скопившийся внизу чрева жар краткими судорогами не пронёсся по телу, ослепляя мнимым высвобождением. В отчаянной необходимости я потянулась к ЕГО губам: «Ну же, где ты, чёртов ублюдок? Закрой уста поцелуем, с жадностью пей свой напиток так, как желаю тебя я!»

Но бездушным его обладателем дар мой не принят. Он слишком занят для этого, слишком далеко... Потопив истошный крик в подушке, я с силой сжала бёдра и несколько

раз наотмашь ударила по кровати кулаком:

— Тебя никогда нет, когда нужен, сукин ты сын...

Так уж заложено в наших генах, что самые сокровенные, тайные страсти мы инстинктивно доверяем тьме. И я не исключение. Успокоение приходило постепенно, вместе с таявшим на небосводе ночным светилом. Оно, словно бледнея не от надвигающегося рассвета, а от моего греха, молчаливо утешало: «Таков твой удел, эльфийка. До следующего раза, до следующей ночи».

Смахнув непрошеную влагу с лица, я почувствовала наконец себя в форме и поднялась в поисках одежды. Стараниями моего мучителя в пользовании моём были исключительно платья. Правда какие! Достойные самих императриц! Гретхен чуть удар не хватил, когда у первого подвернувшегося я разрезала подол так, чтобы можно было свободно ходить, демонстрируя оголенные бёдра. Но, считая это неприличным, нахалка настояла на вмешательстве портних, в результате теперь на моих платьях юбки превратились в этакие новомодные шаровары на восточный манер.

Сейчас же под руку мне попало простенькое белое платье, расшитое скромными, совершенно невычурными кантами. Очень приятное и на ощупь, и на внешний вид. Что-то было в нём невинно-трогательное. Жалко резать такое. Недолго колебавшись, я натянула его и невольно улыбнулась. «Если бы меня в нём увидела Иллиам, глазам не поверила».

Я подошла к оконному проёму, села на каменную плиту и обозрела покои вождя:

— А здесь не помешало бы перестановочку сделать, — припоминая, как подруга вынуждала меня уступить в каком-либо вопросе нагромождением мебели, доводя при этом до белого каления, я злорадно потёрла руки и, соскочив с подоконника, направилась к стоящему посередине покоев ложу.

— Ну что же, приступим, — как можно тише, чтобы не привлечь внимание стоящих за дверью караульных, я стала сбрасывать на пол шкуры, пока не дошла до переплетённых в основании кровати кожаных ремней. Ложке было переносное, что не могло не радовать.

— Какой, оказывается, предприимчивый мне достанется муженёк, — фыркнула я, сдувая упавшие на лицо пряди и, вдруг под кроватью увидела то, что никак не ожидала. Переступая меж ремней, я дошла и подняла с пола мой эльфийский кинжал, клинок которого покоился в ножнах, поэтому ранее я его и не замечала.

— Как же так, Мактавеш, ведь ты его всегда с собой носишь?!

Удивлению моему не было предела. Предположить, что вождь в спешке позабыл взять с собой убивающую демона эльфийскую сталь, при его-то обстоятельности было бы ошибкой. Оставалось думать, что Мактавеш намеренно оставил кинжал для меня. Вот чёрт! Неожиданный вывод поверг меня в недоумение, отбив всякую охоту пакостить инкубу. Бережно погладив драгоценную реликвию, я тщательно пристроила оружие к поясу платья и вернулась к окну, ожидая, когда на горизонте забрезжит рассвет.

— Нужно лишь потерпеть немного, и я вытрясу из чёртового... — назвать его ублюдком отчего-то язык не повернулся, — Мактавеша правду о прошлом.

С линии горизонта взор неспешно перешёл на умиротворённую картину пока ещё пустующей площади, цепляясь за дома, кузницу, сараи и ристалище. Наконец, устремился к мысу трёх стихий, жаль, заброшенная постройка частично скрывала его суровую красоту. Уединённое место, ставшее для меня особенным с тех пор, как инкуб признался, что и он любит там засиживаться. Тогда я впервые задумалась, что между нами, такими разными, возможно нечто общее, и это было для меня откровением.

Я вдруг поймала себя на мысли, что ещё ни разу не любовалась просто так, беззаботно, отрехнувшись от тревожных дум, рассветом в Данноттаре, и загорелась неудержимым стремлением сейчас же отправиться к мысу и исправить это упущение. Должно быть, это великолепно — стоять на краю земли и, встречая утро, приветствовать дневное светило.

— Так что мешает свободной воительнице осуществить желание? — усмехнулась я и, поддавшись импульсивному желанию, перемахнула через подоконник, легко спрыгнув на крышу ранее замеченного сбоку эркера. Будь бы на моём месте человек, тем паче — демон, черепица бы не выдержала и, понаделав шума, прыгун навверняка бы покалечился. Определённо, есть свои прелести быть эльфом.

Цепляясь за камни, я без труда достигла земли и, держась тени, направилась к мысу, не помышляя о том, как незамеченной вновь вернуться обратно. Разумеется, я прекрасно понимала, что не сдержала данного на совете слова и впоследствии мне предстоит объясняться, однако, меня это абсолютно не трогало — они знали, на что шли, когда дерзнули обратить воина в трусливую девицу.

Беспрятственно преодолев открытое пространство, странно, что не заметила стражников, я приблизилась и завернула за угол ангара, выйдя на знакомую тропу. Я так спешила увидеть, как на востоке небо, соприкасаясь с морем, взорвётся яркими всполохами, и красный диск величественно займёт свой пьедестал, что слишком поздно поняла, какую непростительную ошибку совершила...

Как только я достигла мыса трёх стихий, первое, что почувствовала — запах свежей крови. Здесь её было так много, что не наступить нужно было постараться. Трава, камни... всё было окрашено красными брызгами, медленно стекающими в лужи. Тут же двумя бесформенными массами лежали человеческие тела, от которых в холодный утренний воздух исходил пар.

— Ну наконец-то! — угрожающим предупреждением разнёсся утробный рык над мысом. Я вздрогнула от неожиданности и обернулась, в предрассветных сумерках рассматривая мужской силуэт. — Долго же тебя ждать пришлось, ушастая.

— Сегорн?! — не сразу узнала я в приближающемся монстре старейшину. Да и сложно было бы узнать, столь разительна была перемена: лихорадочно горящие лютый ненавистью глаза, всклокоченные волосы, звериный оскал, вздутые от возбуждения вены на шее. На залитой кровью одежде красовалось омерзительное ожерелье из человеческих ушных раковин. Зато как знакомо из той, прошлой жизни. Именно с такими тварями эльфы сражались в бою.

Так вот кто убийца! Теперь становилось понятно, отчего не могли сыскать. Состоя в совете, он заранее знал, где и как его ищут.

Пряча от демона эльфийский клинок, я встала к нему другим боком и, стремясь унять зашкаливающее сердцебиение, незаметно сжала в руке рукоять. Я печально покачала головой. — Вот глупая. Стоило догадаться ещё на площади, что это ты.

— Я бы тебя и там при всех выпотрошил, жаль, что не дали, — он глухо зарычал, глаза вспыхнули огненной магмой.

— Не выйдет, тупой выродок! — оскалилась я в издевательской гримасе. — Дай срок, и всё ваше дьявольское племя у меня по струнке маршировать станет, а вождь ваш — пятки лизать.

— Не будет тебе сроку! Подохни, сука! Отправляйся к своим ничтожным богам!

Нехитрый расчёт сработал. Он полностью оборотился в демона — как просто всё-таки спровоцировать зверя! — отшвырнул меч, выпустил когти, с рёвом прыгнул на меня, что мне и было нужно. Отклонившись в сторону, я пригнулась, мгновенно выхватила клинок и подставила лезвием под бок проносащегося по инерции мимо монстра. Дело сделано. Чёрная кровь оросила ярко сверкающую голубую сталь. Рана не глубокая, но и этого довольно. Ещё немного, и он замятво рухнет наземь. Ошарашенный Сегорн, мгновенно почувствовав боль, удивлённо переводил взгляд с клинка на меня.

— Эльфийская сталь... — прохрипел он.

Я равнодушно кивнула, отрицая малейшую надежду на иное. Делиться собственной кровью во спасение ублюдка, истязавшего беззащитных рабов, я не собиралась.

— Может перед смертью ответишь, почему? — бесстрастно взирала я на Сегорна, вновь приобретающего человеческий образ.

— Ты... — он был силен, но голубая сталь знала своё дело — жизнь медленно покидала его. — Такой вероломной падали, как ты... Тебе мало смерти Повелителя и сотен нас? Мало того, что сгубила Фиена?! Повторения быть не должно...

— Как, чёрт возьми... как сгубила? — вскричала я, зная, что время идёт на минуты. Второй раз за прошедшие сутки я слышу о погибели, но если бы я хоть что-нибудь понимала!

Людское светило медленно восходило на небо, озаряя сатанинского хищника красными лучами, я ещё надеялась услышать полный рассказ, когда вдруг острая боль ужалила в спину. Ещё и ещё. Во рту появился противный привкус крови, и единственный вдох не смог наполнить лёгкие. Сереющая рожка демона медленно стала расплываться, пока не превратилась в огромное аморфное пятно. Я услышала призывающий глас Теней и окунулась в пустоту, когда над Данноттаром стоял кровавый рассвет.

Раненный демон с отвращением наблюдал, как Эйблихир вонзает клыки в недвижимое тело, сдирая вместе с одеждой кожу эльфийки. В конце концов он процедил:

— Ты хочешь трахнуть дохлую эльфийскую шлюху?

— Почему нет?! — тот оторвался от Лайнеф, стёр кровь с лица перепачканными ею же руками, и в спешке принялся стаскивать с себя штаны. — Всё время хотел добраться до этой суки и понять, что в ней нашёл Фиен, что плевать хотел на нас всех?

Наконец, являя красному солнцу почерневшее от возбуждения жуткое тело монстра, он содрал с поверженной воительницы платье, вонзил в белоснежные груди звериные когти и, не обращая внимания на сочащуюся из глубоких ран на теле эльфийки голубую кровь, лег сверху на женщину. Глаза ублюдка загорелись ярко-оранжевым цветом, изо рта вместе с паром бесконтрольно потекла горячая слюна, испепелённая изнутри жаром сатанинского хищника, вдоль спины человеческая кожа стала трескаться и расходиться, мерно вылизывая хозяина языками пламени.

— Куда тебя сперва трахнуть, сука: спереди, или сразу в зад? — прохрипел насильник в мертвецки бледное лицо эльфийки, утробно рассмеявшись собственной шутке.

— Нет, ты точно рехнулся! Оставь её! Она и мёртвая опасна, — морщась от боли, Сегорн подошёл и дёрнул приятеля за волосы назад так, что тот завалился на спину, демонстрируя колом торчащий член.

— Бл**ь! Ты что, паскуда, творишь?! — вскочил тот с кулаками и пихнул собрата в

грудь, но, заметив испарину на посеревшем от боли лице, отдёргнул руки. — Лучше присоединяйся. Выпей крови этой твари, иначе подохнешь. Давай! Я, так уж и быть, следом.

— Надо же... Такая пустяшная рана... — харкнул собственной кровью Сегорн и, пошатываясь, обошёл приятеля. Подойдя к эльфийке, он пару секунд смотрел на распростёртое её тело, после чего мыском сапога не без усилий пихнул Лайнеф в пропасть и тут же рухнул замертво на глазах изумлённого Эйблихира.

— Зачем? — взбешённо заорал тот, но вопрос его потонул в шуме волн и характерном звуке разбившегося о камни тела принцессы. — Вот сука.... Даже дохлую не отымел, — разочарованно взвыл на луну демон.

ГЛАВА 32.

Тем временем, как в Данноттаре произошли известные события, лицо, никоим образом не заинтересованное в печальном их развитии, появилось в одном из шумных Лондиниумских трактиров и заняло одинокий столик в самом углу заведения, облюбованного завсегдатаями, охочими до выпивки. Как принято, все судьбоносные решения принимаются наверху, среди сильных мира сего, зато самую девственную, первородную информацию можно черпать исключительно среди обывателей. Стоит лишь раствориться среди них и уметь верно отделять сродни зёрнам от плевел истину от слухов, и получишь изумительный материал, необходимый искусному стратегу для верного хода в партии задуманной им игры. Поэтому рациональный ум Кирвонта, а именно им было обозначенное лицо, диктовал оставаться неприметным и, благодаря острому слуху, внимать всему, о чём чесали разнuzданными в подпитии языками посетители трактира.

Известное в городе заведение разве что с огромной натяжкой можно было заподозрить в чисто плотном содержании, а уж тем более в наличии художественного вкуса, что никоим образом не беспокоило хозяев, благо и без сих добродетелей дела их шли весьма благополучно. Что же касательно не начищенных полов, засаленных столов, да чарок, выдавших лучшие времена, так и утварь по чину, и обхождение соответствующее.

«Раса плебеев. Ленивы, жадны и глупы. Ко всему склонны к самоуничтожению. Даже не знаю, стоит ли их в расчёт принимать... — брезгливо наблюдая, как мухи ползают по грязному столу, размышлял эльф. — Разве что на рудниках пригодятся. Всё лучше, чем демоны. Эти гордые, из них рабов только посредством чар сделать можно, что весьма ненадежно. Если рассудить, людишки трусливы и вполне поддаются дрессировке. Да, определённно, самое место ничтожествам на эльфийских рудниках. Пусть там и дохнут. А пока, ради дела, что ж... не замараешься — не возымеешь»

К разочарованию темного, присутствие его персоны, сокрытой от окружающих, казалось бы, уединённым местом да плащом, в таверне не осталось незамеченным. Люди подозрительны, и вскоре он стал ловить на себе косые взгляды. Шумные разговоры о гибели какого-то королевского отпрыска, да кто на очереди на пустующий престол, поутихли, пока совсем не сошли на нет.

— Ты кто такой будешь, а, мужик? Что-то я признать тебя не могу. Скинь капюшон-то, — решил удовлетворить всеобщее любопытство один из компании за общим столом. В одной руке он держал полную чарку эля, в другой же удерживал грудастую и наруганную деваху, пристроившуюся у него на коленях.

— Да чего ты его выпытываешь?! Стражников нужно звать, там разберутся, кого к нам ветром надуло.

Но то ли свербело у смельчака в седалищном месте, то ли и в самом деле во хмелю перед девкой хотел пофорсить, воспользоваться советом приятеля он и не думал:

— Ты так и будешь молчать, или скажешь чего? — повысил он голос, оскорблённый невниманием философа, и тут, обращаясь к приятелям, воскликнул: — Братцы! Так он из тех каледонских вырождков, что монаха нашего кончили! А ну, хватай его!

Моментально возникшая пауза взорвалась возмущённой бранью. Заведённые призывом завсегдатаи повскакивали с мест в стремлении добраться до чужака и поквитаться за смерть не коронованного, но уже признанного обывателями за щедрость свою (как раз накануне попивали во здравие и за счёт Константа) короля. Но праведный их пыл поубавился, стоило Кирвонту встать и скинуть капюшон. Подняв голову, темный умудрился единственным глазом обозреть сразу всех, из складок плаща блеснула сталь, а тонкие губы темного зашелестели монотонно сиплым равнодушием:

— Я могу обратить вас в вечность, если возжелаете. Либо быть милостивым, забыть вашу дерзость и угостить доброй порцией эля. Взамен вы поведаете о последних событиях в вашем селении и о каледонских варварах, к коим отношения я не имею. Решать вам, — вытащил он из-за пояса и эффектно швырнул на стол мешочек монет в подтверждение слов.

От чужака исходили столь мощные флюиды уверенности, что у посетителей таверны отпали малейшие сомнения в правдивости его обещаний. Неброская, дорогая одежда и до блеска начищенные сапоги, точёные черты бесстрастного лица, бледная кожа, холёных руки, присущая высокому сословию обманчивая леность отточенных движений — сама внешность выдавала в нём птицу высокого полета, и в тоже время — пугающий шрам, сползающий по щеке из-под чёрной повязки, колючий, пригвождающий к месту взгляд белёсого глаза, и голос, от которого пробирала дрожь...

«Этот пришлый богат и, несомненно, опасен. Так стоит ли нарываться на неприятности, коли практически задарма предлагает брюхо набить? Какая разница, от кого сей чудак узнает новости, о которых уже судачит весь Лондиниум, тем паче, что не каледонец», — здраво рассудили заядлые выпивохи и, недолго колеблясь, пошли на мировую, зазывая темного за их общий стол.

— Не серчай, Господин, — подал голос тот самый смельчак, что давеча натравливал на Кирвонта приятелей. Теперь же, осознав свою оплошность, устремился он загладить вину любезностью, однако панибратствовать опасался. — Тут уж столько всего приключилось, что друг на друга косишься, не то что на путника. Изволь пожаловать за наш стол, за словом и сотрапезничаем.

Недобро взглянул чужак на оного, будто сама перспектива сесть с людьми за общий стол была страннику унижительной. Но вот он молча кивнул и бесшумной поступью неспешно приблизился к ним.

— Верное решение, — уголки губ его едва дрогнули в подобии мимолётной усмешки, он осмотрелся и наконец сел, наблюдая, как суетятся вокруг прислужники. — Эля дайте на всех, да яств, что получше.

С того момента таверна по нарастающей оживилась. Вульгарным хохотом зазвучал женский смех, пенный эль благополучно исчезал в бездонных глотках, а веселые песнопения неизвестно откуда появившихся менестрелей тешили слух гулящих, пока те охотно делились со странником горестными событиями, произошедшими в Лондиниуме за прошедшее время.

К охотникам до рассказов присоединились и девицы, на свой завистливый лад повествуя романтическую историю воссоединения каледонского посла со своей супругой, взбудоражившую весь город. От них-то Кирвонт и узнал всё, что хотел знать...

Эльф был настолько изумлён, что, кинув на стол пару солидов, за которые по нынешним меркам можно было бы и всю корчму купить, и не подумал как положено распротиться с новыми знакомцами — молча ушёл, как и появился, оставшись полнейшей загадкой для публики. Он также остался флегматично равнодушным и к двум вора, нагнавшим его через пару кварталов в расчёте на лёгкую наживу — свернув шею неудачникам, спокойно направился к воротам города, благо, когда карман не пуст, тебе открыты любые дороги.

Беспрепятственно покинув Лондиниум, только теперь Кирвонт задумался, куда держать нынче путь. В самом городе делать более ему нечего. Мерзавка сестрица, которой он планировал преподнести сюрприз в своём лице, будоража шлейфом неприятных воспоминаний, умчалась. Да ещё КАК! Эта гадина умудрилась подцепить на крючок Алистара Кемпбелла — прохвоста, что вечность лизал зад Валагунду, а теперь, уподобившись его душеприказчику, утаивал где-то среди смертных бесценную *Mirion ist**. И ведь спрятал непонятно где. Нанятый Кирвонтом человек Данноттар облазил вдоль и поперёк. Каждый камушек прощупал, каждую пристройку тщательно обыскал, пожар учинил в надежде, что королевский советник сам выведет на реликвию. Напрасный труд и напрасные траты. *Mirion ist* в Данноттаре нет.

Поразмыслив, философ направился к Темесис. Будучи по сути своей эльфом, течение вод на Кирвонта действовало успокаивающе, помогая погасить эмоции, которые руководили им каждый раз, когда речь заходила о Иллиам. О! Как бы он хотел и по отношению к ней быть совершенно бесстрастным, но вновь видеть эту дрянь у ног своих напуганной и послушной шлюшкой, какой помнил из далёкого прошлого, в этом было не просто справедливое возмездие, а закономерное предопределение.

Само её существование стало причиной ненужности Кирвонта родному отцу. А всё из-за чёртовой королевской крови, ничтожные крупинки которой в венах падчерицы вскружили старику голову, и тот загорелся приблизить себя к королевской семье. Он отрёкся от прошлого, взяв имя жены, переименовал поместье в дом Доум-Зартриссов, а про сына и думать забыл, когда до этого все чаяния и надежды его были о нём, о своём настоящем наследнике. Как бы Кирвонт ни стремился вернуть расположение отца, тот его в упор не замечал, а все разговоры сводились исключительно к династии королей и о великой чести, которой удостоится золотая девочка, когда непременно станет новой королевой эльфов.

Намного позже, когда цитадель пала, будучи с изуродованным сестрицей лицом, уж Кирвонт постарался во всех красках описать папаше, прежде чем того обезглавить, как визжала эта золотая девочка, когда он впервые овладел ею. Глупый старик так ничего и не понял. Он посмел заикнуться, что сын был очарован юной сестрой, и в нём проснулась плотская страсть, с которой он не смог совладать. Тупица! Всё это время Кирвонт был подвержен лишь одной единственной страсти — неиссякаемой ненависти к малолетней самозванке, занявшей его законное место в доме теперь уже Доум-Зартриссов. Столь действенной, что он едва удерживал себя, чтобы не кинуться во имя мести на поиски *Sam Vega*. Однако, он оказался сильным. Намного сильнее, чем сам мог предположить... Скрупулёзно, по куску вырывая из себя желчный яд горечи и взамен наполняя душу

морозильной пустотой, он сумел побороть разрушающую жажду, и она, преобразившись в острую и отточенную, как смертоносное лезвие эльфийского клинка, невозмутимую его союзницу, склонила перед ним голову и даровала откровение, о котором темный ранее и не смел помыслить — именно ему, Кирвонту Доум-Зартрисс, надлежит надеть на себя священную корону. Ему, победившему своих драконов, решать судьбы, властвовать и повелевать!

Однако, не имея в родословном древе ни единого отпрыска из королевской династии, философ прагматично понимал, что не видать ему величия, если не решит этой маленькой проблемы. Лучшим выходом, как ни крути, представлялась женитьба на ненавистной дочери Валагунда, коею Кирвонт терпеть не мог и за оной же был вынужден отправиться в людской мир. Как он воодушевился, когда нанятые ищейки наконец отыскали принцессу, и какое испытал облегчение, когда выяснил, что падшая сука умудрилась породить ублюдка от демона. Сего позора было вполне достаточно, чтобы навсегда уничтожить династию Лартэ-Зартриссов и породить новую, истинно королевскую, основателем которой и станет сам Кирвонт.

— Тебе её несколько не жаль? — как обычно, напоминая о себе, Голос вклинивался в размышления темного совершенно неожиданно, что неимоверно раздражало философа.

— Ты о ком? — сидя на берегу Темесис, эльф швырнул в воду камень.

— О дочери короля, конечно, — как само собой разумеющееся, уточнил Голос. — Ты же понимаешь, что эльфы её не пощадят. И демэльфа тоже.

— Заступаешься... — оставаясь флегматичным, Кирвонт лениво скривил губы. — Иногда я задумываюсь, кто ты мне есть, бестелесный.

— Что тебя смущает, моё присутствие как таковое или отсутствие физической оболочки?

— Оба фактора, — разоткровенничался философ, что случалось с ним весьма редко. — Мы не друзья, не враги...

— Пожалуй, мы давние собеседники. Но, если ты пожелаешь, я могу исчезнуть.

Кирвонт не ответил. Он откинулся на траву и долго смотрел на звёзды. Казалось, философ уснул, но вот наконец он поднял руку, изящно щёлкнул пальцами, будто решив какую-то одному ему известную головоломку, с лёгкостью поднялся с земли и произнёс:

— Давние... Твоё присутствие приносит пользу, поэтому ты остаёшься. Да, определённо.

— Ты что-то задумал? — встрепенулся Голос.

— Глупцами движут страсти. Благодаря им они уязвимы и слабы. Этим и надлежит воспользоваться, — изрёк философ и мерзко усмехнувшись, добавил: — Теперь самое время навестить мою обожаемую Иллиам.

— Не понимаю, зачем тратить время на прошлое, когда гораздо разумнее использовать принцессу, которую тебе на блюде преподнесёт демэльф. Его же рождением весьма просто держать Лайнеф в узде. Хотя, кажется, я понял! Спятивший эльф желает рискнуть вторым глазом...

Предостережение Голоса вызвали у философа нездоровый хохот. О!.. Если бы стороннему наблюдателю довелось увидеть в ночи жутковатого вида светловолосого незнакомца, который сам с собой ведёт замысловатые беседы и тут же срывается на злорадно скрежещущий смех, пожалуй, ему были бы гарантированы незабываемые впечатления, сдобренные отменной порцией суеверного страха и желанием поскорее

обратиться как можно дальше от сего недоброго места во избежание пагубных последствий для себя лично. Но если бы этот случайный нашёл в себе смелость задержаться хоть на пару мгновений, заметил бы, как молниеносно меняется сиюминутная весёлость странного типа на полную сосредоточенность и даже строгость. Будто одёрнув себя, одноглазый резко остановился, внимательно обозрел окрестность и выцедил в ночную прохладу следующий монолог:

— Отнюдь. Я бы спятил, если бы не заметил нелогичности в поведении Sam Veyra, — возразил тёмный, довольный собой. — Моя распутная сестрица не гнушается раздвинуть свои белоснежные ножки перед влиятельными толстосумами, лишь бы оказывали этой дряни покровительство. Пример тому её прошлое в Морнаосе. Сейчас же я всё недоумевал, отчего выбор её пал на птицу невысокого полёта. Алистар Кемпбелл! Неудачней претендента в болванчики и представить сложно. Хитрый лис слишком подозрителен, да и вынужден признать, что умом не обижен. Белобрысая мерзавка всегда побаивалась и избегала советника Валагунда. Однако, существенная деталь, что Алистар теперь в услужении у демона, который держит на привязи высокородную девку, всё расставляет на свои места. Понимаешь?

— Хм... — задумчиво промычал Голос, удивлённый щедростью философа на объяснения. Вероятно, одноглазый сейчас находился в приподнятом настроении, иначе из него и слова не вытянешь. — Не совсем, но хотелось бы понять.

— У моей дражайшей родственницы появилось уязвимое место — привязанность к своей госпоже. Из-за неё она отправилась в Лондиниум и связалась с Кемпбеллом. Из-за неё же сделает всё, что я пожелаю, а пожелаю я многого, очень и очень многого от этой дряни. Остаётся дожидаться возвращения демэльфа...

— Mirion ist* — сокровищница знаний.

ГЛАВА 33. БЛИЗ АНТОНИНОВА ВАЛА.

— Кемпбелл! — удерживая в руках поводья, в очередной раз крикнула блондинка скачущему впереди всаднику, но тот даже не обернулся в её сторону.

— Советник, соблаговолит, наконец, обратить на меня своё драгоценное внимание, чёрт возьми!

С тех пор, как всей честной компанией почти без ущерба (ущерб всё-таки был ощутимым, так как щедрые подарки для императора бриттов были оставлены в гостевом доме Лондиниума) им удалось покинуть город и счастливым образом оторваться от преследователей, прошло достаточно времени, а меж тем бессердечный эльф даже не думал делать привал. Более того, он ни разу не обмолвился и словом с новоиспечённой супругой. Шагс и Молох, с коими Иллиам так и не довелось познакомиться, пока помалкивали, но по скабрёзости их ухмылок, определённо, долго это не продлится. Легионеры же, Тит и Кезон, за многолетнюю службу вымуштрованные декурионом, вели себя не в пример демонам дисциплинированной, сосредоточившись исключительно на дороге. Лишь изредка Иллиам на себе ощущала исходящие от них любопытные взгляды.

Эльфийка искренне недоумевала над поведением мужа, всё пуще на него раздражаясь. Ну подумаешь, не довела до его надменности крохотный пунктик, что втихаря обворожила стражника, который за пару жеманных улыбок и вознаграждения в десяток монет отнёс

весточку её солдатам. Так ведь для дела же, и удачно всё разрешилось. Чего же быть в миноре?!

— Ну всё, хватит! — гневно сверля спину советника, остановила она коня и крикнула ему вдогонку. — Алистар, я больше с места не тронусь, если ты не выслушаешь меня!

Само собой разумеется, Кезон и Тит последовали примеру своей госпожи. Не удивили и демоны — притормозив жеребцов, они оставили его наимудрейшество в одиноком меньшинстве:

— Нам бы тоже хотелось прояснить пару моментов, слышишь, Кемпбелл? — послал в спину эльфа Молох внушительный бас.

Что ж, если вести подсчёт, этот раунд стоит присудить белокурой плутовке. Она, наконец, умудрилась привлечь к себе внимание эльфа, ибо притворяться глухим ему становилось бессмысленно. Вынужденный уступить, Алистар описал незначительный круг и вернулся к спутникам:

— В чём дело? — уставшим голосом обратился он к эльфийке. Догадываясь, о каких моментах пойдёт речь, Кемпбелл намеренно оттягивал дискуссию с демонами, от Иллиам же не укрылась бледность его лица и капли пота на лбу. Похоже, прогулка эльфу давалась не без усилий, что непривычным уколом затронуло совесть нахалки, с коей до сих пор она жила в полном ладу.

— Ну, во-первых... — открыла она рот.

— Можно короче? — бесцеремонно прервал её Кемпбелл, что слегка ошарашило блондинку, однако, последовавшие твёрдые слова, завуалированные под вполне разумное пояснение, сгладили очевидное его недовольство. — До Данноттара далеко, здесь же оставаться опасно.

— Хорошо, — пряча как можно глубже сиусекундный порыв высказать какую-либо колкость, Иллиам состроила вымученную мину и елеиным голосом затараторила:

— Я изрядно вымотана, Али. Одежда пришла в негодность, коням нужен отдых, и привести себя в должный вид не помешает всем нам перед встречей с вождём Каледонии. Разумнее будет остановиться в Килхурне на ночь и передохнуть. Домоправитель Тасгайл будет рад услужить тебе и твоим воинам.

— Если отклониться от курса, прибудем в Данноттар на полдня позже, — задумчиво изрёк эльф, но, кажется, красотка сумела посеять зерно в благодатную почву его сомнений. Затаив дыхание, она наблюдала, как колеблется Кэмпбелл, втайне надеясь нынче же попасть в крепость. В действительности, покоя Иллиам не давало исчезновение Квинта, и сегодня она рассчитывала если уже не лицезреть молодого воина, то слышать о нём хоть какие-то новости.

Вероятно, молодому Титу также не терпелось повидаться с сослуживцами, потому, как только Алистар согласно кивнул, за что добавим ещё одно очко в пользу плутовки, легионер довольно возликовал.

— Могу я задать вопрос? — не унималась эльфийка. Есть такие женщины, что никогда не упустят своего шанса. Стоит неосмотрительному мужчине пойти ей навстречу, уступить, протянув мизинец, обворожительная акула намертво цепляется за всю руку, пока не получает желаемого. Иллиам как раз подходила под это определение. Её так и подмывало расспросить о предполагаемой женитьбе Мактавеша на неугомонной подруге, о которой накануне в Лондиниуме обмолвились демоны, но, к сожалению, девица не учла, что у варваров не в чести воспитанность. В который раз её вновь грубо перебили:

— А могу я задать вопрос? — акцентируя на себе внимание, встрял рассерженный демон. — Советник, дьявол тебя раздери! Какого хрена ты любезничаешь с этой ушастой и не черта не объяснишь нам? Для рабыни она уж слишком много себе позволяет!

«Определённо, нужно заняться собой, — молча сетовала Иллиам, стряхивая с одежды дорожную пыль. — В последнее время что-то слишком часто меня причисляют к рабыням Алистара Кемпбелла. Любопытно, сколько их у него нынче? Припоминаю, при дворе Валагунда ходили слухи, впрочем, не в пользу советника, что попасть к нему в невольники считалось подарком судьбы, ибо к ним он был строг и требователен, но без надобности не лютовал.»

Создалась неловкая ситуация, нужду разгрести которую, пожав плечами, плутовка полностью переложила на широкие плечи своего муженька.

— Ошибаешься, Молох. Госпожа Иллиам не рабыня, а жена... моя, — выжимая из себя последнее слово, произнёс Кемпбелл. Не дожидаясь бурных поздравлений, впрочем, до этого ли было потрясённым спутникам с неприлично отвисшими челюстями и выпученными глазами, он развернул и ударил пятками в бока коня. — Едем в Килхурн.

Демоны ещё долго смотрели вслед отъезжающим конникам, пока первым не очухался Молох.

- Сама преисподняя! Во дела!.. Влип наш ушастый по самое «не балуйся», — после чего громко заржал и стегнул своего скакуна.

Мактавеш.

Охота. По-мужски скупое слово, но столь острых действий и эмоциональных всплесков, вероятно, не найдётся ни в каком ином. Утомительный поиск, непрерывное выслеживание и преследование, будоражащая горячую кровь погоня и, наконец, в положительном результате, обладание и финальная награда, ознаменованная правом победителя забрать жизнь своей жертвы — всё это позволяет упиваться невероятной эйфорией восторга собственного всемогущества и на энное время иллюзорно приблизиться к заветному олимпу. И как повышает мужскую самооценку восхищённый взгляд его женщины, к ногам которой тот бросает добытые на доброй охоте богатые дары! Да она ведь смотрит на него, как на бога!

Но всё это не имело никакого отношения к той страшной охоте, на стезю которой ступил Фиен Мактавеш со своими демонами. Сатанея от одной лишь мысли, что кто-то смел посягнуть на его земли, гнев вождя ни на секунду не притуплялся, тем более не стихал от удручающего вида опустошённого и разорённого Килхурна, утопающего в гниющем зловонии павших. Оставляя пару демонов в качестве могильщиков в крепости, вождь стремился в погоню. Зная крутой его нрав, воины тьмы с опаской поглядывали на слишком молчаливого Фиена, предвкушая расправу над неосмотрительными горе-захватчиками, часы жизни которых неумолимо приближались к финальному нулю. Оставшиеся в Килхурне едва осмелились обратиться к вождю с вопросом:

— Фиен, как хоронить-то? Сплошь смрадная каша.

Инкуб, сидя на нетерпеливо переминающемся под седоком коне, окинул плоскогорье мрачным взором:

— Нежно, — без тени улыбки изрёк избранник стаи и, пришпорив Сумрака, помчался вместе с остальными на северо-запад Каледонии, где были обнаружены следы стоянки дикарей.

— Понял, — оскалился в довольной ухмылке один из демонов. Обернувшись в свой

истинный облик, порождённые тьмой твари, извергая пламя, принялись жечь покрытую смертью равнину, предавая огню и забвению человеческий тлен.

— Не пойму, это что, человеческие? — пнув мыском сапога разбросанные у потухшего костра кости, один из воинов вопросительно взглянул на собратьев.

— Верно мыслишь, приятель, — ответил демон по имени Фидах, хлопнув собрата по спине.

— Кто ж станет жрать себе подобных?

— Как кто? Дикари, конечно! Баб режут, что из Килхурна уволокли. Вот так проголодаются, выберут, что пожирнее, и по макушке эдак тюк. Садитесь, соплеменники, кушать подано! Верно я мыслю, братцы?

— Может друиды жертву своим пустым богам приносили? — предположил третий, брезгливо сплюнув на землю. — Никогда не лез в дела человеческого племени, но тут... Люди порой меня озадачивают: придумают деревянных божков, хороводы вокруг них водят, твердят, что они — дети солнца, земли, воды, но, когда ради идолов свершают злодеяния, от которых и темные бы рыло воротили, я отказываюсь человека понимать. Жрать своих же! Это ж надо додуматься?! В аду падали сей самое место будет.

— Вождь, угли остыли, но пешие с невольниками далеко они уйти не смогли бы, — дельно подметил Фидах. — Такие уроды на открытой местности не селятся, в лесу либо в пещерах хоронятся.

Поблизости, на границе с топью есть некий Волчий осинник. Гиблое место многие души забрало, но посреди болота прячется островок, где самое раздолье для людоедов.

Готовый искать хоть у бога за пазухой, лишь бы достать, дотянуться до выроdkов, Фиен внимательно слушал демона. Молчаливо он корил себя за грубейшую ошибку, недозволительную вожаку. Это ж надо так отвлечься, настолько увлечься собственной игрой с эльфийской принцессой, столь ненасытно глотать её воскрешение, что напрочь позабыть о беззащитности крепости. Да, он признавал, что облажался, не отрекался от вины, и тем ненасытнее была его ярость, направленная на болотное племя каннибалов.

— Тропу сквозь топи знаешь? — взглянул вожак на демона.

— Обижает, вождь. Ежели хоть одна из баб с ними, непременно сыщем, — уверенно кивнул тот. — Бабы, они ж как, ароматнее, что ль, запах от них долго держится. Никакая трясина его не перебьёт, так что...

Среди стаи Фидах слыл отменным воином, но у каждого есть свой изъян. Слишком охочий до разговоров воин частенько собирал вокруг себя соплеменников, готовых в повседневности разделить с ним беседу. Однако, нынче воины не оценили его болтовни. Глухие звериные рыки сопровождали его рассуждения, а под тяжестью взора вожака Фидах предпочёл заткнуться.

Предвкушая сладостно-терпкий вкус мщения, стая демонов помчалась к Волчьему осиннику.

- Господин! Господин! Тут не все! — одна из спасённых смертных кинулась к Фиену и бросилась под ноги, цепляясь грязными, исцарапанными в кровь руками за его сапог. Кто знает, возможно, она совсем помешалась от горя, но скорее, натерпелась такого ужаса, что

ни окровавленные одежды, ни преобразившееся в жестокую гримасу лицо Мактаवेशа женщину не остановили.

Меж тем от облика грозного вождя невольно содрогнулись бы сами скалы. После свершившегося посреди болота сражения, больше похожего на короткую, но ужасающую по своему зверству расправу, глаза инкуба сатанински блестели, крылья ноздрей нетерпеливо трепетали, жадно вбирая свежий запах крови поверженных врагов. Не чувствуя ни жалости, ни сожаления к мёртвым, он недовольно взирал на дело рук своих и собственных воинов. Мактаवेश был разочарован. Всё слишком быстро закончилось! Моментальная смерть каннибалов, когда он надеялся мучительно медленно выжимать жизнь из ублюдков — какая мизерная расплата за посягательство на его владения. Но, чёрт возьми! Стоило каледонским демонам приблизиться к острову, слышать вопли пленённых людей, завидеть жуткие сцены насилия и рядом же — как нелюди сдирают кожу с живого человека, ярость заполонила тёмные сердца, глаза налились кровью. Озлобленные воины тьмы фатальной волной накрыли островок Волчьего осинника, уничтожая всех его жителей. Теперь же хищная тварь в груди Мактаवेशа злобно металась, не насытившись своей порцией жертвенных душ, она требовала ещё.

Фиен был рождён инкубом, но, как и многим боевым демонам, война Мактаवेशу шла к лицу. словно страстная любовница, она с ладони кормила его своими страшными дарами, предсмертными стопами умирающих ласкала слух, преображала в завораживающего, свирепого зверя, и любовно оберегала от случайных ранений. Лучшие из лучших воины стаи соглашались, что только его, беспощадного и сильного полководца, закрывая глаза на промахи, они неизменно хотят видеть своим вожаком, своими верховным правителем. Так было раньше, так есть теперь. Так будет и впредь.

Один из демонов кинулся оттащить смертную от вожака, но тот жестом руки его остановил, больно схватил женщину за плечи, приподняв над землёй, встряхнул и впился жёстким взглядом:

— Что ты сказала? Говори!

Не в силах оторвать глаз от окровавленного лица Мактаवेशа, глотая ком страха, надломленным голосом женщина повторила:

— Тут не все. В замке остался ещё один.

— Мы обследовали весь замок, вождь. Там никого нет, — напомнил демон, что только что пытался оттолкнуть смертную, но та вдруг протестующе затрепыхалась, истерически замолотила Фиена кулаками по груди и закричала:

— Но он был! Был! Они убивали, насиловали, жгли, и ему это нравилось! Он привёл их! Он сам сатана!

Фиен выпустил смертную, ставя на землю, но доведённая до отчаяния женщина вместо того, чтобы бежать прочь от порождённых адом, вдруг ухватилась за одежду Фиена и спрятала лицо на его груди, захлёбываясь горькими рыданиями.

Такого инкуб никак не ожидал. Привыкший, что бабы на нём виснут исключительно в запале похоти, как утешить перепуганную, объятую страхом и горем женщину он не представлял. Слегка шокированный, демон взглянул поверх её головы на немногих выживших килхурнцев. Жалкая кучка зарёванные баб и пяток несмышлёнышей с затравленными глазами, как стая побитых собак жались друг к дружке, не веря, что спасены. С ужасом смотрели они на вождя самого жестокого в Каледонии клана, в любую секунду ожидая, что тот убьёт женщину, ведь теперь они не понаслышке убедились в правдивости

МОЛВЫ.

— Эмм... ну, будет, будет сырость разводить, — он неуклюже положил ладонь смертной на затылок. Испытывая то самое желание, когда хоть у чёрта в заднице, лишь бы не здесь, Мактавеш обратился к людям. — Мои воины отвезут вас в Килхурн, где вы вернётесь в свои дома. Отныне никто более не смеет нанести вам вреда. Это говорю я, Фиен Мактавеш, ваш господин!

— Господин, — вдруг вскинула голову женщина средних лет. — Я всю жизнь жила в Килхурне, но треклятая смерть забрала всех... всех, кого любила. Дети, муж, братья, вся моя родня... всех убили. И хижины нет, одно пепелище. Зачем возвращаться туда, где только горькие слёзы и голодная смерть?

Фиен нахмурился. Как вожак стаи демонов, щедрый к подданным, вождь привык мыслить глобально, зачастую не задумываясь о бедах смертной челяди, забота о которых была возложена на Алистара. Мактавеш не отказывался от плана восстановить и укрепить замок для защиты южных границ и в ближайшее время намеревался направить в Килхурн группы плотников, каменщиков и иных мастеров. Однако, понимая, что эти рты нужно кормить, возникала необходимость в поварах. И лучше бы местных, досконально знающие крепость.

— Не будет больше смертей в Килхурне, разве что от старости. Голода не ждите, пополним запасы кладовых. Оплакивать родных сроку даю вам три дня, дальше будет некогда. Скоро мужиков в Килхурн понаедет, найдёте среди них себе новых мужей. И ты тоже мужика себе сыщи, семью новую заведи, вроде не стара еще, — вождь окинул всех разом властным взглядом и тут вспомнил о пацанёнке, что остался в Данноттаре. — Есть среди вас Кэйтрайона?

- Я и есть Кэйтрайона, — насторожилась всё та же женщина.

— Не твой ли малец до Данноттара умудрился добратся, ища госпожу Лайнеф? — скрестил руки на груди Фиен и подмигнул удивлённой смертной. — Мальчонке лет десять. Эх, имени не спросил... — посетовал он.

— А нет ли родинки у него на груди возле сердца? — с надеждой смотрела женщина на вождя.

— Вот дура баба! — заворчал Фидах, что прислушивался к разговору. — Кто ж разглядывать будет, что у него под холстиною?! Белобрысый, веснушек на всю морду, и пару зубов не хватает, когда лыбится.

— Мой! Мой сыночек жив, бабаньки... — воскликнула женщина и на радостях, едва держась на ногах, пустилась в рыдания, тут же обнимаемая сосельницами.

— Мужиком твой детёныш растёт дельным, а ты говоришь «слёзы», — хмыкнул Фиен. Не желая больше терять ни минуты на пустое, вождь отозвал Фидаха в сторону. — Вот ту, что цеплялась за меня, к себе на коня посадишь. Будешь внимателен, если надо, утетишь. Расспроси, что там за сатана такой, как выглядит, не слышала ли имени. Хрен знает, может, упоминал кто из ублюдков. Всё, что помнит. Остальных тоже потом поспрашивай.

— Сделаю, мой господин. — кивнул Фидах.

Через полтора часа, вырвавшись из Волчьего осинника, Мактавеш в сопровождении воинов и смертных устремился в Килхурн, втайне мечтая направить Сумрака совсем в иную сторону. Долг вождя призывал завершить дела в крепости, когда жажда инкуба — в том он был убеждён, иначе что же ещё? — стремилась к его дерзкой воительнице.

Но жребий судьбы уже был брошен, и гонец из Данноттара во весь опор гнал на юг

КОНЯ...

Больше книг на сайте - Knigolub.net